Бетти Фридан

Загадка женственности

Annotation

"Загадка женственности" — это классика, знакомая каждой читающей женщине, это неотъемлемая часть истории женского освободительного движения, это часть мировой культуры. Книга стала первым в стране серьезным социологическим исследованием того социального явления, которое превалировало в послевоенной Америке и шло под лозунгами "обратно к дому" или "назад к семье". В ней был дан точный и скрупулезный анализ причин этого. Со свойственной ей страстностью Бетти обвиняла всех: социологов и психологов, профессоров и политических деятелей, которые не переставали утверждать, что роль женщины — только семья и дети. Она же утверждала, что это архаично, реакционно и полностью лишает вторую половину рода человеческого проявить свои таланты и реализовать скрытые возможности, которые полностью вытесняются домом и семьей. Книга была полемична и в некотором смысле противоречива, но сразу стала бестселлером.

Как сказано в некрологе Фридан, опубликованном в журнале «The New York Times» в 2006 году, «Загадка женственности» «дала начальный импульс современному женскому движению в 1963 году и в результате навсегда изменила структуру общества в Соединенных Штатах и других странах мира» и «многими рассматривается как одна из наиболее влиятельных публицистических книг XX века».

Бетти Фридан
Загадка женственности

«The Feminine Mystique»

1. Проблема, у которой нет названия

Пер. Н. Щабельская

Она давно не давала покоя американкам, но была спрятана настолько глубоко, что о ней даже не говорили. Она давала о себе знать каким-то странным ощущением беспокойства и неудовлетворенности, чувством тоски, от которого в середине двадцатого века страдали женщины в Соединенных Штатах. И каждая боролась с ним в одиночку. Чем бы она ни была занята- стелила ли постели, делала покупки, подбирала материал на покрывало, ставила перед детьми сандвичи с кокосовым маслом, отвозила на машине сына или дочку в клуб скаутов, лежала по ночам рядом с мужем, — она страшилась спросить даже себя: «И это все?»

Более пятнадцати лет об этой тоске не было сказано ни слова, ни слова среди миллионов слов, написанных о женщинах и для женщин в многочисленных заметках, книгах и статьях, в которых специалисты объясняли женщинам, что их роль — в стремлении выполнить свое предназначение быть женой и матерью. Пользуясь традиционными формулировками или замысловатыми понятиями фрейдизма, женщинам без устали повторяли, что они не могут желать себе лучшей судьбы, чем прославления собственной женственности. (Специалисты объясняли, как завлечь мужчину и удержать его, как кормить детей грудью и приучить их проситься на горшок, как справиться с детской ревностью и желанием подростков делать все наперекор; как купить посудомоечную машину, печь хлеб, изысканно приготовить улиток и самим построить бассейн; как одеваться, как выглядеть и вести себя женственно, как сделать брак более интересным; как продлить молодость своих мужей и уберечь сыновей-подростков от совершения преступлений. Их приучали жалеть невротичных, неженственных, несчастных женщин, которые хотят стать поэтами, физиками или президентами. Их научили, что женщинам, обладающим истинной женственностью, не нужна карьера, им не нужно высшее образование и политические права — одним словом, им не нужны независимость и возможности, за которые когда-то боролись старомодные феминистки. Правда, некоторые женщины сорока-пятидесяти лет все еще помнили, как больно им было отказываться от того, о чем они мечтали, но большинство более молодых женщин уже даже и не задумывались о таких понятиях. Тысячи специалистов с воодушевлением приветствовали их

женственность до мозга костей, их приспособляемость к этому понятию, их «новую» зрелость. Все, что от них требуется, — это с раннего девичества посвятить себя поискам мужа и рождению детей.

В Америке к концу пятидесятых годов средний возраст женщин, выходящих замуж, снизился до 20 лет и неуклонно продолжал снижаться. Четырнадцать миллионов девушек были обручены уже в 17 лет. Соотношение женщин, учащихся в колледже, по сравнению с мужчинами сократилось с 47 процентов в 1920 году до 35—в 1958 году. Еще сто лет назад женщины боролись за возможность получить высшее образование, теперь же девушки поступали в колледж лишь для того, чтобы выйти замуж. В середине пятидесятых 60 процентов учащихся девушек ушли из колледжа потому, что вышли замуж, или из-за боязни, что слишком хорошее образование может стать препятствием к замужеству. В колледжах стали строить общежития для «семейных студентов», но почти всегда студентами были мужья.

Американские девушки стали выходить замуж, еще учась в школе. И тогда женские журналы, выражая сожаление по поводу столь безрадостной статистики молодых браков, стали настаивать, чтобы в средних школах был введен специальный курс по подготовке к браку или присутствовал бы такой консультант. Двенадцати-тринадцатилетние девочки неполной средней школы уже регулярно ходили на свидания. Промышленность начала выпускать бюстгальтеры с поролоновыми прокладками для десятилетних девочек, а реклама платьев на девочек от 3 до 6 лет в «Нью-Йорк таймс» осенью 1960 года гласила: «Она тоже может завлекать мужчин».

К концу пятидесятых годов уровень рождаемости в Соединенных Штатах начал превышать уровень рождаемости в Индии. К руководителям движения «За контроль над рождаемостью», переименованному в Ассоциацию по планированию семьи, обратились с просьбой изыскать способ, при котором женщины, получившие предостережение, что третий или четвертый ребенок будет мертворожденным или дефективным, все-таки могли бы иметь его. Статистиков в особенности поражал поистине фантастический скачок в количестве детей у образованных женщин. В семьях, где раньше было двое детей, теперь было четверо, пятеро, шестеро. Женщины, ранее хотевшие получить профессию, теперь делали своей профессией рождение детей. А журнал «Лайф» настолько радовался этому, что в 1956 году опубликовал целую хвалебную песнь американским женщинам, которые вновь возвращаются к домашнему очагу.

У одной женщины в нью-йоркской больнице произошел нервный

срыв, когда она узнала, что не может кормить новорожденного грудью. В других больницах женщины, умирающие от рака, отказывались принимать лекарства, которые, как доказали исследования, могли спасти их жизнь: считалось, что побочный эффект убивает женственность. «Если у меня только одна жизнь, то я хочу прожить ее блондинкой», — гласила надпись под огромной фотографией хорошенькой женщины с лицом, не обезображенным интеллектом, смотревшей со страниц газет, журналов и аптечных реклам. Каждые три из десяти женщин Америки перекрашивали волосы. Они ели мел под названием «метрекаль», чтобы похудеть до размеров молодых тоненьких манекенщиц. Покупатели универмагов сообщали, что с 1939 года американки похудели на три-четыре размера. «Женщины теперь подгоняют фигуру под размер, а не наоборот», — сказал один покупатель.

Дизайнеры украшали стены кухонь мозаикой и росписью, так как они опять стали центром жизни женщин, а производство всего необходимого для домашнего шитья превратилось в индустрию, приносящую миллионы долларов. Многие женщины выходили из дому лишь для того, чтобы сделать покупки, отвезти на машине детей или вместе с мужем пойти в гости или на прием. В Америке росли девушки, у которых за пределами дома не было никакого занятия.

В конце пятидесятых годов социологи неожиданно отметили такой феномен: треть американских женщин работала, но большинство из них находилось уже не в молодом возрасте, и лишь немногие стремились сделать карьеру. В основном это были замужние женщины, работавшие неполный рабочий день или неделю продавщицами или секретаршами, чтобы помочь мужьям закончить образование, сыновьям колледж или чтобы выплатить ссуду. Либо это были вдовы, содержащие семью. Все меньше и меньше женщин работали по специальности. Нехватка медсестер, работников социальных служб и преподавателей ощущалась почти в каждом американском городе. Обеспокоенные лидерством Советского Союза в космической гонке, ученые отметили, что огромным источником неиспользуемого интеллектуального потенциала Америки являются женщины. Но девушки не хотели изучать физику: это «неженственно». Одна девушка отказалась от научной работы в Университете Джонса Хопкинса ради места в конторе по недвижимости. Все, что она хочет, заявила она, — это то, чего хочет каждая американка, — выйти замуж, иметь четверых детей и жить в хорошем доме в хорошем пригороде.

Быть женой и жить в пригородном доме идеал и мечта молодых

американок и, как говорят, предмет зависти женщин всего мира. Американская жена — это женщина, освобожденная научными достижениями и бытовой техникой от изнуряющего домашнего труда, от опасностей родов и болезней, которыми страдала ее бабушка. Она здорова, красива, образованна, ее интересует только муж, дети и дом. Она обрела истинное женское предназначение. Жена и мать, она уважаема как полноправный и равный мужчине партнер. Она сама может выбрать марку автомобиля, одежду, электробытовую технику, супермаркеты; у нее есть все, о чем может мечтать женщина.

В течение пятнадцати лет после второй мировой войны исполнение женщиной своего предназначения составляло тщательно оберегаемую и самовосполняющуюся основу современной американской культуры. Миллионы американок подражали в своей жизни образу прелестной американской жены, целуя мужа перед окном на прощанье, провожая его на работу, подъезжая с детьми к школе на большой машине и улыбаясь, водя новеньким электропылесосом по безупречно чистому кухонному полу. Они сами пекли хлеб, сами шили себе и своим детям и целый день не выключали стиральную машину и сушку. Они меняли постельное белье не раз в неделю, а два, ходили на курсы вязания ковров и жалели своих бедных матерей-неудачниц, когда-то мечтавших о карьере. Единственное, о чем они мечтали, — это быть идеальной женой и матерью; их высочайшим устремлением было иметь пятеро детей и красивый дом, они боролись только за го, чтобы заиметь и удержать мужа. Они не хотели думать о неженственных проблемах за пределами собственного дома; они хотели, чтобы мужчина принимал главные решения. Они просто упивались своей чисто женской ролью и с гордостью заполняли графу на опросном бланке: «Род занятий: домохозяйка».

Более пятнадцати лет все, что писалось для женщин, и то, о чем они говорили друг с другом, пока их мужья в другом конце комнаты разговаривали о работе, политике или загрязненных водоемах, было связано лишь с детьми, с тем, как доставить удовольствие мужу, как повысить успеваемость детей в школе, как готовить цыпленка или шить покрывала. Никто не спорил о том, стоят ли женщины выше или ниже мужчин, они просто другие. Такие слова, как «эмансипация» и «карьера», звучали странно и вызывали какую-то неловкость; их вообще давно никто не употреблял. Когда француженка по имени Симона де Бовуар написала книгу «Второй пол», один американский критик сказал о ней, что она, очевидно, «не знает, что такое жизнь». И кроме того, она говорит о француженках. «Женской проблемы» в Америке больше не существовало.

Если в пятидесятых-шестидесятых годах у женщины возникала проблема, она знала, что, должно быть, что-то не так либо с ее замужеством, либо с ней самой. Ведь другие довольны своей жизнью, думала она. Что же она за женщина, если, натирая пол в кухне, не испытывает это таинственное чувство исполнения своего предназначения? Ей было настолько стыдно даже допустить появившуюся неудовлетворенность, что она и представить себе не могла, сколько других женщин испытывают то же самое. Если она пыталась рассказать об этом мужу, то он просто не понимал, о чем идет речь. Да и сама она по-настоящему не понимала. Более пятнадцати лет американкам говорить об этой проблеме было труднее, чем о сексе. Даже психоаналитики не знали, как назвать ее. Когда женщина обращалась к психиатру за помощью— а так поступали многие, — она обычно говорила: «Мне так стыдно» или «Должно быть, у меня безнадежно расстроены нервы». «Не знаю, что сегодня происходит с женщинами, — с чувством неловкости сказал один психиатр, — знаю только, что что-то не так, потому что большинство моих пациентов — женщины. И дело тут не в сексе». Большинство же женщин, однако, не обращались с этой проблемой к психоаналитику. «Да в общем-то все в порядке, — повторяли они себе. — Никакой проблемы нет». Но однажды апрельским утром 1959 года в одном из пригородов Нью-Йорка я услышала, как мать четырех детей, сидя за кофе с другими матерями, с тихим отчаянием в голосе произнесла слово «проблема». И остальные знали, что то, о чем она говорит, не связано ни с мужем, ни с детьми, ни с домом. Они вдруг поняли — это общая проблема, которая не имеет названия. И тогда, пусть неуверенно, они начали говорить о ней. А позже, после того как отвели детей в садик и затем забрали домой, чтобы те могли поспать днем, две из них плакали слезами облегчения просто потому, что не одиноки.

Постепенно я поняла, что у бесчисленного количества женщин в Америке существует одна и та же проблема, у которой нет названия. Как автору, пишущему в журналы, мне часто приходилось беседовать с женщинами об их трудностях с детьми или о браке, об их домах и общинах. Но вскоре я начала распознавать нечто, указывающее на существование именно этой проблемы. Я видела ее признаки в пригородных домах и роскошных, в два-три этажа, виллах Лонг-Айленда, Нью-Джерси и Уэст-Честера; в домах колониального стиля маленького городка в Массачусетсе; та же проблема ощущалась и во внутренних двориках Мемфиса, в городских и пригородных квартирах и в гостиных Среднего Запада. Иногда я чувствовала проблему не как репортер, а как жена: как раз в это время я

тоже растила троих детей.

Я слышала ее отголоски в общежитиях колледжей и палатах родильного отделения больниц, на собраниях Ассоциации родителей и учителей и официальных завтраках Лиги женщин-избирательниц, на коктейлях в пригородах, в небольших автобусах и в обрывках разговоров в машинах. Мне кажется, что те осторожные слова, которые произносили женщины днем, пока дети в школе, или в тихие вечера, когда мужья задерживаются на работе, я понимала для начала просто как женщина, но должно было пройти немало времени, прежде чем я осознала их куда более серьезное социальное и психологическое значение.

Что же это была за проблема, у которой нет названия? Какие слова произносили женщины, пытаясь выразить ее? Иногда женщина могла сказать: «Я чувствую какую-то пустоту… чего-то не хватает». Или: «У меня такое ощущение, будто меня нет». Порой, чтобы заглушить это, они прибегали к транквилизаторам. Иногда им казалось, что что-то у них не так с мужем или с детьми, что надо сменить интерьер в доме или переехать в другое место, завести роман или еще одного ребенка. Иногда женщина обращалась к врачу, причем толком не могла описать симптомы: «Чувство усталости… Я так злюсь на детей, что это пугает меня… Хочется плакать без всякой причины» (один врач из Кливленда назвал это «синдромом домохозяйки»). Некоторые женщины рассказывали мне, что у них на руках появляются большие кровоточащие волдыри, которые затем прорываются. «Я называю это болезнью домохозяек, — сказал семейный врач из Пенсильвании. — В последнее время я часто вижу подобное явление у молодых матерей, имеющих четверо, пятеро, шестеро детей, они просто хоронят себя в кастрюлях. Но причина здесь не в моющих средствах, и кортизоном это не лечится».

Иногда женщина говорила мне, что ощущение бывает настолько сильным, что она выбегает из дому и просто ходит по улицам. Или сидит дома и плачет. А бывает, что дети рассказывают ей что-то смешное, а она не смеется, потому что не слышит. Я говорила с женщинами, которые годами посещали психоаналитика, пытаясь «приспособиться к роли женщины», убрав преграду на пути к «исполнению своего предназначения жены и матери». Но отчаяние в их голосе и взгляд были такими же, как и у других, уверенных, что у них нет проблем, хотя они тоже ощущали какое-то странное чувство отчаяния.

Мать четырех детей, бросившая колледж в девятнадцать лет, чтобы выйти замуж, рассказывала мне: «Я старалась делать все, что положено женщине, — у меня были различные хобби, я занималась садом,

маринованием, консервированием, общалась с соседями, участвовала в различных комитетах, организовывала встречи за чаем в Ассоциации родителей и учителей. Я все это умею, и мне это нравится, но это не дает возможности подумать и почувствовать, кто ты. Я никогда не стремилась к карьере. Все. чего я хотела. выйти замуж и иметь четверых детей. Я люблю детей, Боба и свой дом. У меня нет проблем, но я в отчаянии. Я начинаю чувствовать собственную безликость. Я — подавальщица еды, одевальщица штанов, убирательница постелей одним словом, та, кого зовут, когда что-нибудь нужно Но кто я на самом деле?»

А вот что я услышала от матери двадцати трех лет: «Задаю себе вопрос, почему я чувствую неудовлетворенность. У меня хорошее здоровье, прекрасные дети, прелестный новый дом, достаточно денег. Мой муж — инженер по электронике, и у него большое будущее. Но он не испытывает таких ощущений, как я. Он говорит, что, может быть, мне нужно отдохнуть, предлагает съездить на уик-энд в Нью-Йорк. Но это не то. Я всегда считала, что мы все должны делать вместе. Я не могу сидеть и одна читать книгу. Пока дети спят днем и у меня есть час для себя, я просто хожу по дому и жду, когда они проснутся. Я ничего не делаю, пока не узнаю, куда собираются остальные. Получается, как в детстве, всегда есть кто-то или что-то, определяющие твою жизнь: родители, колледж, любовь, рождение ребенка или переезд в новый дом. А потом просыпаешься однажды утром и что дальше?»

Молодая жена из пригорода сказала мне: «Наверное, я слишком много сплю. Не знаю, почему я так устаю. На уборку этого дома уходит не намного больше времени, чем на уборку квартиры, где мы жили с холодной водой и я работала. Дети целый день в школе. Это не нагрузка. Но я просто как неживая».

В 1960 году проблема, у которой нет названия, словно бурный поток, вырвалась наружу, разрушая образ счастливой американской жены. В телевизионной коммерческой рекламе хорошенькие домохозяйки все еще сияли улыбкой, глядя поверх дымящихся кастрюль, а очередной номер журнала «Тайм» в статье под заголовком «Жена из пригорода: американский феномен» протестовал: «Им слишком хорошо… они не могут быть несчастливы». Но вдруг средства массовой информации, начиная с «Нью-Йорк таймс» и «Ньюсуик» и кончая журналом «Правильное домоводство» и телекомпанией Си-би-эс («Домохозяйка в ловушке»), стали говорить о том, что американская жена действительно несчастлива, хотя почти каждый выступавший находил этому какое-то поверхностное объяснение, чтобы закрыть вопрос. Причину несчастья

связывали с некомпетентными ремонтниками бытовой техники («Нью-Йорк таймс»), с тем, что в пригородах детей приходится возить на слишком большие расстояния («Тайм»), или с тем, что Ассоциация родителей и учителей слишком давит на родителей («Редбук»). Некоторые считали, что вся беда по-прежнему в образовании: все больше женщин получает образование, и, естественно, оно не позволяет женщине чувствовать себя счастливой в роли домохозяйки. «Путь от Фрейда до Фриджидера и от Софокла до Спока оказался нелегким, — писала «Нью-Йорк гаймс» (28 июля 1960 г). — Многие молодые женщины— конечно, не все, чье образование открыло им мир идей, задыхаются дома. Обыденная жизнь не соответствует тому, чему их учили. Подобно затворницам, они чувствуют себя забытыми. В прошлом году проблема образованной жены-домохозяйки дала богатый материал для десятков выступлений и речей, которые произносят обеспокоенные президенты женских колледжей в ответ на недовольство тех, кто утверждает, что шестнадцать лет академического обучения не дают практической подготовки для супружества и материнства».

В отношении жен-домохозяек, получивших образование, проявляли понимание и большое сочувствие. («Она, как шизофреник, страдающий раздвоением личности… когда-то писала работу о «кладбищенских» поэтах, а теперь пишет записки разносчику молока. Если раньше она определяла точку кипения серной кислоты, то теперь ей приходится определять критическую точку собственного терпения, разговаривая с опоздавшим слесарем… Часто ей ничего не остается, как только плакать… Похоже, никто не понимает — и меньше всего она сама, — что собой представляет человек, постепенно превращающийся из поэтессы в мегеру».)

Американские экономисты предлагали для будущих домохозяек более реальную подготовку — ввести в средних школах практический класс по бытовой технике. Методисты колледжей, чтобы помочь женщинам приспособиться к семейной жизни, выступали за создание большего количества групп для обсуждения организации домоводства и семьи. Популярные журналы наводнились статьями, предлагавшими «пятьдесят восемь способов, как сделать ваше супружество более увлекательным». Не проходило и месяца, чтобы не появлялась книга какого-нибудь психиатра или сексолога с практическими советами, как с помощью секса сделать свою жизнь более полной.

Один юморист в журнале «Харперс базар» (июль 1969) написал, что проблему можно решить, лишив женщин права голоса: «В эпоху,

предшествовавшую внесению в Конституцию 19-й поправки, американская женщина была безмятежна, жила без тревог и забот и точно знала свою роль в американском обществе. Все политические вопросы она оставляла решать мужу, а он в свою очередь все семейные дела доверял ей. Сегодня женщина должна решать как политические, так и семейные проблемы, а для нее это слишком».

Некоторые деятели образования совершенно серьезно предлагали больше не принимать женщин в четырехгодичные колледжи и университеты: образование, которое девушки, впоследствии став домохозяйками, не смогут применить, гораздо более необходимо юношам — ведь именно на них будет лежать основная работа в «эпоху атома».

Проблему пытались закрыть, выдвигая такие радикальные решения, которые никто не мог принять всерьез. (Одна писательница предложила в журнале «Харперс базар», чтобы женщин в обязательном порядке направляли на работу помощницами медсестер и детскими няньками.) Ее сглаживали, вспомнив старые как мир истины: «любовь — вот решение проблемы», «единственное решение — это искать помощь в самой себе», «секрет полноценной жизни — в детях», «каждый сам находит свои пути интеллектуальной реализации», «чтобы избавиться от этой душевной боли, надо просто отдать всю себя и свои помыслы Богу и положиться на Его волю».

От проблемы отмахивались, внушая женщине, что она даже не понимает, как ей повезло: сама себе хозяйка, не надо считать часы, нет подчиненных, которые только и ждут, как бы занять твое место. Ну, если уж вы так несчастны, вы что, считаете, что мужчины такие счастливые? Положа руку на сердце: вы действительно хотите быть мужчиной? Неужели вы еще не понимаете, насколько вам повезло, что вы — женщина?

Проблему закрыли, и на сей раз окончательно, заявив, пожимая плечами, что решений просто нет: это и значит быть женщиной. «Неужели американки не могут изящно и с улыбкой согласиться со своей ролью?» Журнал «Ньюсуик» 17 марта 1960 г.) писал:

«Ее не удовлетворяет то многое, о чем большинство женщин в других странах может только мечтать. Ее недовольство глубоко и распространяется на все, она невосприимчива к уже имеющимся средствам, которые ей предлагают на каждом шагу… Целая армия профессионалов зафиксировала основные источники ее тревоги… Роль женщины изначально определена и предначертана женским циклом. По словам Фрейда, «анатомия — это судьба». Несмотря на то что нигде и никогда женщинам не удавалось уменьшить эти естественные ограничения

настолько, насколько это возможно в Америке, наши жены, похоже, все еще не умеют оценить это должным образом… Молодая мать, имеющая прекрасную семью, обаяние, способности и ум, склонна к тому, чтобы, извиняясь, отвергнуть свою роль. «А что я делаю? — постоянно слышится вокруг. — Да ничего. Я просто домохозяйка». Получается, что хорошее образование дало этому типу женщин понимание ценности чего угодно, кроме своей собственной личности…»

Следовательно, она должна согласиться с тем фактом, что «несчастье американских женщин — это всего лишь недавно завоеванные ими права», а потому надо приспособиться и говорить так, как та счастливая домохозяйка, которую нашел журнал «Нью-суик»: «Мы должны приветствовать эту замечательную свободу, которая есть у всех нас, и гордиться тем, как мы живем сегодня. Я окончила колледж и работала, но быть просто женой это самая благодарная роль, приносящая удовлетворение… Моя мать никогда не участвовала в делах моего отца… она не могла выйти из дому и оставить детей. Но я равноправна со своим мужем; я могу вместе с ним ездить в командировки и участвовать во всех мероприятиях, связанных с его работой».

Предложенная альтернатива представляла собой выбор, над которым могли задуматься отнюдь не многие. Он заключался в словах понимания и сочувствия, высказанных в «Нью-Йорк тайме»: «Все признают, что временами их охватывает чувство глубокой безысходности и разочарования из-за нехватки времени для себя, из-за физической нагрузки, однообразия семейной жизни, из-за обреченности на все это. Но тем не менее, если бы у нее был выбор начать сначала, ни одна женщина не отказалась бы от своего дома и своей семьи». «Редбук» по этому поводу писал: «Немногие захотят «сделать ручкой» своим мужьям, детям и всем окружающим и жить, как им хочется. Те, кто так поступает, должно быть, одаренные личности, но они редко имеют успех как женщины».

В тот год, когда недовольство и тревога американских женщин выплеснулись наружу, сообщалось, что более 21 миллиона американок— вдов, незамужних или разведенных — даже после пятидесяти не прекращают безумных и отчаянных попыток найти мужчину. И поиски эти начинаются рано, поскольку сегодня семьдесят процентов всех женщин выходят замуж до двадцати четырех лет. В тщетной попытке найти мужа хорошенькая двадцатипятилетняя секретарша за шесть месяцев меняла место работы тридцать пять раз. Женщины переходили из одного политического клуба в другой, посещали вечерние курсы по бухгалтерскому учету или парусному спорту, учились играть в гольф или

кататься на лыжах, вступали в разные церковные общины, ходили одни в бары — и все это — в неустанных поисках мужчины.

Как показывает статистика, в Соединенных Штатах из растущего количества женщин, обращавшихся к частным психиатрам, — а таких были уже тысячи замужние не удовлетворены своим браком, незамужние страдают от беспокойства и страхов, и как результат — депрессии. Как это ни странно, но некоторые психиатры на основе своего опыта заявляют, что их незамужние пациентки счастливее замужних. Таким образом, приоткрывшаяся дверь всех этих очаровательных пригородных домиков позволила краешком глаза увидеть неучтенные тысячи американских домохозяек, в одиночку страдающих от проблемы, о которой вдруг заговорили все. И ее как одну из несуществующих, а потому неразрешимых проблем американской жизни подобно проблеме водородной бомбы стали принимать как нечто само собой разумеющееся. К концу 1962 года то положение ловушки, в которую попала американская домохозяйка, превратилось в какую-то всеобщую светскую забаву. Целые номера журналов, газетные статьи, книги — серьезные и фривольного содержания, конференции по вопросам образования и телевизионные «круглые столы» были посвящены этой проблеме.

И даже тогда большинство мужчин и часть женщин все еще не понимали ее реальности. Но те, кто уже столкнулся с ней, наверняка знали, что все лекарства, советы сочувствующих, неодобрительные слова и слова ободрения были направлены на то, чтобы каким-то образом отодвинуть ее и область несуществующего. Американские женщины уже начинали горько смеяться. Ими восторгались, им завидовали, их жалели, строили различные теории, пока им не становилось тошно, предлагали какие-то радикальные решения пли глупые альтернативы, которые никто не воспринимал всерьез. Они получали всесторонние советы от растущего количества консультантов по вопросам брака и воспитания детей, психотерапевтов и психологов, как приспособиться к своей роли домохозяйки. В середине двадцатого столетия американской женщине не предлагали никакой другой роли. Большинство приспосабливалось к ней и страдало или просто игнорировало проблему, у которой нет названия. Ведь если женщина не прислушивается к этому странному внутреннему голосу неудовлетворенности, то так ей легче жить.

Но больше невозможно игнорировать этот внутренний голос и не обращать внимания на стольких отчаявшихся американок. Не важно, что говорят эксперты, но речь у них идет совсем не о том, что значит быть женщиной. Существует причина, из-за которой человек страдает; возможно, причина не найдена, потому что задавали не те вопросы или

задавали недостаточно настойчиво. Я не принимаю ответа, что проблемы не существует, потому что американские женщины имеют такие блага, о которых женщины в другие времена и в других странах даже и не мечтали; отчасти странная новизна этой проблемы состоит в том, что ее невозможно понять, оперируя, причем с позиции мужчины, такими извечными материалистическими проблемами, как бедность, болезни, голод, холод. Женщины, столкнувшиеся с этой проблемой, страдают от голода, который нельзя утолить едой. Он неизменно присутствует у женщин, чьи мужья отрабатывают в медицинской интернатуре или юридической конторе или являются преуспевающими докторами и юристами; он есть у жен рабочих и руководящих работников с годовым доходом в 5000 и 50 000 долларов. И голод этот вызван не нехваткой материальных благ; женщины, озабоченные такими проблемами, как голод, бедность или болезни, могут его даже не чувствовать. А те, кто считает, что он пройдет, если будет больше денег, более просторный дом, вторая машина, если переехать в лучший район, часто обнаруживают, что он только усиливается.

Сегодня больше нельзя объяснять существование проблемы тем, что женщины утратили свою женственность, говоря, что образование, независимость и равноправие с мужчиной сделали американскую женщину неженственной. Я знаю, что многие женщины стараются не замечать свою внутреннюю неудовлетворенность, потому что она не соответствует очаровательному женственному образу, созданному для них экспертами. Мне кажется, это фактически и есть первый ключ к разгадке: проблему нельзя понять с общепринятых позиций, на основании которых ученые изучают женщин, врачи лечат, консультанты советуют и писатели пишут о них. Женщины, столкнувшиеся с этой проблемой, кому не дает покоя этот самый внутренний голос, всю жизнь живут, пытаясь исполнить свое женское предназначение. Они не стремятся сделать карьеру (хотя у тех, кто стремится, могут быть и другие проблемы); это женщины, чьим самым большим желанием было выйти замуж и иметь детей. Для самых старших из них, этих дочерей среднего класса Америки, мечтать о другом было невозможно. Те, кому сейчас сорок-пятьдесят и кто когда-то мечтал о другом, отказались от своей мечты и с радостью погрузились в жизнь домохозяек. У самых же молодых, у новоявленных жен и матерей, это было единственной мечтой. Это именно те, кто бросил школу и колледж, чтобы выйти замуж, или такие, кто считал часы па работе, в действительности не интересовавшей их до замужества. Эти женщины очень женственны в обычном понимании, и тем не менее они все страдают от этой проблемы.

Женщины, окончившие колледж и когда-то мечтавшие о другом,

страдают ли больше всего они? По словам экспертов— именно они. Но послушайте, что говорят четверо из опрошенных женщин:

«Мои дни заняты делами, но это все одно и то же. Все, что я делаю, — это постоянно вожусь по дому. Встаю в восемь, готовлю завтрак, потом мою посуду, потом обедаю, затем опять мою посуду, стираю и убираюсь. Потом мою посуду после ужина и наконец могу присесть на несколько минут перед тем, как уложить детей… Вот что я делаю целый день. Точно так же, как другие жены. Тоска. Самое интересное — это когда я гоняюсь за детьми».

«Боже мой, как проходит мое время? Ну, встаю в шесть. Одеваю сынишку и кормлю его завтраком. После этого мою посуду, купаю и кормлю маленького. Затем мы обедаем, и позже, когда дети спят, я шью что-то, или чиню, или глажу — одним словом, делаю все остальное, что не могу сделать утром. Позже готовлю для всех ужин, а после ужина мой муж, пока я мою посуду, смотрит телевизор. Уложив детей, я накручиваю волосы и ложусь спать».

«Дело в том, что я всегда или мать своих детей, или жена священника и никогда не бываю сама собой».

«Если заснять на пленку любое обычное утро в моем доме, то это будет выглядеть как старая комедия братьев Маркс. Я мою посуду, подгоняю старших детей и быстро провожаю их в школу, затем выбегаю в сад и рыхлю землю вокруг хризантем, мчусь обратно в дом и звоню в какой-нибудь комитет относительно собрания, помогаю младшему сынишке построить из кубиков дом, пятнадцать минут наскоро просматриваю газеты, чтобы быть в курсе, затем кубарем сбегаю вниз к стиральной машине, где за три недели накопилось столько стирки, что хватит на год всей деревне. К двенадцати меня уже можно отправлять в психушку для буйных. А вообще очень мало из того, что я делаю, действительно важно или необходимо. Весь день меня подстегивают внешние обстоятельства. И тем не менее я считаю себя более спокойной по сравнению с соседками. Многие мои приятельницы мечутся еще больше. За последние шестьдесят лет мы прошли полный круг, и сегодня американские домохозяйки опять как белка в колесе. Но если клетка сейчас представляет собой огромный загородный дом из панелей и стекла или современную квартиру со всеми удобствами, го от этого наше положение не стало лучше положения наших бабушек, которые сидели за пяльцами в своих гостиных, отделанных позолотой и плюшем, и сердито ворчали что-то насчет прав женщин».

Первые две женщины никогда не учились в колледже. Одна живет в

пригороде Левиттауна, штат Нью-Джерси, другая — в пригороде Такомы, штат Вашингтон; их интервьюировала группа социологов, изучающая жизнь жен рабочих. Третья, жена священника, спустя пятнадцать лет на встрече бывших выпускниц колледжа писала в вопроснике, что никогда не мечтала о карьере, но сейчас жалеет об этом. Четвертая имеет степень доктора философии в области антропологии, сейчас она домохозяйка, живет в штате Небраска, у нее трое детей. Их слова говорят о том, что жены-домохозяйки одинаково страдают от чувства отчаяния, каким бы ни было их образование.

Дело в том, что никто сегодня не ворчит относительно «женских нрав», ведь все больше и больше женщин учатся в колледжах. Как показало исследование, проведенное недавно среди выпускниц Барнард-колледжа в Нью-Йорке, окончивших его раньше сетовали на то — а таких было явное меньшинство, — что полученное образование заставляет их желать «прав»; женщины более поздних выпусков винили образование за то, что оно побудило их мечтать о карьере, а вот совсем недавние выпускницы были недовольны тем, что именно после колледжа почувствовали, что просто быть женой и матерью отнюдь не достаточно. Они не хотят стыдиться того, что не читают книг или не участвуют в общественной деятельности. Но если образование не является причиной проблемы, то тот факт, что оно как-то не дает покоя, может привести к разгадке.

Если секрет исполнения женского предназначения состоит в том, чтобы иметь детей, то никогда так много женщин, обладая свободой выбора, не имело так много детей за такой короткий срок и так охотно. Если ответом является любовь, то никогда женщины не искали ее с таким упорством. И все же есть основание подозревать, что проблема эта не сексуального характера, хотя, видимо, как-то и связана с сексом. Многие врачи говорили мне, что на сексуальной почве возникают новые трудности между мужем и женой, жены испытывают такой сексуальный голод, что их мужья не в состоянии удовлетворить его. «Мы превратили женщину и какое-то сексуальное существо, — сказала психолог-консультант клиники семьи и брака Маргарет Зангер. — Женщина ощущает себя только женой и матерью. Она ничего себе не знает. Целый день она ждет мужа дома, чтобы ночью вновь почувствовать себя живой. А это уже не интересно мужу. Ведь ужасно, что женщина лежит и ждет, когда он заставит ее почувствовать себя живой». Почему у нас такое количество книг и статей, предлагающих советы по сексуальной жизни? Похоже, что виды сексуального оргазма, описанные Альфредом Кинси на основе огромной статистики последних поколений американских женщин, уже не решают проблему.

Напротив, у женщин отмечается появление новых неврозов и проблем, еще не охарактеризованных как неврозы, таких, каких не могли предположить ни Фрейд, ни его последователи; они сопровождаются физическими симптомами, беспокойствами и защитными механизмами организма, похожими на те, что возникают при сексуальной подавленности. И кроме того, отмечается появление ранее не встречавшихся проблем у подрастающих поколений детей, чьи матери всегда были с ними, повсюду возили их, помогали делать уроки: это неспособность терпеть боль, быть дисциплинированными или самим добиваться какой-либо цели, полное отсутствие интереса к жизни. Такая зависимость, неумение полагаться на самих себя — вот что особенно беспокоит педагогов в юношах и девушках, поступающих в колледж. «Мы постоянно боремся за то, чтобы заставить наших студентов стать взрослыми», — сказал один из деканов Колумбийского университета.

В Белом доме прошла конференция, на которой обсуждалось ухудшение физического состояния и развития американских детей: может быть, их перекармливают? Социологи отметили поразительную заорганизованность детей, живущих в пригородах: уроки, вечеринки, развлечения, группы «учись играя». Одна домохозяйка из Портленда, штат Орегон, удивлялась, зачем детям «нужны» скаутские группы для девочек и мальчиков: «Мы живем не в трущобах. У нас здесь великолепные места. Мне кажется, людям просто скучно, поэтому они занимаются организацией мероприятий для детей и затем стараются вовлечь в это всех. А у бедных детей даже не остается времени, чтобы просто полежать и помечтать».

Может быть, проблема, у которой нет названия, как-то связана с повседневным домашним распорядком женщины? Когда она пытается выразить эту проблему словами, часто все сводится просто к перечислению ежедневных занятий. Так что же именно содержится в описании подробностей комфортабельного домашнего быта, что вызывает такое чувство отчаяния? Не загнана ли женщина в ловушку непомерными требованиями своей роли современной домохозяйки: быть женой, любовницей, матерью, нянькой, покупателем, кухаркой, шофером, специалистом по интерьеру, по уходу за детьми, починке бытовой техники, обновлению мебели, правильному питанию и образованию? Ее день раздроблен по мере того, как она мечется от посудомоечной машины к стиральной, от телефона к сушке, затем садится в машину и едет в супермаркет, потом отвозит Джонни в спортивную группу, а Джейни — в танцкласс, забирает из ремонта косилку для газона и в 6 часов 45 минут встречает мужа с работы. Ей никогда не удается потратить больше

пятнадцати минут на что-то одно; у нее нет времени читать книги, только журналы; даже если бы оно было, то она совсем разучилась сосредоточиваться. И к концу дня она уже настолько устает, что иногда мужу приходится укладывать детей спать.

В пятидесятых годах из-за этой жуткой усталости столько женщин обращалось к врачу, что один из них решил разобраться, в чем дело. К своему удивлению, он обнаружил, что его пациентки, страдающие «усталостью домохозяйки», спят больше, чем необходимо взрослому, до десяти часов к день, и силы, затрачиваемые на выполнение домашней работы, отнюдь не исчерпывают их физического потенциала. Он пришел к выводу, что, должно быть, здесь иная причина, возможно, скука. Некоторые врачи рекомендовали своим пациенткам выходить из дому днем, пойти в кино. Другие прописывали транквилизаторы, и многие домохозяйки, живущие в пригороде, принимали их, как капли от кашля. "Иногда проснешься утром, и возникает ощущение, что сегодняшний день будет такой же бесцельный, как вчера. Тогда я пью транквилизатор, и мне уже все равно».

Не трудно увидеть те конкретные причины, по которым домохозяйка оказывается в ловушке, из-за них у нее никогда нет времени. Но в реальности она скована умственно и духовно, и именно это держит ее в ловушке. Эти оковы возникли от ошибочных понятий и неправильного толкования фактов, от неполноты основных истин и далекого от реальности выбора. Эти оковы трудно увидеть, и от них трудно освободиться.

Как может женщина понять всю правду, если она ограничена рамками только своей частной жизни? Как она может поверить своему внутреннему голосу, когда он говорит «нет» общепринятым условным истинам, по которым она живет? Но тем не менее мне кажется, что женщины, с которыми я разговаривала и которые прислушиваются к своему внутреннему голосу, каким-то непостижимым образом пробиваются к правде, бросающей вызов экспертам.

Я думаю, что эксперты во многих областях, сами того не понимая, уже давно держат в руках кусочки этой правды. Мне стало это понятно, когда я читала некоторые последние исследования и теоретические разработки по физиологии, социологии и биологии, но их значение для женщин еще вряд ли изучено. Я нашла многие ответы, разговаривая с практикующими в пригородах врачами, гинекологами, акушерами, консультантами по воспитанию детей, педиатрами, педагогами-консультантами школ, преподавателями колледжей, консультантами по вопросам семьи и брака, психиатрами и священниками; причем спрашивала не об их теоретических

взглядах, а о практическом опыте их общения с американскими женщинами. И я обнаружила бесконечное количество свидетельств, большая часть из которых не стала достоянием общественности, поскольку они не вписываются в существующие представления о женщине, свидетельств, ставящих под вопрос общепринятые стандарты, женскую способность подчиняться, женское предназначение и женскую зрелость — все те понятия, по которым еще пытаются жить большинство женщин.

В новом свете предстало для меня возвращение Америки к ранним бракам и большим семьям, вызывающим демографический взрыв, и недавно возникшее движение за естественные роды и грудное вскармливание, и одинаковость жизнеустройства и домашнего быта пригородов, и новые неврозы и патологии, и сексуальные проблемы, о которых говорят врачи. По-новому предстали и старые проблемы, всегда воспринимавшиеся женщинами как нечто само собой разумеющееся: дискомфорт во время менструального цикла, сексуальная фригидность, неразборчивость в половых связях, страх забеременеть, родовая депрессия, распространенность эмоциональных срывов и случаев самоубийства среди двадцати-тридцатилетних женщин, критические состояния во время менопаузы, так называемая пассивность и незрелость американских мужчин, несоответствие интеллектуальных способностей женщины, выявленных тестами в детстве, ее достижениям во взрослом возрасте, изменчивость сексуального оргазма взрослых американских женщин и постоянные проблемы в области психотерапии и женском образовании.

Если я права, то проблема, у которой нет названия и с которой сегодня сталкивается столько женщин, состоит не в утрате женственности, или слишком хорошем образовании, или требованиях, выдвигаемых домашней и семейной жизнью. Она намного серьезнее, чем видится. В ней — ключ к решению других, новых и старых проблем, многие годы не хающих покоя как женщинам, их мужьям и детям, так и врачам и педагогам. Вполне возможно, в ней ключ к нашему будущему как нации и культуре. Больше нельзя не замечать того о внутреннего голоса женщины, который говорит: «Мне нужно нечто большее, чем мой муж, мои дети и мой дом».

2. Счастливая жена. Героиня

Пер. Н. Щабельская

Почему же так много американских жен в течение стольких лет страдают от отчаяния, которое они не могут выразить и которое причиняет им такую боль, причем каждая считает, что страдает только она? «Я даже была готова расплакаться от облегчения, узнав, что и другие охвачены тем же внутренним беспокойством», — написала мне одна молодая мать из штата Коннектикут после того, как появились мои первые публикации об этой проблеме. Другая женщина из небольшого городка в штате Огайо писала: «Временами, когда мне казалось, что единственный выход это пойти к психиатру, такое подступало раздражение, горечь и общее разочарование — а это было довольно часто, я и подумать не могла, что сотни других женщин испытывают то же самое. Я чувствовала себя совершенно одинокой». А вот что я прочитала в письме домохозяйки из Хьюстона, штат Техас: «У меня такое ощущение, что только у меня одной такая проблема, и именно от этого так тяжело. Я благодарю Бога, что он дал мне семью, дом и возможность заботиться о них, но ведь моя жизнь не кончается на этом. Я словно проснулась, узнав, что здесь нет ничего странного и мне больше не надо стыдиться, что я хочу чего-то большего».

Тягостное молчание, вызванное сознанием вины, и огромное облегчение, испытываемое после того, как наконец-то дашь волю чувствам, — все это знакомые психологические симптомы. Что именно, какую часть себя подавляют сегодня столько женщин? В наш век, знакомый с работами Фрейда, подозрение в первую очередь падает на секс. Но это незнакомое чувство беспокойства, скорее всего, не связано с сексом; женщинам на самом деле говорить о нем гораздо труднее, чем о сексе. Может быть, это часть собственного «я», которую прячут они в себе так же глубоко, как прятали сексуальные чувства женщины викторианской эпохи?

Если женщине действительно приходится что-то подавлять в себе, то она может догадываться об этом не более, чем викторианка о своих сексуальных запросах. Ведь образ настоящей женщины, в соответствии с которым жили женщины викторианской эпохи, просто не содержал такого понятия, как секс. Возможно, в том имидже, на который равняются современные американки, — имидже спокойной и уравновешенной школьницы, предмета всеобщей гордости, затем — влюбленной студентки и наконец — жены-домохозяйки, провожающей и встречающей мужа и

окруженной детьми, возможно, в этом имидже тоже чего-то недостает? Этот образ, созданный женскими журналами, рекламой, телевидением, фильмами, романами, статьями и книгами специалистов по семье и браку, детской психологии, сексу, а также популярными брошюрами по социологии и психоанализу, формирует сегодня жизнь женщин и отражает их мечты. Может быть, он, подобно тому как сон со-, держит ответ на невыраженное желание спящего, содержит решение проблемы, у которой нет названия. Но в механизме умственного восприятия существует своеобразный датчик, который срабатывает, если этот образ вступает в противоречие с реальностью. Он «подавал сигналы» и мне, когда я видела, что чувству молчаливого отчаяния стольких женщин нет места в образе современной американской домохозяйки, который я сама же помогала создавать, работая в женских журналах. Что же отсутствует в образе, который формирует стремление американских женщин достичь исполнения своего предназначения как жены и матери? Чего же нет в этом образе, отражающем и формирующем личность женщин Америки сегодня?

В начале шестидесятых годов журнал для женщин «Макколз» быстрее всех увеличивал свои тиражи по сравнению с остальными журналами того же профиля. Содержание его с большой точностью отражает представляемый наиболее популярными журналами образ американской женщины и отчасти создаваемый этими же журналами. Вот полный перечень публикаций типичного номера «Макколза» (июль 1960):

1. Вводная статья, посвященная «убыстряющемуся облысению женщин», вызванному слишком частым применением щетки и красок для волос.

2. Набранное крупным шрифтом длинное стихотворение о ребенке под названием «Мальчик есть мальчик».

3. Небольшой рассказ о том, как молоденькая девушка, которой нет еще и двадцати лет и которая не учится в колледже, уводит парня у способной студентки.

4. Рассказик о том, что испытывает младенец, когда он выбрасывает бутылочку из кроватки.

5. Первая часть описания герцогом Виндзорским своей «сегодняшней» личной жизни под заголовком «Наша жизнь с герцогиней и как мы проводим время. Какое влияние оказывает на меня одежда».

6. Короткий рассказ о том, как девятнадцатилетнюю девушку отправили в «школу обаяния», чтобы обучить искусству «делать глазки» и проигрывать в теннис («Тебе уже девятнадцать, и, как принято у нас в Америке, я имею право, юридически и материально, позволить какому-

нибудь безусому юнцу похитить тебя, чтобы жить в однокомнатной квартирке Гринвич-Вилледжа, пока он там учится всяким премудростям, как продавать ценные бумаги. Но ни один дурак этого не сделает, если ты будешь отражать его мячи и выигрывать»).

7. История о том, как во время медового месяца, играя в Лас-Вегасе, поссорились молодожены и потом мучились, пытаясь спать в отдельных спальнях.

8. Статья о том, как преодолеть комплекс неполноценности.

9. Рассказ под названием «День свадьбы».

10. Рассказ о матери тинэйджера, которая учится танцевать рок-н-ролл.

11. Шесть страниц с очаровательными фотографиями манекенщиц в одежде для беременных.

12. Четыре страницы под общим заголовком «Худейте так, как это делают манекенщицы».

13. Статья о задержках авиарейсов.

14. Выкройки для тех, кто шьет сам.

15. Выкройки, которые превратят «складные ширмы в восхитительное волшебство».

16. Статья под заголовком «Глубокие знания помогают второй раз выйти замуж».

17. «Удачный пикник», материал, демонстрирующий «настоящего американца, в поварском колпаке и с вилкой в руке, на террасе, на задней веранде, во внутреннем дворике и на природе, который смотрит, как на вертеле жарится приготовленное им мясо. И его жену, без которой пикник никогда не был бы таким потрясающим летним событием, каким он, безусловно, является…»

В журнале на второй странице также регулярно печатались коротенькие колонки «На заметку» о новых лекарствах и последних достижениях в медицине, уходе за детьми, статьи Клэр Люс и Элеоноры Рузвельт, а кроме того, «Шпильки» и подборка читательских писем.

Образ, проступающий со страниц этого толстого красочного журнала, — образ молодой и раскованной женщины, почти ребенка; воздушной и женственной, пассивной, веселой и довольной своим миром спальни и кухни, секса, детей и дома. Журнал, конечно, не обходит стороной секс; единственная страсть, единственное стремление, единственно допустимая цель — поиски мужчины. Журнал пестрит фотографиями продуктов и еды, одежды, косметики, мебели и молодых женских тел, но где же мир мыслей и идей, где духовная жизнь? В соответствии с образом, который подает журнал, женщины делают только

домашнюю работу и работают над тем, чтобы сохранить свое тело красивым, чтобы найти и удержать мужчину.

Таков был образ американской женщины в тот год, когда Кастро осуществил революцию на Кубе и люди готовились к выходу в космос; в тот год, когда на Африканском континенте появились новые государства и создание сверхзвукового самолета расстроило встречу в верхах; в год, когда художники пикетировали музей, выражая протест гегемонии абстрактного искусства; физики подошли к пониманию антивещества; астрономы, имея на вооружении новый радиотелескоп, изменили концепцию расширения Вселенной, биологи сделали кардинальное открытие на пути к разгадке основ жизни, а негритянские юноши из школ южных штатов впервые за всю историю, начиная с Гражданской войны, заставили Соединенные Штаты почувствовать, что такое истинная демократия. Но этот журнал, печатавшийся более чем пятимиллионным тиражом для женщин, которые почти все окончили среднюю школу, а половина из них — колледж, не содержал почти никакого упоминания о мире за пределами их дома. В Америке во второй половине двадцатого века интересы женщины ограничивались собственным телом и его красотой, искусством очаровывать мужчину, вынашиванием ребенка и обслуживанием мужа, заботой о детях и доме. И ни один журнал ни в одном номере не отступил от этого.

Однажды вечером я присутствовала на встрече писателей, в основном мужчин, пишущих для разных журналов, в том числе и женских. Основным докладчиком был писатель, чьи статьи о десегрегации вызывали жаркие споры. Перед ним выступил редактор крупного журнала для женщин и изложил его основные задачи:

«Наши читатели — домохозяйки, они нигде не работают, их не интересуют крупные события дня. Им не интересно ни происходящее в стране, ни за ее пределами. Их интересует только семья и дом. Их не волнует политика, если она непосредственно не затрагивает домашние проблемы, например цены на кофе. Юмор? Он должен быть мягким, они не любят сатиру. Путешествия? Мы почти отказались от этой темы. Образование? Да, это проблема. Их собственный уровень образованности повышается. Как правило, все окончили среднюю школу, а многие — колледж. У них огромный интерес ко всему, что касается образования своих детей — на уровне четвертого класса. Для женщин просто нельзя писать ни о каких идеях или значительных событиях. Именно поэтому мы печатаем сейчас 90 процентов материалов, отражающих их интересы, и только 10 — общего характера».

Другой редактор согласился с ним и с грустью добавил: «Разве нельзя взять еще какую-нибудь тему, кроме «В аптечке притаилась смерть»? Неужели никто не может выдумать что-то новое, но столь же необходимое для них? И конечно, нас всегда интересует секс».

После этого в течение часа писатели и редакторы слушали Тергуда Маршалла, рассказывавшего о спорах по вопросу десегрегации, которые могли повлиять на исход президентских выборов. «Мне очень жаль, но я не могу опубликовать этот материал, — сказал один из редакторов. — Ведь его никак нельзя связать с кругом женских интересов».

Пока я слушала его, у меня в голове звучали три немецких слова: «киндер, кюхе, кирхе» — «дети, кухня, церковь», лозунг, которым нацисты распорядились вновь ограничить жизнь женщин только их биологической ролью. Но это происходило не в нацистской Германии. Это было в Америке. Американским женщинам открыт весь мир. Так почему же создаваемый журналами женский образ не приемлет этот мир? Почему он ограничивает женщин только «одной страстью, одной ролью, одним занятием»? Не так давно женщины мечтали о равенстве и боролись за него, за свое место в этом мире. Что изменило их мечты, когда женщины решили отказаться от огромного мира вокруг себя и замкнуться в домашнем мирке?

Геолог достает со дна океана кусок породы и видит в нем слои отложений, формировавшихся в течение многих лет, они не толще лезвия бритвы, но дают ему огромную информацию об изменениях на фоне геологической эволюции, эти изменения настолько велики, что их невозможно заметить на протяжении одной человеческой жизни. Я провела в Нью-Йоркской публичной библиотеке много дней, просматривая подшивки американских женских журналов за последние двадцать лет. Изменения, обнаруженные мной как в самом образе женщины, так и в круге ее интересов, оказались не менее разительными и озадачивающими, чем открытия геолога, исследующего слои отложений в породе.

В 1939 году героини рассказов женских журналов отнюдь не всегда были молоды, но в определенном смысле они были моложе своих современных литературных героинь. Они были так же молоды, как всегда молод герой американской литературы: это были «новые женщины», исполненные решительности и энтузиазма и создающие новый женский образ, свою собственную жизнь. Их окружал дух становления, движения в будущее, которое будет не похоже па прошлое. Большинство героинь четырех основных женских журналов («Домашний журнал для женщин», «Макколз». «Хорошее домоводство» и «Домашний спутник женщины») работающие женщины, и от этого они испытывали счастье и гордость,

были смелы и привлекательны, любили и были любимы. Свой дух, мужество, независимость, решительность, силу характера они проявляли, работая медсестрами, учительницами, художницами, актрисами, машинистками, продавщицами, эти черты были частью их обаяния. Совершенно определенно чувствовалось, что их индивидуальность достойна восхищения, она не отталкивала мужчин, характер притягивал так же, как и внешность.

Таковы были массовые журналы для женщин в пору своего расцвета. Рассказы там были вполне обычные: девушка знакомится с парнем или девушка завоевывает парня. Но очень часто не это было главным. Героини рассказов обычно шли к какой-то цели, стремились осуществить свою мечту, преодолевая какие-то трудности на работе или в жизни, когда встречали свою любовь. И эта «новая женщина», менее воздушная и женственная, но такая независимая и решительная в стремлении создать собственную жизнь, являлась героиней самых разных любовных историй. В поисках мужчины она была менее агрессивной. Активное участие в жизни, осознание собственного «я» как личности, уверенность в своих силах придавали другую окраску ее взаимоотношениям с мужчиной. В одном из таких рассказов главные персонажи знакомятся в рекламном агентстве, где они работают, и влюбляются друг в друга. «Я не хочу, чтобы ты сидела дома, — говорит он. — Я хочу, чтобы мы шли по жизни вместе, а вместе мы можем совершить все» («Общая мечта», «Редбук», январь 1939).

Эти «новые женщины» почти никогда не были домохозяйками; история обычно заканчивалась до рождения детей. Герои были молоды, потому что перед ними лежало будущее. Но в другом смысле они казались гораздо старше, более зрелыми по сравнению с похожей на ребенка, молоденькой киской-женой — сегодняшним образом героини. Вот один пример героини, медсестры по профессии («Свекровь», «Домашний журнал для женщин», июнь 1939): «Она казалась ему очень красивой. В ней не было ничего от той красивости, какую видишь на картинках, но в руках ее чувствовалась сила, в манере держаться — гордое достоинство, в осанке, в ее голубых глазах — благородство. Девять лет назад она окончила учебу и с тех пор жила самостоятельно. Она сама пробивала себе дорогу и прислушивалась только к своему сердцу».

Героиня другого рассказа убегает из дому, потому что ее мать считает, что она должна бывать в свете и не должна ехать с геологической экспедицией. Страстная решимость этой «новой женщины» жить своей жизнью не мешает ей любить, но заставляет бунтовать против родителей: часто молодой герой, чтобы повзрослеть, тоже должен уходить из дому. «У

тебя больше мужества, чем у любой другой девушки. В тебе есть все, что для этого надо», — говорит парень, помогающий ей убежать («В добрый путь, дорогая», «Домашний журнал для женщин», май 1939).

Часто в рассказе изображался конфликт, который в жизни женщины создавали обязанности по работе и перед любимым человеком. Но в 1939 году мораль была такова, что, оставаясь верной своим принципам, женщина не теряла любимого, если это был достойный ее мужчина. В рассказе «На грани света и тьмы» («Домашний журнал для женщин», февраль 1939) молодая вдова сидит в офисе, не зная, что делать: остаться и исправить серьезную ошибку, допущенную в работе, или пойти на свидание, как было условлено. Она вспоминает свое замужество, ребенка, смерть мужа, «все то, что заставляло ее потом бороться за справедливость, не боясь новой и более сложной работы, верить другим». Неужели начальник рассчитывает, что она откажется от свидания! Но она все же остается на работе: «Другие себя не жалели ради этого дела. Она не может их подвести». И героиня тоже находит своего любимого — начальника!

Может быть, эти рассказы и не шедевры, но мне кажется, что изображенные в них героини давали представление о тех женщинах-домохозяйках, которые, как и сегодня, читали женские журналы. Они предназначались не для работающих женщин. Образ «новой женщины» был идеалом домохозяек вчерашнего дня; он отражал их мечты, желание сделаться личностью, то, что тогда заключалось в возможностях, открывающихся перед женщинами. И если они не могли осуществить свои мечты, то хотели, чтобы их осуществили дочери. Они желали им лучшего удела, нежели быть домохозяйками, желали, чтобы те жили полной жизнью, коль скоро у них самих этого не получилось.

Мысленное возвращение к тому, что связывали женщины со словом «работа» еще до того, как выражение «работающая женщина» приобрело в Америке негативный оттенок, можно сравнить с воспоминанием о давно забытой мечте. Конечно, в конце периода депрессии работа означала деньги. Но эти журналы читали женщины, у которых не было работы; работа, профессия значили больше, чем просто должность и заработок. Я думаю, для них это означало возможность делать что-то, самим быть кем-то, а не просто существовать ради других и жить чужой жизнью.

Окончательное и ясное подтверждение тому, что понятие «работа» до начала пятидесятых годов символизировало собой страстное стремление обрести индивидуальность, я нашла в рассказе «Сара и гидроплан» («Домашний журнал для женщин», февраль 1949). Сара, которая все

девятнадцать лет была послушной дочерью, втайне от родителей учится водить самолет. Она пропускает занятие, потому что вместе с матерью должна принимать гостей. Пожилой доктор говорит ей: «Моя дорогая Сара, изо дня в день, постоянно вы совершаете самоубийство. А поступать несправедливо по отношению к самой себе еще больший грех, чем доставлять неприятности другим». Почувствовав, что девушка что-то скрывает, он спрашивает, не влюбилась ли она. «Это вызвало у нее замешательство. Влюбилась? Влюбилась в доброго красивого Генри (инструктора)? Влюбилась в переливающуюся искрами водную гладь и поднимающие ее крылья, в ощущение свободы и сияющий, безграничный мир? Да, — ответила она. — Мне кажется, влюбилась"».

На следующее утро Сара должна лететь самостоятельно. Генри «отошел, захлопнув дверь кабины, и развернул самолет. Она была одна. На какое-то мгновение ей показалось, что она забыла все, чему ее учили, ей надо привыкнуть быть одной, совсем одной в знакомой кабине. Она сделала глубокий вдох, и вдруг удивительное ощущение, что она все может, заставило ее выпрямиться и улыбнуться. Она одна! Она отвечает только перед собой, и она это может. «Я могу!» — сказала она вслух… Полетели назад переливающиеся воздушные потоки, и затем самолет легко и свободно поднялся вверх и стал планировать в воздухе». Теперь она получит права, даже вопреки протестам матери. Она не боится выбирать свой путь в жизни. И вечером, сонно улыбаясь, она вспоминает, как Генри сказал ей: «Ты моя девушка».

«Девушка Генри! Она улыбнулась. Нет, она не девушка Генри. Она — Сара. А этого было достаточно. Она поздно начала, и пройдет время, прежде чем она узнает себя. Уже почти заснув, Сара спрашивала себя, нужен ли ей будет кто-то, когда пройдет время, и кто это будет».

И вдруг образ меняется. Эту «новую женщину», такую свободную, по ночам одолевают сомнения, она съеживается под лучами солнечного света и убегает в спокойный домашний уют. В тот год, когда был напечатан рассказ о Саре, «Домашний журнал для женщин» опубликовал материал, который положил начало бесчисленным восхвалениям того, что заключено в словах: «Род занятий: домохозяйка». Подобные материалы стали появляться в женских журналах и звучали хвалебной песнью на протяжении пятидесятых гонт. Они обычно начинаются с того, как женщина жалуется, что у нее развивается комплекс неполноценности, когда при заполнении бланка переписи населения она должна написать, слово «домохозяйка» («Когда я это пишу, то осознаю, что я просто женщина

средних лет с университетским образованием и в жизни у меня так ничего и не вышло. Я только домохозяйка»). Тогда автор, которая сама почему-то никогда не была только домохозяйкой (в данном случае это Дороти Томпсон, журналистка, зарубежный корреспондент и известный автор «Домашнего журнала для женщин», март 1949), начинает смеяться. Ваша беда в том, упрекает она, что вы даже не понимаете, что одновременно вы специалист во многих областях. «Вы могли бы написать: менеджер, повар, медсестра, шофер, портниха, дизайнер по интерьеру, бухгалтер, поставщик продуктов, учительница, личный секретарь; или вы просто можете написать: филантроп… Всю свою жизнь вы кладете на алтарь любви, все свои силы, способности, заботу». Но домохозяйка продолжает сетовать, что ей почти пятьдесят, а так и не удалось посвятить себя музыке, о которой мечтала в молодости, что образование, полученное в колледже, пропало зря.

Ха-ха, смеется мисс Томпсон, а не благодаря ли вам ваши дети так музыкальны, а все эти трудные годы, пока муж заканчивал свой грандиозный труд, разве не вы делали дом таким очаровательным, обходясь всего тремя тысячами долларов в год, и шили себе и своим детям, и сами клеили в гостиной обои, и с зоркостью ястреба следили за ценами, чтобы купить дешевле? А в свободное время разве не вы печатали и правили рукописи вашего мужа и составляли планы праздников, чтобы сократить дефицит бюджета местной церкви? Разве не вы играли с детьми в четыре руки, чтобы им было интереснее, и вместе с ними читали учебники? «Но ведь вся эта жизнь ради других означает отсутствие собственной жизни», — вздыхает женщина. «Как и жизнь Наполеона Бонапарта, — усмехается мисс Томпсон, — или королевы. Да я просто отказываюсь жалеть вас. Вы — одна из самых преуспевающих женщин, каких я знаю».

И в продолжение спора домохозяйке предлагается подсчитать, во что обходится ее труд, поскольку сама она не зарабатывает никаких денег. Благодаря своим способностям вести хозяйство женщины могут сэкономить больше денег, чем работая на стороне. Что же касается душевного состояния женщины, разрушаемого повседневной домашней работой, то да, может быть, талант некоторых и не получил своего воплощения, но тогда «этот мир, наполненный гениальными женщинами, в котором рождается мало детей, очень скоро прекратил бы свое существование… У великих людей — великие матери».

Кроме того, американским домохозяйкам напоминают, что в средние века католические страны возвели тихую скромную Марию в ранг Царицы Небесной и именно в честь нее строили прекрасные храмы. Мать

семейства, воспитывающая детей и создающая уют, является постоянным источником культуры, цивилизации и добродетели. Исходя из того, что она прекрасно ведет дом и наполняет его созидательной деятельностью, она должна гордиться своим званием: «домохозяйка».

В 1949 году «Домашний журнал для женщин» также печатал рубрику Маргарет Мид «Мужчина и женщина». В то время все журналы вторили книге Фарнхэм и Лундберга «Современная женщина: утраченный пол», опубликованной в 1942 году. В ней авторы предостерегали женщин от работы и высшего образования, которые ведут к «маскулинизации женщин, что таит в себе огромные последствия, представляющие угрозу для дома, детей и способности как женщины, гак и мужчины получать сексуальное удовлетворение».

Итак, «загадка женственности» начала распространяться по стране, прививаясь к старым предрассудкам и условностям, что так удобно всему реакционному и отживающему. За этой новой мистификацией скрывались концепции и теории, вводящие в заблуждение своей фальсифицированностью и присвоением общепринятых истин. Создавалось впечатление, что они настолько сложны, что доступны лишь немногим посвященным, а потому— неопровержимы. Необходимо разрушить эту таинственность и разобраться в запуганных концепциях и общепризнанных истинах, чтобы помять, что же произошло с американскими женщинами.

Суть мистификации в том, что наивысшей ценностью и единственным долгом женщины провозглашается реализация женских качеств и исполнение своего предназначения. Величайшая ошибка западной культуры на протяжении почти всей ее истории заключается в недооценке этой женственности. Она так загадочно-таинственна и интуитивна и настолько близка к происхождению жизни вообще, что наука, вероятно, никогда не сможет понять этого. Но как бы специфична и ни на что не похожа она ни была, она никоим образом не ниже природы мужчины, а, вероятно, в каких-то аспектах и выше. В соответствии с этой концепцией корень всех женских бед прошлого — в том, что женщины завидовали мужчинам, пытались брать на себя их роль вместо того, чтобы принять то, что дано природой, которая находит свое воплощение лишь в сексуальной пассивности, доминировании мужчин и материнской любви.

Но в новом образе, который предлагается американским женщинам, нет ничего нового, это все то же: «Род занятий: домохозяйка». Новая «женственность» формирует матерей-домохозяек, никогда не имевших возможности быть кем-то еще, является моделью для всех женщин; она

предполагает, что в отношении женщин история достигла своего окончательного и славного финала именно на данном этапе и сейчас. Прикрываясь изощренными словесными ловушками, она просто возводит некие конкретные домашние аспекты женского существования — такого, каким оно было у женщин, чья жизнь в силу необходимости ограничивалась приготовлением пищи, уборкой, стиркой, вынашиванием детей, — в религию, схему, по которой сегодня должны жить все женщины, а если они ей не следуют, значит, они отказываются от своей женственности.

После 1949 года исполнение своего предназначения для американских женщин выражалось только одним определением — мать-домохозяйка. Быстро, как во сне, образ американской женщины как меняющейся, развивающейся личности в меняющемся мире был разбит. В стремлении найти уверенность в семейной спайке ее свободный полет в поисках собственной индивидуальности был забыт. Безграничный мир съежился для нее до стен уютного дома.

В 1949 году трансформация женского образа четко отразилась на страницах женских журналов, и этот процесс продолжался на протяжении всех пятидесятых. «Женственность начинается с дома», «Может быть, это и мир мужчины», «Заводите детей, пока вы молоды», «Как заманить мужчину», «Надо ли бросить работу, когда мы поженимся?», «Готовите ли вы дочь стать женой?», «Ваша работа в доме», «Должны ли женщины так много говорить?», «Почему наши солдаты выбирают немецких девушек», «Что узнают женщины от матери Евы», «Политика — это мир мужчин», «Как сохранить счастливый брак», «Не бойтесь выйти замуж молодой», «Беседы врача о грудном вскармливании», «Наш ребенок родился дома», «Кухня для меня — это поэзия», «Ведение хозяйства — это бизнес».

3. Кризис личности

пер. Н. Левковской

Интервьюируя женщин моего поколения, я за последние десять лет обнаружила странную вещь. Когда мы росли, многие из нас не могли представить себя в возрасте двадцати одного года. У нас не было образа нашего будущего, мы не видели себя взрослыми женщинами.

Я помню тишину весеннего полдня в колледже Смита в 1942 году, когда я оказалась в страшном тупике, размышляя о собственном будущем. Несколькими днями ранее я получила уведомление о том, что успешно прошла конкурс на стипендию. Принимая поздравления, я чувствовала не только радостное возбуждение, но и странную тревогу: передо мной встал вопрос, о котором я не хотела думать.

«Действительно ли в этом мое призвание?» — этот вопрос отгородил меня ото всего остального мира. Холодная и одинокая, я чувствовала себя обособленной от девочек, болтающих между собой или занимающихся приготовлением уроков на залитом солнцем пригорке позади учебного здания. И думала о том, что собираюсь стать психологом. Но если и меня вселилось сомнение, то кем же тогда я хотела бы стать? Я чувствовала, что будущее скрыто от меня, и не видела себя в нем совсем. Я не могла представить себя закончившей колледж. В семнадцать лет я приехала сюда из небольшого городка на Среднем Западе, неуверенная в себе. Передо мной открылись необозримые горизонты окружающего мира, жизнь во всем ее многообразии. Я начала познавать себя и думала, что знаю, кем бы я хотела стать. Я не могла вернуться к прошлому. Я не могла возвратиться домой и жить так, как жила моя мать и другие женщины нашего городка, привязанные к дому, бриджу, магазинам, детям, мужу, благотворительной деятельности, вещам. И вдруг теперь, когда настало время определять свою будущую судьбу, сделать решительный шаг, я не знала, кем же я хочу стать.

Я получила стипендию, стала учиться, но следующей весной под чужим калифорнийским солнцем, в другом колледже вновь встал этот же вопрос, и я никак не могла выбросить его из головы. Я вновь успешно прошла конкурс на другую стипендию, которая предоставляла мне возможность заниматься диссертационным исследованием, посвятить себя карьере профессионального психолога. «И это является моим истинным призванием?» Необходимость принятия решения буквально ужаснула меня.

В течение многих дней я жила под гнетом неразрешимой проблемы, будучи не в состоянии думать о чем-либо другом.

Вопрос не столь важен, внушала я себе. Ничто не имело для меня большего значения в тот год, чем любовь. Мы бродили по холмам в Беркли, и мой друг сказал: «Из этого ничего не получится, я никогда не смогу получить такую же стипендию, как ты». Могла ли я себе представить, что буду поставлена перед окончательным выбором: если я соглашусь на эту стипендию, то со мной останется только холодное одиночество того дня. Я с облегчением отказалась от стипендии. Но позже, в течение многих лет, я не могла прочитать ни строчки из научных работ в той области, которая, как я когда-то думала, будет уделом всей моей жизни. Напоминание о потере было слишком болезненным.

Я никогда не могла объяснить себе и другим, почему я отказалась от этой карьеры. Я жила только настоящим, работая в газете, и не имела какого-либо конкретного плана на будущее. Я вышла замуж, родила детей и жила как провинциальная домохозяйка, соответствуя мифу о женском предназначении. Но меня постоянно преследовал один и тот же вопрос. Я не видела цели в жизни и не могла успокоиться, пока в конце концов не нашла на него свой ответ.

Разговаривая со старшеклассницами в колледже Смита в 1959 году, я обнаружила, что этот вопрос не менее мучителен для девушек и в настоящее время. Но они дают на него ответ, до которого мое поколение додумалось, только прожив полжизни и осознав, что в действительности он вовсе не является ответом. Девушки, в основном старшеклассницы, сидели в гостиной колледжа и пили кофе. Вечер напоминал те времена, когда я сама была старшеклассницей, кроме, пожалуй, того факта, что сейчас у многих девушек были кольца на левой руке. Я спросила своих собеседниц, что сидели поближе ко мне, кем они хотят быть. Те, что были помолвлены, говорили о предстоящих свадьбах, квартирах, желании найти работу секретарши, пока их мужья не закончат учебу. Другие, после некоторого отчужденного молчания, говорили уклончиво о той или иной работе, о продолжении учебы, но ни у кого из них не было конкретных планов. Блондинка с хвостиком спросила меня на следующий день, действительно ли я поверила всему тому, о чем они говорили мне накануне. «Все это было неправда, — сказала она мне. — Нам не нравится, когда нас спрашивают, что мы собираемся делать. Никто из нас этого не знает. Никто даже не хочет думать об этом. Больше всего повезло тем, кто собирается сразу после окончания школы выйти замуж. Им не надо задавать себе этот вопрос».

Но в тот вечер я заметила, что, пока я расспрашивала одних девушек, другие, уже обрученные, сидели молча у огня и выглядели не слишком довольными. «Они не хотят думать о том, что их жизнь должна измениться, — сказала моя собеседница с хвостиком. — Они знают, что им в жизни не понадобится образование, которое они получили. Они станут женами и матерями. Вы можете сказать, что надо продолжать читать книги и интересоваться общественной жизнью. Но это не одно и то же. Это не дает роста. Когда ты знаешь, что должен оставить учебу и в дальнейшем к ней не вернешься и не сможешь использовать полученные знания, тебе становится очень грустно».

А вот что рассказала мне зрелая женщина, жена врача, мать троих детей, окончившая колледж пятнадцать лет назад, с которой я беседовала за чашкой кофе у нее на кухне в Новой Англии:

«Трагедия состоит в том, что никто не посмотрел нам в глаза и не сказал, что мы сами должны решить, что хотим еще в этой жизни, кроме того, чтобы быть только женой и матерью. Я никогда не думала об этом серьезно до тридцати шести лет. Муж мой был очень занят на работе и не мог уделять мне внимание каждый вечер. Все три сына целый день проводили в школе. Я продолжала попытки родить еще одного ребенка, несмотря на различие резус-факторов. После двух выкидышей врачи запретили мне беременеть. Я думала, что мое развитие, моя эволюция прекратились. С детства я знала, что, когда вырасту, пойду учиться в колледж, а потом выйду замуж. Вот и все, что обычно знает девочка о своей будущей жизни. После замужества муж целиком заполняет твою жизнь и решает все за тебя. И только став женой врача и ощутив одиночество, пережив постоянное раздражение на детей, потому что они не могли заполнить всю мою жизнь, я поняла, что у меня должна быть собственная жизнь, которую я должна сделать сама. Мне нужно было решить, кто я на самом деле. Я еще не завершила своего развития. Но мне понадобилось десять лет для того, чтобы понять это».

Загадка женственности позволяет и даже способствует тому, чтобы женщина не задавалась вопросом, кто она такая. Загадка женственности таит один ответ на вопрос «Кто я?»: «Жена Тома. Мать Мэри». Но я думаю, что загадка женственности не имела бы такой власти над американскими женщинами, если бы они не боялись заглянуть в ту ужасную пустоту, которой представляется им период после достижения двадцати одного года. Дело в том — как давно это так, я не знаю, но дело действительно обстоит именно таким образом для женщин моего поколения и для современных девушек, — что у американской женщины нет собственного «я», которое

сказало бы ей, кто она, кем она может стать и кем она хотела бы быть.

Нивелированный образ женщины, представленный на страницах журналов и телеэкране, способствует более успешной продаже стиральных машин, миксеров, дезодорантов, моющих средств, омолаживающих кремов для лица, краски для волос. Но суть этого образа, на создание которого компании тратят миллионы долларов за телевизионное время и за место для рекламы, заключена в следующем: американские женщины уже не знают, что они собой представляют. Им крайне необходим новый образ, который помог бы им найти себя. Исследователи мотивированного поведения постоянно напоминают рекламодателям о том, что, поскольку американские женщины не знают, кем они хотели бы быть, они смотрят на этот глянцевый образ и подгоняют под него всю свою жизнь. Они пытаются создать тот образ, который не походил бы на их матерей.

В мое время многие из нас знали, что не хотят быть такими, как наши матери, даже если мы любили их. Мы не могли не видеть их разочарования. Понимали ли мы это или только сердились на них за их грусть, чувство пустоты, которое заставляло их слишком крепко держаться за нас, пытаться жить нашей жизнью, управлять жизнью наших отцов, тратить дни, посещая магазины или стремясь получить вещи, которые, видимо, никогда их не удовлетворяли, как бы дорого они ни стоили? Как это ни странно, многие матери, которые любили своих дочерей, — и моя мать в том числе — сами не хотели, чтобы их дочери были похожи на них. Они знали, что нам надо чего-то большего.

Но даже если они очень хотели, настаивали, боролись за то, чтобы помочь нам получить образование, даже если они говорили с тоской о карьерах, которые были им самим недоступны, они не могли дать нам образ нашего будущего. Они могли только внушить нам, что их жизнь была совершенно пустой, поскольку была замкнута исключительно на доме; что недостаточно иметь детей, готовить еду, следить за одеждой семьи, играть в бридж и заниматься благотворительностью. Любая мать могла сказать своей дочери, внушить ей: «Не будь только домохозяйкой, как я». И дочь, чувствуя, насколько ее мать была разочарована и не удовлетворена, несмотря на любовь мужа и детей, думала про себя: «Уж я-то смогу добиться того, чего не смогла получить моя мать, я состоюсь как женщина». Но извлечь урок из жизни своей матери она не смогла.

Недавно, интервьюируя девушек старших классов, многообещающих и талантливых, которые внезапно прервали учебу, я увидела новые стороны проблемы женской ортодоксальности. Сначала мне показалось, что эти девушки просто следуют извилистым путем женской приспособляемости.

То они интересовались геологией и поэзией, теперь были заинтересованы только в том, чтобы завоевать признание: найти себе мальчиков, которым бы они нравились. Они пришли к выводу, что лучше быть такими, как все. Познакомившись с ними поближе, я поняла, что эти девушки настолько боялись походить на своих матерей, что совершенно не могли представить себя взрослыми. Они боялись вырастать. Вот почему они во всех мелочах подражали какому-нибудь надуманному популярному образу, подавляя в себе самое лучшее из страха стать женщиной, похожей на мать. Одна такая семнадцатилетняя девушка рассказала мне:

«Я очень хочу быть такой же, как другие девушки. Я никак не могу преодолеть чувства, что я неофит, непосвященная. Когда мне надо встать и пройти через всю комнату, мне кажется, что я только учусь ходить или что у меня какой-то сильный недуг и я никогда не выучусь ходить. После школы я иду в ближайшее место наших постоянных встреч и часами сижу там, разговаривая об одежде, прическах, об особенностях людских характеров, но мне это совсем не интересно, и я делаю над собой огромное усилие. Но я выяснила, что могу им нравиться. Для этого надо делать то, что делают они, одеваться, как они, говорить, как они, и не делать ничего, чего бы они не делали. Мне кажется, я даже внутренне стараюсь не отличаться от них.

Раньше я писала стихи. Преподаватели колледжа считают, что у меня есть творческие способности, что я могу быть первой в классе и что у меня может быть большое будущее. Но подобные вещи не делают человека популярным. Самое главное для девушки — быть популярной.

Теперь я постоянно меняю мальчиков, но мне это дается нелегко, потому что я сама не своя с ними. Я чувствую себя еще более одиноко. А кроме того, меня тревожит вопрос, куда все это может завести. Очень скоро я утрачу свою индивидуальность и стану той, чье будущее — быть домохозяйкой.

Я не хочу думать о том времени, когда стану взрослой. Если у меня будут дети, я бы хотела, чтобы они всегда пребывали в этом же возрасте. Если я буду видеть, как они растут, я пойму, что старею, а мне бы этого не хотелось. Моя мама говорит, что не может спать по ночам: она ужасно беспокоится, что я могу что-нибудь натворить. Когда я была маленькая, она ни за что не разрешала мне одной переходить дорогу, даже когда мои сверстники давно уже делали это сами.

Я не представляю себя замужем, имеющей детей. Это как если потерять самое себя. Моя мать похожа на скалу, обточенную волнами, на вакуум. Она столько вложила в свою семью, что для себя у нее ничего не

осталось, и она очень сердится на нас, потому что не получает отдачи. Но иногда кажется, что это все пустое. Что у мамы нет иного предназначения, как только заниматься уборкой дома. Она сама несчастна и делает несчастным отца. Если бы она совсем о нас, детях, не заботилась, результат был бы таким же. Она чересчур много отдает нам сил. В результате возникает желание делать все наоборот. Я не думаю, что это действительно любовь. Когда я была маленькая и прибегала к ней, взволнованная, сказать, что я научилась стоять на голове, она не слушала меня.

Позже, когда я смотрела в зеркало, мне становилось страшно, что я буду очень похожа на свою мать. Меня пугает, что у меня могут быть те же жесты, что я буду говорить, как она, и тому подобное. Я очень во многом на нее не похожа, но если все-таки что-то общее есть, то вполне возможно, я стану такой, как она. Это меня очень пугает».

Итак, эта семнадцатилетняя девушка так боялась, что когда станет взрослой женщиной, то будет похожа на свою мать, что сознательно подавляла те черты своего характера, которые составляли ее индивидуальность, и старалась копировать «популярных» девушек. Но в конце концов, испугавшись, что теряет самое себя, она отказалась от идеи популярности, но в то же время решительно отвергла традиционный путь, который позволил бы ей получить стипендию для продолжения обучения в колледже. За неимением образа, который помог бы ей превратиться в женщину и при этом сохранить свою индивидуальность, она заняла нишу битника.

Другая девушка, из колледжа в Южной Каролине, рассказала мне:

«Я не хочу думать о карьере, которую мне потом придется бросить. Моя мама, когда ей было еще только двенадцать лет, мечтала стать газетным репортером, и я наблюдала ее неудовлетворенность жизнью на протяжении двадцати лет. Меня не волнуют мировые события. Я не хочу интересоваться ничем, кроме моего дома. У меня одно желание — быть прекрасной женой и матерью. Возможно, получить образование необходимо. Но даже самые умные ребята хотят иметь дома нежную симпатичную жену. Только иногда я задумываюсь над тем, что может чувствовать человек, который имеет возможность работать над собой и изучать все, что захочет, и при этом ему не надо подавлять свое „я"». Ее мать, почти все наши матери были домохозяйками, хотя многие из них сожалели о том, что оставили карьеру. Что бы они нам ни говорили, у нас есть глаза, уши, разум и сердце, чтобы понять, что их жизнь была пустой. Мы не хотели быть похожими на них, но разве был у нас другой образец для подражания?

Единственным другим типом женщины, который я знала, когда росла, были старые девы — учительницы старших классов, библиотекарши, единственная женщина-врач в нашем городе, которая стриглась, как мужчина, и несколько женщин-профессоров в колледже, где я училась. Ни одна из этих женщин не жила в теплом семейном кругу, похожем на наш. Многие из них никогда не были замужем или не имели детей. Я боялась быть похожей на них, даже на тех из них, которые учили меня с уважением относиться к своему разуму и жить согласно ему, чувствовать себя частью общества. В детстве и в юности я не знала ни одной женщины, которая жила бы так, как хотела, играла бы определенную роль в жизни общества и при этом любила бы и имела детей.

Вот это отсутствие индивидуального образа было очень серьезной проблемой американской женщины в течение долгого времени. Нивелированный женский образ, противоречащий разуму и имеющий мало общего с настоящими женщинами, оказывает на их жизнь слишком большое влияние. Этот образ не имел бы такого влияния, если бы женщины не переживали кризис личности.

Странный, наводящий на американских женщин ужас критический момент, с которым они сталкиваются в возрасте восемнадцати, двадцати одного, двадцати пяти и сорока одного года, в течение ряда лет изучался социологами, психологами, аналитиками, педагогами. Но я думаю, что этот момент не был понят правильно. Это явление, известное как «прерывистость» в культуре поведения женщины, получило также название «ролевой кризис» женщины. Если бы девушку готовили к роли женщины, она не переживала бы этот кризис, считают психологи.

Но мне кажется, что они называют только половину правды.

Что, если ужас, который испытывает девушка в двадцать один год, когда ей необходимо решать, кем быть, вызван только тем, что она должна вырасти во взрослую женщину, и вырасти таким образом, каким раньше это было запрещено? Что, если ужас, который испытывает девушка в двадцать один год, вызван предоставленной ей свободой решать свою собственную судьбу, свободой и необходимостью выбирать путь, который раньше женщины не могли выбирать и который теперь никто не запретит им выбрать? Что, если те девушки, которые выбирают путь «женской приспособляемости» и тем самым избегают этого ужаса, выйдя замуж в восемнадцать лет, которые теряют себя, обзаводясь детьми и углубляясь в заботы по хозяйству, что, если они просто отказываются становиться взрослыми и задумываться над вопросом своей личности?

Мое поколение школьников было первым, которое непосредственно столкнулось с тайной становления личности женщины. Раньше, когда большинство женщин в конце концов становилось домохозяйками и матерями, целью получения образования было развить ум, познать истину и занять подобающее место в обществе. Когда я поступила в колледж, в воздухе витала идея, хотя уже и несколько потускневшая, о том, что мы будем «новыми женщинами». Наш мир выйдет за рамки собственного дома. У сорока процентов моих одноклассниц по колледжу Смита были планы сделать карьеру. Но я помню, что даже тогда некоторые старшеклассницы, переживая муки жуткого страха перед будущим, завидовали тем немногим девушкам, которые избежали этих мучений, выйдя замуж сразу по окончании колледжа.

Те, кому мы тогда завидовали, переживают этот ужас сейчас, когда им за сорок. «Я до сих пор не знаю, что я собой представляю. В колледже я слишком много внимания уделяла своей личной жизни. Лучше бы я больше занималась естественными науками, историей, политологией, более серьезно изучала философию, — написала одна женщина при анкетировании бывших воспитанниц колледжа пятнадцатью годами позже. — Все еще ищу точку опоры. Лучше бы я закончила колледж. Вместо этого я вышла замуж». «Лучше бы я создала себе более содержательную и творческую жизнь, вместо того чтобы обручиться и выйти замуж в девятнадцать.

Ища идеал в замужестве, рассчитывая иметь стопроцентно преданного мужа, я была шокирована, когда поняла, что в жизни все далеко не так», — написала мать шестерых детей.

Женщины предыдущих поколений, вышедшие рано замуж, никогда не испытывали ужаса одиночества. Они считали, что у них нет выбора, что они не могут заглянуть в будущее и самостоятельно распорядиться своей жизнью. Их уделом было пассивное ожидание того момента, когда их выберут; муж, дети, новый дом определяли всю дальнейшую жизнь этих женщин. Они легко принимали на себя роль сексуальных партнерш еще до того, как осознавали, что собой представляют. Именно эти женщины больше всего страдают от того, чему пока еще нет названия.

Я считаю, что суть данной проблемы для современной женщины заключена не в сексе, а в определении своей личности, в стремлении отодвинуть или избежать того момента, когда она станет взрослой женщиной, момента, который благодаря загадке женственности вечен. Я считаю, что как викторианская культура не позволяла женщине признать необходимость сексуальной жизни, так и наша культура не позволяет

женщине признавать необходимость достижения зрелости и реализации всех потенций человеческого существа, что, безусловно, не связано только с их ролью партнерш по сексу.

Биологи недавно открыли «сыворотку молодости», которая, если ею кормить личинок гусениц, задерживает их рост и не дает им возможности превратиться в мотыльков. В результате они проживают всю свою жизнь гусеницами. Состояние ожидания своей полной реализации как женщины, которое пропагандируется на страницах журналов, с теле- и киноэкранов, в книгах, популяризирующих полуправду психологов, а также внушается девушкам их родителями, учителями и воспитателями, допускающими наличие загадочной женской души, — это состояние ожидания действует как своего рода сыворотка молодости и держит девушку с точки зрения сексуального развития в состоянии личинки, мешая ей превратиться в зрелую женщину.

Кстати, все больше появляется доказательств того, что неспособность девушки превратиться в зрелую женщину и воплотить свою индивидуальность мешала, а не помогала ей в реализации ее сексуальных возможностей, буквально обрекала ее на то, чтобы она способствовала вынужденному повышению «моральной стойкости» ее мужа и сыновей, и являлась причиной неврозов, которые еще не стали неврозами в полном смысле этого слова, и недугов, которые напоминают Состояние, вызванное подавлением сексуальных инстинктов.

Кризис личности у мужчин бывал во все поворотные этапы человеческой истории, хотя те, кто пережил это, так его не называли. Только относительно недавно теоретики психологии, социологии и теологии идентифицировали это явление и дали ему название. Однако считается, что это чисто мужская проблема. Как мужская проблема, она получила определение возрастного кризиса, проблемы становления личности; считается, что в этот период решается вопрос, кто ты есть и кем ты собираешься стать, как сказал блестящий психоаналитик Эрик Х. Эриксон. Он писал:

«Я назвал основной кризис подростка кризисом становления личности; он наступает в тот период жизни человека, когда каждый юноша вынужден сочинять для себя какую-то генеральную перспективу, направление, создавать какое-то жизнеспособное единство, складывая его из действенных остатков детства и надежд на желанное будущее; подросток должен заметить какое-то значимое сходство между тем, что он сам обнаружил в себе, и тем, что, как подсказывает ему его обостренная интуиция, видят в нем и ожидают от него другие… У одних людей, у

каких-то классов людей, в какие-то исторические периоды этот кризис бывает не столь серьезным; у других людей, у других классов людей, в другие исторические эпохи он представляет собой явно выраженный переходный период, своего рода «второе рождение», осложненное либо широким распространением неврозов, либо повсеместными беспорядками идеологического характера».

В этом смысле кризис личности одного мужчины может отражать начало новой стадии в развитии человечества. «В определенные периоды своей истории и в определенные фазы своего циклического развития человеку так же необходимы новые идеологические ориентиры, как воздух и пища», — писал Эриксон, проливая новый свет на понимание кризиса в жизни молодого Мартина Лютера, когда последний покинул католический монастырь в конце средних веков, с тем чтобы выдумать новую личность как для себя самого, так и для западного человека вообще.

Однако поиски личности не являются чем-то новым для американской философской мысли, хотя каждому поколению, кто бы ни писал об этой проблеме, она открывается заново. В Америке с самого начала так или иначе понимали, что человек должен пробиваться в будущее; скорость при этом всегда была такой большой, что личность мужчины не могла не претерпевать изменения. Каждое поколение людей переживало свои унижения, несчастья и неуверенность, потому что не могло унаследовать от отцов образ своего будущего. Поиск собственной личности молодым человеком, который не может вернуться домой, всегда был главной темой в произведениях американских писателей. И в Америке всегда считалось полезным и справедливым проходить через эту агонию роста, искать и находить себя как личность. Сын фермера уехал в город, сын портного стал врачом. Авраам Линкольн сам учился читать. Это не просто рассказы о том, как бедные становятся богатыми. Они были необходимой составной частью американской мечты. Преградой для многих было отсутствие денег, принадлежность к определенной расе или классу, цвет кожи. Это удерживало их от выбора вообще, не от выбора какой-либо конкретной профессии, если бы они могли свободно выбирать, но от самой мысли о возможности выбора.

Даже в наши дни человек довольно рано понимает, что он должен решить для себя, кем он хочет быть. Если он не решил этот вопрос в старших классах начальной школы, в средней школе, в колледже, он должен каким-то образом решить его в двадцать пять или в тридцать лет, иначе он пропал. Но этот поиск личности представляет в настоящее время еще большую проблему, потому что все большее количество молодых

людей не может найти соответствующий образ в нашей культуре, не может позаимствовать его у своих отцов или у других мужчин, образ, который помог бы им в их поиске.

Старые границы были разрушены, а новые не были четко обозначены. Все больше молодых людей в Америке переживают сегодня кризис личности из-за того, что не могут найти образ, которому стоило бы подражать, чтобы иметь возможность полностью реализовать свои способности.

Но почему теоретики не признают наличие кризиса у женщины? По старым канонам и по современной теории загадочной женственности считается, что девушка, превращаясь в женщину, не должна задаваться вопросом, кто она, и выбирать, кем ей стать. Женская судьба определена анатомией, говорят теоретики женского вопроса, личность женщины определена ее биологией.

Но так ли это? Все больше женщин задает себе этот вопрос. Как бы приходя в себя после комы, они спрашивают: «Где я… что я здесь делаю?» Впервые за всю свою историю женщина начинает осознавать наличие кризиса личности в своей собственной жизни, кризиса, начавшегося много поколений тому назад и с каждым поколением все более обострявшегося. Этот кризис не разрешится, пока современные женщины или их дочери не зайдут за грань неизведанного и не создадут своей жизнью новый образ, в котором так отчаянно нуждаются.

В определенном смысле эта задача выходит за рамки одной человеческой жизни. Я думаю, что женский возрастной кризис — это поворотный пункт от женского несовершенства, называемого женственностью, к полной реализации человеческой личности. Я думаю, что женщина, и раньше переживавшая кризис личности, начавшийся сто лет назад, должна пережить его сейчас с тем, чтобы стать наконец полноценной человеческой личностью.

4. Путешествие, полное страсти и энтузиазма

Пер. Н. Левковской

Необходимость обрести новую личность заставила женщин сто лет назад отправиться в это путешествие, полное страстного увлечения и энтузиазма, в это оклеветанное, неправильно понятое путешествие, которое увело их далеко от дома.

В последние годы стало модным смеяться над феминизмом, считать его одной из подлых шуток истории, подшучивая, жалеть тех старомодных феминисток, которые боролись за права женщины на высшее образование, на работу, за избирательное право.

Теперь считается, что они были неврастеничками, которые завидовали тому, что у мужчин есть пенис, и которые сами бы хотели быть мужчинами. В борьбе за то, чтобы женщины имели возможность участвовать в важных делах общества, наравне с мужчинами принимать ответственные решения, они отказались от своей природы, которая, как было принято считать, выражается только в сексуальной пассивности, признании мужского превосходства и выращивании потомства.

Но если я не ошибаюсь, именно это первое путешествие может объяснить многое из того, что происходило и происходит с женщинами с тех пор. Темным пятном на современной психологии лежит ее нежелание признать реальность того страстного увлечения, которое заставило женщин либо покинуть свои дома в поисках новой личности, своего нового «я», либо, оставаясь дома, страстно мечтать о чем-то большем. Это был бунт, яростное отрицание того определения личности женщины, которое было принято в то время. Стремление обрести новую личность заставило этих страстных феминисток медленно и с большим трудом продвигаться вперед в поисках новых путей для женщины. Одни пути были очень трудными, другие оказывались тупиками, третьи, возможно, были ложными, но эта необходимость найти для женщины новые пути действительно существовала.

Проблема обретения личности в то время была для женщины новой, абсолютно новой. Феминистки шли в первых рядах женской эволюции. Они должны были доказать, что женщины тоже люди. Они должны были вдребезги разбить, при необходимости применяя даже насилие, ту декоративную фарфоровую статуэтку, которая в прошлом столетии представляла идеал женщины. Они должны были доказать, что женщина —

это не пассивное нереальное отражение, не декоративное ненужное украшение, не бездумное животное, не вещь, которой пользуются другие, не существо, лишенное собственного голоса. Прежде чем начать бороться за свои права, женщинам надо было стать похожими на мужчин.

Им внушали, что женщина не должна меняться, что она должна оставаться ребенком, что ее место — дом. А мужчина менялся, его место было в окружавшем его мире, и этот мир все время расширялся. Поэтому женщина отстала. Ее уделом было воспроизводство; она могла умереть при родах первого ребенка или, дожив до тридцати пяти лет, родить двенадцать детей, в то время как мужчина направлял свою судьбу с помощью органа, которого нет ни у какого другого животного, — с помощью разума. У женщины тоже есть разум. Ей также присуща человеческая потребность расти и развиваться. Но деятельность, заложенная в основу жизни и двигающая ее вперед, вышла за пределы дома, а женщину не научили заниматься делами вне дома. Ограниченная рамками семьи, будучи сама ребенком среди своих детей, пассивная, не имеющая контроля ни над одной из сторон своей жизни, женщина существовала только для того, чтобы ублажать мужчину. Она целиком зависела от его покровительства в этом мире, в мире, в создании которого она не принимала участия, — в мире мужчин. Она никогда не могла дорасти до того, чтобы задать себе простой вопрос: «Кто я такая? Чего я хочу?»

Даже если мужчина любил ее, как ребенка, как куклу, как украшение; даже если он дарил ей рубины, атлас, бархат; даже если ей было тепло в своем доме, хорошо с детьми, разве не стремилась она к чему-то большему? В то время она до такой степени полностью, как неодушевленный предмет, принадлежала мужчине; до такой степени никогда не чувствовала себя человеком, не ощущала своего «я», что даже во время любовного акта никто не ожидал от нее активного участия и не предполагал, что она может получать от этого удовольствие. Обычно говорили: «Он получил от нее удовольствие, он добился от нее, чего хотел». Разве так трудно понять, что эмансипация, стремление получить право быть полноценным человеком были настолько необходимы многим поколениям женщин, и ныне живущим, и тем, которые недавно ушли, что они боролись за них буквально врукопашную, шли за них в тюрьмы и умирали? И ради получения права быть взрослым полноценным человеком некоторые женщины отказывались от самих себя, от желания любить и быть любимыми, рожать детей.

Странный, необъяснимый поворот истории заключается в том, что страсть и огонь феминистского движения считаются результатом ненависти

женщин к мужчинам, которая исходила от озлобленных, сексуально неудовлетворенных старых дев, от кастрированных, несексуальных, неженственных существ, настолько страстно завидовавших мужскому половому члену, что они готовы были отобрать его у всех мужчин или уничтожить их всех, требуя права для себя только потому, что сами они не могли любить, как женщины. Мэри Уоллстонкрафт, Ангелина Гримке, Эрнестина Роуз, Маргарет Фуллер, Элизабет Кейди Стэнтон, Юлия Уорд Хауэ, Маргарет Сангер — все они любили сами и были любимы, вышли замуж. Многие из них были настолько же страстными в своих отношениях с возлюбленными и мужьями (в то время как считалось, что женщине не пристало иметь страсть и ум), насколько и в борьбе за то, чтобы женщина получила возможность вырасти в полноценного человека. Но если они, как, например, Сьюзен Энтони, которой судьба или горький опыт не позволили выйти замуж, боролись за то, чтобы женщина получила возможность реализовать себя не в альянсе с мужчиной, а как отдельный индивидуум, то поступали так потому, что им это было так же остро необходимо, как и любовь. («Что необходимо женщине? — говорила Маргарет Фуллер. — Не жить и управлять чисто по-женски, как это было принято, а иметь возможность взрослеть, как» то дано ей самой природой, возможность проявить свой ум, чтобы душа ее была свободна и чтобы она беспрепятственно могла обнаруживать те силы, что заложены в ней».)

У феминисток была только одна модель, один образ полноценного и свободного человека, о котором можно мечтать, — образ мужчины. До недавнего времени только мужчины (хотя и не все) имели необходимую им свободу и получали адекватное образование, позволявшее им реализовать свои способности, чтобы быть первопроходцами, создателями, первооткрывателями и наносить на карту новые ориентиры для будущих поколений. Только мужчины имели право голоса; могли принимать необходимые решения для всего общества. Только мужчины имели свободу любить и наслаждаться любовью, решать для себя от имени Бога проблему добра и зла. Разве женщинам нужны были эти права и свободы потому, что они хотели быть мужчинами? Или они хотели получить их потому, что они тоже были людьми?

То, что феминизм стремился именно к этому, символически показано Генриком Ибсеном. Когда в 1879 году в пьесе «Кукольный дом» он сказал, что женщина — просто человек, он задал новый тон в литературе. Тысячи женщин среднего класса викторианской эпохи в Европе и Америке увидели себя в Норе. А в 1960 году, почти столетие спустя, миллионы американских домохозяек, смотревших пьесу по телевизору, также увидели себя, когда

услышали слова Норы:

«Ты был всегда так мил со мной, ласков. Но весь наш дом был только большой детской. Я была здесь твоей куколкой-женой, как дома у папы была папиной куколкой-дочкой, а дети были уже моими куклами. Мне нравилось, что ты играл и забавлялся со мной, как им нравилось, что я играю и забавляюсь с ними. Вот что являл собой наш брак, Торвальд.

…Разве я подготовлена воспитывать детей?.. Мне надо сначала решить другую задачу. Надо постараться воспитать себя самое — и не у тебя мне искать помощи. Мне надо заняться этим самой. Поэтому я ухожу от тебя… Мне надо остаться одной, чтобы разобраться в самой себе и во всем прочем. Поэтому я и не могу больше оставаться у тебя».

Пораженный муж напоминает Норе, что самые священные обязанности женщины — это обязанности перед мужем и детьми. «Прежде всего ты жена и мать», — говорит он. На что Нора отвечает: «Я думаю, что прежде всего я человек, так же как и ты, — или, по крайней мере, должна постараться стать человеком. Знаю, что большинство будет на твоей стороне, Торвальд, и что в книгах говорится нечто подобное. Но меня больше не удовлетворяет то, что говорит большинство и о чем говорится в книгах. Мне надо самой подумать об этих вещах и попробовать разобраться в них».

В наше время часто повторяют, что первую половину века женщины боролись за свои права, а вторую половину они задавались вопросом, нужны ли они им в конце концов. Борьба за права — пустой звук для тех людей, которые выросли, когда эти права были уже завоеваны. Но так же, как и Нора, феминистки должны были завоевать их для того, чтобы женщины могли жить и любить, как все люди. Очень немногие женщины в то время, да и сейчас тоже, осмеливались покидать единственное известное им место, где они были обеспечены и чувствовали себя в безопасности, то есть осмеливались покидать свой дом и своих мужей, чтобы, как Нора, начать поиск своего собственного пути. Но очень многие женщины того времени, так же как и сейчас, чувствовали пустоту своего существования, будучи только домохозяйками, и не могли больше наслаждаться любовью мужа и детей.

Некоторые женщины и даже некоторые мужчины, понимавшие, что половина человечества была полностью лишена права реализовать себя, поставили перед собой задачу изменить те условия, при которых женщины находились в полной зависимости от мужчин. Эти условия были сформулированы на первом съезде, посвященном защите прав женщин, в Сенеке-Фоллз, штат Нью-Йорк, в 1848 году, где высказывались претензии

женщин по отношению к мужчинам:

«Он заставил ее подчиняться законам, в создании которых она не участвовала… Он сделал ее бесправной в замужестве, приговорив тем самым к гражданской смерти. Он отобрал у нее все права собственности, включая даже право на то, что она сама зарабатывает… Брачный договор обязывает ее подчиняться мужу, который становится, по существу, хозяином ее помыслов и намерений: закон наделяет его правом лишать ее свободы и использовать телесные наказания.

…Он закрывает ей все дороги к богатству и славе, дороги, которые для себя считает наиболее достойными. И не найдется женщин, преподающих теологию, медицину или право. Он лишил ее возможности получить серьезное образование, захлопнув перед ней двери всех колледжей… Он сформировал ложное общественное мнение, навязав миру двойную мораль — для мужчин и для женщин, согласно которой за отступление от нравственности женщин изгоняют из общества, мужчин же практически не осуждают. Он присвоил себе прерогативу Иеговы, считая, что только он имеет право определять для женщины сферу ее деятельности, тогда как это является делом ее совести и ее Бога. Он предпринял все возможное, чтобы разрушить ее веру в собственные силы, умалить ее чувство самоуважения, заставить добровольно смириться с зависимой и унизительной участью».

Именно эти условия, побудившие феминисток сто лет назад начать борьбу за их уничтожение, и сделали женщин такими, какими они были, — «женственными», такое определение было принято в то время, да и сейчас.

Трудно назвать совпадением то, что борьба за освобождение женщины началась в Америке сразу же после Войны за независимость и нарастала вместе с движением за освобождение рабов. Томас Пейн, оратор Революции, первым в 1775 году осудил положение женщины: «Даже в странах, где считается, что они живут наиболее счастливо, они сдерживают свои желания и не могут проявить свои возможности; с помощью законов, а также благодаря рабски покорному общественному мнению у них украли свободу и волю…» Во время Революции, примерно за десять лет до того, как Мэри Уоллстонкрафт возглавила феминистское движение в Англии, американка Юдифь Сарджент Мюррей сказала, что женщина нуждается в знании для того, чтобы разглядеть новые цели в жизни и подняться до их достижения. В 1837 году, когда Маунт Холиоук открыл свои двери, чтобы предоставить женщинам первую возможность получить образование, такое, какое получали мужчины, американские женщины провели свою первую национальную антирабовладельческую конференцию в Нью-Йорке. Женщины, которые официально начали движение за права женщин в

Сенеке-Фоллз, собрались вместе, когда им не дали мандата на участие во Всемирном конгрессе противников рабства в Лондоне. Когда Элизабет Стэнтон во время своего медового месяца сидела за занавесом на галерее в зале Конгресса, она вместе с Лукрецией Мотт, скромной женщиной, матерью пятерых детей, решила, что необходимо освобождать не только рабов.

Где бы в мире ни возникала борьба за свободу людей, женщины всегда отвоевывали какую-нибудь частичку этой свободы для себя. Конечно же, не вопросы полового неравенства определяли борьбу во времена Французской революции, при освобождении негров в Америке, при свержении русского царя, при изгнании англичан из Индии. Но когда идея освобождения человека движет умами мужчин, она одинаково волнует и умы женщин. Ритмы Декларации, принятой в Сенеке-Фоллз, восходят непосредственно к Декларации независимости:

«Когда в ходе человеческой истории для одного народа оказывается необходимым… занять среди держав мира самостоятельное и независимое положение… мы считаем самоочевидной истину, что все мужчины и женщины созданы равноправными».

Феминизм не был грубой шуткой. Феминистская революция должна была произойти хотя бы потому, что женщину заставили остановиться в своем развитии на стадии, которая в очень большой степени не отвечала ее человеческим возможностям. «Семейная функция женщины не исчерпывает ее силы, — проповедовал преподобный Теодор Паркер в Бостоне в 1853 году. — Заставить половину человечества концентрировать свою энергию на обязанностях домохозяйки, жены и матери — значит с чудовищным безрассудством расходовать наиболее ценный материал, созданный Богом». Через всю историю феминистского движения проходит также яркая, хотя и несколько опасная, идея о том, что равные с мужчиной права женщине были необходимы для того, чтобы наравне с мужчиной иметь полную свободу сексуального проявления. С деградацией женщины деградировали также семья, любовь, все взаимоотношения между мужчиной и женщиной. «После сексуальной революции, — считал Роберт Дэйл Оуэн, — наряду с другими несправедливыми монополиями исчезнет и сексуальная монополия; тогда не надо будет женщине быть непременно добродетельной, иметь только одно увлечение и только одно занятие в жизни».

Женщины и мужчины, начавшие эту революцию, предвидели, что их ждет немало недоразумений, несправедливостей и насмешек. Так оно и было. Первых людей, публично выступивших в защиту прав женщины в

Америке, — Фанни Райт, дочь шотландского аристократа, и Эрнестину Роуз, дочь раввина, — называли соответственно «красной шлюхой супружеской неверности» и «женщиной в тысячу раз хуже проститутки». Декларация, принятая в Сенеке-Фоллз, вызвала такие громкие крики со стороны прессы и священников — «революция», «бунт среди женщин», «царство юбок», «богохульство», — что слабохарактерные отказались от своих подписей. Мрачные репортажи о «свободной любви» и «легализованных адюльтерах» соперничали с фантазиями о судебных заседаниях, церковных проповедях и хирургических операциях, внезапно прерванных в связи с тем, что женщина— юрист, священник или врач должна была спешно вручить своему мужу только что рожденного ребенка.

На каждом этапе своей деятельности феминистки должны были бороться с представлением о том, что они идут против природы женщины, данной ей Богом. Священники противодействовали провозглашению женских прав, размахивая Библией и цитируя Священное писание: «Святой Павел сказал… жене глава муж… Жены ваши в церквах да молчат; ибо не позволено им говорить… Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви… А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева… Святой Петр сказал: а также вы, жены, повинуйтесь мужьям своим…»

В 1866 году сенатор из Нью-Джерси благочестивым речитативом провозгласил, что, если женщине предоставить равные права с мужчиной, это разрушит «ее кроткую нежную натуру, которая не только заставляет женщину уклоняться от жизненной борьбы, но и делает ее непригодной для участия в суматохе общественной жизни. У нее более высокая и священная миссия. Именно в уединении призвана она воспитывать характеры будущих мужчин. Миссия женщин состоит в том, чтобы дома ласковыми уговорами и любовью умиротворять страсти мужчин, когда они приходят домой с битвы жизни, а не в том, чтобы самим присоединяться к борьбе и подбрасывать дрова в костер этой битвы».

«Они, видимо, не хотят довольствоваться тем, что превратили себя в бесполые существа, они желают превратить в такие же бесполые существа всех женщин на свете», — сказал член законодательного собрания Нью-Йорка, выступая против одной из первых петиций о правах замужней женщины на собственность и доходы. Поскольку «Бог вначале создал мужчину, затем изъял у него часть для создания женщины» и вернул ее мужчине в браке как часть его самого, чтобы они были «единой плотью, одним существом», законодательное собрание самодовольно отклонило

петицию: «Более высокая власть, чем наша, от которой исходят законодательные предписания, указала нам, что мужчина и женщина никогда не будут равны».

Миф о том, что женщины, боровшиеся за свои права, были «жуткими монстрами», основывался на вере в то, что уничтожение предписанного Богом подчинения женщины разрушит домашний очаг и превратит мужчин в рабов. Подобные мифы возникают при любой революции, когда выдвигается новая группа людей в борьбе за равенство. Образ феминистки как бесчеловечной, огненной пожирательницы мужчин, независимо от того, считалось ли это отступлением от Бога или выражалось в современных терминах сексуального извращения, недалеко ушел от стереотипа, изображающего негра примитивным животным или членом союза анархистов. За сексуальной терминологией пытались скрыть тот факт, что феминистское движение представляло собой революцию. Были, конечно, эксцессы, как и в любой революции, но сами эти эксцессы лишь указывали на необходимость революции. Они являлись результатом страстного неприятия женщинами тех условий жизни, которые вели их к деградации, тех условий жизни, за привлекательным фасадом которых скрывалось беспомощное подчинение, делавшее женщину объектом такого плохо замаскированного презрения со стороны мужчины, что последний испытывал презрение даже к себе самому. И судя по всему, избавиться от этого презрения и самоуничижения оказалось гораздо труднее, чем изменить условия, создававшие их.

Конечно, они завидовали мужчинам. Некоторые первые феминистки коротко стригли волосы, носили спортивные брюки и старались подражать мужчинам. Глядя на жизнь, которую вели их матери, исходя из собственного опыта, эти страстные женщины имели все основания отвергнуть общепринятый женский образ. Некоторые из них даже отказывались от замужества и материнства. Но, отвернувшись от привычного женского образа, борясь за свою свободу и за свободу для всех женщин, многие из них становились другими женщинами. Они превращались в полноценных людей.

Сегодня имя Люси Стоун воскрешает в памяти какую-то пожирательницу мужчин, фурию в брюках, размахивающую зонтом, как мечом. Мужчине, который любил ее, потребовалось много времени, чтобы убедить ее выйти за него замуж, и, хотя она любила его и пронесла эту любовь через всю свою долгую жизнь, она так и не взяла его имени. Когда она родилась, ее добрая мать плакала: «О Боже! Мне очень жаль, что родилась девочка. Жизнь женщины так тяжела». За несколько часов до

рождения ребенка в 1818 году на ферме в западном Массачусетсе ее мать подоила восемь коров, потому что из-за внезапно налетевшей бури все работники оказались в это время в поле: ведь важнее было спасти урожай сена, чем ухаживать за женщиной накануне родов. Несмотря на то что эта хрупкая усталая женщина выполняла бесконечную работу по дому и родила девятерых детей, Люси Стоун выросла с убеждением: «В этом доме всегда исполнялась воля только одного человека — моего отца».

Она восстала против того, что родилась девочкой, поскольку это означало сносить такие унижения, о которых говорится в Библии и о которых говорила ей мать. Когда она увидела, что, сколько бы раз она ни поднимала руку в церкви на общем собрании, на нее никогда не обращали внимания, она восстала против этого. В церковном кружке кройки и шитья, где она шила рубашку, помогая молодому человеку из духовной семинарии, она услышала, как Мэри Лайон говорила об образовании для женщин. Она не стала дошивать рубашку, а в шестнадцать лет открыла школу с оплатой в один доллар в неделю, копила деньги в течение девяти лет, пока не собрала достаточно средств, чтобы поехать в колледж и самой получить образование. Она хотела выучиться, чтобы иметь возможность «защищать интересы не только рабов, но и всего страдающего человечества. И в частности, я намерена добиваться справедливости в отношении женщин». Но в Оберлине, где она была одной из первых женщин, прошедших «основной курс обучения», она вынуждена была учиться ораторскому искусству тайно в лесу, поскольку даже в Оберлине девушкам не разрешалось выступать публично.

Стирая мужчинам белье, убирая их комнаты, прислуживая им за столом, выслушивая их разглагольствования, но оставаясь уважительно молчаливыми на общих собраниях, девушки, обучавшиеся вместе с мужчинами в Оберлине, готовились прежде всего к тому, чтобы стать образованными мамами и надлежащим образом послушно исполнять роль жены.

Внешне Люси Стоун представляла собой женщину небольшого роста, с нежным серебристым голосом, который мог успокоить разбушевавшуюся толпу. При этом она могла осадить грубиянов и одержать верх над мужчинами, угрожавшими ей дубинками, бросавшими молитвенники и яйца ей в голову. А однажды среди зимы они запихнули шланг к ней в окно и стали поливать ее ледяной водой.

Как-то в одном городе пронесся распространенный в то время слух о том, что в город читать лекции приехала большая мужеподобная женщина, которая носит сапоги, курит сигару и ругается как извозчик.

Дамы, которые пришли послушать это чудище, не могли скрыть своего удивления, когда увидели, что Люси Стоун небольшого роста, изящна, одета в черное атласное платье с белым кружевным рюшем вокруг шеи, что она «воплощение женской грации… свежая и светлая, как утро».

Ее речи вызывали такую злобу у рабовладельцев, что «Бостон пост» опубликовала грубое стихотворение, в котором предрекалось, что «раздастся наконец громкий голос трубы», прославляющий мужчину, который «свадебным поцелуем закроет рот Люси Стоун». Люси Стоун поняла, что «замужество для женщины — это состояние рабства». Даже после того, как Генри Блэкуэлл последовал за ней из Цинциннати в Массачусетс (он жаловался, что «она — настоящий локомотив»), дал клятву «не признавать в браке превосходства ни мужчины, ни женщины» и написал ей: «Я встретил Вас у Ниагары, и, сидя у Ваших ног, я смотрел вниз на темную воду со страстным, неразделенным и неудовлетворенным сердечным томлением, которого Вы никогда не узнаете и не поймете», а затем выступил с публичной речью в защиту прав женщин; даже после того, как она призналась, что любит его, и написала ему: «Вы едва ли можете сказать мне что-либо, чего я не знала бы сама о пустоте одинокой жизни», — даже после этого она страдала жуткими головными болями, так как не могла решить, выходить ей за него замуж или нет.

Священник Томас Хигинсон сообщал, что на своей свадьбе «героическая Люси плакала, как простая деревенская невеста». Священник также заметил: «Каждый раз, когда я совершаю свадебный обряд, у меня возникает мысль о несправедливости такого порядка вещей, при котором муж и жена — одно целое, и это целое — муж». И он разослал в газеты соглашение, которое Люси Стоун и Генри Блэкуэлл подписали во время церемонии бракосочетания, дав ритуальные клятвы, которым могли бы подражать другие пары:

«Удостоверяя нашу взаимную любовь публичным вступлением в брак… мы считаем своим долгом заявить, что этот акт не предполагает с нашей стороны одобрения и не требует от нас обещания добровольного подчинения тем действующим брачным законам, которые отказываются признавать жену независимым, здравомыслящим существом, предоставляя в то же время мужу оскорбительное и неестественное право превосходства».

Люси Стоун и ее подруга, хорошенькая ее преподобие Антуанетта Браун (которая позже вышла замуж за брата Генри), Маргарет Фуллер, Ангелина Гримке, Эбби Келли Фостер — все отказались от раннего замужества и фактически не выходили замуж до тех пор, пока в своей

борьбе против рабства и за права женщин они не нащупали путь к пониманию себя как личности, что было недоступно их матерям. Некоторые из них, как, например, Сьюзен Энтони и Элизабет Блэкуэлл, вообще не вышли замуж. Люси Стоун сохранила свою девичью фамилию из-за более чем символического страха, что, став женой, она потеряет себя как личность. Понятие, известное в законодательных актах как «защищенная женщина», исключало «само существование или освященную законом жизнь женщины» после замужества. «Для замужней женщины ее новым «я» является ее повелитель, ее компаньон, ее хозяин».

Если правда, что феминистки были «разочарованными женщинами», о чем уже тогда говорили их враги, то было это только потому, что почти все женщины, жившие в тех условиях, имели все основания быть разочарованными. В 1855 году в одной из самых трогательных своих речей Люси Стоун сказала: «С тех пор как я себя помню, я была разочарованной женщиной. Когда вместе с братьями я хотела получить образование и обрести свободу, меня укоряли: «Это не для тебя, это не женское дело…» В образовании, в браке, в религии — повсюду женщину подстерегает разочарование. И я вижу цель своей жизни в том, чтобы обострять это разочарование в сердце каждой женщины до тех пор, пока она не откажется мириться с ним».

Люси Стоун видела, как еще при ее жизни во всех штатах радикально менялись законы, касающиеся жизни женщин: для них были открыты специальные высшие учебные заведения, а также двери двух третей колледжей Соединенных Штатов Америки. Ее муж и ее дочь, Алиса Стоун Блэкуэлл, после смерти Люси Стоун в 1893 году посвятили свои жизни незавершенной борьбе за избирательное право для женщин. К концу своей бурной жизни Люси Стоун вполне могла радоваться тому, что родилась женщиной. Она писала дочери в канун своего семидесятилетия: «Я верю в то, что моя мама видит меня и знает, как я рада, что родилась в то время, когда так нужно было мое участие. Дорогая моя мама! Она прожила трудную жизнь и сожалела, что у нее родилась еще одна девочка, которая должна нести тяжелое бремя женской доли… Но я очень рада, что я родилась».

У некоторых мужчин в определенные исторические периоды жажда свободы была такой же сильной или даже сильнее, чем страсть к плотским наслаждениям. То, что дело обстояло именно так для многих женщин, боровшихся за свои права, является неоспоримым фактом, независимо от того, как объясняется сила той, другой страсти. Несмотря на неодобрение и насмешки большинства мужей и отцов, несмотря на враждебность и даже

прямые оскорбления, которые им доставались за их «неженское» поведение, феминистки продолжали свой крестовый поход. Душевные муки терзали их на этом пути. Друзья писали Мэри Лайон, что настоящая леди не будет ездить по всей Новой Англии с зеленой бархатной сумкой, собирая деньги на открытие колледжа. «Что я делаю плохого? — спрашивала она. — Я езжу в дилижансе или в поезде без сопровождения… У меня болит душа, и сердце мое переполнено неразделенной нежностью, нежной пустотой. Я делаю большое дело, меня ничто не может унизить».

Очаровательная Ангелина Гримке была в полуобморочном состоянии, когда ей, не знавшей, что это шутка, пришлось предстать перед законодательными властями штата Массачусетс по обвинению в антирабовладельческих выступлениях. Она была первой женщиной, представшей перед законодательным органом. В «Пасторском послании» обсуждалось ее неженское поведение:

«Мы обращаем ваше внимание на ту опасность, которая в настоящее время повсеместно угрожает женщине, нанося ее личности непоправимый вред… Сила женщины в ее зависимости, проистекающей от сознания той слабости, которой наделил ее Бог для ее защиты… Но когда она занимает место мужчины и говорит его голосом как общественный деятель… она теряет свою естественность. Если виноградная лоза, сила и красота которой заключены в том, чтобы виться по решетке, скрывая ее, надумает стать такой же независимой, как вяз, который может самостоятельно отбрасывать тень, она не только не будет в состоянии давать плоды, но просто упадет в пыль, пристыженная и опозоренная».

Нечто большее, чем простое беспокойство или разочарование, не позволило ей «устыдиться и замолчать», а домохозяек Новой Англии заставляло проходить по две, четыре, шесть или восемь миль зимними вечерами, чтобы послушать ее.

Трудно сказать, является ли правомерным эмоциональное отождествление американскими женщинами борьбы за освобождение рабов с появлением у них подсознательного толчка к борьбе за свое собственное освобождение. Но неопровержимым фактом является то, что, проводя организационную работу, обращаясь с петициями и выступая с речами за освобождение рабов, американские женщины научились бороться за свое собственное освобождение. На Юге, где рабство держало женщину в стенах дома и где ей не удалось почувствовать вкус к образованию, самостоятельной работе или к общественной борьбе за совместное обучение в школах детей с разным цветом кожи, привычный образ женщины остался неизменным, там было мало феминисток. На

Севере женщины, принимавшие участие в «подпольной железной дороге» ' или каким-либо другим способом боровшиеся за освобождение рабов, не могли уже больше оставаться прежними. Феминизм продвигался на Запад вместе с фургонами колонистов, где близость границы сделала женщин с самого начала почти равными мужчинам (Вайоминг был первым штатом, в котором женщины получили право голоса). Кажется, что у феминисток было столько же причин завидовать мужчинам или ненавидеть их, сколько у всех остальных женщин их времени. Но что действительно отличало их, так это самоуважение, мужество, сила. Любили ли они мужчин или ненавидели их, не узнали страданий или испытали унижения от мужчин в своей жизни, они отождествляли себя со всеми женщинами. Женщины, смирившиеся с условиями, которые способствовали их деградации, чувствовали презрение к себе и ко всем женщинам. Феминистки, боровшиеся за изменение этих условий жизни, избавились от этого презрения, и у них было меньше причин завидовать мужчинам.

Призыв к первому съезду в защиту женских прав прозвучал потому, что образованная женщина, уже принимавшая участие в общественной жизни как аболиционистка, лицом к лицу столкнулась с реальностями тяжелой нудной работы домохозяйки и с изолированной жизнью в маленьком городке. Так, например, Элизабет Кейди Стэнтон, выпускницу колледжа, мать шестерых детей, жившую на окраине городка Сенека-Фоллз, куда она перебралась с мужем, томила жизнь состоявшая из приготовления еды, шитья, стирки и воспитания детей, одного за другим. Ее муж, лидер аболиционистов, часто ездил по делам. Она писала:

«Подпольная железная дорога» (Underground Railroad) — система переброски беглых рабов-негров из южных штатов в северные. — Прим. перев.

«Я теперь понимаю те трудности, с которыми должно мириться большинство женщин, живя обособленной жизнью в своих домах и не имея возможности развивать свои лучшие качества, общаясь большую часть своей жизни со слугами и детьми… Я чувствовала общую неудовлетворенность женской долей… и усталый тревожный взгляд большинства женщин вызывал во мне горячее желание принять необходимые активные меры… Я не знала, что делать, с чего начать. Единственное, что я смогла придумать, — это организовать митинг протеста, на котором можно было бы обсудить этот вопрос».

Она поместила в газетах только одно объявление, но домохозяйки и их дочери, никогда не видевшие другой жизни, съехались из разных мест в

радиусе пятидесяти миль, чтобы послушать ее речь.

Несмотря на социальные и психологические различия, те, кто вел борьбу за права женщин раньше, да и потом, имели уровень развития выше среднего и получили более глубокое для своего времени образование. Иначе какие бы чувства они ни испытывали, они не смогли бы разглядеть те предрассудки, которыми оправдывали деградацию женщин, и не смогли бы выразить словами свои неортодоксальные мысли. Мэри Уоллстонкрафт занималась самообразованием, а затем училась у тех английских философов, которые выступали за права человека. Отец научил Маргарет Фуллер читать классическую литературу на шести языках, а позже она была вовлечена в эмерсоновский кружок философов-трансценденталистов. Отец Элизабет Кейди Стэнтон, будучи судьей, дал дочери лучшее по тем временам образование и, кроме того, разрешил ей посещать слушания тех дел, которые он вел в суде. Эрнестина Роуз, дочь раввина, восставшая против исповедуемой в доме религиозной доктрины, которая закрепляла за женщиной подчиненное положение по отношению к мужчине, получила образование путем «независимого размышления» над идеями великого утописта Роберта Оуэна. Она также нарушила ортодоксальный религиозный обычай и вышла замуж за человека, которого любила. Даже во времена самых яростных битв за права женщин она настаивала на том, что не мужчина как таковой является врагом женщины: «Мы боремся не с мужчинами, а с порочными принципами».

Эти женщины не были мужененавистницами. Юлия Уорд Хоуве, блистательная и прекрасная дочь «Нью-Йорка-400», глубоко изучавшая все, чем бы она ни интересовалась, опубликовала «Республиканский боевой гимн» анонимно, потому что ее муж был убежден, что ее жизнь должна быть посвящена ему и их шестерым детям. Она не принимала участие в движении суфражисток до 1868 года, то есть до тех пор, пока не встретила Люси Стоун, которая, как она позже признавалась, «долгое время была, как я тогда считала, мне крайне неприятна. Когда же я увидела ее прелестное женственное лицо, услышала ее искренний голос, я поняла, что объект моей неприязни существовал только в моем воображении, созданный бессмысленным и глупым заблуждением… Единственное, что я смогла сказать: "Я с вами"».

Ирония мифа о женщинах-мужененавистницах состоит в том, что так называемые эксцессы феминисток были результатом их беспомощности. Когда общество считает, что женщины не имеют, да и не заслуживают того, чтобы иметь, какие-либо права, как им помочь себе? Вначале казалось, что

они могут только говорить. После 1848 года они каждый год устраивали собрания в защиту прав женщин в маленьких и больших городах, собирали общенациональные съезды и съезды отдельных штатов: Огайо, Пенсильвании, Индианы, Массачусетса. Они могли до скончания века говорить о правах, которых у них не было. Но как могли появиться законодатели, которые решали бы вопросы в пользу женщин, которые позволили бы им оставлять себе собственные доходы или детей после развода, когда они не имели даже права голоса? Как могли женщины организовать и финансировать кампанию за получение избирательного права, если у них не было ни своих денег, ни права на собственность?

Сам факт обостренного восприятия общественного мнения, которое вырабатывается в женщине в результате такой полной зависимости, делал болезненным каждый шаг, который помогал женщине выйти из ее нежной тюрьмы. Даже когда они попытались изменить условия, которые они были в состоянии изменить, им пришлось столкнуться с насмешками. Фантастически неудобные платья, которые носили «дамы» в то время, были символом их рабства: затянутые так туго, что едва могли дышать, они надевали полдюжины нижних юбок, весящих от десяти до двенадцати фунтов и таких длинных, что подметали весь мусор на улице. Образ феминисток, снимающих с мужчин брюки, в определенной степени возник в связи с появлением костюма «блумер», состоящего из жакетки, юбки до колен и брюк до щиколоток. Элизабет Стэнтон вначале носила его с удовольствием, ей удобно было в нем делать домашнюю работу, так же как в наше время молодой женщине удобно носить шорты или слаксы. Но когда феминистки стали появляться в этих костюмах на людях как символ эмансипации, грубые шутки газетчиков, уличных бездельников и мальчишек были просто невыносимы для их женской чувствительности. «Мы надеваем этот костюм, чтобы иметь большую свободу, но что такое физическая свобода по сравнению с моральным рабством», — сказала Элизабет Стэнтон и сняла свой блумер. Большинство женщин, в частности Люси Стоун, перестали носить его из чисто женских соображений: он не очень удачно подчеркивал их фигуру. Только сама миссис Блумер продолжала носить его, так как была чрезвычайно миниатюрной и очень хорошенькой.

Тем не менее необходимо было избавить умы мужчин, умы других женщин и свой собственный разум от мысли, что женщине нужна эта беспомощная нежность. Когда они решили собрать подписи под петицией в защиту права замужних женщин на владение собственностью, частенько сами женщины захлопывали двери перед их носом, самоуверенно замечая,

что у них есть мужья и они не нуждаются в законах, которые бы их защищали. Когда Сьюзен Энтони и женщины из ее команды собрали за десять недель шесть тысяч подписей, Ассамблея штата Нью-Йорк встретила их раскатами хохота. В виде насмешки Ассамблея объявила, что поскольку дамы всегда получают «лучшие кусочки» за столом, лучшее место в экипаже и выбирают, на какой стороне постели спать, то «если и есть какие-либо неравенства или притеснения, так от них страдает не кто иной, как мужчина». И они отложили рассмотрение дела до тех пор, пока петиция не будет подписана не только женой, но и мужем. Они также порекомендовали обеим сторонам обратиться с просьбой о принятии закона, требующего обмена костюмами, «чтобы муж мог носить нижние юбки, а жена бриджи».

Вызывает удивление, что феминистки вообще смогли чего-то добиться и не превратились в озлобленных мегер, но были женщинами, энтузиазм которых постепенно возрастал, а сознание того, что они творцы истории, крепло. В жизни Элизабет Стэнтон больше душевной стойкости, чем ожесточения. Она продолжала рожать детей, когда ей было уже за сорок, и писала Сьюзен Энтони, что этот 'будет, безусловно, последним и что все еще только начинается. «Мужайся, Сьюзен, наш расцвет не наступит раньше, чем нам исполнится 50 лет». Болезненно неуверенная в себе и постоянно переживающая из-за своей внешности — не в связи с дурным отношением к ней со стороны мужчин (у нее были поклонники), а из-за красивой старшей сестры и матери, считавшей косоглазие трагедией жизни, — Сьюзен Энтони была единственной женщиной из всех феминисток девятнадцатого века, которая соответствовала в какой-то степени созданному мифу. Она ощутила себя преданной, когда ее подруги начали выходить замуж и рожать детей. Но несмотря на то, что она держалась вызывающе, она не была старой девой, увлекающейся кошками. Одна путешествуя по городам, штудируя перед собраниями свои выступления, максимально используя свои способности лектора, организатора, завсегдатая кулуаров Конгресса, агитирующего его членов за принятие своего законопроекта, она шла своим путем в этом постоянно раздвигающем для нее свои границы мире.

За свою жизнь эти феминистки изменили тот привычный образ женщины, который оправдывал ее деградацию. На одном из собраний, когда мужчины глумились над предложением предоставить женщинам избирательное право и говорили, что последние так беспомощны, что их надо на руках переносить через лужи в карету, гордая феминистка по имени Соджернер Трут подняла свою черную руку:

«Посмотрите на мою руку! Я пахала, сажала и собирала урожай… а разве я не женщина? Я могу работать столько же, сколько мужчина, и есть столько же — когда есть еда, я даже могу переносить побои… Я родила тринадцать детей, и почти всех их продали в рабство, но, когда я оплакивала свое материнское горе, никто, кроме Иисуса, не слышал меня! А разве я не женщина?»

Образ изнеженной пустышки стал терять свое значение также благодаря все возрастающему количеству женщин — а их были тысячи, — работавших на фабриках из красного кирпича, например благодаря девушкам с фабрик Лоуэлла, боровшимся против ужасных условий труда, которые в связи с тем, что к женщинам относились как к существам более низкого разряда, были даже несколько хуже, чем для мужчин. Но женщины, вынужденные после двенадцати- или тринадцатичасового рабочего дня на фабрике выполнять еще всю домашнюю работу, не могли стать лидерами в этом движении, полном страстного увлечения и энтузиазма. В основном его возглавляли женщины, происходившие из средних слоев общества и стремившиеся любыми путями получить образование и разрушить этот бессодержательный образ.

Что двигало ими? «Я должна дать выход запертой во мне энергии каким-то новым способом, — записала Луиза Мэй Элкот в своем дневнике, когда решила принять участие в Гражданской войне в качестве сиделки. — Удивительно интересное путешествие в новый мир, наполненный волнующими видениями и звуками, новыми приключениями и постоянно возрастающим чувством великой миссии, я предприняла. Я молилась, когда неслась через всю страну, белую от обилия палаток, всю бурлящую патриотическими чувствами и уже красную от крови. Мрачное время, но я рада, что живу в нем».

Что двигало ими? Одинокая и мучимая сомнениями Элизабет Блэкуэлл, приняв неслыханное, ужасное решение стать женщиной-врачом, не обращала внимания на насмешки, посредственные оценки и продолжала делать анатомические вскрытия. Она боролась за то, чтобы ей была предоставлена возможность наблюдать вскрытие половых органов, но не осмелилась принять участие в шествии во время празднования актового дня, потому что считала это неприличным для дамы. Так как ее избегали даже ее коллеги врачи, она писала:

«Я не только врач, но и женщина… Теперь я понимаю, почему раньше никто не жил такой жизнью. Эта жизнь очень тяжела, единственное, что поддерживает тебя в борьбе с любым видом социальной оппозиции, — это твоя великая цель… Мне бы хотелось хоть изредка немного развлекаться. В

целом жизнь моя чересчур спокойна и размеренна».

В ходе столетней борьбы реальность опровергла миф о том, что женщина добивается прав лишь для того, чтобы в дальнейшем, использовав их, отомстить мужчине и стать выше его. Завоевав право на получение равного с мужчинами образования, право на публичные выступления, на владение собственностью, право на труд и получение профессии, а также право самим распоряжаться своими доходами, феминистки почувствовали, что у них осталось меньше поводов ожесточаться против мужчин. Но надо было провести еще одно сраж. ение, о чем в 1908 году говорила М. Кзрри Томас, блистательная женщина, первый президент Брин-Мор-колледжа:

«Женщины составляют половину человечества, но всего сто лет назад… женщины жили полубессознательной, сумеречной жизнью, полжизни проводя в ожидании и видя только тени мужчин, проходящие мимо. Это был мир мужчин. Законы были созданы для мужчин, правительство формировалось для мужчин, вся страна была только для мужчин.

Беда заключалась в следующем: несмотря на то что движение за права женщин стало весьма представительным, женщины, не имея избирательного права, не могли заставить ни одну политическую партию принимать их всерьез. Когда дочь Элизабет Стэнтон, Хэрриет Блэтч, вернулась домой в 1907 году после смерти своего мужа-англичанина, она увидела, что движение, в среде которого она росла, превратилось в традиционные, рутинные чаепития с пирогами. До этого она наблюдала, как в Англии женщины использовали тактику драматизации событий и заходили в аналогичный тупик: задавали выступавшим на общих собраниях бесчисленное количество вопросов, намеренно провоцировали полицию, устраивали голодные забастовки в тюрьме, подобно драматическому ненасильственному сопротивлению, которое использовал Ганди в Индии, или подобно тому, что сейчас используют в Соединенных Штатах участники Марша свободы, когда, прибегая к тактике законных действий, они оставляют невредимой и действенной сегрегацию. Американским феминисткам никогда не приходилось прибегать к крайностям, подобно их английским соратницам, страдавшим значительно дольше. Однако они все-таки сгустили краски в вопросе о предоставлении им избирательного права настолько, что была организована оппозиция, более могущественная, чем та, которая была создана по половому признаку.

Так же как в девятнадцатом веке борьба за освобождение женщин была результатом борьбы за освобождение рабов, в двадцатом веке она явилась порождением борьбы за социальные реформы, возглавляемой

Джейн Адаме и Халл Хаус, результатом подъема профсоюзного движения и великих забастовок против невыносимых условий труда на фабриках. Для девушек из «Трайэнгл Шортвейст», работавших за мизерную плату в шесть долларов в неделю при рабочем дне, длившемся до десяти часов вечера, девушек, которых штрафовали за разговоры, смех, пение, — для них равенство было более серьезным вопросом, чем только получение права на образование или избирательное право. Голодные, они стояли в пикетах на сильном холоде в течение многих месяцев; десятками избивались и затаскивались в «черные вороны» полицией. Новые феминистки собирали деньги, чтобы выплачивать залог за женщин, принимавших участие в забастовках, чтобы покупать им еду, как в свое время их матери помогали деятельности «подпольной железной дороги».

За призывами «спасите женственность», «спасите дом» теперь можно было усмотреть политические манипуляции и страх от одной только мысли о том, что бы сделали эти реформистки, если бы они получили право голоса. Женщины дошли до того, что попытались закрыть питейные заведения. Продавцы спиртных напитков, а также другие бизнесмены, особенно те, которые были заинтересованы в низкооплачиваемом труде детей и женщин, открыто пытались воздействовать на членов Конгресса в Вашингтоне, принуждая их выступить против поправки к законопроекту о предоставлении женщинам избирательного права. «У политиков явно не было уверенности, что они смогут проконтролировать прохождение поправки к законопроекту об избирательной системе, поправки, которая, будучи неподвластной взятке, представляла бы собой опасность и непременно привела бы к дестабилизирующим реформам, начиная от введения контроля за сточными водами и кончая запрещением детского труда, а что хуже всего, «приведением в порядок» всей политической системы». А конгрессмены из южных штатов указали на то, что предоставление избирательного права женщинам означает также предоставление этого права негритянкам.

Финальное сражение за избирательное право разыгралось в двадцатом веке. В нем приняло участие все возрастающее количество выпускниц колледжей под руководством Кэрри Чепмен Кэтт, дочери прерий Айовы, получившей образование в штате Айова, учительницы и журналистки, муж которой, преуспевающий инженер, решительно поддерживал ее борьбу. Группа, позднее называвшая себя женской партией, организовывала постоянные пикеты, которые с лозунгами стояли вокруг Белого дома. В начале первой мировой войны была поднята истерия по поводу женщин, приковавших себя к ограде Белого дома. Третируемые полицией и судами,

они объявляли в тюрьмах голодовки протеста, и их мучили тем, что в конце концов кормили насильно.

Многие из этих женщин были квакерами и пацифистками, но большинство феминисток все же поддерживало войну, хотя при этом и продолжало кампанию по борьбе за права женщин. Их вряд ли можно считать виновными в получившем в настоящее время широкое распространение мифе о феминистках-мужененавистницах, мифе, который, начиная со времен Люси Стоун и до настоящего времени, периодически всплывает, как только у кого-нибудь возникает необходимость выступить против того, чтобы женщины покидали свои дома.

В этом финальном сражении, которое длилось пятьдесят лет, американские женщины провели 56 кампаний по организации референдумов среди мужчин-избирателей; 480 кампаний по борьбе за то, чтобы законодательные органы приняли поправки суфражисток к закону об избирательной системе; 277 кампаний за то, чтобы на съездах государственных партий в партийные программы был включен пункт о предоставлении женщинам избирательного права; 30 кампаний за то, чтобы партийные совещания при президенте утвердили этот пункт; девятнадцать кампаний, которые увенчались соответственно девятнадцатью конгрессами. Кто-то должен был заниматься организацией всех этих демонстраций, речей, петиций, собраний, «обработкой» членов парламента и конгрессменов. Новые феминистки представляли собой уже не горстку женщин, целиком отдающих себя этому делу; это были уже тысячи, миллионы американских женщин, которые вместе с мужьями, детьми и домочадцами уделяли этому делу столько времени, сколько могли себе позволить. Неприятный образ современных феминисток мало напоминает самих феминисток. В большей степени он создавался и навязывался теми силами, которые так решительно, штат за штатом, выступали против предоставления женщинам избирательного права, «обрабатывали» членов парламента, угрожали законодателям экономическим и политическим крахом, покупали голоса, даже воровали их вплоть до тех пор, да даже и после того, как тридцать шесть штатов ратифицировали поправку.

Выигравшие это сражение получили права не только на бумаге. Они сбросили с себя и с других женщин покрывало презрения и самоуничижения, которые унижали женщину на протяжении веков. Радость, чувство волнения и ощущение личной заслуги в достижении победы прекрасно описаны Айдой Алексой Росс Уайли, английской феминисткой: «К своему удивлению, я обнаружила, что, несмотря на вывернутые внутрь колени и на тот факт, что в течение столетий ноги

респектабельной женщины вообще даже не упоминались в разговоре, женщины в решительную минуту могут бежать быстрее среднего английского полицейского. После небольшой практики они научились довольно точно попадать гнилыми овощами в головы министров. Они оказались достаточно умны и смогли заставить агентов Скотланд-Ярда глупейшим образом бегать вокруг них кругами. Их способность организовывать экспромты, соблюдать конспирацию, быть преданными, их борьба с предрассудками, нежелание признавать деление общества на классы и принимать установленный порядок были просто открытием для всех, и особенно для них самих…

Тот день, когда в театре, где проходило одно из наших бурных собраний, ударом левой прямо в челюсть я послала дюжего сыщика в оркестровую яму, был днем моей зрелости… Так как от рождения я не была гениальна, этот эпизод не мог превратить меня в таковую, но он сделал меня свободной, с этого времени я могла позволить себе быть полностью самой собой.

Два года неистовой, а временами и опасной борьбы я работала бок о бок с энергичными, счастливыми, быстро приспосабливающимися к обстоятельствам женщинами, которые громко смеялись, а не прыскали в кулачок, которые ходили свободной гордой походкой, а не мелкими неуверенными шажками, которые могли голодать дольше Ганди и при этом улыбаться и шутить. Я спала на голом полу рядом с престарелыми аристократками, толстыми стряпухами и молоденькими продавщицами. Мы нередко испытывали усталость, обиду и страх, но мы были счастливы, как никогда. Нас переполняла неведомая до того любовь к жизни. Большинство моих соратниц были женами и матерями. И странные вещи происходили у них дома. Мужья стремились домой с большим желанием… Что же касается детей, то их отношение резко менялось: вместо того чтобы с нежным терпением переносить заботу своей бедной любимой мамы, они испытали страшное удивление, когда почувствовали себя свободными от удушающей материнской любви. Поскольку мама была слишком занята, чтобы по привычке заниматься их делами, они обнаружили, что любят ее. Она стала своим парнем. Оказалось, она все соображает… Те же женщины, которые стояли в стороне и не принимали участия в борьбе, а к сожалению, таких было значительное большинство, и которые еще в большей степени, чем раньше, были «малышками», ненавидели феминисток и страшно завидовали им…»

Действительно ли реакцией на феминизм был возврат женщин домой?

Дело в том, что для женщин, рожденных после 1920 года, феминизм — мертвая история. Как жизнеспособное движение он закончил свое существование в Америке і юсле того, как завоевал самое основное право — право голоса. В тридцатые и сороковые годы борьба за права женщин гак или иначе была связана с борьбой за права человека и различные свободы — для негров, для эксплуатируемых рабочих, для жертв франкистской Испании и гитлеровской Германии. Но никто уже всерьез не заботился о правах женщины как таковых: к этому времени они все были завоеваны. Однако миф о женщинах-мужененавистницах все еще был жив. Женщину, которая в той или иной степени выказывала независимость или проявляла инициативу, называли «Люси Стоун». «Феминистка», так же как и «карьеристка», стало ругательным словом. Феминистки разрушили старый образ женщины, но они не смогли уничтожить враждебность, предрассудки, дискриминацию, которые продолжали существовать. Не могли они предложить и новый образ женщины, такой, какой она сможет стать, когда вырастет в новых условиях: не чувствуя себя человеком более низкого сорта, чем мужчина, не будучи зависимой от него, избавившись от пассивности, неспособности мыслить или решать что-либо самостоятельно.

Большинство девушек, выросших в годы, когда феминистки пытались уничтожить причины, порождавшие клеветнический образ «нежного ничтожества», отчасти восприняли образ женщин-мужененавистниц от своих матерей, которые были все еще у него в плену. Их матери и были, возможно, прообразом мифа о женщинах-мужененавистницах. Чувство презрения и самоуничижения, которое могло превратить нежную домашнюю хозяйку во властную мегеру, обращало их дочерей в рассвирепевшую копию мужчины. Первые женщины в бизнесе и женщины, получившие профессию, считались уродами. Некоторые из них, сомневающиеся в своих новых свободах, видимо, отказывались быть добрыми и нежными, любить, иметь детей из страха потерять завоеванную независимость, из страха вновь стать обманутыми, как их матери. Они и укрепили этот миф.

Но их дочери, которые выросли, имея уже права, завоеванные феминистками, не могли вернуться к старому образу «нежного ничтожества», не было у них и причин быть похожими на сердитых мужчин или бояться любить их, как это

было с их тетушками и матерями. Сами того не понимая, они подошли к поворотному пункту осознания себя как личности. Они наконец переросли старый образ и могли самостоятельно выбирать, кем стать. Но

какой им был предоставлен выбор? С одной стороны, злобная феминистка, мужененавистница, женщина, делающая карьеру, нелюбящая, нелюбимая и одинокая. С другой стороны, нежная жена и мать, окруженная заботой любящего мужа, проводящая все дни со своими ненаглядными детками. Хотя многие женщины продолжали идти дорогой борьбы, на которую впервые вступили еще их бабушки, тысячи других женщин — жертвы ошибочного выбора — сошли с нее.

Причины их выбора были, конечно, намного сложнее, чем влияние мифа о феминистках. Как смогли китайские женщины обнаружить, что они могут бегать, после того как в течение многих поколений их ноги были заключены в колодки? Первые женщины, с которых сняли колодки, наверное, испытывали такую боль, что некоторые из них боялись даже встать на ноги, а не то что ходить или бегать. Чем больше они ходили, тем меньше болели их ноги. Но что произошло бы, если бы до того, как выросло первое поколение китайских девочек с раскрепощенными ногами, доктора, желая избавить их от боли и разочарования, вновь поместили бы их ноги в колодки? Если бы их учили, что ходить в колодках очень женственно, что, если они хотят, чтобы их любили мужчины, они должны ходить только таким образом? Если бы им говорили, что они станут лучшими матерями, если не смогут далеко уйти от своих детей? Если бы торговцы с лотков, поняв, что женщины, которые не могут далеко ходить, купят у них больше безделушек, стали распространять басни о том, как опасно бегать и какое счастье, когда твои ноги в колодках? Захотели бы тогда китайские девочки, чтобы их ноги были надежно закреплены в колодках, соблазнились бы они на то, чтобы хоть однажды пройтись или пробежаться?

Шутка, которую история сыграла с американскими женщинами, состоит в действительности не в том, что люди из дешевого чувства изощренности фрейдистского толка насмехаются над ушедшим поколением феминисток. Фрейдизм сыграл шутку с живыми женщинами, исказив память о феминистках, превратив их в пожирающий мужчин фантом загадочной женственности, вытравив из них само желание быть кем-то еще, кроме как женой и матерью. Вдохновленные загадкой женственности, желая избежать кризиса личности, получив разрешение вообще отказаться от обретения личности во имя обретения сексуальной полноценности, женщины вновь живут с закованными в колодки ногами в старом образе прославленной женственности. И несмотря на блеск новых одежд, это тот же самый старый образ, который обманывал женщин на протяжении многих веков и который заставил феминисток взбунтоваться.

5. Сексуальный солипсизм Зигмунда Фрейда

Пер. Н. Левковской

Было бы не совсем верно сказать, что все пошло от Зигмунда Фрейда. В Америке это вообще началось не раньше сороковых годов. К тому же это было не столько началом, сколько предотвращением конца. Старые предрассудки о том, что женщина — животное, стоящее ниже человека, неспособное мыслить, как мужчина, живущее на свете исключительно для того, чтобы растить детей и прислуживать мужчине, — такие предрассудки рассеять было не так-то легко. Это не удалось сделать ни феминисткам, ни с помощью науки и образования, ни даже с помощью духа демократизма. Они вновь проявились в сороковые годы только в другом наряде, фрейдистском. Загадка женственности получила новую силу от учения Фрейда, так как именно под влиянием Фрейда родилась идея, способствовавшая тому, что сами женщины и те, кто их изучал, неправильно интерпретировали разочарование своих матерей, негодование и несостоятельность своих отцов, братьев и мужей, а также свои собственные чувства и предоставляемый жизнью выбор. Именно благодаря идее Фрейда, воплощенной в жизнь, попалось в ловушку так много современных американских женщин.

Современной женщине значительно труднее поставить под сомнение новый образ таинственной женственности, чем старые предрассудки. Частично оттого, что эта самая таинственная женственность пропагандируется с помощью средств массовой информации представителями социальной науки и образования, которые призваны быть главными врагами предрассудков; частично оттого, что по своей природе фрейдистское учение практически не может быть подвергнуто сомнению. Как может образованная американка, не являющаяся сама специалистом по психоанализу, позволить себе усомниться в правильности учения Фрейда? Она знает, что открытие Фрейдом подсознательной деятельности человеческого мозга было одним из величайших достижений в стремлении человека к знанию. Она знает, что наука, основанная на этом открытии, помогла многим страдающим мужчинам и женщинам. Ей внушали, что, только изучая и практикуя психоанализ в течение многих лет, можно добиться истинного понимания учения Фрейда. Она, возможно, даже знает

о том, что человеческий разум подсознательно отказывается признавать истинность этого учения. Как может она взять на себя смелость ступать по священной земле, по которой разрешено ходить только специалистам по психоанализу."

Никто не подвергает сомнению ни гениальность открытий Фрейда, ни тот вклад, который он внес в нашу культуру. Не сомневаюсь я и в эффективности психоанализа в том виде, в каком он практикуется в наше время последователями Фрейда и представляется его антагонистами. Но, исходя из своего собственного женского опыта и как репортер — из опыта других женщин, я сомневаюсь, что теорию Фрейда можно применить к современным женщинам. Я сомневаюсь, что ее можно использовать не только в терапевтических целях, а в том виде, в каком она проникает в жизнь американских женщин через популярные журналы и толкования так называемых экспертов. Я думаю, что большая часть теории Фрейда, относящаяся к женщине, устарела, она мешает современной американке познать истину и является основной причиной распространяющейся проблемы, не имеющей названия.

В этом деле много парадоксов. Учение Фрейда о подсознании помогло мужчине освободиться от тирании «долженствования», тирании прошлого, которое мешает ребенку становиться взрослым. Однако теория Фрейда помогла создать новое подсознание, которое парализует образованную современную американскую женщину, помогла создать новую тиранию «долженствования», которая цепью приковывает женщину к старому образу, ставит запрет ее росту, не дает возможности выбора и отрицает наличие женской индивидуальности.

Психология фрейдизма, делая упор на свободе от всеподавляющей морали, не позволяющей достичь состояния сексуального удовлетворения, была частью идеологии женской эмансипации. Наиболее устойчивый образ «эмансипированной» американки — это женщина свободной морали двадцатых годов нашего столетия: раздражающие волосы отрижены «под фокстрот», колени обнажены, похваляется возможностью жить в студии Гринвич-Вилледжа или на северной стороне Чикаго, водит машину, пьет и курит, пускается во всякие сексуальные приключения или говорит о них. Тем не менее сегодня по причинам, вовсе не похожим на те, которые были при жизни Фрейда, его учение стало идеологическим оплотом сексуальной контрреволюции в Америке. Если бы фрейдистское определение сексуальной природы женщины не дало общепризнанному образу женственности нового импульса, я не думаю, что было бы так легко сбить с толку несколько поколений образованных, духовно развитых американских

женщин и не дать им возможности осознать, кто они такие и кем могут стать.

Понятие «зависть к мужскому половому члену», сформулированное Фрейдом для описания наблюдаемого им у женщин явления (а конкретнее, у женщин, принадлежащих среднему классу, которые были его пациентками в викторианской Вене), было использовано в нашей стране в сороковые годы для однозначного объяснения всего того, что происходило с женщинами. Многие из тех, кто проповедовал доктрину поставленной под угрозу женственности, побуждая американских женщин к борьбе за независимость и достижение права развивать свою личность, никогда не догадывались о фрейдистском происхождении доктрины. Многие из тех, кто ухватился за эту идею, — не горстка психоаналитиков, а множество популяризаторов, социологов, жителей, работников рекламных агентств, авторов журнальных публикаций, экспертов по детской психологии, консультантов в области брака, священников, завсегдатаев вечеринок — не могли знать, что имел в виду Фрейд под понятием зависть к мужскому половому члену». Следует только посмотреть, на что обращал внимание сам Фрейд, описывая своих викторианских пациенток, чтобы увидеть, насколько неверно такое прямолинейное отнесение его теории женственности к современной женщине. И стоит только понять, почему он описывал это таким образом, чтобы осознать, что многое из этого устарело и противоречит сведениям, являющимся частью знания любого современного социолога, которое не было известным во времена Фрейда.

Общепризнано, что Фрейд был наиболее тонким и добросовестным наблюдателем серьезных проблем человеческой личности. Но, описывая и давая оценку этим проблемам, он находился в плену у своей культуры. Раздвигая границы нашего познания, нашей культуры, он не мог тем не менее выйти за пределы границ собственного знания. Даже его гений не мог в то время подсказать ему знание культурных процессов, которые в настоящее время являются основой воспитания самых заурядных людей.

Теория относительности в физике, которая в последние годы полностью изменила наше представление о научных знаниях, которыми мы обладали, является более определенным понятием, и поэтому ее легче принять, чем теорию относительности в социологии. Это не лозунг, а серьезное заявление по существу. Очевидно, что ни один исследователь социальных явлений не может полностью освободиться от оков своей собственной культуры, он может интерпретировать свои наблюдения только в границах науки своего времени. Это относится и к великим новаторам. Они вынуждены соотносить свои революционные открытия с

современностью и переводить их на язык той науки, которая существует в их время. Даже открытия, выдвигающие новые направления в науке, являются относительными с точки зрения выдвижения их создателя на какие-то более выгодные позиции.

Знание других культур, понимание относительности любой культуры, являющееся частью знаний современного социолога, были неизвестны Фрейду. Выяснилось, что многое из того, что Фрейд считал биологическим, инстинктивным и неизменным, как показали последние исследования, является результатом особых культурологических причин. Многое из того, что Фрейд считал присущим человеческой натуре вообще, было характерно только для некоторых мужчин и женщин среднего класса, живших в Европе в конце девятнадцатого века.

Например, теория Фрейда о сексуальном происхождении неврозов обязана своим возникновением тому факту, что многие его первые пациенты страдали истерией, и в этих случаях, как ему удалось выяснить, причиной болезни было подавление сексуального инстинкта. Ортодоксальные фрейдисты все еще открыто признают, что верят в сексуальную подоплеку всех неврозов, а так как они ищут у своих пациентов подсознательные сексуальные проявления и интерпретируют услышанное в сексуальных символах, им все еще удается находить то, что они хотят найти.

Но дело в том, что случаи истерии, наблюдавшиеся Фрейдом, в наше время встречаются значительно реже. Естественно, что во времена Фрейда ханжество жизненных принципов подавляло сексуальные проявления. (Некоторые социологи-теоретики даже предполагают, что причиной сексуальной озабоченности пациентов Фрейда являлось отсутствие других интересов у этих людей в умирающей Австрийской империи.) Естественно, тот факт, что культурные ценности времен Фрейда отрицали сексуальные проявления, способствовал сосредоточению его интереса именно на них. Затем он разработал свою теорию, описывающую все стадии развития организма с позиций секса, подгоняя все явления, которые он наблюдал, под сексуальные рубрики.

Его стремление интерпретировать все психологические явления в терминах секса, рассматривать все проблемы взрослой личности с позиции последствий детских сексуальных комплексов также являлось частично результатом его медицинского образования и понимания причинной обусловленности явлений, принятой в научной мысли того времени. Он так же неуверенно описывал психологические явления в терминах данной науки, как и многие другие ученые, занимающиеся проблемами

человеческого поведения. По мере продвижения в неизведанную область подсознательного в человеческом мозгу ему казалось более удобным, надежным, естественным и научным описывать все, что можно, в физиологических терминах, соотнося это с анатомическими органами. По словам его биографа Эрнеста Джоунза, он предпринял «отчаянную попытку зацепиться за спасательный круг церебральной анатомии». Он обладал такими прекрасными способностями видеть и описывать психологические явления, что независимо от того, были ли заимствованы термины, определяющие выдвинутые им понятия, из физиологии, философии или литературы, — такие, как «зависть к мужскому половому члену», или «эго», или «эдипов комплекс», — казалось, что вес они имеют конкретную физическую субстанцию. Психологические факты были для него, как писал Джоунз, «настолько же реальны и конкретны, как металлы для металлурга». Эта его способность породила массу недоразумений, когда его понятиями стали пользоваться менее талантливые мыслители.

Вся сложная структура теории Фрейда основана на строгом детерминизме, характеризовавшем научное мышление викторианской эпохи. Детерминизм в наше время заменен более сложным подходом к причинно-следственным отношениям при описании как физических процессов и явлений, так и психологических. С позиций этого нового подхода ученым, изучающим поведение человека, нет необходимости заимствовать язык физиологии для объяснения психологических явлений, так же как нет необходимости присваивать псевдосубстанцию. Сексуальные явления являются столь же реальными, как и явление написания «Гамлета» Шекспиром, хотя последнее и не может быть точно «объяснено» в сексуальных терминах. Даже самого Фрейда нельзя объяснить через его собственную детерминистскую физиологическую программу, хотя его биограф считает, что в основе его гениальности, его «божественной жажды знания» лежит ненасытное сексуальное любопытство, которое овладело им, когда ему не было еще и трех лет, желание узнать, что происходит и спальне между его матерью и отцом.

В наше время биологи, социологи и растущее число психоаналитиков считают, что импульс для человеческого развития является естественной потребностью человека, такой же существенной, как и секс. «Оральная» и «анальная» стадии, которые Фрейд описал в терминах сексуального развития, когда ребенок получает сексуальное удовлетворение (начала через рот от груди матери, а затем от акта дефекации), в настоящее время считаются стадиями человеческого развития, на которые оказывают влияние как культурная среда и отношение родителей, так и секс. Когда

растут зубы, ребенок может не только сосать, но и кусаться. Мускулы и мозг тоже растут. Ребенок учится контролировать себя, совершенствоваться, понимать. Его потребность расти и обучаться в пять, двадцать пять, пятьдесят лет может быть удовлетворена, отвергнута, подавлена, атрофирована, стимулирована или не поддержана его культурной средой, так же как и его сексуальные потребности.

В наше время психоневрологи подтверждают наблюдения Фрейда, согласно которым проблемы между матерью и ребенком на ранних стадиях его развития возникают в связи с питанием, а позднее в связи с тем, что ребенка начинают приучать проситься на горшок. Однако в последние годы в Америке наметилась тенденция снижения «проблемы детского питания». Означает ли это, что изменился характер развития ребенка? Это невозможно, так как по определению оральная стадия относится к инстинктивному этапу развития. Скорее всего, современная культура способствовала тому, что проблема детского питания перестала занимать центральное место среди проблем раннего детского развития. Видимо, свою роль сыграло то, что американцы увлеклись идеей вседозволенности в воспитании детей либо в нашем богатеющем обществе мать просто перестала беспокоиться о том, что ей нечем будет кормить ребенка. В связи с влиянием идей Фрейда на нашу культуру образованные родители обычно стараются «не давить» на ребенка, когда приучают его как можно раньше проситься на горшок. Более вероятно, что в наше время проблемы могут возникнуть, когда ребенок учится ходить или читать. Уже в сороковые годы американские социологи и психоаналитики начали пересматривать концепцию Фрейда с позиции новых культурных ценностей. Но, как это ни странно, это не помешало им применить к американской женщине теорию женственности в том виде, в каком она была создана Фрейдом.

Дело в том, что для Фрейда даже в большей степени, чем для современного редактора журнала на Мэдисон-авеню, женщина представляла собой странное существо, более низкого разряда, чем мужчина. Он видел в них куколок с детским развитием, которые существуют только для того, чтобы любить мужчину и удовлетворять все его нужды. Это был такой же неосознанный солипсизм, как тот, согласно которому в течение многих веков человек думал, что Солнце представляет собой яркий предмет, который вращается вокруг Земли. Фрейд вырос с этим представлением о женщине, внедренным в него культурой его времени — не только культурой викторианской Европы, но и еврейской культурой, позволявшей мужчине говорить в своих ежедневных молитвах: «Я благодарю Тебя, Боже, за то, что Ты не создал меня женщиной», — а

женщинам покоряться своей судьбе: «Я благодарю Тебя, Боже, что Ты создал меня согласно своей ноле».

Мать Фрейда была симпатичной женщиной, которая покорно вышла замуж за человека в два раза старше ее; его отец диктаторски правил семьей, как это было принято и еврейских семьях в течение всех веков преследования, когда отцы семейства редко могли оказывать влияние на события вне семейного круга. Его мать обожала юного Зигмунда, своего первенца, и мистически верила в то, что ему судьбой уготовано стать великим человеком. Казалось, она жила только для того, чтобы удовлетворять все его желания. Его воспоминания о ревности на сексуальной почве, испытываемой им по отношению к отцу, желания которого мать также неукоснительно исполняла, явились основой его теории об эдиповом комплексе. Для его жены, так же как для матери и сестер, его потребности, его желания, его мечты всегда занимали центральное место в их семейной жизни. Когда выяснилось, что звуки пианино, на котором его сестры учились играть, мешают его занятиям, «пианино исчезло» и, как позднее вспоминала Анна Фрейд, вместе с ним исчезли «все возможности для его сестер стать музыкантами».

Фрейд не видел в таком отношении ничего особенного и не считал его причиной возникновения проблем у женщины. Самой природой было предназначено, чтобы мужчина управлял женщиной, а она по своей слабости завидовала ему. В письмах Фрейда к Марте, его будущей жене, написанных во время их помолвки, длившейся четыре года (1882–1886), звучат те же нежные покровительственные мотки, которые слышны в словах Торвальда в «Кукольном доме», когда он бранит Нору за ее стремление стать человеком. Фрейд начал изучать секреты человеческого мозга в лаборатории в Вене, Марта же, его «нежное дитя», все эти четыре года должна была под опекой своей матери ждать, когда же он сможет приехать и забрать ее. Из его писем видно, что для него она не являлась личностью, а была всего лишь домохозяйкой с развитием ребенка даже тогда, когда она уже перестала быть ребенком и еще не стала домохозяйкой. «Столы и стулья, кровати, зеркала, часы, которые должны напоминать счастливой паре об уходящем времени, кресло, в котором приятно посидеть часок-другой, предаваясь мечтаниям, ковры, которые помогут хозяйке содержать полы в чистоте, постельное белье, перевязанное красивыми ленточками и сложенное в шкафах и комодах последнего образца, шляпки с искусственными цветами, картины на стенах, стаканы и рюмки на каждый день и для торжественных случаев, тарелки и блюда… стол, за которым шьют, и лампа, создающая уют, все должно содержаться в полном порядке,

а иначе, если будет отдаваться предпочтение лишь каким-то отдельным вещам, хозяйка потеряет душевное равновесие. Вот этот предмет, например, был очевидцем того, как создавался семейный очаг, и этим он дорог, а этот взывает к чувству красоты, этот напоминает о друзьях, о которых хочется помнить всегда, о городах, в которых ты побывал, о времени, которое приятно вспоминать… И мы должны отдавать наши сердца таким ничтожным вещам? Да, и не раздумывая… В конце концов, я знаю, какая ты нежная, что ты можешь превратить дом в райский уголок, что ты будешь жить моими интересами, будешь веселой и заботливой. Я позволю тебе управлять домом так, как тебе захочется, а ты вознаградишь меня своей нежной любовью и тем, что будешь выше тех слабостей, за которые так часто презирают женщин. Насколько будет позволять моя работа, мы сможем читать и изучать то, что захотим, я помогу тебе понять те вещи, которые обычно не могут интересовать девушку, если она ничего не знает о своем будущем супруге и его профессии…» 5 июля 1885 года он бранит ее за то, что она продолжает посещать свою подругу Элизу, чье поведение в отношении мужчин явно страдает отсутствием скромности: «Что толку, что ты считаешь себя достаточно взрослой и думаешь, что ваши взаимоотношения не могут повредить тебе?.. Ты слишком мягкая, и я должен исправить этот недостаток, потому что за твои поступки спросится и с меня. Ты моя драгоценная маленькая женщина, и, даже когда ошибаешься, ты не становишься для меня менее драгоценной… Но ведь ты знаешь все это, мое нежное дитя…»

Смесь присущих викторианской эпохе духа рыцарства и снисходительности, которую мы находим в научных теориях Фрейда о женщинах, получает свое объяснение в письме, которое он написал 5 ноября 1883 года и в котором он высмеивает взгляды Джона Стюарта Милля на «эмансипацию женщины и вообще на женский вопрос в целом»: «Нигде в его рассуждениях не говорится о том, что женщины — совершенно другие существа, не то чтобы хуже, а скорее противоположные мужчинам. Он считает, что угнетение женщин аналогично угнетению негров. Любая девушка, не будучи суфражисткой и не обладая правовой компетенцией, всегда может осадить мужчину, который целует ей руку и который ради своей любви к ней готов пожертвовать всем, что он имеет. Я считаю, что идея, согласно которой женщин у следует посылать на борьбу за свое существование наравне с мужчиной, является мертворожденной. Если бы, например, я мог представить, что девушка, которую я нежно люблю, выступает в роли моего соперника, конкурента, дело кончилось бы тем, что я сказал бы ей — а именно это я и сделал почти полтора года

назад, — что я очень люблю ее и умоляю не состязаться со мной, а заняться спокойной, лишенной соперничества деятельностью в стенах моего дома. Разумеется, возможны изменения в воспитании женщины, которые смогут привести к подавлению всех слабых и нежных черт ее характера, с одной стороны, нуждающихся в защите, а с другой стороны, весьма победоносных; в таком случае она (может обеспечивать себя наравне с мужчиной. Возможно также, что при этом не надо будет скорбеть по поводу того, что мы теряем восхитительнейшую в мире вещь — наш идеал женственности. Но я верю в то, что любые изменения в законе и в образовательном цензе потерпят неудачу, окажутся ненужными перед тем законом Природы, который задолго до того, как мужчина завоевал свое положение в обществе, ниспослал женщине судьбу быть прекрасной, очаровательной и нежной. Закон и традиция могут дать женщине многое из того, чего она была лишена, но положение женщины, безусловно, не изменится: в молодости она будет горячо любимым, обожаемым созданием, в зрелые годы — любимой женой».

Поскольку общеизвестно, что все теории Фрейда основаны на всеобъемлющем бесконечном психоанализе самого себя и что сексуальность была центральным звеном всех его теорий, представляется уместным остановиться на некоторых парадоксах его сексуальности. Как отмечают многие ученые, в его трудах гораздо больше внимания уделяется детской сексуальности, чем взрослой. Его главный биограф Джоунз свидетельствует, что даже для своего времени он был удивительно чистым человеком с пуританскими взглядами и высокой моралью. В своей собственной жизни Фрейд относительно мало интересовался сексом. В юности он обожал свою мать, в шестнадцать лет у него был роман, существовавший исключительно в его воображении, с девушкой по имени Жизель, а в двадцать шесть он был помолвлен с Мартой. Девять месяцев, которые они провели в Вене, нельзя назвать очень счастливыми, потому что она была застенчива и боялась его. За последующие четыре года, когда они жили вдали друг от друга, родилась «великая страсть», выразившаяся в девятистах любовных письмах. После женитьбы страсть, видимо, исчезла довольно быстро, хотя его биографы отмечают, что, будучи строгим моралистом, он не искал сексуального удовлетворения на стороне. Единственной женщиной, к которой, будучи взрослым человеком, он испытывал сильные чувства любви и ненависти, на какие только был способен, была Марта. Позже подобные чувства он испытывал только к мужчинам. Как почтительно выражался его биограф Джоунз: «Отклонение Фрейда в этом отношении от обычного мужчины, а также его ярко

выраженная ментальная бисексуальность, безусловно, могли оказать определенное влияние на его научные взгляды».

Его менее благосклонные биографы, да и сам Джоунз, отмечали, что, если рассматривать теории Фрейда с позиций его собственной жизни, можно заметить сходство со старой девой пуританских взглядов, которая видит секс во всем. Интересно, что его послушная Hausfrau вызывала особенно большое недовольство мужа тем, что была недостаточно «послушной», сама же она испытывала странную раздвоенность чувств оттого, что не могла вести себя непринужденно по отношению к нему, не будучи его «товарищем по борьбе»: «Фрейд был болезненно поражен, когда понял, что в душе она вовсе не послушна, а обладает твердым характером, который не очень легко поддается исправлению. Она уже полностью сформировалась как личность и вполне заслуживала самой высокой оценки психоаналитика, будучи вполне «нормальным» человеком».

То, что намерения Фрейда «сделать ее похожей на идеальный образ» так и остались неосуществленными, можно помять, читая следующие строки из его письма к ней: «Стань очень юной возлюбленной, чтобы тебе была всего неделя от роду и чтобы ты легко могла отказаться от всего резкого ч грубого в себе». Но далее он сам себя упрекает: «Любимая не должна быть игрушкой, куклой, она должна стать товарищем, готовым всегда дать разумный совет, даже когда ее строгий хозяин исчерпал всю свою мудрость. А я пытался бороться с ее откровенностью, пытался заставить ее не высказывать своего мнения, пока она не узнает моего».

Как отмечал Джоунз, Фрейд болезненно переживал, что она не прошла самого главного испытания — «полного отождествления с ним, с его взглядами, его чувствами и его намерениями. Она не могла быть полностью его до тех пор, пока он не увидит своего «отпечатка» на ней». Фрейд «даже признавался, что ему было скучно, когда он не находил в человеке ничего, что можно было бы изменить к лучшему», Джоунз неоднократно подчеркивал, что любовь Фрейда «могла свободно выражать себя только при очень благоприятных условиях… Марта, возможно, боялась своего властного возлюбленного и поэтому чаще всего отмалчивалась».

Видимо, в связи с этим он писал ей: «Я отказываюсь от своего требования. Мне не нужен товарищ по оружию, каким я хотел тебя сделать. У меня достаточно сил бороться одному… Ты остаешься для меня драгоценным существом, возлюбленной». Возможно, этим и закончился «единственный период в его жизни, когда он испытывал такие чувства, как любовь и ненависть, к женщине».

Брак был нормальным, но без вышеописанной страсти. Джоунз так

охарактеризовал его: «На свете было мало более удачных браков. Марта, безусловно, была прекрасной женой и матерью. Она была отличной хозяйкой и обладала редкой способностью прекрасно ладить со слугами, но она не была той Hausfrau, которая ценит вещи выше людей. Удобства, обеспечивающие покой ее мужу, были для нее превыше всего… Вряд ли можно было ожидать, что она воспримет все его далеко идущие фантазии и поймет их лучше, чем весь остальной мир».

Как самая преданная еврейская мать, она очень ревностно относилась ко всем его физическим потребностям, составив график принятия пищи таким образом, чтобы он был особенно удобен der Papa. Но она никогда и не мечтала жить так, как он. И Фрейд не считал, что она может быть хорошим опекуном их детям в случае его смерти, особенно в вопросах образования. Он сам вспоминает сон, в котором он забывает зайти за ней, чтобы отправиться в театр. Согласно его собственным представлениям об ассоциативной связи, «подобная забывчивость возможна только в случаях, не имеющих для человека никакого значения».

Такое безграничное подчинение женщины, считавшееся для культуры того времени совершенно естественным, само отсутствие для женщины возможности действовать независимо и обрести индивидуальность часто усиливали чувства неловкости и сдержанности со стороны жены и вызывали раздражение со стороны мужа, что было характерно для брака Фрейда. Как резюмировал Джоунз, отношение Фрейда к женщинам, «скорее всего, можно назвать старомодным, что, видимо, следует приписать влиянию социального окружения и тому времени, в котором он вырос, а не каким-либо личностным факторам»:

«Каково бы ни было его отношение к этому вопросу с точки зрения разума, его произведения и письма показывают, как он подходил к нему с точки зрения чувств. Конечно, будет преувеличением сказать, что он относился к мужчинам как к высшим существам, так как его натуре не было свойственно чувство превосходства, самонадеянности. Но, видимо, мы не погрешим против истины, если скажем, что к женщинам он относился как к существам, чье назначение быть ангелами-хранителями мужчин, обслуживать их и создавать им все удобства. Его письма, да и сам выбор жены однозначно указывают на тип женщины, который ему нравился, — нежной, женственной… Нет сомнения в том, что Фрейд считал психологию женщины более загадочной, чем мужчины. Однажды он сказал Мари Бонапарт: "Самый сложный вопрос, на который никогда не могли найти ответ и на который я также не могу ответить, несмотря на

тридцать лет моих исследований в области женской души, заключается в следующем: как понять, что хочет женщина?"».

Джоунз также обратил внимание на то, что «Фрейда интересовал и другой тип женщины, более интеллектуальный и, возможно, даже более мужеподобный. Такого рода женщины сыграли определенную роль в его жизни. Они входили в женское окружение его друзей и, хотя были весьма привлекательными, не вызывали в нем чувственного влечения».

В число этих женщин входила его золовка Мина Бернис, которая была умнее и независимее Марты; позже это были женщины, изучающие психоанализ, или его почитательницы: Мари Бонапарт, Джоан Ривьер, Лу Андреас-Саломе. Однако ни биографы, идеализировавшие его, ни те, которые относились к нему несколько враждебно, не заподозрили его и том, что он искал сексуального удовлетворения на стороне. Таким образом, секс был, видимо, полностью исключен из набора человеческих страстей, которые на протяжении всей своей последующей долгой жизни он стремился выразить в своем учении и в какой-то степени в дружбе с мужчинами и теми женщинами, которых он считал равными себе и потому «мужеподобными». Однажды он заметил: «Мне всегда кажутся опасными люди, которых я не могу понять, потому что они не похожи на меня».

Несмотря на то значение, которое Фрейд придавал сексу и своей теории, из его слов можно понять, что половой акт казался ему унизительным. Но если сами женщины были унижены в глазах мужчин, каким еще могло быть отношение к сексу? Конечно, подобные мысли не входили в его теорию. По Фрейду, идея кровосмешения с матерью или сестрой заставляет мужчину «смотреть на половой акт как на нечто постыдное, оскверняющее и оказывающее пагубное влияние не только на тело». Во всяком случае, Фрейд считал унижение женщины вполне естественным, и в этом ключ к пониманию его теории женственности. Согласно этой теории, сущностью женской личности, мотивирующей все поступки жен-тины, является ее зависть к мужскому половому члену, которая и вызывает осуждение ее же самой, а также как «мальчика, так, возможно, и мужчины». У нормальной женщины это выражается в желании обладать половым членом своего мужа, желании, которое никогда до конца не реализуется, пока она не становится обладательницей пениса, дав рождение сыну. Короче говоря, она представляет собой просто homrne manque, «дефектного мужчину», у которого чего-то не хватает. Клара Томпсон, крупный специалист по психоанализу, заметила: «Фрейду так никогда и не удалось освободиться от викторианского отношения к

женщине. Он считал, что женщине предначертано судьбой иметь ограниченный кругозор и вести образ жизни, который был принят в викторианскую эпоху… Комплекс кастрата и концепт зависти к мужскому половому члену, две наиболее важные, фундаментальные идеи всего его учения, основаны на положении о том, что женщина в своем биологическом развитии стоит ниже мужчины».

Что имел в виду Фрейд под понятием зависти к мужскому половому члену? Ведь даже те, кому ясно, что Фрейд не мог выйти за рамки представлений, очерченных культурой его времени, не сомневаются в том, что он правдиво описал все изученное им в пределах этой культуры. Фрейд вывел феномен, который он назвал завистью к мужскому половому члену, анализируя данные, единодушно представленные женщинами среднего класса Вены викторианской эпохи, и вся его теория женственности построена на этом понятии. В лекции «Психология женщины» он высказал следующую идею:

«У мальчика комплекс кастрации возникает после того, как, увидев женские половые органы, он узнает, что столь высоко ценимый им член не обязательно должен быть вместе с телом… после чего он попадает под влияние страха кастрации, который становится самой мощной движущей силой его дальнейшего развития. Комплекс кастрации у девочки тоже возникает благодаря тому, что она видит гениталии другого. Она сразу же замечает различие и, надо признаться, его значение. Она чувствует себя глубоко обделенной, часто дает понять, что ей тоже хотелось бы «иметь такое же», в ней появляется зависть к пенису, которая оставляет неизгладимые следы в ее развитии и формировании характера, преодолеваемые даже в самом благоприятном случае не без серьезной затраты психических сил. То, что девочка признает факт отсутствия пениса, отнюдь не говорит о том, что она с этим смиряется. Напротив, она еще долго держится за желание тоже получить «это», верит в эту возможность невероятно долго, и даже тогда, когда знание реальности давно отбросило это желание как невыполнимое, анализ может показать, что в бессознательном оно осталось и сохранило значительный запас энергии. Желание все-таки получить в конце концов долгожданный пенис может способствовать возникновению мотивов, которые приведут зрелую женщину к психоанализу, и то, чего она, понятно, может ожидать от анализа, а именно возможность заниматься интеллектуальной деятельностью, может быть часто истолковано как сублимированная вариация этого вытесненного желания».

«Открытие своей кастрации является поворотным пунктом в развитии девочки, — продолжает Фрейд. — Это невыгодное сравнение с мальчиком, наделенным пенисом, уязвляет ее самолюбие». Ее мать и вообще все женщины мельчают в ее глазах, подобно тому как по этой же самой причине женщины обесценены в глазах мужчины. Это приводит либо к полному подавлению сексуальности и как следствие этого к неврозам, либо к «комплексу мужественности», когда женщина не хочет отказываться от «фаллической» активности (то есть от «активности, обычно характерной для мужчины»), либо к «нормальной женственности», при которой импульсы женской активности подавлены, и девочка в своем желании иметь мужской половой член обращается к отцу. «Женская ситуация восстанавливается только тогда, когда желание иметь мужской половой член замещается желанием иметь ребенка; ребенок, таким образом, занимает место мужского полового члена». Когда девочка играла с куклами, это «еще не было выражением ее женственности», так как это были активные действия, а не пассивные. «Самое сильное женское желание», желание иметь мужской половой член, полностью осуществится, «если родившийся ребенок будет мальчиком, который принесет с собой долгожданный пенис… В таком случае мать может перенести на сына то самое желание, которое она так долго в себе подавляла, и может надеяться получить от него удовлетворение всех тех чувств, которые остались в ней от комплекса мужественности».

Но ее врожденная неполноценность и как следствие этого зависть к мужскому половому члену преодолеваются с таким большим трудом, что суперэго женщины — ее совесть, идеалы — никогда так и не достигает такого полного развития, как у мужчины: «Женщине мало свойственно чувство справедливости, что, безусловно, связано с преобладанием зависти в ее душевной жизни». По этой же причине социальные интересы женщины слабее, а «способность к сублимации влечений меньше», чем у мужчины. В итоге Фрейд замечает: «Не могу не отметить, что, чем больше занимаешься аналитической деятельностью, тем больше убеждаешься, что даже специалисты по психоанализу не могут радикально помочь женщине в связи с тем, что женская неполноценность является ее врожденным свойством… Мужчина около тридцати лет представляется молодым, скорее незрелым индивидуумом, от которого мы ждем, что он в полной мере использует возможности развития, которые ему открывает анализ. Но женщина приблизительно того же возраста часто пугает нас своей психической закостенелостью и неизменяемостью… У нее нет путей для дальнейшего развития; дело обстоит так, как будто весь процесс уже

закончен, не может подвергнуться отныне никакому воздействию и даже как будто трудное развитие на пути к женственности исчерпало возможности личности… даже если нам удается устранить недуг путем разрешения невротического конфликта».

Что же в конце концов описал Фрейд? Если посмотреть на «зависть к мужскому половому члену» в свете новых знаний, как это было сделано в отношении других его концепций, то мы увидим, что Фрейд относил к биологическим факторам зачастую то, что было следствием влияния культуры, то есть можно сказать, что викторианская культура давала женщине много поводов для того, чтобы завидовать мужчине. Иными словами, она создавала те самые условия, против которых боролись феминистки. Если женщина, не имевшая свободы, общественного положения и развлечений, которые были доступны мужчине, втайне стремилась ко всему этому, она могла свести все свои желания к одному: представить себя мужчиной, обладающим единственным бесспорным преимуществом — пенисом. Безусловно, она должна была научиться скрывать свою зависть и раздражение, постоянно играть роль ребенка, куклы, игрушки, ведь ее судьба зависела от чародея мужчины. Но в глубине души она продолжала мучиться, переводя все эти устремления в любовь. Тайно презирая себя и завидуя всему тому, что мог иметь мужчина и чего не могла иметь она сама, женщина стремилась к любви, а иногда даже испытывала чувство рабского поклонения, но была ли она способна свободно любить и радоваться своему чувству? Нельзя рассматривать зависть женщины к мужчине и ее презрение к самой себе только как отказ признавать свой собственный половой недостаток, если только вы не считаете, что женщина по своей природе поит ниже мужчины.

В таком случае, конечно, ее желание быть равной мужчине можно объяснить неврозом.

В настоящее время считается, что Фрейд никогда не придавал должного значения развитию эго, или внутреннему развитию, даже мужчины, то есть «выработке определенных импульсов самоконтроля, возможности самовыражения в зависимости от определенных условий окружающей среды». Специалисты по психоанализу, освободившиеся от влияния учения Фрейда и разделяющие идеи других ученых-бихевиористов в области изучения человеческого развития, приходят к мысли, что потребность в развитии является основной человеческой потребностью и любое вмешательство в него приводит к психическим расстройствам. Сексуальность— это только одно из проявлений человеческой жизнедеятельности. Не следует забывать, что, согласно Фрейду, пес

неврозы имеют сексуальное происхождение; он видел женщин только как объект сексуального взаимоотношения с мужчинами. Но у всех тех женщин, у которых он видел только сексуальные проблемы, должны были быть и очень серьезные проблемы заторможенного роста, невозможности в полной мере развивать свою человеческую личность, проблема неразвитого, неполноценного «я». Общество того времени, открыто не признавая за женщиной права получать образование и быть независимой, не позволяло ей полностью реализовать свои возможности, жить своими интересами и достигать тех идеалов, которые могли бы способствовать ее развитию. Фрейд описал эти недостатки, но видел в них только дань «зависти к мужскому половому члену». Он считал, что зависть женщины к мужчине является исключительно сексуальной болезнью. Он видел, что женщины, тайно стремившиеся к равенству с мужчинами, весьма неохотно становились объектом его исследований; видимо, это было действительно так. Но, отбрасывая любые другие мотивы, которыми руководствовалась женщина в стремлении быть равной мужчине, и определяя его только как «зависть к мужскому половому члену», разве не выражал он этим свою точку зрения на то, что женщине так же невозможно быть равной мужчине, как и иметь мужской половой член?

Фрейд не помышлял об изменениях в обществе, он только хотел помочь и мужчинам и женщинам приспособиться к условиям жизни. Так, он рассказывает о старой деве средних лет, которой он помог избавиться от комплекса, мешавшего ей жить нормальной жизнью в течение пятнадцати лет. Освободившись от симптомов этого комплекса, она попыталась «погрузиться в вихрь активной деятельности, стала развивать свои таланты, которые были весьма заметными. Она имела определенный успех и признание, получая от жизни удовольствия, пока не стало слишком поздно», но прекратила дальнейшие попытки, когда увидела, что не смогла завоевать прочного положения в обществе. Поскольку теперь ей не удавалось впадать в невротические состояния, с ней стали происходить несчастные случаи: она повредила голеностопный сустав, потом стопу, потом руку. После проведенного анализа «несчастные случаи сменились симптомами других заболеваний, таких, как катар, больное горло, гриппозные состояния или ревматические опухоли; и все это продолжалось до тех пор, пока она не решила прекратить всякую активную деятельность, после чего все само собой прошло».

Хотя Фрейд и его современники считали, что женщина является существом более низкого порядка, чем мужчина, по своей неизменной природе, по тому, как создал ее Бог, современная наука не может признать

подобную точку зрения правильной. Теперь мы знаем, что это чувство собственной неполноценности являлось результатом отсутствия образования и ограничения деятельности женщины исключительно заботами по дому. В наше время, когда наука доказала равенство женщины в области интеллекта, когда у нее выявились такие же способности во всех сферах человеческой деятельности, как и у мужчины, за исключением чисто физической силы, теория, открыто проповедующая природную неполноценность женщины, может показаться нелепой и даже лицемерной. именно это отношение лежит в основе теории Фрейда о женщине, несмотря на то что в наше время его сложные изыскания скрываются под маской непреходящей правды о сексе.

В связи с тем что последователи Фрейда видели перед собой только тот образ женщины, что был представлен их учителем, — то есть существа, занимающего более низкое положение, беспомощного, похожего на ребенка, не способного добиться собственного счастья до тех пор, пока она не станет пассивным, бездушным предметом в руках мужчины, — они хотели помочь женщине избавиться от угнетавшего ее чувства зависти, от желания быть равной мужчине, приводившего ее к неврозам. Они хотели помочь ей добиться сексуального удовлетворения как женщине, при этом она должна была признать естественным чувство собственной неполноценности.

Но общество, определившее эту неполноценность, кардинально изменилось к тому времени, когда последователи Фрейда без особых корректив перенесли в Америку двадцатого века причины и методы лечения состояния, которое Фрейд называл завистью к мужскому половому члену. В свете наших новых учений о культурных процессах и человеческом развитии можно предположить, что женщины, выросшие в обществе, предоставившем им право свободы и возможности получения образования, которых женщины викторианской эпохи были лишены, будут отличаться от больных, пользовавшихся услугами Фрейда. Можно предположить, что у них будет гораздо меньше причин завидовать мужчинам. Но Фрейд был представлен американской женщине и таком странном буквальном толковании, что понятие зависти к мужскому половому члену мистически обрело самостоятельную жизнь, независимую от женщин, наблюдения над которыми способствовали его созданию. Складывалось впечатление, что викторианский образ женщины, представленный Фрейдом, стал более реальным, чем те женщины двадцатого века, в отношении которых этот образ хотели применить.

Теория женственности Фрейда использовалась в Америке настолько буквально, что к современным женщинам подходили с теми же мерками, что и к женщинам викторианской эпохи. Реальные несправедливости, имевшие место в прошлом веке по отношению к женщине в сравнении с мужчиной, были отброшены, к ним отнеслись исключительно как к рационалистическому объяснению чувства зависти к мужскому половому члену. И реальные возможности, предоставляемые жизнью современной женщине, оказались ей недоступны в связи с тем, что все ее потребности стали объяснять завистью к мужскому половому члену из-за такого буквального сравнения се с женщиной той эпохи.

Подобное буквальное толкование теории Фрейда можно встретить в следующих отрывках из книги специалиста по психоанализу Маринии Фарнхэм и социолога Фердинанда Лундберга «Современная женщина: утраченный пол», которая пересказывалась в журналах и в пособиях для молодоженов и стала настолько популярной, что многие положения из нее представляются в наше время общепринятыми, общеизвестными истинами. Считая, что в основе феминизма лежит только зависть к мужскому половому члену, авторы категорически утверждают:

«Феминизм, несмотря на кажущуюся важность его политической программы и большей части (не всей) социальной программы, по сути своей представляет собой скрытую болезнь… Основное направление развития и воспитания женщины в наше время… мешает проявлению как раз таких черт, которые необходимы для достижения сексуального удовлетворения, — восприимчивости, пассивности, желания признавать свою зависимость без страха или возмущения, с глубоким пониманием и готовностью достижения главной цели сексуальной жизни — зачатия… В результате начинает обретать форму психосоциальная закономерность, заключающаяся в следующем: чем больше женщина образованна, тем больше опасность более или менее серьезных расстройств на сексуальной почве. Чем больше подобных расстройств в данной группе женщин, тем меньше у них детей… Судьба даровала им благо, которого так настойчиво домогалась леди Макбет: они не сексуальны не только с точки зрения отсутствия возможности рожать детей, но и потому, что не могут получать сексуального удовлетворения».

Таким образом, популяризаторы идей Фрейда еще прочнее скрепили современную псевдонауку скрытыми в сердцевине его учения традиционными предрассудками относительно женщин. Фрейд сам прекрасно понимал, что его стремление построить огромный массив дедуктивных рассуждений основано на одном-единственном факте и

представляет собой плодотворный и творческий метод, но является обоюдоострым оружием, если значение этого единственного факта будет неправильно истолковано. Фрейд писал Юнгу и 1909 году: «Твое предположение о том, что после моего ухода мои ошибки могут быть возведены в ранг священных писаний, весьма меня позабавило, но я этому не верю. Напротив, я думаю, что мои последователи поспешат разрушить все, что не является прочным в моем наследии».

Но в разрешении проблем, касающихся женщин, последователи Фрейда не только не отказались от его ошибок, но и своем мучительном стремлении подогнать свои наблюдения над реальными женщинами под теоретический каркас его учения закрыли даже те вопросы, которые он сам оставил открытыми. Так, например, Елена Дойч, чей полный двухтомный труд «Психология женщины. Психоаналитическая интерпретация» вышел в 1944 году, не может утверждать, что все расстройства женской психики восходят исключительно к комплексу зависти к мужскому половому члену. И тогда она делает то, что сам Фрейд считал неблагоразумным: она приравнивает «женственность» к «пассивности», а «мужественность» к «активности», и не только is области секса, но во всех сферах жизнедеятельности:

«Четко осознавая, что положение женщины зависит от внешних условий существования, я тем не менее рискну заметить, что фундаментальные понятия «женское — пассивное» и «мужское- активное» существуют во всех известных нам культурах, у всех народов в разных формах и в разной степени. Очень часто женщина не хочет мириться с тем, что дано ей природой, и, несмотря на то что она извлекает из этого определенные преимущества, некоторые характеристики ее поведения дают основание полагать, что она не совсем удовлетворена своей конституцией… выражение этой неудовлетворенности в сочетании с попытками исправить положение вещей приводит к появлению в женщине "комплекса мужественности"».

«Комплекс мужественности», согласно доктору Дойч, восходит непосредственно к «комплексу женской кастрации». Таким образом, анатомия все еще предопределяет судьбу женщины, женщина все еще остается «дефектным мужчиной». Конечно, доктор Дойч не может не отметить, хотя бы вскользь, что, «если говорить о девушке, окружающая среда тоже оказывает подавляющее воздействие как на ее агрессивность, так и на ее активность». Таким образом, и зависть к мужскому половому члену, и несовершенство женской анатомии, и влияние общества — «все это, вместе взятое, лежит в основе женственности».

«Нормальная» женственность достигается, однако, только тогда, когда женщина полностью отказывается от собственной активной деятельности, от своей «оригинальности», отождествляет себя со своим мужем или сыном и реализуется только через них, живя исключительно их целями и заботами. Этот процесс может быть сублимирован несексуальным способом, например, если женщина делает большую часть работы в исследованиях мужчины. Дочь, посвятившая свою жизнь отцу, тоже достаточно успешно достигает женской «сублимации». Только собственная активная деятельность женщины, проявление ее оригинальности на основе равенства с мужчиной заслуживают позорного определения «комплекса мужественности». Эта блистательная последовательница Фрейда категорически утверждает, что до 1944 года американские женщины добивались выдающихся успехов в различных областях деятельности только в результате того, что не могли реализовать себя как женщины. Она не хочет называть никакие имена, но уверена, что все они страдали «комплексом мужественности».

Как могла девушка или женщина, не будучи специалистом по психоанализу, игнорировать подобные зловещие высказывания, которые в сороковые годы обрушили на нее оракулы всевозможных изощренных учений?

Нелепо было бы предполагать, что использование теорий Фрейда для «промывания мозгов» двум поколениям образованных американских женщин являлось частью заговора психоаналитиков. Это делали доброжелательные популяризаторы и небрежные исказители; новообращенные ортодоксы и чудаки из балаганов; те, кого лечили, и те, кто лечил, а также те, кто извлекал прибыль из страданий этих людей; но самое большое значение имело в данном случае несоответствие между возможностями и потребностями людей, столь характерное для Америки того времени. В действительности же подобное буквальное принятие американской культурой теории женского самовыражения Фрейда находилось в трагикомическом противоречии с индивидуальной борьбой многих американских психоаналитиков, которые старались привести теорию Фрейда в соответствие с тем, что они видели у своих пациенток. Согласно теории, женщины смогут реализовать себя в качестве жен и матерей, если с помощью психоанализа смогут побороть в себе «комплекс мужественности», избавиться от «зависти к мужскому половому члену». Но все было не так просто. «Я не понимаю, почему американские женщины столь разочарованы, — заявлял психоаналитик из Уэст-Честера. — Тем не менее довольно-таки трудно полностью избавить

американских женщин от зависти к мужскому половому члену».

Психоаналитик из Нью-Йорка, один из последних учеников фрейдовского Психоаналитического института в Вене, сказал мне:

«Вот уже двадцать лет я анализирую состояние американских женщин и постоянно попадаю в ситуацию, когда, попреки собственному желанию, я вынужден накладывать теорию женственности Фрейда на душевное состояние моих пациенток. Я пришел к заключению, что зависти к мужскому половому члену просто не существует. Я видел женщин, которые достигали полного сексуального удовлетворения обычным вагинальным путем, и, однако, нельзя сказать, что» то были зрелые, целостные, полностью состоявшиеся личности. У меня была пациентка, которую я лечил в течение практически двух лет, прежде чем понял, в чем же заключалась ее проблема — она не хотела быть только домохозяйкой и матерью. Однажды ей приснился сон, что она работает учительницей. Я не мог связать это страстное желание, выраженное в сне домохозяйки, с завистью к мужскому половому члену. Сон указывал на необходимость ее реализации как личности. Я сказал ей: "Здесь психоанализ не поможет. Вы должны сами что-то сделать в этом направлении"».

Этот же человек говорил своим молодым аспирантам в клинике психоанализа при Восточном университете: «Если случай вашего пациента расходится с тем, что описано в учебнике, выбросьте учебник и слушайте пациента».

Но многие психоаналитики бросали учебник в своих пациентов, и теории Фрейда получили распространение даже среди женщин, которые никогда не лечились у психоаналитиков, а только читали или слышали об этом. И в наше время не стала всеобщим достоянием мысль о том, что получающая все более широкое распространение разочарованность американских женщин не обязательно должна быть связана с проблемой секса. Надо сказать, что некоторые психоаналитики внесли существенные изменения в теории с тем, чтобы они в большей степени соответствовали реальным случаям своих пациентов, а иногда и вовсе их отбрасывали, но подобные вещи никогда не становились достоянием гласности. В конце сороковых годов Фрейда приняли так быстро и так безоговорочно, что в течение более чем десяти лет никому и в голову не приходило сомневаться в том, что образованная американка должна срочно вернуться в дом. Когда в конце концов пришлось все-таки поставить определенные вопросы, поскольку стало очевидно, что что-то здесь не так, они были поставлены исключительно в рамках теории Фрейда, поэтому ответ мог быть только один: ошибочно было предоставлять женщинам свободу, право на

получение образования и другие права.

Такое некритическое отношение к доктрине Фрейда в Америке было вызвано тем, что хотя бы частично она снимала остроту неприятных вопросов объективной реальности. После депрессии, после войны психология фрейдизма играла более важную роль, чем только наука о поведении человека, помогающая облегчить страдания. Она стала всеобъемлющей идеологией Америки, новой религией. Она заполнила вакуум в мыслях и делах многих людей, для которых Бог, флаг или счет в банке не являлись самодостаточными и которые в то же время стали испытывать чувство ответственности за суды Линча, концентрационные лагеря, голодающих детей Индии и Африки. Она предоставила удобную возможность не думать об атомной бомбе, о Маккарти, о всех тех тревожных вопросах, которые могут испортить удовольствие от вкусной отбивной, от автомобиля, цветного телевизора или плавательного бассейна на заднем дворе дома. Она позволила нам подавить тревогу, вызванную мучившими нас вопросами окружающего мира, и предаться нашим личным наслаждениям. А если новая «психологическая религия», которая возвела секс в добродетель, оправдала все частные пороки и поставила под сомнение высокие устремления человеческого ума и духа, оказала разрушительное воздействие на женщин в большей степени, чем на мужчин, гак никто этого не хотел.

Психология, давно озабоченная своим собственным комплексом неполноценности, давно погруженная в свои маленькие лабораторные эксперименты, живущая иллюзией того, что всю сложность человеческой натуры можно свести к поведению крыс в лабиринте, — эта психология была преобразована и дала возможность совершить крестовый поход по бесплодным полям американской мысли. Фрейд был духовным пастырем, чьи теории стали библией. И насколько же захватывающими и по-настоящему важными они казались. Их таинственная сложность придавала всему еще большее очарование в глазах уставших американцев. А если что-то и казалось в них мистификацией, то кто же признается, что не может ее разгадать? Америка превратилась в центр психоанализа, потому что последователи Фрейда, Юнга и Адлера летели сюда из Вены и Берлина и новые школы расцветали на неврозах и долларах американцев.

Но не терапевтический эффект практического использования психоанализа явился причиной создания мифа о женском предназначении. Он появился на свет благодаря писателям, издателям газет и журналов, исследователям рекламных агентств, за которыми стояли популяризаторы и интерпретаторы, распространявшие учение Фрейда в колледжах и

университетах. Фрейдистские и псевдофрейдистские теории покрыли все, как вулканический пепел. Социология, антропология, педагогика и даже изучение истории и литературы были пронизаны и преобразованы теориями Фрейда. Наиболее ревностные пропагандисты загадки женственности, наскоро проглотив и не переварив идеи Фрейда, начали создавать новые кафедры типа «педагогики брака и семейной жизни». На практических курсах по вопросам семейной жизни девушек в колледжах Америки обучали тому, как надо «играть роль» женщины: старая роль стала новой наукой. Возникающие за стенами колледжей движения — Ассоциация родителей и учителей группы по изучению поведения ребенка, группы по изучению поведения матери в предродовой период, педагогика умственного здоровья- распространили новую психологию суперзго по всей стране, заняв место бриджа и канасты, которые были излюбленным развлечением молодых жен, имеющих образование. Эта фрейдистская идея воздействовала на впечатлительных американских женщин, количество которых все возрастало, и, как говорил об этом Фрейд, она накрепко приковывала их к прошлому:

«Человечество никогда не живет только настоящим; идеология суперэго привязывает нас к прошлому, к традициям определенной нации и всего человечества, которые медленно поддаются воздействию настоящего, его новых преобразований; но в том случае, когда влияние осуществляется через суперэго, оно играет важную роль в жизни человека, абсолютно независимую от экономических условий».

Загадка женственности, преобразованная теорией Фрейда в научную религию, представлялась женщинам единственно возможной формой существования, которая ограждала ее от окружающей жизни, сужая ее кругозор и лишая будущего. Девушкам, которые играли в бейсбол, работали приходящими нянями, изучали геометрию, то есть были довольно независимыми и могли самостоятельно справляться с проблемами раскалывающегося и одновременно объединяющегося мира, этим девушкам наиболее просвещенные умы нашего времени внушали, что они должны вернуться к прошлому и прожить свою жизнь, как Нора, прикованными к кукольному дому викторианскими предрассудками. А их собственное уважение и благоговение перед науками — антропологией, социологией, психологией, которые в наше время тоже поддерживают этот авторитет, — не позволяли им сомневаться в существовании загадки женственности.

6. Функциональное замерзание, феминный протест и Маргарет Мид

Пер. Н. Цыркун

Вместо того чтобы способствовать разрушению вековых предрассудков, ограничивавших сферу женской жизнедеятельности, американская общественная наука придала им академический блеск. Какими-то неисповедимыми путями бытия в психологии, антропологии и социологии, приданные стать инструментами освобождения женщин, пропадают невостребованными, оставляя эту проблему за пределом своей применимости.

В течение последних десятилетий разогретые фрейдисткими идеями психоаналитики, антропологи, социологи и другие специалисты, изучающие человеческое поведение, регулярно встречались на семинарах и конференциях, которые организовывались в многочисленных университетских центрах. Казалось бы, такой квадратно-гнездовой способ изучения должен дать великолепные плоды, но вопреки ожиданиям он породил весьма странные гибриды. Как только психоаналитики взялись за пересмотр фрейдовских понятий, например «орального» или «анального» типа личности в свете выявленных новейшей наукой сведений о культурных процессах, происходивших в Вене в эпоху Фрейда, антропологи устремились к Южным морям, чтобы выявить среди аборигенов «оральные» и «анальные» типы. Вооруженные психоэтническим инструментарием для полевых исследований, антропологи практически всегда находили то, что искали. Не пытаясь уточнить или скорректировать натяжки и перегибы фрейдовской теории, Маргарет Мид и другие пионеры культурной антропологии усугубили ее грехи, вогнав собственные наблюдения в ее прокрустово ложе. Однако но само по себе не произвело бы такого сакраментального практического эффекта, если бы американский ученый мир не постигло всеобщее помешательство, известное под названием функционализма.

Функционализм, впитавший соки культурной антропологии и социологии, пышным цветом расцвел на почве такой прикладной области, как обучение правилам семейной жизни. Вознамерившись придать социальным наукам большую научную строгость, функциональный подход привил им заимствованную из биологии идею изучения «институтов», как

если бы они являлись костями скелета или мускулами, то есть, в соответствующей терминологии, «структурами» и «функциями» социального организма. Принимая во внимание исключительно функции того или иного института в обществе, функционалисты надеялись, что таким образом избавятся от «ненаучности», свойственной ценностным суждениям. Однако на практике функционализм стал больше походить не на строгую науку, а на словесную эквилибристику. Типовое суждение «функция состоит в том, чтобы…» приобрело в результате вид «функция должна состоять в том, чтобы…». Социологи не узнавали в обличье функционализма своих заблуждений, так же как психологи не узнавали своих в оболочке фрейдизма. Абсолютизируя и сакрализируя общее понятие «роль женщины», функционалисты заморозили американку, превратили ее в спящую красавицу, ожидающую прекрасного принца за чертой магического круга, отделившего ее от кипящей рядом жизни.

Социологи обоего пола, во имя функционализма заточившие женщину в неприступную башню, стали вместе с тем участниками того процесса, который я назвала бы «феминным протестом». Если существует такое явление, как «маскулинный протест» — а функционалисты унаследовали от психоаналитиков взгляд на женщину как на существо, завидующее мужчине и желающее быть мужчиной, отрицающее свою женскую суть и становящееся на этом пути «святее папы», — то современным вариантом этого явления выступает «феминный протест», осуществляемый и мужчинами, и женщинами: отрицание подлинной природы женщины в ее настоящем виде и желание видеть женщину более женственной, чем она есть в реальности. В крайней своей форме «феминный протест» — это средство защиты женщин от опасностей истинного равноправия полов. Однако чего ради социолог, принимая на себя божественные функции манипулятивной власти, берется уберечь женщин от мук, сопряженных с достижением зрелости?

Протекционизм нередко и в прошлом приглушал стук дверей в большой мир, захлопывающихся перед лицом женщины; затушевывал безобразие предрассудка, даже выступающего в ипостаси науки. Если старомодный дед ворчал на свою Нору, изучавшую математику, чтобы стать физиком, и приговаривал, что, мол, место женщины в доме, то Нора смеялась ему в ответ, напоминая, что на дворе двадцатый иск; зато теперь ей уже не до смеха, когда популярный профессор-социолог, книга Маргарет Мид или новейшее двухтомное издание о женской сексуальности убеждают ее в том же самом. Сложный, туманный язык функционалистов, фрейдовский психоанализ и культурная антропология с успехом

камуфлируют факт, что в основе их теорий покоится та же ветхая догма, которой придерживался ее дедушка. Нора улыбнулась бы, читая послание королевы Виктории, датированное 1870 годом: «Мы глубоко озабочены увеличением числа тех, кто устно или письменно склоняется к безумию порочного движения за женские права со всеми сопутствующими ему ужасами, к которым склонен бедный слабый пол, забывая о самой сути женских чувств и природы. Это обстоятельство приводит нас в негодование, с которым мы бессильны справиться. Господь создал мужчин и женщин разными — так пусть же каждый из них пребудет самим собой». Но строки из книги «Современный брак» не вызовут у Норы улыбки: «Мужской и женский пол взаимно дополняют друг друга… Ни один из них не является высшим или низшим. Тот и другой должны рассматриваться в границах их функций. Вместе они образуют функциональное единство. Один без другого не полон. Они дополняют друг друга… Если же мужчины и женщины начинают заниматься одним и тем же видом деятельности или выполнять единые функции, взаимодополняющие отношения могут разрушиться».

Эта книга была опубликована в 1942 году. Студентки изучали ее десятилетиями. Включенные в курс социологии трактаты «Брак и семейная жизнь» или «Адаптация к условиям жизни» дают рекомендации такого, например, рода: «Нельзя отрицать, что мы живем в реальном мире, мире настоящего и ближайшего будущего, который несет на себе печать прошлого; в мире, где сильны традиции былого, где нравы и обычаи оказывают более радикальное воздействие, чем наука; в мире, где большинство мужчин и женщин вступают в брак, а большинство замужних женщин — домохозяйки. Рассуждения на тему о том, что было бы, если бы традиции и нравы коренным образом изменились, или же о том, какова будет жизнь в 2000 году, любопытны как умственная гимнастика, но они ни в коей мере не помогут молодежи адаптироваться к неизбежному и сделать счастливее свою семейную жизнь».

Разумеется, упоминаемая здесь адаптация к неизбежному игнорирует стремительность, с какой нынче меняются условия жизни, а заодно и тот факт, что девушки, которые сегодня начнут адаптироваться в соответствии с указанными рекомендациями, в 2000 году будут еще в расцвете сил. Функционализм исключает из рассмотрения какие-либо различия между мужчинами и женщинами, кроме тех, которые некогда были раз и навсегда установлены. И если девушка (вроде нашей Норы) пожелает сделать карьеру, функционалист подымет предупреждающий перст: «Впервые в истории юные американки массовым порядком задаются вопросом: должна

ли я добровольно обречь себя на незамужнюю жизнь, предпочитая ей профессиональную карьеру? А может быть, устроить себе праздник, а потом выйти замуж и принять все обязанности по дому и долг материнства? Или попытаться совместить брак и карьеру?.. Подавляющее большинство замужних женщин — домохозяйки… Нет ничего плохого в том, что молодая женщина находит адекватный путь самовыражения через карьеру, а не в замужестве. Однако ступающие на эту дорогу девушки не всегда учитывают, что далеко не всякая профессия предоставляет возможность для самовыражения. Кроме того, часто забывают и о том, что лишь немногие женщины (как, впрочем, и мужчины) располагают тем содержанием, которое нуждается в выражении».

Ознакомившись со всей этой аргументацией, Нора остается с бодрящим ощущением, что, выбирая карьеру, она обрекает себя на незамужнее существование. Если у нее еще сохраняются иллюзии насчет возможного совмещения карьеры и брака, функционалист их развеет: «Кто из нас способен… успешно совмещать две профессии? Очень немногие. Это удается лишь исключительным личностям, но отнюдь не малым сим. А совмещение супружества и домашней работы с профессиональной деятельностью трудно вдвойне, поскольку эти занятия требуют совершенно разных способностей. Для успеха в личной жизни необходимо самоотречение, для успеха в профессии — полная поглощенность ею. Первое требует умения уступать, второе — духа состязательности. Гораздо больше шансов обрести счастье там, где муж и жена взаимно дополняют друг друга, а не дублируют несвойственные им функции».

И если Нора продолжает все-таки испытывать сомнения по поводу того, стоит ли ей жертвовать профессиональными амбициями, она получит такой рациональный совет: «Хорошая домохозяйка обязана обладать знаниями в области воспитания детей, украшения жилища, кулинарии, диетологии, пищеварения, психологии, физиологии, общественных отношений, моды, сантехники, ведения дома.; гигиены и во многих других областях.:. Она не однобокий специалист, а многогранный эрудит;.. Молодая женщина, решившаяся посвятить себя домашнему хозяйству, именно его сделав своей профессией, не будет страдать от комплекса неполноценности… Не зря говорят, что мужчины делают хорошую карьеру, когда женщины обеспечивают им надежный тыл. Женщины освобождаются от необходимости зарабатывать на жизнь и благодаря этому могут посвятить себя «крайне важному делу — ведению домашнего хозяйства, в то время как муж добывает хлеб насущный. А добытчик и хранительница очага вместе создают уникальный и взаимодополняющий

союз».

Процитированное выше руководство по устройству семейной жизни — не самое утонченное из научных трудов на эту тему. Нетрудно обнаружить, что аргументация тут не вполне убедительна. Но вообще доктрина функционализма поголовно заразила американских социологов, включая тех, кто формально не причислял себя к ее сторонникам. В колледжах повсеместно читают курс по Талкотгу Парсонсу «Анализ ролей обоих полов в социальной структуре Соединенных Штатов», не предусматривающий для женщин никаких иных ролей, кроме роли домохозяйки с присущими ей свойствами «домашности», «привлекательности» и «хорошего партнерства».

«Не будет натяжкой сказать, что только в крайне исключительных случаях взрослый человек может уважать себя и быть уважаемым другими, если не «зарабатывает на хлеб» в рамках общественно признанной социальной роли… В том случае, если речь идет о женщине, ситуация в корне меняется… Основа жизненного статуса женщины — это роль жены своего мужа, матери его детей».

Парсонс, авторитетнейший социолог, ведущий теоретик-функционалист, точно указывает на источники напряжений в этой «сегрегации сексуальных ролей». Он полагает, что «домашний» характер роли женщины «умаляет ее значимость до того уровня, где она едва ли приближается к полноценному для деятельного индивида занятию»; что «привлекательность» «неизбежно ассоциируется с молодым возрастом» и в результате «возникает серьезная напряженность в связи с адаптацией к старению»; что «хорошее партнерство», предполагающее развитие разнообразных умений и участие в общественной жизни общины, «страдает от ощущения недостаточно узаконенного статуса… и успешно осуществляется только теми, кто обладает незаурядной инициативностью и высоким интеллектом, позволяющими хорошо адаптироваться в этом направлении». Парсонс отмечает: «Понятно, что у зрелой женщины ее роль вызывает ощущение неблагополучия, которое проявляется в широко распространившемся невротическом поведении». Но тут же он предупреждает: «Возможно, это толкнет женщину на следование мужской ролевой модели, и она станет искать профессию в области, где она могла бы соперничать с мужчинами своего круга. Но, несмотря на заметный прогресс эмансипации, традиционно домашний образ жизни женщины пока практически не изменился. Однако вполне очевидно, что увеличение масштаба перемен в этой сфере повлечет за собой глубокие изменения в структуре семьи».

Подлинное равноправие мужчины и женщины нарушает функциональный баланс; желаемое равновесие можно сохранить лишь в том случае, если жена и мать занимается только домом или по крайней мере, имея какое-то занятие за его стенами, не стремится сделать карьеру, которая профессионально уравняла бы ее с супругом. Таким образом, Парсонс считает сегрегацию по половому признаку «функциональной», то есть обеспечивающей стабильное существование (социальной системы, которая и является для специалиста предметом особой заботы: «Абсолютное Равенство возможностей явно несовместимо с духом партнерства, без которого семья немыслима… Женщины, работающие вне дома, как правило, занимают менее престижные должности, нежели мужчины их класса. В соответствии с их природой общество отводит им лишь роль «обрамления» мужского мира… Эта функция обусловливает ее местоположение в структуре семьи».

Даже такой выдающийся социолог, как Мирра Комаровски, сделавшая блестящий анализ того, как девушки учатся «играть роль женщины», не избежала налета функционализма: она тоже как само собой разумеющееся принимает в качестве точки отсчета приспособление к существующему порядку вещей. Ограничивать область функционирования индивида в том или ином социальном институте, игнорируя альтернативные возможности, — значит оправдывать все виды неравенства и несправедливости истеблишмента. Неудивительно, что социологи начинают видеть свое назначение и том, чтобы помочь индивиду при адаптации к своей роли и существующей системе.

«Социальный порядок обеспечивается только благодаря тому, что огромное большинство так или иначе приспособилось к своему месту в обществе и выполняет те функции, которые общество возлагает на своих членов… Различия в воспитании людей разных полов… обусловливаются, очевидно, соответствующими ролевыми функциями, которые им предстоит выполнять, став взрослыми. Будущая домохозяйка готовится именно к этой роли, а мальчик, готовясь к своей, занимается сезонной или почасовой работой, культивирует в себе независимость, умение руководить, напористость и привычку к состязательности». В словах М. Комаровски явственно сквозит понимание опасности, которую таит в себе «традиционное воспитание» девочек: оно не закладывает и них «стремления к независимости, поиску собственных внутренних резервов, к самоутверждению в той степени, в какой этого требует жизнь». Тем не менее она спешит с предостережением: «Но если родители, хотя и обоснованно (sic!), считают некоторые слагаемые женской ролевой

функции слишком малозначительными, пренебрегая этими сторонами воспитания, они рискуют поставить будущую женщину вне принятых в обществе норм… Шаги, которые родители обязаны сделать, чтобы подготовить дочерей к существованию в нынешних социально-экономических условиях и в семье, неизбежно воспитают в них некоторые притязания и привычки, которые будут мешать исполнению ими чисто женских ролей в том виде, в каком это требуется временем. Сам факт получения образования, благодаря которому женщина становится мозговым центром семьи и вообще своего окружения, подготавливает конфликт ее индивидуальных интересов с рутинными домашними обязанностями… Культивирование в женщине такого рода интересов и развитие ее способностей противоречат современному пониманию женственности».

И дальше М. Комаровски приводит пример. Девушка мечтала стать социологом. У нее был жених, военный, не хотевший, чтобы жена работала. И она надеялась на то, что ей не удастся найти хорошую работу по специальности. «Неинтересная работа, думала она, поможет ей безболезненно пойти навстречу желаниям будущего супруга. И вот, не считаясь с собственными интересами, она поступила на какую-то заурядную службу. Правильно ли она сделала? Приговор вынесет время. Тут будет взаимодействовать множество факторов: вернется ли с боевого задания ее жених, состоится ли брак, сможет ли муж содержать семью без ее помощи, не вернутся ли к ней девичьи мечты о социологии, не пожалеет ли она о сделанном выборе… В данный момент наиболее приспособлена к жизни та девушка, которая достаточно успешно заканчивает школу, но без особого блеска… которая проявляет определенные способности, но не в новых для женщины областях, твердо стоящая на ногах и умеющая себя прокормить, но не притязающая на уровень доходов, которого достигают мужчины, способная хорошо выполнять свои обязанности, но не отдающаяся своей профессиональной деятельности без остатка».

Таким образом, ради соответствия принятому в обществе пониманию женственности (к которому, по-видимому, сама Мирра Комаровски не испытывает пиетета) она склоняется к той же инфантилизации американки, отмечая только, что одним из непредвиденных обстоятельств этого явления становится болезненность перехода от роли дочери к роли супруги. «Важно отметить, — пишет она, — что чем инфантильнее женщина, чем меньше способна принимать самостоятельные решения, чем зависимей в поведении от родителей и чем более привязана к ним, тем труднее ей впоследствии приспособиться к условиям существования в роли

домохозяйки. Возможно, правда, что укорененное в ней в результатом такого воспитания чувство тотальной зависимости она перенесет на мужа, с готовностью приняв на себя роль жены и матери патриархального типа».

М. Комаровски Приводит многочисленные примеры, показывающие, что девушки-студентки инфантильнее, зависимее от взрослых и больше к ним привязаны, чем юноши. Однако в ее сочинениях мы не находим свидетельств того, что при рождении новой семьи гораздо больше проблем возникает со стороны родителей жены, а не мужа. А ведь имея на руках такого рода данные, социолог-функционалист чувствовал бы себя гораздо увереннее, рассуждая о большей степени инфантильности девушек, чем юношей!

Функциональный подход оказался для американских социологов чрезвычайно удобным. Они, разумеется, честно описывали факты «как они есть», но не испытывали при ном неловкости за то, что факты не складываются в стройную теоретическую систему, как и за то, что им не приходится искать скрытую в толще этих фактов истину. Они были избавлены от необходимости формулировать вопросы и отпеты, которые неизбежно привнесли бы в их сочинения противоречивость (а таковая ныне в академических кругах, да п во всей Америке, не в чести). Они как бы имели дело с вечным настоящим и строили свои размышления на отрицании возможности будущего, которое отличалось бы от прошлого. И конечно, такого рода построения могли быть актуальными лишь до той поры, пока это «будущее» не изменилось самым радикальным образом. Ч. П. Сноу заметил как-то, что все ученые, как и сама наука, ориентированы на будущее. Под знаменем функционализма ученые оказались настолько ориентированными на настоящее, что совсем забыли про будущее. Их концепции гальванизировали старые предрассудки и препятствовали переменам.

Социологи и сами вынуждены были признать, что функционализм завел их в тупик и ничего, в сущности, не добавил к нашему знанию. Кингсли Дэвис в своем президентском обращении на сессии Американской социологической ассоциации в 1959 году, которое он озаглавил «Миф о функциональном анализе как методе социологии и антропологии», подвел такой итог: «Вот уже свыше тридцати лет метод функционального анализа дебатируется в социологических и антропологических кругах… Если в прошлом он представлял собой некую научно-стратегическую ценность, то теперь он становится скорее тормозом, чем двигателем научного прогресса… Он пасует перед изменениями в общественной жизни, ибо, по определению, его предметом является статичное общество».

К сожалению, именно исследования в области женских проблем сильнее всех испытали влияние функционализма. В эпоху величайших сдвигов в традиционном женском образе жизни, когда образование, естественные науки и гуманитарные дисциплины должны были бы помочь женщинам преодолеть трудности приспособления к новым условиям жизни, функционализм воздвиг на этом пути преграды, пытаясь превратить «то, что есть», и «то, что было», в «то, что должно быть». Во имя догм функционализма или же из личных научных амбиций сторонники «феминного протеста», по сути дела, захлопнули перед женщинами двери в будущее. В заботах об адаптации была забыта та истина, что речь-то все время шла о приспособлении женщин к неполноценному существованию. Отвергнув фрейдовский постулат «анатомия — это судьба», функционалисты нашли опору в другом ограничивающем притязания женщин определении: женщина — это то, что говорит о ней общество. При этом надо учесть, что полем исследования большинства функционалистов-антропологов были примитивные общества, в которых судьбу женщин определяла анатомия.

Самой влиятельной фигурой, оказавшей наибольшее воздействие на умы и судьбы современных женщин, стала сторонница функционализма и «феминного протеста» Маргарет Мид. Ее многочисленные книги и статьи сыграли огромную роль в жизни и моего поколения, и предыдущего, и того, что шло за нами. Она стала символом американской женщины-мыслительницы. За три с лишним десятилетия она написала тысячи страниц, начиная с исследования «Взросление на Самоа» и кончая статьями в «Нью-Йорк тайме мэгэзин» и «Редбук». Преподавательская деятельность в университетах и средних школах, где девушки самых разных специальностей слушали ее курсы по антропологии, социологии, психологии, воспитанию детей и семейной жизни, популярные статьи в женских журналах и воскресных приложениях, которые читали женщины и девушки всех возрастов, сделали ее незыблемым авторитетом во всех слоях американского общества.

Ее влияние носило парадоксальный характер. Разгадка тайны женственности, видимо, востребовала от Маргарет Мид ее знания бесконечного разнообразия моделей сексуальных отношений и пластичности человеческой натуры, знания, основанного на исследованиях различий пола и темперамента, которые она обнаружила в трех примитивных обществах— арапешей, где мужчины и женщины были «феминны» (имеется в виду материнский тип поведения и сексуальная пассивность); мундугуморов, где мужчины и женщины одинаково

агрессивны и активны в половой жизни, то есть «маскулинны»; и чамбули, где женщины выступают доминирующими безличными партнерами, а мужчины — менее ответственными и эмоционально зависимыми лицами. «Традиционно относимые к феминным свойства темперамента, такие, как пассивность, чуткость, готовность нянчиться с детьми, в одном племени могут оказаться присущими маскулинному типу поведения, а в другом считаться ненормальными как для женщин, так и для мужчин. Таким образом, основа для связывания этих поведенческих черт с половой принадлежностью размывается, — пишет М. Мид. — Судя по результатам наблюдений, можно заключить, что многие, если не сказать — все, личностные качества, которые мы обозначали как феминные или маскулинные, так же слабо связаны с полом, как одежда, манеры, прически, то есть являются внешними и легко изменяемыми признаками, которые общество в тот или иной момент соотносит с определенным полом».

Казалось бы, от этих выводов, сделанных на основе антропологических наблюдений, Маргарет Мид остался один шаг к новому пониманию женщины, которая наконец полностью осознала бы свою роль в обществе, к логическому отказу от господствующего в обществе искусственного деления по половому признаку в пользу признания главными индивидуальных способностей. И близкие к такому пониманию вещей высказывания не раз проскальзывали в ее сочинениях. Вот, например: «Там, где писательская деятельность считается обычной профессией, которой с равным успехом занимаются представители обоих полов, индивиды, обладающие необходимыми способностями, уже не могут быть отлучены от этого занятия из-за принадлежности к тому или иному полу, да и сами могут не подвергать сомнению собственное соответствие представлениям, связанным с тем или иным полом. Именно здесь можно найти основополагающие принципы проекта построения общества, которое учитывало бы не искусственные, а реальные различия его членов. Нужно признать, что за поверхностным делением людей по признакам расы и пола скрываются одинаковые потенциальные возможности, передающиеся из поколения в поколение, но пропадавшие втуне, потому что общество не предусматривало условий для их реализации. Точно так же, как общество позволяет ныне всем своим членам, невзирая на пол, заниматься искусствами, оно должно дать дорогу разнообразным проявлениям темперамента лиц обоего пола. Следует отказаться от вечных попыток заставлять мальчиков драться, а девочек — проявлять послушание или же поощрять к драке всех подряд. Ни один ребенок не должен принуждаться к следованию какой-либо модели

поведения; необходимо существование множества таких моделей, и каждый индивид должен иметь возможность выбрать для себя ту из них, которая более всего отвечает его наклонностям».

Однако, несмотря на такие заявления, Маргарет Мид не проявила на этом пути последовательности. Напротив, чем дальше, тем настойчивее восславляет она женщину в ее традиционной роли, обусловленной биологической природой и половой функцией. Подчас она упускает из виду даже собственное утверждение о пластичности человеческой личности и ищет поддержки во фрейдизме с его биологическим детерминизмом и радикальной установкой «анатомия — это судьба». А потом вновь возвращается к рассуждениям в духе функционализма: хотя потенции женщины велики и разнообразны, все же лучше придерживаться сексуально-биологических ограничений, наложенных культурой. Нередко соображения того и другого рода соседствуют в сочинениях Мид на одной и той же странице и сопровождаются предостережением об опасностях, которые подстерегают женщину при попытках реализовать свой человеческий потенциал в обществе, где господствуют мужчины. «Различие полов, — пишет она, — важнейшая из основ, на которых строится разнообразие человеческих культур, обеспечивающих достоинство человека и стабильность его существования… Одно и то же качество может приписываться то одному полу, то другому. Вчера считалось, что особенно уязвимы мальчики и именно они требуют чрезвычайной заботы, а сегодня мы слышим то же самое о девочках… Одни полагают, что женщины слишком хрупкие существа для труда на открытом воздухе, другие утверждают, что они обладают большей выносливостью… В некоторых религиях, включая европейские, женщинам отводят в религиозной иерархии подчиненную роль, в других выстраивают символические отношения со сверхъестественным миром на символическом присвоении мужчинами женских биологических функций… Имеем ли мы дело с житейскими мелочами или жизненно важными вещами, с пустяками, украшающими быт, или понятиями, определяющими место человека во вселенной, — везде мы находим великое разнообразие способов ролевого поведения, определяемого половой принадлежностью.

Нам неизвестна ни одна культура, которая бы со всей определенностью заявляла о каких-либо различиях между мужчинами и женщинами, кроме того способа, каким они осуществляют функцию продолжения рода. Во всех других отношениях все они — люди, обладающие разными способностями, ни одна из которых не может быть

приписана исключительно одному полу.

Так что же это за норма, которую мы не осмеливаемся оспаривать, ибо она впитана нами с молоком матери? Возможно, она просто удобна обществу и настолько оправдала свою целесообразность, что было бы глупой расточительностью отказаться от нее? Считается, например, что благодаря этой норме, в условиях разделения родительских функций, легче производить на свет и выкармливать детей, учить их ходить, одеваться и вести себя соответственно полу, специализируясь в разных сферах деятельности».

А вот еще цитата. «Зададимся вопросом: какие потенциальные возможности таит в себе половое различие? Каким образом созидательные амбиции мальчиков стимулирует испытанный ими в детстве шок при известии, что им не дано родить ребенка? А каков механизм ограничения амбиций девочек, который якобы срабатывает в связи с тем, что их половая принадлежность не столь рано и очевидно проявляется, как у мальчиков, а потому они стремятся к получению некой компенсации, но эта тенденция увядает еще до наступления половой зрелости? В обоих случаях речь идет о компенсаторных механизмах; а есть ли здесь какие-либо потенции позитивного свойства?»

Приведенные выше пассажи из книги «Мужчина и женщина», ставшей краеугольным камнем мистификации женственности, свидетельствуют о фрейдистской ориентации Маргарет Мид, которую она пытается слегка закамуфлировать, формулируя свои постулаты в вопросительной форме. Дело в том, что, положив в основу подхода к исследованию культуры и личности половые различия и утверждая, что движущей силой личности является сексуальность (как говорил Фрейд), более того, будучи в качестве антрополога осведомленной в том, что не существует единого для всех культур понимания половых различий, за исключением одного— прокреативной функции, она неизбежно пришла к тому, что именно это биологическое отличие — репродуктивная роль — заняло главенствующее место в ее понимании женской индивидуальности.

Маргарет Мид не скрывала, что после 1931 года в ее интеллектуальный багаж вошла фрейдистская терминология, пользуясь которой она проводила свои полевые исследования. Формулируя результаты наблюдений на фрейдистском языке, она сравнивала «созидательные продуктивные качества на которых строится здание цивилизации», с пенисом, а женскую творческую способность уподобляла «пассивной восприимчивости» вагины.

«Размышляя о мужчинах и женщинах, — писала она, — я начала бы с

их различия в процессе репродукции. Каким образом отражается распределение ролей в продолжении рода на различиях функций, способностей, восприимчивости, уязвимости обоих полов? Каким образом сказывается тот фактор, что участие мужчины в репродуктивном акте одномоментно, а у женщины оно занимает девять месяцев вынашивания, а потом еще несколько месяцев кормления грудью? Какова самостоятельная значимость каждого из полов самого по себе, а не в качестве дефективного варианта другого?

В современном мире, где все носят одежду, скрывающую тело, а отдельные его части символически обозначаются с помощью вещей-знаков — трости, зонтика или сумочки, — непосредственное представление о человеческом теле теряется. Но в среде примитивных народов, где женщины носят травяную юбочку, мужчины прикрываются кусочком дубленой кожи, а дети бегают голышом, язык тела оказывается важнейшим средством коммуникации. В нашем же обществе изобретаются специальные терапевтические средства, заглушающие травмирующие воспоминания о том, как человеческое тело и функционирование его органов формировали индивидуальное мировосприятие».

Безусловно, принцип «анатомия — это судьба» в качестве методологической установки был вполне адекватен для исследования культуры и личности народов, населяющих острова Самоа и Манус, — арапешей, мундугуморов, чамбули, ятмула и бали, — даже в большей степени, чем для изучения общественного климата Вены конца девятнадцатого века или Америки в веке двадцатом.

Во время пребывания Маргарет Мид на островах Южных морей анатомия продолжала быть судьбой населявших их людей. Фрейдистская теория, согласно которой жизнь взрослого человека определяют первобытные инстинкты, могла найти там убедительное подтверждение. Сложные задачи, которые ставят перед собой представители более развитых цивилизаций, где инстинкт и среда находятся под контролем и регулируются разумом, затрудняют выявление в отдельно взятой человеческой жизни некой общей матрицы поведения, изначально заложенной в каждом человеке. Биологическое различие как главная сила жизнеустройства гораздо легче выявляется в «неодетых» примитивных сообществах. Но, только вооружившись фрейдистской оптикой, вы сможете, отправившись в экспедицию к Южным морям, чтобы понаблюдать за функционированием языка обнаженного тела, вынести оттуда урок для современной женщины, который убедил бы ее в том, что это обнаженное тело точно таким же образом регулирует жизнь личности и

общества в сложной развитой цивилизации.

Нынешние антропологи уже не столь склонны считать примитивные общества лабораторией, где изучается наша собственная культура, моделью, очищенной от всех последующих искажений. Да и самих этих «искажений» накопилось не так уж много.

Потому что человеческое тело остается тем же самым и у племен на островах Южных морей, и в наших городах. На этом основании антрополог, опирающийся на психологическую теорию, которая редуцирует человеческую личность и цивилизацию к телесной коммуникации, того и гляди кончит тем, что рекомендует нашим современницам жить жизнью тела, как это делают их сестры на Самоа. Загвоздка, однако, в том, что Маргарет Мид не удалось воссоздать в наших краях мир Южных морей, тот мир, где произведение на свет ребенка считается самым главным личным достижением. (Если бы способность рожать считалась у нас главнейшим фактором всей жизни, мужской пол вымер бы от зависти к женщинам.)

Вернемся опять к Маргарет Мид. «На острове Бали, — пишет она, — маленькие девочки двух-трех лет любят прохаживаться с нарочито выпяченными животиками, а взрослые женщины шутливо похлопывают их, приговаривая: «Беременная!» Крошка уже тогда начинает понимать, что, хотя внешние знаки ее причастности к женскому полу невелики, груди — не больше пуговок, как у братца, в один прекрасный день она забеременеет и родит ребенка, а это одно из самых волнующих и таинственных свершений, которое можно предъявить соплеменникам в этом простом мире, где самые высокие строения не превышают 15 футов, а самые большие лодки не длиннее 20 футов. Немного позже малышка узнает, что она родит ребенка не потому, что она деятельна, трудоспособна и предприимчива, а просто потому, что она девочка, а не мальчик, а девочки со временем превращаются и женщин, которые рано или поздно, если они блюдут свою женственность, рожают детей».

Для американки двадцатого века, не обладающей такой (ильной волей и состязательной способностью, как сама Маргарет Мид, чтобы успешно сражаться с мужчинами и области, требующей инициативы, энергии и труда, крайне соблазнителен образ женщины, которая достигает успеха к становится предметом мужской зависти только благодаря своей половой принадлежности.

«Согласно нашим представлениям, — продолжает М. Мид, — самое большее, на что способна женщина, вылепленная из мужского ребра, — это подражать мужчине и его высокому призванию. В примитивных обществах

способность рожать делает ее в глазах соплеменников обладательницей тайны жизни. Роль мужчины здесь неопределенна и, возможно, не считается необходимой. Свою изначальную неполноценность мужчины компенсируют, прилагая большие усилия, с помощью обряда инициации. Оснастившись секретными шумовыми инструментами (их мистическая сила обусловливается тем, что никто, слыша их звуки, не знает, как они выглядят — то ли это бамбуковые флейты, то ли полые дудочки), мужчины уводят мальчиков от женщин и дают им мужское воспитание. Да, женщины дают жизнь человеку, но только мужчина способен вырастить мужчину».

Примитивное общество в самом деле было «хрупким организмом, охраняемым многочисленными правилами и табу», женской стыдливостью, страхом, мужским тщеславием, и выживало только при условии их соблюдения. «Миссионер, который продемонстрировал женщинам секретную бамбуковую флейту, разрушил их культуру». Однако Маргарет Мид, которая могла бы показать американцам «флейты» их собственных искусственных и хрупких табу — все той же стыдливости, того же страха или мужского тщеславия, — этого не сделала. Вместо этого она создала из жизни на Самоа и Бали, где мужчины с завистью относятся к женщинам, идеал для американок, который укрепил вековой предрассудок и вызвал к жизни мистификацию женственности.

Пользуясь языком антропологии, она создала по сути фрейдистскую теорию, за которой стоит стремление возвратиться в Эдем, в тот райский сад, где женщины забудут ощущение неблагополучия, которое рождается у них с избытком знания, а мужчины станут оценивать самые головокружительные свои успехи всего лишь как скудную компенсацию невозможности рожать детей.

«Одна из неотвязных проблем, которую приходится решать любой цивилизации, — определение роли мужчин, способной их удовлетворить. Какое бы занятие мы ни отвели им — садоводство или разведение скота, игру в солдатики или военное дело, строительство мостов или банковские операции, — оно непременно должно с течением жизни вселить в душу мужчины прочное чувство успеха, к достижению которого его готовили с ранних лет. Женщине же, чтобы испытать это чувство, достаточно располагать условиями для исполнения своего биологического предназначения. И если она ощущает беспокойство и неудовлетворенность, в этом повинно воспитание», — заключает М. Мид.

Мистификация женственности вылилась у М. Мид в игнорирование огромного невостребованного потенциала и восславление женской половой функции, реализующейся в каждом обществе, но редко оцениваемой в

цивилизованных странах столь же высоко, как безграничный созидательный потенциал, реализуемый мужчинами. Логика мистификации потребовала от Маргарет Мид показать нам мир, где женщины в силу одного только факта принадлежности к своему полу и репродуктивной функции удостаиваются равного с мужчинами уважения, словно груди и вагина низводят на женщин благодать, недоступную для мужчин, сколько бы они ни трудились. В таком мире все прочее, что могла бы сделать женщина, по сравнению с зачатием ребенка всего лишь бледный фантом. Женственность выходит за рамки того определения, которое дает ей общество; она становится ценностью, которую общество должно защищать от разрушительных атак цивилизации.

Красноречие Маргарет Мид вселило в сердца многих американок зависть к безмятежной женственности гологрудых самоанок и желание превратиться в томных дикарок, чьи груди не стесняют навязанные цивилизацией бюстгальтеры, а мозги не будоражит худосочное знание, добытое мужчинами, одержимыми идеями прогресса.

«Биологическая «карьера» женщины, — убеждает она нас, — имеет свою высшую точку, значение которой может быть излишне переоценено или, напротив, снижено, что не мешает ей оставаться существеннейшим моментом жизни и для мужчин, и для женщин… Молодая балийка на вопрос: «Тебя зовут И Тева?» — отвечает: «Я Мен Бава» (мать Бавы). Здесь отношение к детородной функции выражено с абсолютной ясностью. Она мать Бавы; может быть, Бава завтра умрет, но она останется матерью Бавы. Если бы ее дитя умерло, не успев получить имени, ее называли бы Мен Белас ин, то есть «мать, потерявшая сына». Так или иначе, рождение ребенка остается в жизни женщины главнейшей и неоспоримой вехой. Поэтому в ответе молодой женщины акцент ставится на ее материнстве. Мальчик сызмальства привыкает к тому, что постоянно должен быть чем-то занят, доказывая, что он именно мальчик, а девочка приучается к тому, чтобы не совершать мальчишеских поступков».

И так идет из века в век, пока кому-нибудь не придет в голову спросить: неужели это все? Появляешься на свет, растешь, беременеешь, рожаешь, ребенок растет; таков порядок вещей во всех культурах — примитивных и цивилизованных, хорошо нам знакомых и известных только неугомонным и дотошным антропологам. Так неужели это все, ради чего родится на свет женщина?

Речь не идет о том, чтобы умалить роль женщины, обусловленную ее биологической природой. Женская биология, «биологическая карьера» женщины неизменны; самоанки с островов Южных морей, наши

современницы-американки и женщины каменного века рожали и рожают одинаково. Но меняется наше отношение к природно-биологическому. Объем знаний, интеллектуальный потенциал, накопленный человечеством, заставляют нас усматривать в человеческой жизнедеятельности не только реакцию на физиологические потребности — голод, жажду и сексуальное влечение. Впрочем, даже эти базовые биологические потребности и мужчин, и женщин сегодня совсем не те же самые, что испытывали наши предки в каменном веке или испытывают сегодня аборигены островов Южных морей, ибо сам образ жизни чрезвычайно усложнился.

Разумеется, как антрополог Маргарет Мид отдавала себе в этом отчет. И рядом со славословием биологической миссии женщины у нее соседствуют восторженные строки, посвященные чудесам того мира, где она сможет развить и проявить все свои способности. Однако этот восторг сопровождается опасливыми соображениями, характерными для многих американских ученых. А когда эти опасения сочетаются с чрезмерной оценкой могущества общественной науки не только в качестве толкователя культуры и личности, но и устроителя жизни, ее пафос обращается настоящим крестовым походом против каких бы то ни было перемен в жизни общества. Здесь Маргарет Мид солидаризируется с другими функционалистами, жестко пристегивающими к структуре нашего нынешнего бытия условные культурные дефиниции мужских и женских ролей. Это особенно четко прочитывается в заключительных строках «Мужчины и женщины»: «Выявить у каждого пола слабые места, требующие защиты, — значит не дать обмануть себя поверхностным сходством, имеющим место в период позднего детства, когда мальчики и девочки, преодолевшие первые трудности, связанные с половым созреванием, проявляют горячее желание учиться и способность с равным успехом изучать все предметы… Но всякий раз, когда мы пренебрегаем различием, уязвимостью одного пола, которая уравновешивается силой другого, мы не учитываем их взаимодополнение по отношению друг к другу. Это значит, что мы символически исключаем благотворную чуткость, свойственную женщинам, и напористую активность мужчин, в конечном итоге обрекая тех и других на тусклое существование, лишенное полноты и яркости жизненных проявлений, которые им суждены от природы.

Ни один из даров природы не расцветет там, где есть угроза потерять свое половое качество… И какие бы замечательные программы всестороннего участия мужчин и женщин в цивилизационных процессах мы ни создавали, предлагая им развернуть свои способности в медицине,

юриспруденции, образовании, религии, искусстве и науке, выполнить эту задачу будет крайне сложно…

Было бы сомнительным благодеянием для женщин внедрять их в сферы, которые исконно считались мужскими, лишая их тем самым собственной, обусловленной полом, уникальности, либо вытесняя из этих областей мужчин, либо фатально изменяя их традиционные качества… Сущее безумие— игнорировать предупредительные знаки, оповещающие нас о том, что нынешние условия, в которых воспитываются девочки, провоцируя у них интерес к знаниям, являющимся прерогативой мальчиков, чреваты дурными последствиями как для тех, так и для других».

Роль Маргарет Мид как рупора женственности не была бы столь сокрушительной, если бы американки взяли за пример ее собственную жизнь, вместо того чтобы внимать напитанному в ее книгах. Маргарет Мид прожила жизнь, бросив ей дерзкий вызов, прожила ее с достоинством и не особенно педалируя свою природно-биологическую функцию. Она смело отправилась туда, где не ступала нога антрополога, и во многом преумножила наши знания о мире. Она убедительно доказала, что женские способности выходят далеко за пределы, очерченные деторождением; она проложила свою дорогу в «мужском мире», оставаясь при этом женщиной; она сделала в своей области то, что оказалось бы не под силу ни одному мужчине. После стольких веков безусловно мужского владычества ее деятельность могла бы поставить его под вопрос. Борьба за предотвращение взаимоистребления народов в военных конфликтах, лечение болезней, налаживание мирного сосуществования, содействие утверждению новых, более совершенных форм жизни — все это сферы, в которых женщины могли бы соучаствовать, проявляя себя не менее ярко, чем в деторождении.

Справиться с вековыми предрассудками нелегко. Как ученый и как женщина Маргарет Мид нанесла несколько сокрушительных ударов по образу женщины, сотканному из заблуждений, который без ее усилий просуществовал бы гораздо дольше. Настоятельно повторяя, что женщины — равноправные представительницы рода человеческого, а не дефектные мужчины», неполноценные существа, лишенные определенных органов и качеств, Мид сделала по сравнению с Фрейдом шаг вперед. Но в силу того, что ее наблюдения были оформлены в терминах фрейдистских «телесных» аналогий, она ограничилась прославлением таинственного чуда женственности, присущего каждой представительнице этого пола, обеспечивающего ее пышной грудью, тяготами менструаций и выкармливания ребенка. В прозвучавшем у Маргарет Мид

предостережении о том, что женщине, стремящейся к выполнению помимо биологической функции и еще каких-то иных, грозит опасность превратиться в бесполую ведьму, выразилось нежелание общества раскрыть перед женщиной двери выбора. Она убеждала молодых женщин в необходимости отказаться от столь дорого завоеванного ими ощущения себя равноправной частью общества в пользу мистифицированной женственности. И в конце концов совершила то, против чего выступала: заключила женщину в тот самый порочный круг, из которого сама сумела вырваться.

«Начиная с простого физического отличия, разница между полами выходит на уровень взаимодополнительных различий, которые чрезмерно расширительно толкуются в общественной практике, где устанавливаются искусственные ограничения в интеллектуальной, управленческой, религиозной деятельности и даже в искусстве.

Во всех этих высших проявлениях цивилизации, составляющих славу человечества и дающих надежду на выживание в мире, который мы построили, просматривается тенденция отводить те или иные сферы деятельности одному или другому полу, игнорируя реальный человеческий потенциал как мужчин, так и женщин, препятствуя тем самым прогрессу во всех видах деятельности…

Мы попадаем в порочный круг, не имеющий ни начала, ни конца: неадекватная оценка представителями обоих полов их ролей и функций отрицательно сказывается на столь дорого доставшейся нам цивилизованности. Те, кто мог бы прорвать этот круг, — плоть от плоти установившегося порядка вещей со всеми его предрассудками, и потому, даже обладая достаточной отвагой, чтобы бросить ему вызов, они не в силах решительно с ним покончить. Тем не менее, осмыслив создавшееся положение, эти люди создают предпосылки для перемен в умонастроениях, и тем, кто придет им на смену, будет легче сделать следующий шаг по этому пути».

Возможно, «феминный протест» оказался необходимым противовесом «маскулинному протесту», заявленному некоторыми феминистками. Маргарет Мид стала одной из первых американок, завоевавших громадный авторитет после того, как женщины формально обрели свои права. Ее мать занималась исследованиями в области общественных наук, бабушка была учительницей. Сама она получила образование не менее блестящее, чем ее муж. Маргарет Мид могла с чистым сердцем заявить: женщиной быть хорошо, нет нужды копировать мужчин, надо уважать в себе женщину. Решительно заявив о себе, она повела за собой женщин, открыв им

прелесть свободного, разумного выбора в пользу материнства и воспитания детей, в пользу того, чтобы целиком посвятить себя заботам о своих чадах. Она помогла сделать первый шаг на том пути, где образованная женщина сумела наконец сказать «да» материнству, увидев в нем не тягостное бремя, а сознательно выбранную цель. Вдохновленное Маргарет Мид движение за естественное деторождение и вскармливание не было возвращением к примитивному материнству. Оно было обращено к независимой, образованной, духовно развитой американке и ее сестрам в Западной Европе и России, ибо помогало ей относиться к деторождению не гак, как это делает неразумная самка, являясь объектом, подверженным воле обстоятельств, но как цельная личность, умеющая владеть своим телом. Деятельность Маргарет Мид гораздо эффективнее, чем контроль над рождаемостью и прочие свидетельства женского равноправия, содействовала гуманизации во взаимоотношениях полов

С ловкостью опытного коммивояжера она даже внедрила в обиход современной Америки подобие некоторых обычаев, бытующих на дальних островах, где мужчины ревностно имитируют материнство. И вот уже современный муж вместе с женой, готовящейся к естественным родам, разучивает дыхательные упражнения. Но вот вопрос: а не просчиталась ли при заключении этой сделки сама Маргарет Мид?

Может быть, не следует возлагать на нее вину за то, что она слишком буквально восприняла культовый смысл репродуктивной функции, исключающий всякий другой вид творческой деятельности, как это происходит там, где для женщин не существует иных путей творческой самореализации? Ее труды были растащены на цитаты, вырванные из контекста. Последователи, находившие в них подтверждение собственным предрассудкам и опасениям, игнорировали не только многозначность ее исследований, но и пример, поданный ее жизнью. Преодолев массу трудностей, выпавших на ее долю женщины, рискнувшей ступить на тропу абстрактного теоретизирования, являвшегося неоспоримой мужской территорией, она ни разу не отступила с пути самоосуществления, по которому до нее прошли очень немногие женщины. И она убеждала других следовать этим путем. И если они предпочли прислушаться к ее увещеваниям другого рода, к прославлению женственности и предостережениям против ее утраты, значит, они не настолько уверились в своих силах, как это было свойственно ей.

Маргарет Мид и ее коллеги-функционалисты не столь крупного масштаба прекрасно понимали, как болезненно и наполнено риском расставание со старыми нормами жизни. Этой осведомленностью

объясняется тот факт, что их суждения о потенциальных возможностях женщин сопровождаются рекомендациями, согласно которым тем следует не состязаться с мужчинами, а искать самоутверждения в осознании собственной уникальности. Этот совет трудно назвать революционным; он разрушил традиционно сложившийся образ женщины не в большей степени, чем это удалось фрейдизму. Может быть, Маргарет Мид и ее коллеги пытались заложить мину под этот образ, но на деле они лишь еще больше мистифицировали женственность с помощью нового знания.

По иронии судьбы в 1960 году именно Маргарет Мид забила тревогу по поводу «возвращения к пещерной женщине»— погружения американок в домашнюю жизнь, — и как раз тогда, когда весь мир переживал новую технологическую революцию. Она опубликовала в газете «Сатердей ивнинг пост» (от 3 марта 1962 года) фрагмент своей книги «Американка: меняющийся образ», где задавалась вопросом: «Почему, несмотря на достигнутый нами технологический прогресс, мы вернулись в каменный век?.. Женщины разбрелись но своим пещерам, с нетерпением ожидая возвращения мужа и детей, ревниво охраняя мужа от посягательств других женщин и ничуть не интересуясь той жизнью, которая течет за порогом дома… Винить в этом следует не какую-либо конкретную женщину, а общественное мнение, возобладавшее и стране…»

Маргарет Мид, очевидно, не признавала или не желала признать своей роли главного архитектора в создании этого общественного мнения. Она не заметила, что именно ее стараниями несколько поколений американок восприняли «пещерный стиль и посвятили свои жизни домашнему очагу, сначала в качестве школьниц, мечтающих о будущей семейной жизни, потом в качестве матерей и, наконец, бабушек… ограничивающих свое существование замкнутым и, как правило, очень скучным мирком».

Но, даже пытаясь вернуть женщин из добровольного домашнего плена, Маргарет Мид не перестает усматривать всем, где ни появится женщина, ее сакраментальное влияние. Например, в качестве преподавательниц женщины, по ее мнению, воспитывают «инфантильное поколение». Таким образом, завоевывая новые для себя области, женщины приносят туда проклятие своего пола. Внушает, правда, оптимизм такая вновь открывшаяся, «исторически принадлежащая женщинам роль, как борьба за ядерное разоружение, предполагающая заботу не только о своих детях, но и о детях врага». Поскольку в этом случае, возвращаясь на тот же плацдарм и исследуя тот же антропологический материал, Маргарет Мид выходит на несколько иной расклад в диспозиции полов, правомочно подвергнуть сомнению основу, на которой зиждется определение ролевой

функции женщины, тем более что правила игры слишком заметно меняются от десятилетия к десятилетию.

Так или иначе, одним исследователем уже был сделан поразительный вывод о том, что «быть женщиной — не что иное, как быть человеком». Словом, мистификация женской ценности начала подвергаться коррозии. Но к тому времени, когда социологи обнаружили брешь в «роли женщины», воспитатели молодого поколения восприняли ее как спасительный «сезам». Вместо того чтобы готовить девушек к великому материнству, которое отвечало бы нормам участия в жизни современного общества со всеми его проблемами, конфликтами и упорным трудом, педагоги принялись обучать их «играть роль женщины».

7. Ориентация в образовании по признаку пола

Пер. Н. Цыркун

Этот процесс давно был в полном разгаре — он длился уже десять-пятнадцать лет, — прежде чем преподаватели старой закалки удосужились его заметить. В свою очередь педагоги нового толка, ориентированные на пол, были крайне удивлены тем, что это явление представляется кому-то не столь естественным, как им самим.

Но еще большее удивление выпало на долю тех наивных энтузиастов, которые возлагали надежды на высшее образование. Никогда прежде женщины не устремлялись в таких количествах в университеты и колледжи. Но очень небольшое число из этой массы, выходя из стен учебных заведений, становились физиками, философами, поэтами, врачами, юристами, государственными служащами и даже обыкновенными учительницами. Среди выпускниц последних лет резко сократилась доля женщин, заметно отличившихся и своей профессии по сравнению с теми, кто получил высшее образование перед второй мировой войной. Все реже и реже женщины выбирали карьеру, требующую самоотдачи. Двое из трех бросали курс, не закончив. В пятидесятые годы даже те, кто прилежно доучивался до конца, в том числе наиболее способные, не мечтали ни о чем другом, кроме замужества и материнства. Профессора престижнейших женских колледжей— Вассара, Смита, Барнарда — прибегали к самым нечаянным попыткам, чтобы пробудить у студенток интерес хотя бы к чему-нибудь из того, что преподавалось по программе. Казалось, девушки были лишены даже тени амбиций, увлеченности, каких бы то ни было пристрастий, всего, кроме единственной цели — охоты за обручальным кольцом. В этом занятии они с первого курса проявляли невероятное усердие.

Находясь под обаянием идеи необходимости высшего образования для женщин, которое на глазах вырождалось в пустую фикцию, педагоги-традиционалисты поначалу проявляли невозмутимое терпение. Но вскоре закрывать глаза на бессмысленность и полную бесполезность этого мероприятия стало невозможно: они кричали о себе со страниц статистических отчетов, которые зафиксировали исчезновение из преподавательского состава женских колледжей мужчин, глубокую разочарованность в своем деле и холодный цинизм тех, кто оставался, неверие в целесообразность вкладывания знаний даже в самые светлые

девичьи головки. Часть женских колледжей закрылась; профессора в учебных заведениях с совместным обучением стали заявлять, что не желают тратить силы на женщин; президент престижного колледжа Сары Лоуренс заговорила об открытии вакансий для юношей, а ее коллега из Вассар-колледжа предсказывала скорый конец всем женским высшим учебным заведениям в Америке, где они впервые в мире были открыты.

Помню, встретив первые осторожные намеки на происходящее в докладе гуманитарного Фонда Меллона о состоянии образования в Вассар-колледже в 1956 году, я ужаснулась: какая деградация! Да и что можно было подумать, читая такие строки: «Приверженность к какой-либо деятельности, кроме занятий домашним хозяйством, встречается крайне редко. Примерно треть студенток проявляет интерес к получению ученой степени и преподавательской работе, однако мало кто планирует делать карьеру, если она может помешать семейной жизни… По сравнению с предыдущим периодом, так называемой «эпохой феминизма», резко сократилось число студенток, желающих овладевать серьезными профессиями, такими, как юриспруденция или медицина. Случаи полной самоотдачи любимому делу исключительны…»

И дальше в докладе было сказано: «Студентки Вассар-колледжа глубоко убеждены, что несовершенства общества постепенно исправятся и без активного участия выпускниц женских колледжей… Девушки в большинстве своем не мечтают о славе, вкладе в общественный прогресс, об освоении новых территорий или вообще о каком-либо влиянии на ход событий… Безбрачие считается личной трагедией, и в крайних случаях студентки готовы ради создания семьи усыновить чужого ребенка. Короче говоря, свою роль в будущем они видят в качестве жены и матери… Описывая образ идеального мужа, большинство выразило предпочтение мужчине, который примет на себя роль главы семьи и будет активно делать карьеру… В их глазах попытки женщин узурпировать профессиональные прерогативы мужчин выглядят дурным тоном, угрозой лелеемой ими мечте о своем месте под падежной мужской защитой и о роли преданной подруги хозяина дома».

Я заметила эту бросающуюся в глаза перемену, приехав на неделю в мой родной колледж Смита в 1959 году. Я провела это время в студенческом общежитии. Потом мне довелось беседовать с девушками из других университетов и колледжей в разных уголках Соединенных Штатов.

Один профессор психологии пожаловался мне накануне выхода в отставку: «Все они очень способны. Без этого сюда сейчас просто не попасть. Но им все безразлично. Они понимают, что полученные здесь

знания пойдут прахом, когда они выйдут замуж за какого-нибудь молодого чиновника и займутся воспитанием детей в своем загородном рае. Я не мог собрать на последнем курсе заключительный семинар — помешал урок кулинарии. Никто из них не счел мой семинар важнее его».

«Это преувеличение», — решила я. Но вот открываю газету колледжа, которую сама когда-то редактировала. В ней нынешняя редакторша описывает лекцию, на которой присутствовало пятнадцать или двадцать девушек: «Сидя с непроницаемыми лицами, они вязали. Преподаватель, чтобы вызвать у них какую-то реакцию, объявил, что западная цивилизация умерла. Студентки повернули головы к тетрадкам и, придерживая пальцем петлю, записали: "зап. цив-я ум-ла"».

Зачем же им учение, недоумевала я, вспоминая, как мы, бывало, после занятий сбивались в кучу и спорили о том, что услышали на лекции, — будь то политэкономия, философия политики, история западной цивилизации, социология или творчество Джефри Чосера. «Какие курсы наиболее популярны сегодня? — спросила я блондинку выпускницу. — Ядерная физика, современное искусство, африканская цивилизация?» Глядя на меня как на ископаемое, собеседница ответила: «Девушки теперь ничем таким не интересуются. Мы не собираемся делать карьеру. Родители хотели, чтобы мы поступили в колледж. Сейчас все идут в колледж. Если не поступишь, на тебя будут смотреть как на придурка. Но девушка, которая учится всерьез и хочет заниматься наукой, выглядит белой вороной. Это неженственно. Насколько я знаю, каждая мечтает к окончанию колледжа обзавестись обручальным кольцом. Это важнее всего».

Путешествуя по колледжам, я обнаружила неписаное правило: никаких разговоров о науке. Все куда-то лихорадочно спешат. Я ни разу не видела, чтобы студентки (преподаватели не в счет), усевшись в кружок в кафе или закусочной, о чем-то беседовали. В свое время мы часами просиживали, обсуждая, что такое истина, проблемы искусства для искусства, войны и мира, религии, секса, Фрейда и Маркса и прочее, прочее. Невозмутимая первокурсница просветила меня: «Мы никогда не тратим на это время. Не убиваем его на обсуждение всяких абстрактных вещей. Разговариваем чаще всего о свиданиях. Я, например, три дня в неделю провожу не здесь, а в городе. У меня есть парень. И я хочу быть с ним».

Темноглазая старшекурсница призналась по секрету, что ей нравится бродить вдоль библиотечных полок, выбирая что-нибудь для души. «Уже на первом курсе здесь отбивается охота проводить время в библиотеке. Но к

концу обучения вдруг начинаешь понимать, что скоро уйдешь отсюда навсегда и другой возможности почитать всласть не будет. И вот читаешь, записываешься на трудные курсы, которых раньше избегала. А когда выйдешь замуж, все это будет ни к чему. Тогда твоим единственным интересом станут дом, дети, их нужно будет учить плавать, кататься на коньках, а вечерами разговаривать с мужем. Мы, наверное, будем счастливее, чем ученые дамы».

Все эти девушки вели себя так, будто время обучения в колледже — некий интервал, который надо скрепя сердце преодолеть, несмотря на скуку, и только тогда начнется «настоящая жизнь». А «настоящая жизнь» — это замужество и жизнь в загородном доме с мужем и детьми. Однако действительно ли им было так скучно в колледже? И правда ли, что их так тянуло замужество? Как мне удалось выяснить, многие из тех, кто отрицал свою серьезную заинтересованность в образовании, прерывая разговор о нем словами «когда я выйду замуж», не имели своего молодого человека. А у тех, кто спешил поскорее разделаться с заданием, чтобы отправиться в город, зачастую не было назначено никакого свидания.

В мое время авторитетом пользовались девушки, которые серьезно занимались наукой. Даже если кто-то влюблялся — на время или навсегда, — это не мешало занятиям, требовавшим много сил. Неужели же этим девушкам, которые проявили столько упорства, зарабатывая проходной балл, сразу наскучило напрягать мозги?

Мало-помалу я поняла, что таилось за их внешней невозмутимостью. Я почувствовала усиленно скрываемое напряжение, молчаливый протест. Не скука это была. Это была самозащита, нежелание попасть в общую молотилку. Так же как глубоко религиозная женщина, считающая половые сношения грехом, занимается сексом, внутренне не включаясь в этот процесс, так и эти девушки выключают себя из реальности университетской жизни. Они участвуют в общих ритуальных действиях, но стремятся оградить себя от интеллектуальной заразы, которая может разбудить в них опасную страсть.

Хорошенькая второкурсница объяснила мне это так: «Надо быть беспечной, лишний энтузиазм ни к чему. Те, кто (лишком серьезно относится к делу, вызывают насмешку или жалость». А другая добавила: «Тебя будут жалеть. Если не хочешь, чтобы к тебе относились со снисходительной насмешкой, надо умерить пыл и не выставлять свой интеллект напоказ. Тогда все будет в порядке».

Девушка с каким-то значком на розовом свитере высказалась так: «Может быть, и следовало относиться к занятиям серьезнее. Но что толку,

если потом знания тебе все равно не пригодятся. Если твой муж будет заниматься менеджментом, лишние знания тебе не нужны. Жена играет важную роль и карьерных делах мужа и не должна отдаваться своим интересам— искусству или чему-нибудь в этом роде». Девушка, провалившаяся на экзамене по истории, рассказала: «Сначала мне очень нравилось учиться. Я была так увлечена, что могла прийти в библиотеку в восемь утра и уйти в девять вечера. Даже мечтала об аспирантуре или о факультете права, чтобы получить серьезную профессию. И вдруг я испугалась. Мне захотелось жить полной жизнью. Выйти замуж, иметь детей, хороший дом. А я неизвестно зачем сушу тут мозги. И с этого года я угомонилась. Стала ходить в кино… Не знаю, почему так повернулось. Может быть, мужество мне изменило».

Этот случай не единичен. Студентка университета одного из южных штатов откровенно сказала: «С детских лет я мечтала о науке. Мне хотелось заниматься бактериологией и онкологией. Теперь я изучаю экономику Соединенных Штатов. Поняла, что ничем по-настоящему серьезным заниматься не имеет смысла. Иначе можно превратиться в фанатичку. Первые два года я не выходила из лаборатории. Мне там нравилось буквально все. Но сколько же возможностей я упустила! Девушки шли купаться, а я корпела над своим» мензурками и пробирками. В лаборатории я была единственной девушкой — шестьдесят парней и я! Мне было скучно с девушками, которые ничего не смыслили в науке. Экономика мне малоинтересна, но я сделала этот выбор, чтобы влиться в общество нормальных людей. Поняла, чти нельзя быть такой серьезной. Кончу учебу, вернусь домой и буду работать в универмаге, пока не выйду замуж».

Странно не то, что девушки сопротивляются вовлечения их в интеллектуальную жизнь, а то, что их оборона воспринимается педагогами как издержки «студенческой культуры». Единственный урок, накрепко усвоенный каждой студенткой, поступившей учиться в период с 1945 по 1960 год и пожелавшей остаться нормальной, счастливой, женствен! ной, благополучной в семейной и сексуальной жизни, заключался в том, чтобы научиться не проявлять серьезного интереса к чему-либо, кроме замужества и рождения детей. Этот урок был частью преподнесен ей дома, частью — подругах в колледже, но более всего она усвоила его благодаря тем, кто по долгу службы призван развивать в студенчестве критическое мышление, — профессорам.

За последние пятнадцать лет в мире высшего образования произошло невидимое на первый взгляд изменение: оно приобрело ориентацию на пол.

Мистификация женственности привела к тому, что директора некоторых колледжей стали заботиться больше о том, чтобы их студентки сохранили в будущем способность к переживанию сексуального оргазма, чем об их умении воспользоваться получаемыми знаниями. Фактически ведущие педагоги в женских колледжах постарались защитить своих подопечных от соблазна использовать свой творческий потенциал и в этих целях стали прибегать к таким методам обучения, благодаря которым интеллект не приобретал чересчур творческого и излишне критического характера. Таким образом, высшее образование внесло свой вклад в процесс, в ходе которого американки воспитывались в соответствии со своей биологической функцией и без всякой оглядки на их индивидуальные задатки. Девушки, поступившие в колледж, едва ли могли избежать курсов по теории Фрейда и антропологии Маргарет Мид или изучения книги «Брак и семья» с заложенной в ней функционалистской идеей «как играть роль женщины».

Новая педагогика, ориентированная на половую принадлежность, не ограничивалась рамками какого-то специфического факультета или отделения. Эта ориентация пронизала псе общественные науки; более того, она стала частью самого образования. Начитавшись Фрейда и Маргарет Мид, директора колледжей и преподаватели специальных дисциплин ополчились против утвердившейся политики не просто совместного обучения, но и вообще одинакового образования для юношей и девушек. Фрейдисты и функционалисты обвиняли высшую школу в том, что она дефеминизировала американок, обрекая их в роли домохозяек и матерей на фрустрацию, на безбрачие в случае выбора деловой карьеры и вообще на жизнь без оргазма. Это было довольно суровое обвинение; многие преподаватели без звука признали свой тяжкий грех и влились в русло образования, ориентированного на пол. Раздалось, конечно, несколько одиноких отчаянных протестов, вырвавшихся из уст старомодных педагогов, которые не желали расставаться с верой в то, что развитие интеллекта поважнее самочувствия в постели, но им все равно пора было в отставку, и вскоре их заменили более молодыми и прогрессивно мыслящими преподавателями, л тем, что остались, предоставили читать такие курсы, посредством которых они не смогли испортить общей борозды.

Итак, созрели все условия для внедрения новейшего подхода к образованию — ориентированного на пол и акцентированного на адаптации к семейной жизни. Прежняя цель образования — развитие умственных способностей с помощью научных дисциплин — впала в

немилость. Педагогический колледж в Колумбийском университете естественным образом стал испытательной площадкой функционализма. По мере того как психология, антропология и социология пропитали новейшим духом всю университетскую атмосферу, идея воспитания женственности овладела твердыней женского образования — университетским комплексом «Лиги плюща», где оно было введено впервые в стране и славилось своими беспримерно высокими стандартами.

Вместо того чтобы открывать перед способными студентками новые горизонты и миры, их начали учить адаптироваться в тесном мирке семейной жизни. Вместо того чтобы искать истину, развеивая предрассудки прошлого, и учить девушек критически мыслить, чтобы сопротивляться укоренению новых ложных идей, ориентированные на половую принадлежность преподаватели угощали их похлебкой из предписаний, сковывающих разум и затемняющих здравый смысл куда эффективнее, чем те блюда, которые предлагались им в давно прошедшие времена. Все это проделывалось совершенно сознательно и в соответствии с теми инструкциями, которые профессора получили из рук ученых-функционалистов. И если отдельный профессор или президент колледжа не разделял всеобщего восторга перед новыми методами преподавания, у него все равно не хватало духу ставить под сомнение компетентность их авторитетнейших разработчиков.

Все же нашлось несколько отважных преподавательниц, которые попытались трезво взглянуть на происходящий переворот. Будь они старыми девами или бездетными супругами, их вообще никто бы не стал слушать на том основании, что они вообще неправомочны представлять женский род. (Согласно авторам книги «Современная женщина: утраченный пол», таковым вообще следовало запретить заниматься преподаванием.)

Блестящую исследовательницу, не вышедшую замуж, но вдохновившую несколько поколений студенток на поиски истины, буквально загнали в угол. Ее не избрали президентом женского колледжа, научные традиции которого она подняла до величайших высот. Бразды правления теперь были вручены красавцу мужчине, больше подходящему для сбивания в девичьи головки идей женственности. А нашей исследовательнице пришлось возглавить факультет в крупном университете, где преподавательский персонал состоял в основном из мужчин, для которых блеск научной мысли и поиски истины не казались препятствием на пути сексуальной самореализации.

С точки зрения новой образовательной политики эта женщина-ученый

подозрительна; она работает не из-за куска хлеба и виновна в том, что подавляет свою биологическую природу, тратя столько сил и времени на скудно оплачиваемую работу в качестве доктора наук. В целях самозащиты она порой надевает легкомысленные блузки или еще как-нибудь заявляет свой «феминный протест». (Было замечено, что дамы-психоаналитики обожают появляться на лекциях в шляпках с цветочками.) Обладательницы магистерских или докторских дипломов наряжаются в романтические туалеты, чтобы никто не усомнился в их женственности. Но увы, сомнения все же возникают. Чтобы отвергнуть их с порога, один из колледжей вывесил лозунг: «Мы готовим не ученых, а жен и матерей!» (Обучающиеся там студентки сократили его до аббревиатуры ЖИМ.)

Разрабатывая программы обучения, ориентированные на половую принадлежность, не все заходили так далеко, как президент Миллз-колледжа Лина Уайт, но, если уж начинать с посылки, что женщинам не следует давать того же образования, что мужчинам, неизбежно придется заменить лекции по химии курсом поварского искусства.

Педагоги, ориентированные на пол, возлагают на образование ответственность за фрустрацию, в том числе сексуальную, от которой повально страдают американки.

«На моем столе лежит письмо от молодой матери, несколько лет назад окончившей колледж. Она пишет: «Я наконец уяснила, что меня готовили к будущности преуспевающего мужчины, и теперь мне приходится самой учиться быть преуспевающей женщиной». Трудно более точно выразить несоответствие направления образования, которое получают женщины, их насущным потребностям… Неумение принять во внимание очевидные и существенные различия между образом жизни среднего мужчины и средней женщины в определенной мере повлекло за собой глубокую неудовлетворенность, которая охватила миллионы женщин… Чтобы восстановить самоуважение, женщинам, по-видимому, следует отказаться от устарелой тактики феминизма, отвергающей эмоциональные и интеллектуальные различия между мужчиной и женщиной. Только признав эти существеннейшие различия, женщины избавятся от ощущения неполноценности»— таков вывод одного из столпов нового педагогического учения.

Ориентированный на половую принадлежность, преподаватель разграничивает феминный и маскулинный типы сознания, относя к последнему такие культурные реалии, как «неумеренное поклонение творениям культуры», «некритическое восприятие так называемого прогресса как блага», «эгоистический индивидуализм», «стремление к

новаторству», «абстрактное конструирование» и «количественное мышление», символом которого являются такие страшные порождения ума, как коммунизм и атомная бомба. В противовес вышеперечисленному человечество обладает такими феминными комплексами, как «чувство личной причастности», «отвращение к обезличенной статистике и большим величинам», «интуиция», «эмоциональность» и все, что «лелеет» и «сохраняет» «доброе, истинное, прекрасное, полезное и священное».

Высшее женское образование может включать социологию, антропологию, психологию. («В этих науках менее всего превозносится гениальность сильного мужчины, — замечает ревнитель женственности. — Они исследуют незаметные на первый взгляд силы, движущие обществом и процессом познания… Они уделяют особое внимание приверженности женщин к сохранению, сбережению накопленного поколениями опыта».) Сюда, однако, вряд ли войдут фундаментальная наука (поскольку абстрактные теории и количественное мышление чужды женскому уму), а также чистое искусство, которое маскулинно, ибо «дерзко и отвлеченно». А вот прикладное искусство или ремесла — это пожалуйста: керамика, текстиль — все, что делается руками, а не головой, — это феминно. «Женщины, как и мужчины, любят красоту, но они предпочитают красоту, связанную с бытом…»

Ориентированный на пол педагог одобрительно цитирует кардинала Тиссерана: «Женщинам следует дать обра-мтание, чтобы они научились толково спорить с мужьями». Давайте вообще ликвидируем профессиональную подготовку женщин, настаивает он: женщин надо готовить к домашнему труду. Даже экономика, которая нынче широко преподается в колледжах, носит маскулинный характер, ибо «слишком близко подводит к границе профессионализма».

А вот как должно выглядеть образцово поставленное женское образование: «Можно с абсолютной уверенностью предсказать, что в соответствии с пожеланиями самих девушек в каждом женском колледже или там, где принято совместное обучение, в центре специально разработанной программы поместится курс семейной жизни, от которого будут отпочковываться спецкурсы по кулинарии и диетологии, умению одеваться, уходу за больными и детьми, по планированию домашнего хозяйства и дизайну, садоводству и ботанике, по воспитанию детей… Разве нельзя составить программу по изучению кулинарного искусства столь же увлекательно и научно, как, скажем, курс по пост-кантианской философии?.. И давайте избегать заумных разговоров торов о протеине, карбогидратах и прочей казуистике, ограничиваясь такими, например,

необходимыми сведениями, что отварная брюссельская капуста не столь богата витаминами, как сырая. Почему бы не научить студенток готовить шиш-кебаб, телячьи почки в вишневом соусе, настоящий черри или, к примеру, артишоки в молоке!»

Ориентированного на пол педагога не смутишь таким аргументом, что в программе высшего учебного заведения не место кулинарии или рукоделию, ими с успехом можно овладеть в средней школе. Нет, будет упорствовать он, давайте учить тому же самому в колледже, только «интенсивнее и с большей фантазией». И юношам тоже следует преподать нечто о семейной жизни, но только уже сверх обязательной программы: навыки ручного труда, привитые им в средней школе, достаточны, чтобы «в будущем они успешно трудились в саду или гараже под восхищенными взглядами детишек… и были незаменимыми на пикнике»…

Такой тип образования, рассчитанный на адаптацию к условиям жизни, стал реальностью во многих средних школах и колледжах. Каковы бы ни были намерения его инициаторов, он повернул вспять развитие женщины. Когда началась инвентаризация утраченного национального интеллектуального богатства, выяснилось, что в женской среде мы потеряли своих эйнштейнов, швейцеров, Рузвельтов, Эдисонов, фордов, ферми, фростов. Из сорока процентов лучших выпускников американских средних школ только половина поступила в высшие учебные заведения, а в оставшейся половине двое из трех были девушки. Доктор Джеймс Б. Конент, специально занимавшийся состоянием американской школы, обнаружил, что слишком большое число студентов записалось на курсы, обучающие каким-то элементарным навыкам и не требующие никакого умственного напряжения. И большинство среди тех, кто вместо физики, высшей математики, аналитической геометрии, иностранных языков занимался всей этой ерундой, были девушки. Они обладали достаточно развитым интеллектом, хорошими способностями без всякой половой окраски, но убеждения не позволяли им предаться столь высоким материям, поскольку они «неженские».

Иногда возникающее у девушек желание посвятить себя какому-нибудь серьезному предмету пресекается куратором или преподавателем, который объясняет, что это пустая трата времени. Так, например, случилось с девушкой из хорошей школы на Восточном побережье, которая мечтала стать архитектором. Ей настоятельно рекомендовали отказаться от этой затеи на том основании, что женщин в этой профессии практически нет и ей вряд ли удастся найти работу по специальности. Она упрямо попыталась подать заявление в два университета, где преподавали архитектуру, и, к ее

удивлению, в обоих была принята. Но потом ей объяснили, что хотя она и зачислена, но будущего как у архитектора у нее нет никакого и она обречена всю жизнь корпеть чертежницей, а потому лучше записаться на подготовительный курс, где учиться гораздо легче и где она сможет без труда овладеть навыками, которых ей хватит на всю жизнь.

Влияние образования, ориентированного на пол, особенно сильно в средней школе, ибо именно там девушки отказываются от мысли поступить в колледж. Я изучила план занятий, который должен привить девочкам навыки адаптации и согласно которому идет обучение в школе рядом с моим домом. Игриво озаглавленный «Резвушки-хлопотушки», он включал в себя конкретные рекомендации о том, как следует нести себя на свидании, и был рассчитан на девочек одиннадцати— тринадцати лет, с этих пор приучая их к осознанию своей сексуальной роли. Хотя многим из них еще не требовался лифчик, девочкам строго предписывалось не носить свитер, не поддев под него бюстгальтер, а также комбинацию, чтобы юбка не просвечивала. Неудивительно, что к окончанию школы многие способные девушки уже переполнены информацией о собственной сексуальности, им скучны все школьные предметы и не хочется думать ни о чем, кроме как о замужестве и материнстве. Не перестаешь поражаться (особенно когда слышишь о беременности и родах в пятнадцать-шестнадцать лет), как можно было столь успешно внушить девушкам мысли об их половом предназначении и напрочь пренебречь их способностями и наклонностями.

Блокировка способностей девушек приобрела общенациональный масштаб. Из 10 процентов лучших выпускников штата Индиана в 1955 году только 15 процентов юношей не продолжили своего образования, а девушек — 35. В то время как страна стала особенно нуждаться в образованных гражданах, пропорция женщин среди студентов стала год от года уменьшаться. В пятидесятые годы женщины все чаще покидали высшие учебные заведения, не закончив образования; если университет заканчивали 55 процентов студентов-мужчин (от числа поступивших), то для женщин эта цифра составляла 37 процентов. В шестидесятые годы процент отсеивающихся среди мужчин и женщин сравнялся. Но следует учесть, что в тот период острой конкуренции за место среди абитуриентов на двух юношей приходилась одна девушка, к которой, естественно, предъявлялись и более строгие требования. У прошедших сквозь это сито было больше шансов удержаться на факультете. Как заметил Дэвид Рисмен, девушки уходили из высшей школы либо чтобы выйти замуж, либо из-за боязни, что образование станет препятствием замужеству. В те годы

возраст вступления в первый брак оказался самым ранним за всю историю страны, самым ранним среди стран западного мира, почти таким, как в так называемых развивающихся странах. В новых государствах Азии и Африки с развитием науки и образования брачный возраст девушек становится все старше. Благодаря стараниям ориентированных на пол воспитателей прирост населения в Соединенных Штатах — один из самых высоких в мире — почти втрое выше, чем в Западной Европе, и вдвое выше, чем в Японии; он приближается к уровню Африки и Индии.

Ориентация на половую принадлежность играла двоякую роль: готовила девушек к выполнению их биологического предназначения (с чем они успешно справились бы и без всякой специальной накачки) и изолировала женщин от интеллектуальной жизни. Будут их воспитывать соответствующим образом или нет, женщины все равно станут испытывать сексуальное влечение, выполнять свою биологическую функцию, переживать любовь и рожать детей. Но без специального образования никто, ни мужчины, ни женщины, не сможет развивать те свои наклонности, которые выходят за эти пределы.

Образование помогает индивиду расширить горизонт, открыть для себя новые регионы опыта, развить независимость суждения, приобщиться к продуктивной деятельности, основанной на познании мира и себя как личности. Для девушек главный барьер на этом пути — предрассудки относительно роли женщины, которые усугубили ориентированные на половую принадлежность педагоги, проигнорировав их индивидуальные способности и собственную ответственность за развитие последних.

Этот подход обнаруживается в толще многостраничного труда под названием «Американский колледж», в анализе «мотивационных факторов при поступлении в колледж». В исследовании, в котором были учтены данные об 1045 юношах и 1925 девушках, признается, что для первых ведущим фактором в получении высшего образования является стремление к независимости и поиски самоидентификации в первую очередь не через биологическую функцию, а через полезную деятельность. Для вторых же таковым является исключительно половая самоидентификация, а колледж рассматривается авторами как замаскированный шлюз для выпуска сексуальной энергии.

«Процесс самоидентификации, — читаем мы в этой книге, — связан у юношей главным образом с призванием и профессией, а у девушек — с замужеством. Отсюда масса различий. Идентификация девушки концентрируется исключительно вокруг ее биологической роли: чьей я буду женой? какая у меня будет семья? А идентификация юноши

сосредоточивается вокруг двух полюсов: он будет мужем и отцом (это — биологическая функция), но главное — он будет занят той или иной деятельностью. Указанное различие замечается еще в детском возрасте — профессиональное призвание может определиться очень рано, и к нему обычно стягиваются все основные жизненные планы… Половая идентификация не предполагает никакого сознательного усилия. Это таинственный и даже романтичный фактор, всегда окутанный дымкой иллюзии и мечты. Девушка, овладевшая определенным набором внешних примет, указывающих на выполнение роли женщины, но излишне на ней сосредоточенная, будет признана вульгарной и даже невежественной. Идеал женского устройства — близость с любимым мужчиной — не предполагает на пути к его достижению проб и ошибок. Мальчики активно планируют свое будущее и готовят себя к нему, пытаясь нащупать именно ту сферу деятельности, которая более всего соответствует их интересам и склонностям, темпераменту и запросам. Девочки же, наоборот, находятся под властью мечты, прежде всего — мечты о друге, замужестве и любви.

Мечта о колледже выступает, очевидно, как подмена непосредственной подготовки к замужеству; девочки, не собирающиеся продолжать образование, более явно проявляют желание выйти замуж, больше осведомлены своем биологическом предназначении. Они больше знают о своей сексуальности и более откровенно озабочены ею… Неприятие фантазии как способа высвобождения сексуальной энергии вписывается в общую психоаналитическую концепцию, согласно которой заблокированные импульсы ненадежно находят для себя обходные пути».

Авторов процитированного выше труда не удивляет, что 70 процентов студенток-первокурсниц университета в Мидуэстерне на вопрос: «Почему вы поступаете в колледж?» наряду с прочими дали и такой ответ: «Чтобы найти мужа». А такие варианты, как «желание уехать из дому», «желание путешествовать» и другие, в той или иной мере связанные с выбранной профессией, которые дали 50 процентов опрошенных девушек, были интерпретированы этими исследователями как символически замещающие «интерес к тайне пола».

Учеба в колледже и путешествия, — считают они, — всего лишь альтернативы откровенного интереса к сексу. Девушки, заканчивающие образование средней школой, в большей мере склонны уделять существенную роль сексу в замужестве и имеют более широкие представления о биологических функциях и сексуальных импульсах. Девушки, собирающиеся поступить в колледж, откладывают реализацию

этой функции и оформление своей сексуальной идентификации на будущее. А пока их сексуальные желания удовлетворяются в области фантазии, которая концентрируется вокруг веселой студенческой жизни и сублимируется в общем чувственном опыте».

Отчего же теоретики образования подходят к описанию девушек-школьниц (причем только девушек) с точки зрения пола? Созревающие мальчики и юноши тоже испытывают сексуальные влечения, удовлетворение которых может быть отложено до окончания учения. Но для мальчиков тем не менее не предусматривается никакой сексуальной «фантазии», поскольку они якобы озабочены исключительно «реальностью». Считается, что юноши добиваются личностной автономии и идентификации, «связывая свою жизнь с наиболее уважаемой в нашем обществе сферой — трудовой деятельностью, где их признают как индивидов, которые достигли определенных успехов и обладают широкими возможностями». Даже если их цели и представления о собственном призвании изначально далеки от реальности (а согласно проведенному исследованию, именно так чаще всего и обстоит дело), то, по утверждению авторов книги, мотивы, цели, интересы и надежды у юношей с течением лет корректируются, причем решительный поворот в этом плане происходит как раз в колледже. Но девушки, как видно, этим переменам не подвержены, да им и не представляется для этого возможностей. Даже в колледжах с совместным обучением очень немногие девушки получают равное с юношами образование. Вместо стимулирования у них такого качества, которое психологи называют «латентным» стремлением к индивидуальной автономии, ориентированные на пол педагоги разжигают их сексуальные фантазии, в которых исполнение всех желаний связывается с мужчиной. Вместо того чтобы отвести сложившимся у девушек представлениям об их биологической роли их истинное место, эти представления всячески культивируют благодаря составленным для студенток программам по курсам «свободных искусств», создающим лишь видимость образованности, или же программам, рассчитанным на заведомо низкий потенциал, типа курса по общей диетологии. Таким образом, колледжу отводится роль лишь промежуточной станции между школой и замужеством.

По признанию самих педагогов, уровень образования в женских колледжах не рассчитан на то, что в дальнейшем выпускницы примутся за серьезную профессиональную работу. Колледж, без стеснения заявляют они, — это место для подыскивания подходящей пары. А между тем, если, как заметил один из них, кампус '—«лучшая в мире ярмарка невест», то

при заключении сделок должны быть задействованы участники обоих полов. Правда, по наблюдениям и профессоров, и студентов, в роли охотников за добычей на этих рынках выступают женщины. Еще бы — у юношей масса забот: они заняты поисками самоидентификации, им нужно выполнять свой жизненный план, а у девушек проблема одна— исполнить свою биологическую функцию.

Исследования показывают, что 90 и более процентов из числа университетских «невест», которые озабочены замужеством в виде сексуальных фантазий или навязчивых мыслей о необходимости приспосабливаться к обстоятельствам, стараются обзавестись мужем за время учения. Девушка, бросающая колледж, чтобы выйти замуж, родить ребенка или поступить на какую-нибудь неквалифицированную работу ради помощи мужу в его продвижении по службе, останавливается в своем развитии, духовном и интеллектуальном, точно так же, как дети, вынужденные рано начать трудиться, останавливались в своем физическом развитии.

Пока ориентированные на пол педагоги занимались вопросами женской биологической адаптации и женственности вообще, развитие экономики в стране подготовило новую революционную перемену в области наемного труда, которая выразилась, в частности, в сокращении рабочих мест для малообразованных и низкоквалифицированных. Но когда государственные чиновники, выполняющие государственное задание по программе «Женские трудовые ресурсы», явились для выяснения ситуации в университетские городки, они встретили там ничуть не обеспокоенных статистикой студенток, которых абсолютно не интересовала перспектива занятости. Педагоги успели внушить им, что не следует планировать для себя профессиональную карьеру, ибо это чревато осложнениями в выполнении их биологического предназначения.

Несколько лет назад идеи образования, ориентированного на половую принадлежность, проникли в знаменитый колледж, гордившийся в прошлом большим числом выпускниц, которые играли заметную роль в таких областях, как образование, юриспруденция, медицина, искусство, управление, социальное обеспечение. Во главе колледжа стояла бывшая феминистка, которая, видимо, начала испытывать угрызения совести в связи с мужским типом образования, полученным его воспитанницами. Анкеты, разосланные выпускницам всех возрастов, показали, что подавляющее большинство среди них вполне довольны полученным образованием, но часть все же пожаловалась, что-де образование заставило их уверовать в равные права с мужчинами, разбудило стремление делать

карьеру, участвовать в жизни общества, постоянно читать, расширять знания, развивать способности и интересы. Но почему же их не научили быть счастливыми домохозяйками и матерями?

Устыдившаяся дама — президент колледжа сама, кстати, имела много детей и преуспевающего мужа, а свою карьеру успела сделать еще до замужества. Под давлением «прогрессивных» ученых, упрекавших ее в том, что она воспитала бедных студенток в совершенно невозможном, нереалистическом духе — слишком энергичными, взыскательными к себе, неженственными, — она ввела курс по семейной жизни, обязательный для всех второкурсниц.

Однако спустя два года этот курс изъяли из программы под каким-то благовидным предлогом. По слухам, исходившим, кстати говоря, от пропагандистов образования, ориентированного на пол, руководство колледжа было неприятно поражено огромным числом отсева студенток, которые, благодаря нововведению, стали одна за другой выскакивать замуж. (В 1959 году только на одном курсе появилось небывалое число жен — 75, то есть почти четверть всех особ женского пола, которые к тому моменту еще не оставили колледж.) Сообщивший мне эти сведения преподаватель спокойно заметил: «И почему это так огорчило администрацию? Подумаешь, девчонки поспешили с замужеством! В ранних браках нет ничего плохого, если они заключаются не скоропалительно, а с умом. Наверное, тамошнее руководство еще не преодолело старых взглядов, согласно которым женщинам полагается развивать интеллект наравне с мужчинами. И хотя сами они это отрицают, подозреваю, они еще не изжили в себе веру в то, что женщины способны сделать такую же карьеру, как и мужчины. Очень жаль, что мысль о том, будто девушки поступают в колледж в надежде обрести там мужа, внушает им ужас».

В колледже, о котором идет речь, книга «Брак и семья» изучается в курсе социологии, в академическом ключе, а не и качестве инструкции или руководства к действию. А в соседнем колледже мой знакомый профессор возглавляет про-циетающий факультет семейной жизни, где обучается сотня студентов, которым предстоит вскоре нести знания по всей Америке. Это новое поколение педагогов, ориентированных па пол, чувствует себя крестоносцами, отправляющимися и поход против устаревшего, не обращавшего внимания на пол образования, которое ограничивалось развитием интеллекта и поисками истины и не пыталось помочь девушкам к охоте за мужчинами, умении испытывать оргазм и приспосабливаться к семейной жизни. Как выяснил мой знакомый, «эти юные создания

озабочены тем, чтобы встречаться с себе подобными и при этом правильно вести себя в добрачный период. Не исключено, что та или иная девушка может поставить перед собой задачу-максимум: сделать карьеру и создать семью. Тогда следует организовать такую игру по ролям, в которой выяснится, что вполне можно ограничиться только детьми и не чувствовать себя обделенной».

Когда просишь защитников этой теории объяснить для непосвященных суть «функционального подхода», они, как правило, занимают оборонительную позицию. Одна из них высказалась следующим образом: «Все привыкли рассуждать о глобальных проблемах, предельных абстракциях, научных концепциях, политике ООН, но надо же когда-то вернуться на реальную почву и обратиться к человеческим проблемам более скромного масштаба. Пора перестать исходить из интересов преподавателя и подумать об интересах студента. Студентам нужно то, в чем они действительно нуждаются, а не то, что кажется необходимым преподавателям. В этом и заключается функциональный подход. Функционалист входит в аудиторию не за тем, чтобы «пройти» с учениками какой-то материал, а чтобы установить атмосферу, в которой им будет удобно свободно обсуждать свои межличностные отношения, не воспаряя к недосягаемым высотам. В юности все склонны к идеализму. Молодые люди полагают, что могут исходить из некой собственной системы ценностей и, к примеру, вступить в брак с человеком совершенно другого круга. Необходимо убедить их, что нельзя поступать так безответственно, иначе можно попасть в опасную ловушку».

На вопрос о том, зачем вообще в колледжах читаются такие курсы, как «Выбор партнера» или «Адаптация в браке», «Как жить в семье», коль скоро преподаватель не должен ничему впрямую учить и вообще не должен читать лекций, а цель его якобы состоит в том, чтобы помочь студенту самому разобраться в собственных чувствах и проблемах, та же преподавательница ответила: «Только в Америке можно услышать, как выпускница говорит подруге: "Жаль, что тебя не было сегодня на занятиях. Мы обсуждали роль мужчины в сексуальном партнерстве, и некоторые раскрылись до самого донышка"».

Ролевые игры (техника, заимствованная из групповой психотерапии) помогают студентам разобраться со своими сложностями «на уровне чувств». Подключение эмоций оказывается гораздо более эффективным приемом внутри аудиторной работы, темой которой является разыгрывание ситуации «молодожены в первую брачную ночь».

Когда профессор терпеливо выслушивает бесконечные откровения

студентов («вербализующих» свои проблемные ситуации), пытаясь пробудить «групповое прозрение», создается отнюдь не терапевтическая ситуация. Вовсе не являясь методом массового излечения, функциональный подход оказывает воздействие на аудиторию, манипулируя ее сознанием и внедряя в головы людей желаемые мысли и ценности в обход всякого критического осмысления, которое необходимо при преподавании наук.

Студенты воспринимают пассажи из учебников, комментирующих Фрейда или цитирующих Маргарет Мид, как библейские стихи. Закрывая пути для критического восприятия, эти псевдонаучные курсы по брачной жизни внушают то, что называется пошлостью, профанацией науки. Мнение может быть модным или вышедшим из моды, но оно остается предрассудком, пусть и переведенным на социологический или психологический профессорский жаргон и подкрепленным удачно подобранными статистическими данными, что нкупе создает впечатление научной обоснованности.

Обсуждение добрачных половых связей обычно заканчивается выводом о том, что это нехорошо. Один профессор строит свое обвинение против этого явления с помощью статистики, показывающей, что добрачный половой опыт впоследствии ведет к осложнениям во взаимном приспосабливании супругов друг к другу. Иная статистика, опровергающая эту подборку фактов, остается студенту неизвестной. Профессор, даже если он о ней сам осведомлен, не сообщит ее, считая «нефункциональной». («Мы живем в больном обществе. Знания должны подвергаться тщательному отбору», — скажет он в свое оправдание.) «Функционально», например, знать, что «только за редким исключением женщины могут сделать удачную карьеру». Разумеется, поскольку (большинство женщин в прошлом вообще не имели возможности заняться своей карьерой, то те, кому это удалось, были «исключительны», так же как «исключительными» являются межнациональные браки и добрачные связи для девушек (по данным статистики, они составляют менее 51 процента). Но студентам этого знать не нужно, ибо, согласно функционалистам, дурной пример заразителен и то, что сегодня распространено среди половины населения, завтра войдет в общий обиход.

И потому ориентированная на пол педагогика убеждает девушек, что единственный способ жизненной адаптации — это «нормальный» путь вступления в брак. Одна из преподавательниц, исповедующих эту идеологию, пошла дальше организации ролевых игр. Она приводит в класс матерей, которые занимались профессиональной деятельностью, чтобы они поведали о своей вине перед собственными детьми, которых оставляли без

материнской опеки. Студентам практически ничего не рассказывают о женщинах, которые преуспели, порвав с традицией, например о молодой докторше, которая после родов передала свою практику сестре; о матери, которая использовала для работы те часы, когда ее дети спали; о счастливой девушке-протестантке, которая удачно вышла замуж за католика; о сексуально удовлетворенной женщине, которой добрачная связь нисколько не помешала построить семью. «Исключительные» примеры неинтересны функционалисту, не устающему подчеркивать, что все это из 1 ряда вон выходящие случаи, то есть отклонение от нормы. М («Исключительный ребенок» на профессиональном языке я этих людей может представлять собой какую угодно аномалию — это и слепой, и хромой, и умственно отсталый — словом, всякий отличающийся от других, «ненормальный».) И каждая студентка обязана твердо усвоить, что ни в коем случае нельзя превращаться в «исключительную женщину». Конформизм встраивается в адаптационный процесс разными способами. Но места интеллектуальной дерзости или дисциплине ума тут нет. Курс по основам семейной жизни — самый простой в любом колледже, независимо от того, сколько страниц прочитанного учебника и недельных отчетов потребует профессор от своих слушателей. Никто не ждет, что многочисленные случаи из жизни (которые, когда читаешь о них без достаточно серьезного умысла, становятся не более чем наукоподобной «мыльной оперой»), ролевые игры, беседы о сексе, сочинения о собственных проблемах и прочее в этом роде будут способствовать развитию критического мышления. Не в этом состоит цель функционалисткой подготовки к семейной жизни.

Разумеется, не само по себе изучение социальных наук, излагаемых в определенном ключе, воспитывает в мужчинах и женщинах конформизм. Критическая проработка и нор-мально поставленная задача восприятия какого-либо значения суть надежная прививка против конформизма. Но в специфически женском образовании критическое осмысление получаемой информации намеренно блокируется, и все науки — социология, антропология, психология — оборачиваются для девушек только своей «функциональной» стороной. Студентки черпают отрывочные сведения из Фрейда и М. Мид, из данных статистики и других источнике ж, испытывают «прозрения» в ходе ролевых игр, воспринимая все это не как некое знание, а как жизненное руководство. Цель образования — адаптация к жизненным условиям. Действенность такого обучения обеспечивается тем, что ставка делается на эмоциональную вовлеченность при условии блокировки критического мышления. Согласно ортодоксальному психоанализу, всякая терапия требует подавления критического мышления

(интеллектуального сопротивления), ибо только тогда могут проявить себя и сработать и нужном направлении необходимые эмоции. Но вот вопрос: срабатывает ли само образование в сочетании с терапевтической установкой? Один — даже самый замечательный — лекционный курс вряд ли может существенно повлиять на чью-либо жизнь (будь то мужчина или женщина), но уж |(\и решено, что целью всего женского образования должно быть, не интеллектуальное развитие, а биологическое приспособление, то действенность в этом смысле обеспечена по крайней мере по многим пунктам.

И еще вопрос: если образование, рассчитанное на развитие интеллекта, сокрушает женственность, не затормозит ли образование, культивирующее женственность, развитие интеллекта? И что это вообще за женственность, если ее легко нарушить усилием разума и, напротив, можно усугубить, если перестать заботиться о развитии интеллекта?

Этот вопрос можно переформулировать в терминах Фрейдизма: что происходит, когда пол становится для женит мы не только бессознательным, но также рациональным составляющим («эго» и «суперэго»); когда образование вместо развития личности сосредоточивается на развитии сексуальной функции? Что происходит, когда образование усиливает власть женских обязанностей, имеющих и без того могущественную поддержку в лице традиции, условностей, предрассудков, общественного мнения, но отказывается снабдить женский разум критичностью, независимостью и автономностью, которые нужны, чтобы противостоять слепой силе старого или нового жизнеустройства? Женский колледж в Пемброке (Университет Брауна, Провиденс) пригласил психоаналитика с курсом лекций под убойным названием «Что значит быть женщиной?». Доктор Маргарет Лоуренс на доступном английском языке, без всякого фрейдистского жаргона объявила обескураженным студенткам, что глупо было бы убеждать современную женщину в том, что ее место у очага, когда даже традиционная женская работа выполняется теперь вне дома и почти вся семья проводит большую часть своего времени за его стенами. Не лучше ли при таких обстоятельствах присоединиться к остальным членам семьи и выйти вместе со всеми в открытый мир?

Нет, совсем не таких речей ждали девушки от дамы-психоаналитика. На фоне уже привычных для них назиданий функционалистов эти слова бросили вызов традиционному отношению к женщине. В них подразумевалось, что девушкам следует принимать решения на свой страх и риск, в том числе по поводу образования и в отношении будущего.

Уроки функционалистов подливают изрядную долю масла в огонь еще

не устоявшейся девичьей психики. Они не ломают привычных жизненных установлений; облекая в ученую лексику известные родительские увещевания и расхожую мораль, они не требуют выработки собственных взглядов. Они предполагают, что в колледже можно быть ленивой, следовать импульсу, а не голосу разума и не стыдиться этого. Можно не откладывать сиюминутное удовольствие ради амбициозных планов, не стоит читать полдюжины книг, чтобы написать реферат по истории, не надо записываться на сложный спецкурс по физике. Ведь иначе можно заработать комплекс мужественности! И в конце концов, разве не сказано, что «женский интеллектуализм в большой мере оплачивается утратой ценнейших женских качеств… Все наблюдения указывают на тот факт, что интеллектуальная женщина маскулинизируется; свойственное ей теплое, интуитивное познание заменяется холодным, продуктивным мышлением».

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять этот намек. Как ни крути, мышление — тяжелый труд. И чтобы оспорить это авторитетное суждение, пришлось бы пожертвовать своим «теплым, интуитивным» мышлением в пользу очень холодного и беспощадного мужского разумения.

Неудивительно, что несколько поколений девушек, обладавших острым умом и пылким темпераментом, восприняли призыв педагогов-функционалистов и бросили учебу, чтобы выйти замуж и нарожать детей прежде, чем успели так «наинтеллектуализироваться», что, прости господи, того и гляди перестали бы черпать наслаждение в собственной женственности.

Даже без помощи функционалистов девушка с умом и душой очень скоро приучается «не высовываться», быть «как все», перестает быть самой собой. Она привыкает не изнурять себя работой, не иссушать мозги, не задавать лишних вопросов. В школе, в колледже с совместным обучением девушки неохотно отвечают на уроках из опасения прослыть «больно умной». Этот феномен специально исследовался: любая девушка или взрослая женщина может вам много порассказать на этот счет. В Брин-Мор-колледже у девушек появился особый термин для обозначения их речевого поведения в присутствии юношей, потому что оно совсем другое, чем то, которое они позволяют себе, когда не боятся показаться чересчур умными. В колледжах с совместным обучением к девушкам — не без согласия с их стороны — относятся как к партнершам для свиданий, потенциальным женам. Их не занимают поиски самих себя; гарантии их преуспевания — в карьере мужа, и его продвижение по лестнице успеха знаменуется вехами отречения женщины от себя вплоть до пассивного к себе презрения.

Конечно, бывают исключения. Исследования показали, что некоторые студентки выпускного курса Вассар-колледжа и четыре года достигли очень высокого уровня самореализации, сравнимого с тем, к которому подходят в 30 и даже 40 и 50 лет. Но у многих девушек не обнаружилось никаких сдвигов. Часть из них оказала стойкое сопротивление попыткам заразить их какими-либо идеями, научной работой, интересом к умственному труду, ценностям духовной жизни. Они игнорируют интеллектуальное развитие и саморазвитие ради сохранения «женственности», пытаясь быть не слишком умными, не слишком интересными, не слишком отличающимися от других. Дело не в том, что тут замешано сексуальное влечение; согласно наблюдениям психологов, у многих таких девушек «интерес к мужчинам и браку — это своего рода защита против необходимости интеллектуального усилия». Для них даже секс — всего лишь общепринятая условность поведения. Ориентированный на половую принадлежность педагог сочтет этот тип социальной адаптации вполне приемлемым. Но, имея перед глазами примеры другого рода, хочется спросить: а не является ли эта адаптация маскировкой нежелания взрослеть, граничащей с патологией?

Несколько лет назад группа калифорнийских психологов, наблюдавшая за развитием 140 способных подростков, заметила у некоторых из них внезапное резкое падение кривой показателя интеллекта. Обнаружилось, что это падение кривой развития характерно только для девушек, причем не для всех — следовательно, это не было связано с особенностями периода созревания. Там, где отмечалось падение кривой, в беседах с психологом часто упоминалось, «что неумно для девушки быть чересчур умной». Короче говоря, этих подростков в буквальном смысле слова остановили в умственном развитии на уровне четырнадцати-пятнадцатилетнего возраста, пытаясь приспособить их к сложившемуся традиционному женскому образу.

Сегодня и сами девушки, и педагоги стоят перед выбором. Им необходимо выбрать между адаптацией, конформизмом, отсутствием риска, терапевтическим эффектом, с одной стороны, и индивидуальностью, личной неповторимостью, образованностью в точном значении слова со всеми трудностями, присущими этому набору качеств, — с другой. Девушки отнюдь не обречены на следование по пути, предначертанному для них функционалистами. Компетентные психологи, которые наблюдали за студентками Вассар-колледжа, обнаружили новые свидетельства того, что немалое число девушек предпочитают серьезную профессиональную подготовку профанированному знанию. Если они кажутся кому-то более

«маскулинными», то есть менее пассивными и зависимыми, то их внутренняя эмоциональная жизнь остается вполне «феминной». У них чаще, гораздо чаше, чем у первокурсниц, только еще начинающих свой путь, встречаются неврозы. Психолог прокомментировал это так: рост числа неврозов от курса к курсу подтверждает, что действительно имеет место процесс образования». По его данным, уровень развитости обратно пропорционален степени конформизма: наименее приспособленные к жизни девушки оказываются наиболее развитыми, «готовыми и впредь меняться, сохраняя свою независимость». Подводя тоги исследованиям в Вассар-колледже, руководитель группы пришел к психологическому парадоксу: образование делает женщин менее женственными, менее приспособленными, зато стимулирует их духовный и умственный рост.

«Быть менее женственной, — пишет он в своем отчете, — значит быть образованной и зрелой… Характерно, что во всех случаях женская восприимчивость, чуткость, составляющая физиологическую особенность, не деградирует в процессе обучения. Значит, считающиеся типично женскими пассивность и клишированность поведения относятся к более поздним и поверхностным приобретениям и потому подвержены ослаблению по мере взросления и обучения… Если бы нашей целью являлась только психическая уравновешенность, достаточно было бы составить программу для первокурсниц таким образом, чтобы сохранить их развитие па уже достигнутом уровне, дабы они смогли правильно исполнять свою биологическую роль и не стремились к духовной и умственной зрелости и самостоятельности. Но лабильность психологического состояния выпускниц обуславливается богатством их психики и широким горизонтом, открывающим перед ними разнообразие возможностей».

Однако путь к независимости для этих женщин не завершался с окончанием колледжа. Их дальнейшая судьба во многом зависела от того, удавалось ли им попасть в ситуацию, в которой они смогли бы продолжить свое совершенствование, или же они предпочитали средство быстрого избавления от психического дискомфорта, которое отбрасывало их назад. Самый легкий и доступный способ погасить стресс — замужество. Для педагога, поощряющего тягу женшин к самостоятельности, такой брак носит «регрессивный» характер, для его оппонента — это шаг к воплощению женского предназначения.

Исследователь, проводивший наблюдения в другом колледже, рассказал мне о девушках, которые ни за что не желали серьезно заниматься или вести общественную работу и страшно переживали, что

родители не позволяют им немедленно выйти замуж за молодых людей, с которыми они якобы чувствовали бы себя как за каменной стеной. Но когда этим девушкам помогли заняться общественными делами и они стали участвовать в самоуправлении, выпускать стенгазету и так далее, желание попасть под чью-то опеку у них рассеялось. Они благополучно закончили колледж, поступили на работу, познакомились с мужчинами, успевшими твердо встать на ноги, и вышли замуж, имея за плечами более полноценный эмоциональный багаж.

В отличие от педагогов, ориентированных на половую принадлежность, этот профессиональный социотерапевт почувствовал, что выпускница, находящаяся чуть ли не на грани нервного срыва от сознания конфликта между ценностями, которые культивирует образование, и ролью смиренной домохозяйки, все же психически здоровее адаптировавшейся, уравновешенной сверстницы, не затронутой образованием, которая без проблем переходит от роли маминой дочки к роли мужниной жены со всеми атрибутами женственности, как то предписывается обществом, без каких бы то ни было дерзаний в болезненном поиске индивидуальности.

Да, в наше время большинство девушек не позволяют образованию «затронуть» себя. Они останавливаются, не доходя до опасной черты, за которой начинается самостоятельность. Я убедилась в этом, беседуя со студентками из разных колледжей. Исследования, проведенные в Вассар-колледже, свидетельствуют, что, как только девушки начинают ощущать конфликтность ситуации, они застывают на достигнутом уровне, думая лишь об исполнении своей биологической роли. Иначе говоря, они пытаются избежать болезненного опыта, связанного со взрослением. До сих пор это самоотлучение от дальнейшего развития воспринималось как форма женской адаптации. Когда были проведены наблюдения за выпускницами Вассар-колледжа, находившимися в пике своего критического состояния, выявились следующие факторы:

1. 20–25 лет спустя после окончания колледжа эти женщины оказались ниже на шкале интеллектуального и эмоционального развития, чем студентки последних курсов. Они утратили не все полученное за время учебы (их уровень был все же выше, чем у первокурсниц), но, несмотря на психическую готовность к дальнейшему совершенствованию в возрасте 21 года, они не продвинулись на этом пути.

2. Эти женщины в большинстве оказались вполне приспособившимися домохозяйками, добросовестными матерями, активистками-общественницами. Но за исключением тех из них, кто сделал профессиональную карьеру, они не углубляли свои знания по полученной

специальности, и, вероятно, именно с этим (то есть с отсутствием чувства личной вовлеченности) была связана остановка в их развитии.

3. Женщины, наиболее сильно огорчившие исследователя, принадлежали к числу наиболее «женственных» в традиционном понимании; еще в школе они не проявляли интереса ни к чему, кроме замужества.

В вассарском исследовании особое внимание было уделено группе студенток, которые обошлись без стресса на финише образования и не предпочли замужество образованию. Это были девушки, готовившие себя к профессиональной карьере. Согласно полученным данным, практически все студентки с профессиональными амбициями планировали создание семьи, но замужество воспринималось ими как некая партнерская деятельность, не связанная с проблемой самореализации. Именно они обладали ясностью цели, большей степенью независимости и уверенности в себе. Они могли влюбляться и заключать брачные союзы, но вряд ли были готовы пожертвовать своей индивидуальностью или карьерными амбициями в пользу крепости семейных уз. Общаясь с ними, психологи не вынесли впечатления, что в их случае интерес к мужчинам вообще и замужеству в частности является скрытой формой поиска защиты от интеллектуализации. Их интерес к конкретным мужчинам носит вполне реальный характер. Но не мешает научным занятиям.

Между тем загадка женственности пустила глубокие корни в среде американской профессуры. Это дало о себе знать, когда руководитель вассарских исследований в своем отчете описывал девушку, которая «не только получает хорошие отметки, но и вполне реально может претендовать на научную или другую профессиональную карьеру»: «Мать Джулии Б. — преподаватель и ученый, она «мотор» семьи… Отца она считает слишком легкомысленным. Отец не возражает против элитарных вкусов и заумных идей, но сам не разделяет ни того, ни другого. Джулия привыкает к жизни вне дома, она нонконформистка, командует своим старшим братом; ее удручает, если она не успевает прочитать положенное количество книг или получает недостаточно высокую оценку. Хочет поступить в аспирантуру и стать преподавателем. Старший брат сейчас преподает в колледже, а Джулия, которая учится на последнем курсе, выходит замуж за аспиранта-естественника. Мы показали запись бесед, проведенных с ней на первом курсе, группе психиатров, психологов, социологов. Нам казалось, это многообещающая студентка. Каково же было наше удивление, когда на формальный, в общем-то, вопрос о ее

психическом состоянии ответ специалистов был таков: «Нуждается в помощи психотерапевта». К счастью, на втором курсе она обручилась со своим аспирантом, стала умереннее в занятиях и более контактной в общении. «Хоть бы я провалилась на экзаменах», — сказала она».

Чтобы критиковать сегодня педагогику, ориентированную на половую принадлежность, нужна немалая смелость, ибо речь заходит о сути женственности. Ее сложившийся образ таков: женщины пассивны, несамостоятельны, неспособны к оригинальному и критическому мышлению. Поскольку по традиции исполнение пророчеств — дело рук самих пророков, приверженцы этого образа продолжают воспитывать девушек такими, какими в былые времена их делал недостаток образования. Никто не задается вопросом о том, правда ли, что пассивно женственная, неразвитая, зависимая женщина — в примитивных обществах или в американском пригороде — счастливее, чем та, что посвятила себя научным или общественным интересам и вышла за стены собственного дома. Никто не задается вопросом, неужели целью образования действительно должна стать адаптация, в то время как русские запустили на орбиту первый спутник, а затем и пилотируемые космические корабли. Как ни странно, функционалисты бодро приводят самые мрачные примеры из жизни американских домохозяек, касающиеся их пустоты, праздности, скуки, алкоголизма, наркомании, склонности к полноте, болезням и отчаянию, настигающему их к сорока годам, когда их сексуально-биологическая функция оказывается выполненной, — и при этом ни на шаг не отступают от назначенной себе миссии воспитывать всех женщин на один манер.

Так, тридцатилетним женщинам они рекомендуют готовиться к жизни на пятом десятке, следуя таким вот заветам:

1. Изучить курс «Закон и порядок для домохозяйки», чтобы, овдовев, они смогли справиться с такой материей, как страховка, налоги, завещание, вклады.

2. Мужьям рекомендуется пораньше уйти на пенсию, чтобы составить жене компанию.

3. Приобщиться к работе добровольных общественных организаций, политических клубов и кружков по интересам; но если женщина не успела приобрести соответствующих навыков, необходимо уделить особое внимание индивидуальной терапии. «Женщина, желающая обновить свои ощущения, может начать, например, кампанию по очищению своего города от назойливой рекламы, покрывшей наши улицы подобно экземе. Рекламе, конечно, все равно ничего не сделается, и она по-прежнему будет

размножаться, как колонии бактерий, и отравлять пейзаж, но женщина пройдет хорошую школу общественной работы. Потом она может расслабиться и включиться в работу с бывшими выпускниками своей альма-матер. Многие женщины, приближаясь к среднему возрасту, нашли новый источник энергии в возвращении к жизни своего колледжа и расширении диапазона своего материнского инстинкта (поскольку их собственные дети уже выросли), который они используют во благо нового поколения студенток».

Можно также заняться почасовой или надомной работой, но при этом ни в коем случае нельзя переходить дорогу мужчинам, которые должны кормить свои семьи; впрочем, у женщин все равно нет таких навыков, чтобы заняться чем-то особенно серьезным. «…Ощущается большая нужда в опытных и надежных женщинах, которые могли бы освободить молодых женщин от домашних обязанностей хотя бы на часть дня или недели, с тем чтобы те могли посвятить себя работе или общественным делам… И почему бы женщинам, которые занимались обучением и воспитанием детей или, во всяком случае, годами выполняли домашнюю работу, не продолжить эти занятия и впредь?»

Если загадка женственности не убила в вас чувство юмора, вы наверняка посмеетесь над столь простодушным описанием жизни, которое любезно уготовило женщине воспитание, ориентированное на половую принадлежность: встречи с бывшими выпускниками и хозяйственные услуги в чужом доме. Как известно, Макс Лернер и даже Дэвид Рисмен в «Одинокой толпе» выдвигали предположение, что женщинам не следует стремиться к самостоятельности, внося какой-либо продуктивный вклад в жизнь общества, — лучше ей помогать своему мужу, выполняя ту роль, которая предназначена природой. И вот новейшая педагогика производит сегрегацию целых поколений американок в качестве надежных, но не равноправных партнеров для мужчин, как это было проделано раньше в отношении негров, в результате чего те и другие лишились возможности реализовать свои способности на главных направлениях жизни общества.

Сказать, что в нашу эпоху торжества конформизма в колледжах ничему не учат, — значит не сказать ничего. В докладе Джейкоба, бросившего такое обвинение американской системе высшего образования, как и в более тщательно проработанном меморандуме группы Сэнфорда, не учитывается, однако, что отказ от воспитания личности, устремляющейся за рамки биологической предназначенности, самым фатальным образом сказался на распространении, если не сказать — продуцировании, конформизма, против которого стало так модно выступать. Ибо нельзя

заставить женщин ограничиться своей биологической функцией без того, чтобы и мужчины не угодили в тот же самый капкан. Образование, ориентированное на половую принадлежность, культивировало в женщине низкий уровень самосознания, который требовал компенсации, реализующейся ранним браком. А преждевременное подключение к любой роли — будь то супружество или профессиональное призвание — отключает индивида от испытания себя на всех других возможных поприщах, отлучает его от проб и ошибок в различных областях деятельности, что необходимо каждому из нас для достижения полной зрелости, для того, чтобы состояться как личность.

8. Ошибочный выбор

Пер. Н. Левковской

Миф о женском предназначении не навязывает себя. Если загадка женственности в течение пятнадцати лет могла «промывать мозги» американским женщинам, она должна была отвечать реальным потребностям и тех, кто ухватился за нее, чтобы воздействовать на других, и тех, кто сам исповедовал ее. Эти потребности могли быть разными и у разных женщин, и у различных поставщиков этого мифа. Но именно в это время в Америке было много потребностей, которые делали нас маньяками мифа о женском предназначении; потребностей настолько насущных, что мы временно утратили критический подход, который всегда присутствует в случаях интуитивного восприятия истины. Вся беда в том, что если потребность велика, то интуиция может обмануть.

Незадолго до того, как миф о женском предназначении овладел умами американцев, война, последовавшая сразу же за депрессией, закончилась взрывом атомной бомбы. После одиночества, порожденного войной, и ужаса, вселенного атомной бомбой, и женщины, и мужчины хотели иметь детей, семейный покой, чтобы оградить себя от страшной неуверенности и холодной необъятности меняющегося миря… В своих одиноких окопах солдаты прикрепляли на стены фотографии Бэтти Грэйбл, но при этом все еще нуждались в колыбельных песнях. А когда они вернулись с войны, то были уже не в том возрасте, чтобы прильнуть к своим мамам. Нельзя отрицать потребность в любви и в половой жизни как для мужчин, так и для женщин, как для юношей, так и для девушек. Но почему в то время для многих из них она была единственной потребностью?

Все мы были очень ранимы, одиноки, напуганы и испытывали ностальгию по домашнему очагу. Затаенное желание обзавестись семьей, домом, детьми испытывали одновременно несколько разных поколений; желание, которое в процветающей послевоенной Америке мог удовлетворить каждый. Молодой солдат, рано повзрослевший на войне, мог удовлетворить свою потребность в любви и материнской заботе, воспроизведя атмосферу своего детства в собственном доме. Вместо того чтобы ходить на свидания к разным девушкам до тех пор, пока он не закончит колледж и не овладеет профессией, он мог жениться и жить на солдатское пособие, обеспечивая своих детей нежной родительской

любовью, которой в связи с возрастом сам был уже лишен. Были также мужчины немного постарше, лет двадцати пяти, которые раньше не могли жениться из-за войны, но которые чувствовали, что теперь должны наверстать упущенное; были мужчины тридцати лет, которым сначала депрессия, а затем война либо помешали жениться, либо оторвали от дома и лишили их радостей семейной жизни.

Девушкам эти годы одиночества придали еще большую настойчивость в поисках любви. Вышедшие замуж в тридцатые годы проводили своих мужей на фронт; девушки же, повзрослевшие в сороковые годы, не без основания боялись, что у них никогда уже не будет любимого мужа, собственного дома и детей, от чего могут отказаться только очень немногие женщины. Когда мужчины вернулись с войны, наступила эпоха опрометчивых браков. Годы одиночества, когда и настоящие, и будущие мужья или уже были на войне, или их в любой момент могли послать под град снарядов, оказали особенно сильное влияние на женщин, сделали их особенно беззащитными перед мифом о женском предназначении. Им сказали, что холод одиночества, которое война привнесла в их жизни, является естественной и необходимой данью, которую они должны заплатить за свою карьеру или за любые другие интересы, которые могли у них быть вне дома. Миф о женском предназначении продиктовал им условия выбора: либо любовь, дом, дети, либо другие задачи и интересы в жизни. Может ли в таком случае вызывать удивление тот факт, что, оказавшись перед таким выбором, очень многие американки предпочли любовь, избрав ее единственной целью своей жизни?

В послевоенные годы во всех странах начался демографический бум. Но во многих странах он не был непосредственно связан с мифом о женском предназначении. В пятидесятые годы он перерос в еще больший демографический бум в связи с ранними браками и с рождением детей у молодых людей, не достигших двадцатилетнего возраста, с резким увеличением семьи. Число американских семей с тремя и большим количеством детей в течение двадцати лет удвоилось. После войны не кто иной, как образованные женщины, задавали тон в стремлении иметь много детей. (Поколение, предшествовавшее моему, женщины, рожденные между 1910 и 1919 годами, продемонстрировали это с особой остротой. Когда им было по двадцать лет, уровень рождаемости был столь низким, что, казалось, образование уничтожит человеческую расу. Когда же им исполнилось по тридцать, они внезапно увеличили число беременностей, хотя с биологической точки зрения с возрастом обычно наблюдается спад подобной активности.)

После войны всегда рождается большое количество детей. В настоящее же время демографический подъем в Америке в значительной степени обусловлен браками молодых людей, еще не достигших двадцатилетнего возраста. Согласно данным компании страхования жизни «Метрополитен», рождаемость в очень молодых семьях возросла на 165 процентов с 1940 по 1957 год. Девушки, которые должны были бы еще учиться в колледже, под влиянием злополучного мифа о женском предназначении уходят оттуда или вообще воздерживаются от дальнейшей учебы для того, чтобы выйти замуж (в наше время девушки в Америке чаще всего выходят замуж в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет; к двадцати годам половина всех американских женщин состоит в браке). Они не задумываясь отказываются от получения образования, искренне веря, что смогут «полностью реализовать себя», будучи только женами и матерями. Мне кажется, что в наше время девушка, которая, исходя из статистических данных или благодаря своим собственным наблюдениям, знает, что если она не выйдет замуж до окончания колледжа или до получения профессии, то к тому времени большинство мужчин уже будут женаты на ком-нибудь другом, имеет такие же основания опасаться упустить свой шанс в реализации себя, как и женщина сороковых годов во время войны. Но все это не объясняет, почему они уходят из колледжа, не доучившись, и начинают зарабатывать на себя и своих мужей, в то время как молодые люди продолжают свое образование.

Этого не произошло в других странах. Даже там, где во время войны погибло больше мужчин и большее количество женщин не получило возможности выйти замуж, последние не побежали в панике к семейному очагу. В наше время девушки в других странах, так же как и юноши, стремятся получить образование, которое открывает им дорогу в будущее.

Война сделала женщин еще более беззащитными перед загадкой женственности. Но несмотря на все разочарования, которые она принесла, война была не единственной причиной того, что женщина вновь вернулась к заботам о доме и семье. Нельзя это объяснить и «проблемой прислуги», а именно такое оправдание находят для себя многие образованные женщины. Во время войны, когда кухарки и горничные уходили работать на военные заводы, проблема прислуги стояла более остро, чем в последние годы. Но в то время сильные духом женщины сочетали непривычную для них работу по дому с профессиональными обязанностями. (Во время войны я знала двух молодых мам, которые, пока их мужья сражались за океаном, объединили свои усилия. Одна из них, актриса, присматривала за обоими детьми утром, в то время как вторая писала диплом; затем дипломница

забирала детей после обеда, а актриса отправлялась на репетиции или спектакли. Я была знакома с женщиной, которая гак устроила распорядок дня своего ребенка, что днем он спал у соседей, пока она занималась в медицинской школе.) К то время в городах понимали необходимость создания детских садов, где можно оставить ребенка на весь день.

В годы распространения мифа о женском предназначении даже женщины, которые могли себе позволить с материальной точки зрения нанять няню для своих детей или домработницу и оказывались в состоянии найти ее, предпочитали заботиться о доме и детях сами. В пятидесятые годы городские детские сады для тех детей, чьи матери были заняты на работе, практически исчезли; и даже намеки на необходимость иметь подобные учреждения вызывали истерические вопли как со стороны самих образованных домохозяек, так и со стороны мистификаторов женственности.

Когда закончилась война и мужчины вернулись домой, чтобы занять свои места на предприятиях, в колледжах и в университетах, которые в большинстве своем до этого были заняты девушками, конкуренция какое-то время была очень острой, и возрождение старых антифеминистских предрассудков затруднило девушкам возможность сохранения работы или продвижения по службе. Безусловно, это принудило многих женщин поспешно искать защиту в браке и семье. Скрытая дискриминация женщин, не говоря уже об очевидной разнице в зарплате женщин и мужчин, до сих пор является неписаным законом. С ее разрушительными последствиями так же трудно бороться, как и с возмутительной оппозицией, противостоявшей в свое время феминисткам. Например, женщина — корреспондент журнала «Тайм», какими бы способностями она ни обладала, не может претендовать на звание обозревателя; согласно неписаному закону, только мужчина может быть обозревателем и редактором, женщине же отводится должность корреспондента. Она не злится на это, ей нравится ее работа, ей нравится ее начальник. Она не борется за права женщин, ее случай не подлежит рассмотрению в гильдии журналистов. Но все это, однако, повергает ее в уныние. Если она никогда не сможет ничего добиться, зачем же стараться?

Женщина часто вынуждена была оставлять избранный ею путь в тот момент, когда она была готова и вполне могла справиться с более серьезным делом, но ее обходили и ставили на эту должность мужчину. В некоторых областях деятельности женщина довольствовалась тем, что проделывала всю работу, а слава доставалась мужчине. Если же ей удавалось получить хорошую должность, она должна была мириться со

злобным отношением или недоброжелательностью со стороны мужчин. Поскольку в Америке борьба за лучшее место в большой организации в любой профессии носит очень острый характер даже среди мужчин, конкуренция со стороны женщин является как бы последней каплей, и поэтому мужчинам гораздо легче сражаться с ними, просто воскрешая этот неписаный закон. Во время войны женщины находили применение своим способностям, а неизбежная конкуренция не вызывала отрицательной реакции; после 1юйны женщины столкнулись с вежливой, но непробиваемой враждебностью. Чтобы не вступать в конкурентную борьбу с мужчинами, женщина предпочла любить и быть любимой, находя в этом себе оправдание.

Однако даже во времена депрессии способные, волевые девушки жертвовали всем и сопротивлялись предрассудкам, бросая вызов в конкурентной борьбе, чтобы иметь возможность заниматься своим любимым делом и делать карьеру, хотя тогда имелось гораздо меньше мест, на которые можно было претендовать. Кроме того, многие из них не усматривали противоречий между работой и семьей. В послевоенные годы, в период экономического роста, было много рабочих мест в различных областях; в то время не было реальной необходимости поступаться всем ради любви и замужества. Так, девушки без образования не бросали работу на фабриках и не сидели дома в ожидании женихов. После войны число женщин, занятых в промышленности, неуклонно возрастало, в то время как с женщинами, работающими в тех областях, которые требовали специальной подготовки, настойчивости и определенных личных качеств, дело обстояло ('овеем иначе. «Я живу моим мужем и детьми, — признавалась мне представительница моего поколения. — Так легче. В современном мире легче быть женщиной, если ты знаешь, как пользоваться своими преимуществами».

В этом смысле все, что произошло с женщинами в послевоенные годы, в какой-то степени отражает то, что произошло со всеми нами. Мы нашли оправдание тому, чтобы не заниматься проблемами, которым раньше мужественно смотрели в лицо. Американский дух впал в странное оцепенение; и женщины, и мужчины — напуганные либералы, разочарованные радикалы, обманутые и озадаченные происходившими переменами консерваторы, — вся нация застыла в своем развитии. Мы все спрятались в тепло наших уютных домов, как когда-то в детстве, когда мы могли спать наверху, в то время как наши родители внизу читали или играли в бридж в гостиной либо летним вечером сидели в кресле-качалке на крыльце своего городского дома.

Женщины обратились к домашним заботам, а мужчины равнодушно отвернулись от угрозы атомной бомбы, позабыли о концентрационных лагерях, предали забвению борьбу с коррупцией и оказались во власти беспомощного конформизма. Философы же старались избегать глобальных и сложных проблем послевоенного мира. Было легче и безопаснее думать о любви и сексе, чем о коммунизме, Маккарти и отсутствии жесткого контроля над атомной бомбой. Было легче видеть в поведении людей только подтверждение сексуальной теории Фрейда, его идей и его борьбы, чем самим критично взглянуть на то общество, в котором мы жили, и конструктивно подойти к его учению. Даже со стороны наиболее дальновидных и стойких людей это было своего рода личное поражение; мы опускали глаза, переставая всматриваться в даль, и усердно сосредоточивали наше внимание на разглядывании своего собственного пупка.

Сейчас, оглядываясь назад, мы лучше понимаем все это. А в то время нам легче было считать любовь и секс конечной целью нашего бытия, подменяя личные обязательства перед истиной всеобщими обязательствами перед «домом» и «семьей». Для воспитателей, психологов и разных экспертов по проблемам семьи было более безопасно и выгодно заниматься аналитической терапией частных пациентов или личными вопросами секса, проблемами личности и межличностных отношений, чем углубляться в истоки человеческих страданий. Если вы не хотели больше думать обо всем человечестве, вы по крайней мере могли «помочь» отдельным людям, не подвергая при этом себя особому риску. Ирвин Шоу, который привел когда-то американское сознание к пониманию таких вопросов, как война и мир, классовые предрассудки, теперь писал о сексе и супружеской неверности. Норман Мэйлер и молодые писатели-битники ограничивали свой революционный пыл описанием сексуальных, наркотических и прочих наслаждений, создавая себе рекламу употреблением в своих произведениях огромного количества нецензурных слов. Писателям было легче, следуя моде, думать о психологии, а не о политике; о частных мотивах поведения отдельных людей, а не о всеобщих задачах. Художники ушли в абстрактный экспрессионизм, который пренебрегал формой и искажал значение и смысл. Драматурги свели цель человеческого существования к злой претенциозной бессмысленности— «театру абсурда». Теория Фрейда придала этому процессу ухода от жизни значение бесконечной, мучительной интеллектуальной тайны; процесс в процессе, значение, скрытое в другом значении, доведенное до того, что пропадает всякий смысл, а безнадежно скучная окружающая нас действительность

вообще едва ли существует. Как сказал один театральный критик в одном из редких критических замечаний по поводу сценического мира Теннесси Уильямса, вызывавшего лично у него отвращение, создается впечатление, что у человека не осталось никакой реальности, кроме сексуальных извращений и воспоминаний, плотской любви и ненависти к своей собственной матери.

Увлечение учением Фрейда в американской культуре, помимо использования психотерапии в чисто практических полях, отвечало потребностям общества сороковых и пятидесятых годов в идеологии, в национальной задаче, в использовании разума для решения проблем человека. Сами специалисты по психоанализу недавно высказали предположение, что отсутствие идеологии или национальной задачи может и определенной степени являться причиной опустошенности людей, что заставляет многих мужчин и женщин обращаться к услугам психотерапевта. На самом же деле они хотят понять себя, осознать свою индивидуальность, в чем одна только психотерапия помочь им не в состоянии. Возрождение веры в Америке совпало с бумом психоанализа. Вполне вероятно, что причина активизации того и другого была одна: за поиском своей личности и стремлением найти прибежище, оградив себя от жизненных тревог и забот, скрывалось отсутствие более значимой цели. Знаменательно, что в то время многие священники обращали особое внимание на психотерапию, то есть много времени уделяли пастырским наставлениям членам своих конгрегации. Уходили ли они тем самым от более серьезных вопросов, от поиска истины?

Когда в конце пятидесятых я интервьюировала студентов колледжей, капелланы и социологи одинаково торжественно заявляли об «отчужденности» молодого поколения. Они чувствовали, что главной причиной ранних браков являлось то, что молодые люди не находили в современном им обществе никаких других подлинных ценностей. Профессиональному социологу легко обвинять молодое поколение в том, что оно цинично выбирает личные удовольствия и материальное благополучие, предпочитая их бессмысленному битничеству. Но если у родителей, учителей и проповедников были более серьезные основания отрицать битничество, чем только стремление приспособиться к окружающей действительности, добиться материального успеха и безопасности, то какую более серьезную цель могла иметь молодежь?

Пятеро детей, агрессивность жителей окраин, движение «делай сам» и даже битничество — вот что составляло круг домашних проблем; они-то и заняли место более серьезных дел, которыми раньше интересовались

наиболее духовно развитые представители нации. «Я устала от политики… в любом случае там ничего нельзя изменить». Когда доллар был слишком дешевым, а жизнь слишком дорогой и казалось, что никто в обществе ничем другим не интересуется, тогда любовь и семья с ее радостями и проблемами были единственными настоящими ценностями. Тогда буквальное прочтение Фрейда давало иллюзию того, что все страдающее общество в целом нуждается в нем. И хотя в действительности дело обстояло совсем иначе, попугайское повторение положений Фрейда вводило страдающих людей в заблуждение, и они полагали, что излечились. На самом же деле они еще и не сталкивались с настоящими проблемами. Однако под влиянием идей Фрейда начало возникать совершенно иное представление о семье. Эдипов комплекс и соперничество между детьми в одной семье стали бытовыми понятиями. Фрустрация была такой же неизбежной болезнью детства, как и скарлатина. При этом центром особого внимания была избрана мать. Неожиданно обнаружилось, что практически во всем была виновата именно она. Причиной любого заболевания ребенка или взрослого человека — алкоголика, самоубийцы, шизофреника, психопата, неврастеника, импотента, гомосексуалиста, фригидной или распутной женщины, язвенника, астматика, — вообще любого недуга американца или американки всегда считалась мать, эта разочарованная, подавленная, всегда встревоженная, измученная, неудовлетворенная, несчастная женщина. Требовательная, ворчливая, строптивая жена. Сосредоточенная только на детях, чрезмерно заботливая, подавляющая личность ребенка мать. Вторая мировая война показала, что миллионы мужчин в Америке психологически были не подготовлены к тому, чтобы справляться с тяготами войны, оказаться один на один с жизнью, вдали от своих «мамочек». Значит, что-то было не так у американских женщин.

По случайному стечению обстоятельств эта атака на матерей совпала с тем временем, когда американские женщины начали пользоваться правами, полученными в результате борьбы за эмансипацию; все большее число их поступало в колледжи и другие учебные заведения, в которых они могли получить профессию, все чаще поднимались они по служебной лестнице в промышленности и в других областях, несмотря на неизбежную конкуренцию с мужчинами. Женщины только начинали играть в американском обществе самостоятельную роль, независимую от их принадлежности к определенному полу, соответствующую их индивидуальным способностям. Было очевидно для всех, а для возвращающихся солдат в особенности, что эти американки были

действительно более независимыми, умными, решительными и менее пассивными и женственными, чем, например, немки пли японки, которые, как хвастались солдаты, «даже мыли нам спины». Менее очевидным, однако, был тот факт, что и девушки отличались от своих матерей. Возможно, именно в результате этого по какой-то странной, извращенной логике все детские неврозы, прошлые и настоящие, считались следствием обретения женщиной независимости, проявлением индивидуальности этого нового поколения американских девушек, такой независимости и индивидуальности, которыми прошлые поколения матерей-домохозяек никогда не обладали.

Факты были налицо: число освобожденных от службы и армии во время войны из-за психических расстройств и ответственность матерей за эти заболевания; первые данные Альфреда Кинси о неспособности американских женщин, особенно имеющих образование, испытывать оргазм во время полового акта; большое число женщин, не состоявшихся как личности и пытавшихся восполнить это за счет своих мужей и детей; растущее количество мужчин в Америке, чувствующих свою неадекватность, импотенцию. Многие из этих первых поколений женщин, избравших карьеру, действительно сожалели об отсутствии мужа и детей, обижали сами и терпели обиды со стороны мужчин, с которыми конкурировали. В Америке росло количество мужчин, женщин и детей, попадавших в сумасшедшие дома, специализированные клиники и на приемы к психиатрам. Все эти обвинения были сложены к ногам разочарованной американской матери, «ставшей похожей на мужчину» в результате полученного ею образования, не знающей, что такое сексуальное удовлетворение, из-за того, что она настаивала на получении равенства и независимости.

Все это было в таком соответствии с логическими обоснованиями Фрейда, что никто даже и не попытался выяснить, какими же на самом деле были довоенные матери. Они действительно были разочарованными, несостоявшимися. Но еще они были матерями солдат, которые не могли адаптироваться на войне. Матерями беспомощных, ни на что не способных послевоенных ребят были не независимые, образованные, работающие женщины, а те самые готовые на самопожертвование «мамочки», которые полностью зависели от мужа, мученицы домохозяйки.

В 1940 году работало менее четверти американок, и в большинстве своем это были незамужние женщины. Очень мало, всего два с половиной процента всех матерей, были «женщинами, делавшими себе карьеру». Матери солдат, которым в 1940 году исполнилось 18–30 лет, родились в

девятнадцатом веке или в начале девятисотых годов и выросли еще до того, как американские женщины в двадцатые годы завоевали себе право голоса, получили независимость, свободу в сексе, возможность получать образование и делать карьеру. По большому счету, эти «мамочки» не только сами не были феминистками, но и не пользовались правами, завоеванными феминистским движением. Они были обычными американками, которые жили традиционной жизнью женщины, — они были только домохозяйками и матерями. Разве образование, мечты о карьере и независимость превратили этих «мамочек» в разочарованных людей, которые скрывали свое разочарование, целиком посвящая себя детям? Даже книга, которая помогла утвердиться мифу о женском предназначении, «Сыновья своих матерей» Эдварда Стрэкера, подтверждает тот факт, что «мамочки» не были ни феминистками, ни женщинами, стремящимися сделать карьеру, они даже не использовали то образование, которое некоторые из них получили. Они жили ради своих детей, у них не было других интересов, помимо дома, семьи, детей или заботы о своей собственной внешности. Строго говоря, они соответствовали образу, распространяемому загадкой женственности.

Вот как описывает такую «мамочку» доктор Стрэкер, будучи консультантом начальника медицинского управления армии и флота, считая ее виновной в большей части из 1 825 000 случаев признания юноши непригодным для прохождения военной службы из-за нарушений в психике, к 600 000 случаев освобождения от службы в армии по ней психиатрическим причинам и в 500000 случаев, когда молодые люди сами стремились уклониться от мобилизации. В общей сложности это составило почти три миллиона мужчин из пятнадцати миллионов, находившихся на военной службе. При этом очень часто они оказывались негодными для прохождения службы в армии по причине психических расстройств буквально через несколько дней после призыва, потому что еще не возмужали, «не могли выносить тяготы жизни, жить с другими людьми, думать самостоятельно и прочно стоять на ногах».

«Мамочка — это женщина, чье поведение мотивировано стремлением получить эмоциональную компенсацию за те удары судьбы, которые жизнь нанесла ее собственному «я». Ее отношения с детьми полностью основаны на том, что каждый ее поступок, каждый ее вдох, хотя и неосознанно, направлены на то, чтобы раствориться в эмоциях своих детей и тем самым надежно привязать их к себе. Для достижения» той цели она должна поддерживать в своих детях незрелое, инфантильное поведение… Матери тех мужчин и женщин, которые способны воспринимать жизнь как вполне

сформировавшиеся самостоятельные люди, не соответствуют традиционному типу мамочки. Чаще всего мамочка — женщина нежная, ослепленная любовью, жертвующая собой… отдающая много сил и из кожи вон лезущая для того, чтобы выбрать одежду для своих взрослых детей. Она следит за тем, как уложены у них волосы, подбирает им друзей и приятелей, определяет, каким видом спорта им заниматься, какие иметь взгляды и мнения. В общем, она полностью думает за них… Эта ее власть, иногда жесткая и деспотичная, чаще мягкая, убеждающая и несколько опосредованная… Наибольшим распространением пользуется метод непрямого воздействия, когда ребенку тем или иным образом дают почувствовать, что мамочка обижена, но старается во что бы то ни стало скрыть свою обиду. Этот мягкий метод, безусловно, более успешно блокирует проявление самостоятельных мыслей и поступков молодых людей… Жертвующая собой мамочка, когда ее очень прижмет, может робко признаться, что, возможно, она несколько «не в форме» и действительно немного устала, но тем не менее она весело прощебечет: «Ну и что из этого?»…Подразумевается, что ей безразлично, как она выглядит и что чувствует, потому что ее сердце радуется возможности бескорыстно выполнять свой долг. Она счастлива, что может с раннего утра и до позднего вечера делать все, что нужно, для своих детей. Все в доме полностью подчинено их запросам. Только так и должно быть: еда по первому требованию, горячая и вкусная. Она подается в любое время дня и ночи… В этом доме, где царит полный порядок, всегда все пуговицы пришиты. Все лежит и стоит на своих местах. Мамочка всегда знает, где что найти. Безропотно, с удовольствием она возвращает вещи на свои места, после того как дети разбросают их по всему дому… Мамочка с радостью достанет все, что нужно или чего захотят ее дети. Это идеальный дом… Не рассчитывая найти такой же благополучный райский уголок нигде в мире, кто-то из детей, один или больше, вероятнее всего, никогда не покинет этот счастливый дом или возвратится в него и останется навсегда в колыбели…»

«Мамочка» может быть «хорошенькой пустышкой» с культом красивой внешности, одежды, косметики, духов, причесок, диеты и упражнений или, наоборот, псевдоинтеллектуалкой, которая не изучает глубоко и серьезно какой-нибудь один предмет, но старается охватить все на свете — один месяц слушает курс по умственной гигиене, другой — по экономике, затем по греческой архитектуре, по начальному образованию и т. п. Такими были «мамочки», сыновья которых не смогли вести себя как настоящие взрослые мужчины ни на фронте, ни дома, ни в постели, ни

вообще в окружающем их мире, потому что в действительности они хотели оставаться детьми. У всех этих «мамочек» была одна общая черта: «переполняющее ее эмоциональное удовлетворение, которое она получает, наблюдая за тем, как ее дети бултыхаются в своеобразном бассейне психологической защиты, место того чтобы дать им возможность выплыть решительными и твердыми гребками зрелости из материнской утробы на простор жизни… Будучи сама инфантильной, она воспитывает инфантилизм в своих детях и, по большому счету, обрекает их на личную и социальную неполноценность, на несчастливую жизнь…»

Я так много цитирую доктора Стрэкера, потому что, как это ни странно, он был одним из авторитетов в психиатрии, ссылками на который переполнен поток послевоенных статей и выступлений, осуждавших американских женщин за го, что они утратили свою женственность, и призывавших их немедленно вернуться домой и посвятить свои жизни детям. Однако в действительности мораль приводимых Стрэкером примеров была прямо противоположной. Матери этих инфантильных ребят отдали слишком значительную часть своей жизни детям; они вынуждены были сохранять их инфантилизм, а иначе им нечем было бы жить. Ни самостоятельно, пи с чьей-либо помощью они сами так и не достигли зрелости, того «состояния или качества возмужания, полного развития, независимости взглядов и поступков», которые характеризуют по-настоящему развитую личность. А это вовсе не одно и то же, что и женственность.

Мне представляется, что факты поглощаются загадкой женственности и трактуются аналогично странному феномену, согласно которому гамбургер, съеденный собакой, становится собакой, а гамбургер, съеденный человеком, становится человеком. Случаи неврозов среди солдат в сороковые годы стали считаться «доказательством» того, что американские женщины, увлеченные образованием, отошли от своего женского предназначения и бросились делать карьеру, пользуясь независимостью и равенством с мужчинами, поставив цель «добиться самореализации любым путем». Но ведь на самом-то деле многие из этих разочарованных, не реализовавших себя женщин были простыми домохозяйками. В результате какого-то фантастического парадокса все это огромное количество данных о психологической неполноценности нового поколения, в которой были виноваты матери, посвятившие всю свою жизнь удовлетворению запросов своих детей, было использовано мистификаторами женственности для того, чтобы потребовать от нового поколения девушек, чтобы они вернулись домой и посвятили свою жизнь удовлетворению запросов своих детей.

Именно благодаря первоначальному исследованию Кинси, показавшему, что сексуальная неудовлетворенность женщин напрямую связана с их образованием, этот гамбургер оказался вполне съедобным. Без конца пережевывался просто вселявший ужас факт, что из всех опрошенных женщин от 50 до 85 процентов студенток колледжей никогда не испытывали оргазма, в то время как среди учениц старших классов они составляли менее одной пятой.

В книге «Современная женщина: утраченный пол» первые данные Кинси были истолкованы следующим образом: «Среди женщин со средним или неоконченным средним образованием процент тех, которые не достигают оргазма, понижается в соответствии с понижением их образовательного уровня, пока в конце концов не сходит на нет. Доктор Кинси и его коллеги отмечают, что практически всегда оргазма достигают негритянки, не получившие вообще никакого образования… В результате был выведен закон психосексуальности: с повышением образовательного уровня у женщин увеличивается опасность сексуальных расстройств той или иной степени тяжести…»

Прошло почти десять лет, прежде чем были опубликованы все данные Кинси по этому вопросу, которые полностью опровергли выводы, сделанные ранее. Многие ли женщины даже теперь понимают, что представленные в отчете Кинси 5940 историй болезней американок показывают, что число замужних женщин, достигавших оргазма, и число женщин, всегда достигавших оргазма, действительно находились в прямой зависимости от образовательного уровня женщин? Правда, зависимость на самом деле была обратной: чем более высокий у женщины образовательный уровень, тем больше у нее возможности получить сексуальное удовлетворение. Женщина, имевшая только среднее образование, чаще всего никогда не достигала оргазма, в то время как женщина, окончившая колледж, защитившая диплом и получившая профессию, практически всегда достигала оргазма. Вот что писал по этому поводу сам Кинси:

«Мы обнаружили, что среди женщин, которые в течение любых пяти лет своей жизни достигали оргазма, было значительно больше тех, которые имели высшее образование… В каждый отдельный период совместной жизни — от года до но меньшей мере пятнадцати лет — среди тех, кто не достигал оргазма в супружеском соитии, всегда было больше женщин с невысоким образовательным уровнем, в то время как только очень небольшое число образованных женщин не получало сексуального

удовлетворения… Эти данные не совпадают с первоначальными неопубликованными подсчетами, сделанными несколькими годами ранее. На основе меньшего количества историй болезней и в связи с использованием менее точного метода подсчета мы пришли к выводу о том, что женщины с более низким уровнем образования чаще испытывают оргазм в супружеском соитии. Теперь в эти данные требуется внести поправки».

Но в сам миф о женском предназначении, который укрепился благодаря распространению этих первоначальных неверных данных, внести поправки было значительно труднее.

А затем появились ужасающие данные о брошенных детях, оказавшихся в таком положении потому, что их матери работали. Но многие ли женщины даже в настоящее время понимают, что в публикациях, рассказывавших о детях, гибнущих от отсутствия материнской заботы, говорилось не о детях образованных женщин среднего класса, которые оставляли их под присмотром на несколько часов в день, чтобы иметь возможность работать по специальности, писать стихи или принимать участие в политической жизни, а о детях действительно брошенных, подкидышах, которых чаще всего сразу же после рождения оставляли незамужние женщины и пьяницы мужчины, о детях, которые никогда не знали ни тепла родного дома, ни родительской ласки? Любое исследование по данному вопросу начиналось с намеков на то, что в детской преступности, в наличии трудных и психически неполноценных детей виноваты работающие матери. Недавно психолог доктор Луи Мик Штольц из Стэнфордского университета проанализировала все данные таких исследований. Она обнаружила, что в наше время можно говорить все, что угодно, и хорошее и плохое, о детях, чьи матери работают. Всегда найдутся данные тех или иных исследований, которыми можно подкрепить свои выводы. Однако нет данных, которые бы однозначно указывали на то, что дети, чьи матери работают, менее счастливы, имеют более слабое здоровье или хуже приспосабливаются к окружающей действительности.

Исследования, которые показывают, что работающие женщины чувствуют себя лучше, что они более счастливы и более зрелые матери, не получили широкой известности. Поскольку, с одной стороны, растет детская преступность, а с другой стороны, все большее число женщин учится и работает, считается, что между этими двумя явлениями существует причинно-следственная связь. Однако данные исследований показывают обратное. Несколько лет тому назад широкую огласку получило параллельное изучение двух подростковых групп — мальчиков,

совершивших преступление, и контрольной группы (не совершавших его). Помимо прочего выяснилось, что детская преступность и манкирование занятиями в школе среди подростков, чьи матери работают, не были выше, чем среди подростков, чьи матери — домохозяйки. Но броские заголовки предупреждали, что значительное число преступлений совершается детьми, чьи матери работают от случая к случаю, не имеют постоянной работы.

«Вот вам, пожалуйста; многие годы я специально устраивалась на временную работу или на неполный рабочий день, стараясь сделать так, чтобы моим мальчикам было как можно лучше, — приводила «Нью-Йорк таймс» слова одной такой матери, — а теперь получается все наоборот, я делала им только хуже».

Но что же оказывалось на самом деле? Эта мать, имеющая семью среднего достатка, получившая специальное образование, живущая в достаточно престижном районе, отождествляла себя с матерями вышеназванного исследования, которые, как выяснилось, не только жили в тяжелых социально-экономических условиях, но во многих случаях сами в свое время были малолетними преступницами. Кроме того, у многих из них имелись «неблагополучные» мужья.

Ученые, проводившие данное исследование, высказывали мысль о том, что сыновья этих женщин неблагополучны потому, что их матери время от времени брались за работу «не столько для того, чтобы поддержать семейный бюджет, сколько для того, чтобы уйти от семейных обязанностей и от материнских забот». Другой специалист, проанализировавший те же самые данные, пришел к выводу, что основной причиной и временной работы матерей, и преступности их сыновей является психологическая нестабильность обоих родителей. В любом случае данную ситуацию нельзя сравнивать с положением в семьях большинства образованных женщин, которые, прочитав опубликованные отчеты, посчитали свои ситуации аналогичными этим. В действительности же, как показывает доктор Штольц, многие исследования, которые были неверно истолкованы и считались «доказательством» того, что женщины не могут сочетать работу с материнскими обязанностями, на самом деле указывали на тот факт, что при всех других равных условиях дети, матери которых работают, потому что хотят этого, имеют меньше проблем и в школе, и дома и обладают «более развитым чувством собственного достоинства», чем дети домохозяек.

«Самые ранние исследования проводились в тот период, когда работали еще очень немногие замужние женщины, когда были детские

сады и ясли, куда отдавали своих детей работающие матери, не имевшие мужей, либо потому, что последние умерли, либо в результате развода, либо потому, что родители не жили вместе. Эти исследования были проведены социологами и экономистами с целью осуществления реформ, и в частности для учреждения пенсий таким матерям. В то время, когда среди замужних женщин только одна из восьми не жила с мужем, исследование не выявило ни неблагополучных детей, ни более высокий уровень детской смертности.

В одном из последних исследований такого рода, сделанном на материале историй болезней двух тысяч матерей, выявилось только два существенных отличия: 1) именно матери-домохозяйки чаще, чем работающие матери, заявляют, что «дети действуют им на нервы», и 2) у домохозяек больше детей. Известное исследование, проведенное в Чикаго, которое якобы показало, что большинство матерей малолетних преступников работают вне дома, на самом деле выявило только тот факт, что чаще всего у малолетних преступников нет нормального дома. Другое исследование, изучавшее истории болезней четырехсот дефективных детей (из шестнадцати тысяч школьников), показало, что в благополучных семьях матери-домохозяйки в три раза чаще имеют дефективных детей, чем работающие женщины. Исследования убеждают, что дети работающих матерей в меньшей степени впадают в крайности (они не так агрессивны и не слишком заторможены), лучше успевают в школе и обладают «более развитым чувством собственного достоинства», чем дети домохозяек. Выяснился также тот факт, что работающие матери чаще радуются своим беременностям и реже страдают, исполняя свою «роль матери», чем это делают домохозяйки.

Кроме того, матери, любящие свою работу, находятся в лучших отношениях со своими детьми, чем домохозяйки или матери, которые не любят свою работу. Исследование тридцатых годов, изучавшее матерей с высшим образованием, показало, что их работа не оказывает неблагоприятного воздействия ни на семейные отношения, ни на психологический климат в семье, ни на количество и серьезность детских проблем. В целом выяснилось, что работающие женщины того времени имели две отличительные черты: в большинстве своем они имели высшее образование и жили в городах».

В наше время, однако, бесчисленное количество образованных женщин, живущих в пригородах и сидящих дома с детьми, очень обеспокоены тем, что их дети мочатся в постель, сосут палец, переедают или отказываются есть, очень замкнуты, не имеют друзей, не могут

оставаться одни, агрессивны или слишком робки, слишком медленно обучаются чтению или очень много читают, недисциплинированны, жестоки, подавленны или несдержанны в проявлении своих чувств, когда у них преждевременное половое созревание или отсутствие полового инстинкта — в каждом подобном проявлении эти женщины видят признак начинающегося невроза. Они усматривают в нем свидетельство если не полной ненормальности ребенка или склонности к преступности, то по крайней мере неспособности родителей правильно его воспитать, в результате чего они имеют дело с начинающим развиваться неврозом. Иногда это так и есть. Обязанности родителей, и особенно матерей, в свете фрейдизма должны стать полноценной работой, заменить собой карьеру и вылиться чуть ли не в религиозный культ. Один ложный шаг может привести к катастрофе. Если они откажутся от работы, если у них не будет других обязанностей, кроме семьи и дома, матери смогут посвятить всю свою жизнь детям, все их внимание будет в таком случае направлено на выявление признаков начинающегося невроза — но, возможно, впрочем, именно оно явится его причиной.

Безусловно, в каждой истории болезни первых, наиболее важных пяти лет жизни ребенка всегда можно найти определенные факты, связанные с матерью, особенно если вы ищете именно эти факты или какие-то воспоминания о них. В конце концов, в Америке в это время мать всегда находится с ребенком; считается, что она должна быть с ним. Не связан ли тот факт, что мать всегда в это время находится с ребенком и всегда только в роли матери, с детскими неврозами? Противоречия общества передаются детям через матерей, но в нашем современном цивилизованном мире очень немногие наиболее сильные и способные матери имеют возможность помочь своим детям преодолеть эти противоречия.

Недавно доктор Спок несколько неохотно признался, что русские дети, матери которых всегда имеют в жизни какую-то цель помимо материнства — они работают врачами, научными работниками, учителями, инженерами, государственными служащими, артистами, — выглядят более стабильными, зрелыми, легче адаптируются к окружающей среде, чем американские дети, чьи матери все свое время посвящают только заботе о них. Не означает ли это, что русские женщины потому хорошие матери, что у них есть цель в жизни? В любом случае, утверждает доктор Спок, эти матери чувствуют себя более уверенно. В отличие от американских женщин они в меньшей степени зависят от того, что говорят им специалисты в области воспитания детей, какую новейшую причуду они для них изобретут. Какое ужасное бремя ложится на доктора Спока, если

тринадцать с половиной миллионов матерей настолько не уверены в себе, что буквально вынуждены воспитывать своих детей по его книге, постоянно обращаясь к нему с мольбой о помощи, если у них что-то не получается так, как там написано!

Ни газеты, ни журналы не вынесли в заголовки растущее беспокойство психиатров относительно проблемы «зависимости» американских детей, маленьких и уже взрослых. Психиатр Дэвид Леви в известном исследовании, посвященном «чрезмерной материнской опеке», изучил двадцать историй болезней, в которых матери довели своих детей до патологии «чрезмерной материнской заботой, потворствуя их слабостям и желаниям, воспитывая в них инфантилизм». В работе описан типичный случай двенадцатилетнего мальчика, у которого «в одиннадцать лет была детская истерика, когда мать отказалась намазывать для него хлеб маслом. Кроме того, он все еще требовал, чтобы ему помогали одеваться… Он четко обозначил свои требования в жизни, заявив, что мать будет намазывать ему хлеб маслом до тех пор, пока он не женится, после чего это будет делать его жена…»

Все эти матери, согласно физиологическим показателям, таким, как менструация, наличие молока в груди, и другим, более ранним показателям «материнского типа поведения», обладали очень сильным женским и материнским инстинктом, если так можно выразиться. Восемнадцать женщин из двадцати, как утверждал сам доктор Леви, были целенаправленными, отвечающими за свои действия и агрессивными; «активность или агрессивность в поведении женщины, отвечающей за свои поступки, рассматривалась как признак ярко выраженного материнского типа поведения. Эти признаки уже с детства характеризовали жизнь восемнадцати из двадцати вышеназванных чрезвычайно заботливых матерей». Ни в одной из них не было и намека на подсознательное неприятие материнства. Что же послужило причиной того, что эти двадцать женщин с таким сильным материнским инстинктом (очевидно, что сила и даже агрессивность в данном случае не относятся к мужским качествам, поскольку сами психиатры считают их показателями материнского инстинкта) вырастили таких патологически инфантильных детей? Причина только одна: «ребенок служил средством удовлетворения совершенно ненормального стремления любить». Эти матери прихорашивались, как это обычно делают жены для мужей или девушки перед свиданием, подмазывали губы помадой, ожидая прихода сыновей из школы, потому что вся их жизнь была сосредоточена на детях. Большинство из них, по мнению Леви, мечтали сделать карьеру. Чрезмерная материнская опека»

детей была следствием силы этих матерей, их внутренней женской энергии, делавшей их ответственными, целеустремленными, активными и даже агрессивными, что и приводило к развитию патологии в детях, поскольку «другие пути самовыражения» для их матерей были закрыты.

Очень часто эти матери в свою очередь имели властную мать и покорного отца, а их мужья тоже были послушными сыновьями властных матерей. Пользуясь терминологией Фрейда, можно сказать, что в их жизни было слишком много комплекса кастрации. И сыновья, и матери на протяжении многих лет проходили интенсивный курс психоанализа, который, как надеялись, сможет разорвать этот замкнутый круг. Но когда через несколько лет после первоначального исследования ученые проверили этих женщин и детей, то выяснилось, что результаты были не совсем такими, как ожидалось. В большинстве случаев психотерапия не оказала должного воздействия. Но некоторые дети удивительным образом избавились от патологии и выросли вполне нормальными людьми. Однако это произошло не благодаря проведенному лечению, а в связи с тем, что в результате определенных обстоятельств у их матерей появились свои интересы в жизни и они предоставили детям возможность жить, своей жизнью. Кому-то из детей удалось вылечиться, потому что они сами смогли создать круг своих интересов, который их матери не допускались.

Социологами были найдены и другие ключи к решению проблемы взаимоотношения матери и ребенка в Америке, которые не связывались с загадкой женственности. Социолог по имени Арнольд Грин почти случайно обнаружил другую взаимосвязь между чрезмерной материнской любовью или отсутствием таковой и неврозами.

Оказалось, что в одном из промышленных городов штата Массачусетс, в котором вырос Грин, целое поколение детей воспитывалось в таких условиях, которые должны были бы нанести им большую психологическую травму. Это были условия иррациональной, мстительной, даже жестокой родительской власти и полного отсутствия «любви» между родителями и детьми. Родители, польские эмигранты, старались силой навязать своим детям строгие старомодные правила поведения, которые те не принимали. Насмешки, злость и презрение детей заставляли сбитых с толку родителей обращаться к «мстительной, иррациональной личной власти, которая, однако, уже не действует на детей, имеющих свои планы и надежды на будущее».

«Находясь в ужасном озлоблении и страхе полностью потерять контроль над своими американизированными детьми, родители стали без разбора широко пользоваться кулаком и кнутом. Звуки ударов, вопли, крики

раздражения, стоны муки и ненависти стали настолько привычными в бесчисленных рядах ветхих фабричных домов, что прохожие почти не обращали на них никакого внимания».

Казалось, вот они — семена будущих неврозов, как представляли их себе родители, настоящие последователи Фрейда в Америке. Но к великому удивлению Грина, когда он вернулся в город и в качестве социолога провел обследование, то выяснилось, что в польской колонии, где, согласно учению, неврозы должны были бы расцвести пышным цветом, он не обнаружил ни одного случая освобождения от армии или отказа в ней служить по причине психического расстройства. При этом ни в ком из молодежи «не проявлялись чувства тревоги или вины, отсутствие адекватной реакции или наличие подавляемой враждебности, то есть все те симптомы, которые считаются характерными для основных невротических заболеваний». Грин был поражен. Почему эти дети не стали неврастениками, почему они не пострадали от жестокой, иррациональной родительской власти?

Они не испытали на себе той слепой болезненной материнской любви, которую навязали среднему американцу детские психологи. Их матери, так же как и отцы, целый день работали на фабрике, оставляя детей под присмотром старших братьев и сестер, они свободно бегали по полям и лесам и, когда могли, уклонялись от общения с родителями. В этих семьях главным была работа, а не личные переживания; «уважение, а не любовь связывало людей». Нельзя сказать, что проявления чувств полностью отсутствовали, замечает Грин, «но они имели мало общего с теми понятиями |любви между родителями и детьми, которые можно встретить в журналах для средних американок».

И тогда социолог понял, что, видимо, само отсутствие этой вездесущей слепой материнской любви является причиной того, что у детей нет симптомов неврозов, столь характерных для сыновей американцев среднего класса. Власть польских родителей, какой бы жестокой и иррациональной она ни была, «не затрагивала, — как выразился Грин, — существа личности ребенка». У польских родителей не было пи способов, ни возможности «растворить в себе его личность». Видимо, считает Грин, «отсутствие любви» и «иррациональная власть» сами по себе не являются причиной некрозов, они могут вызывать заболевания только в сочетании с «поглощением личности», то есть такой физической и эмоциональной опекой ребенка, которая ведет к рабской зависимости детей от родителей, что наблюдается среди белых коренных американцев среднего класса, живущих в городах и имеющих высшее

образование.

Является ли «отсутствие любви» причиной неврозов или к этом виновата родительская опека в семье среднего американца, которая «лишает» ребенка индивидуальности и воспитывает в нем потребность в чрезмерной любви? Специалисты по психоанализу всегда концентрировали свое внимание на причинах неврозов. Поэтому Грин хотел «выяснить, чем же удобряет современный средний американец почву детских неврозов, независимо от того, какие индивидуальные особенности несут в себе посаженные им семена».

Как обычно, стрела была безошибочно нацелена в мать. Но Грин не был озабочен тем, чтобы помочь современной американке лучше приспособиться к роли матери. Наоборот, он обнаружил, что как женщина она не играет в современном обществе никакой значимой «роли»:»Она выходит замуж и даже рожает ребенка, не имея, как раньше, ни определенного статуса, ни конкретных задач… Она чувствует себя неполноценной по сравнению с мужчиной, потому что она всегда была, да и до настоящего времени остается более ограниченной в своих возможностях. Степень реальной эмансипации женщины чаще всего преувеличивалась… Благодаря «удачному» замужеству средняя американка достигает более высокого положения, чем она может добиться, делая себе карьеру. Но период иллюзорного заигрывания с карьерой на начальной стадии отвращает женщину от нудной тяжелой домашней работы: уборки комнат, стирки пеленок и приготовления еды… Мать мало что делает и дома, и вне его; она становится единственным компаньоном своего ребенка.

Современный «научный подход к воспитанию детей» требует от матери бдительного надзора и постоянной обеспокоенности по поводу здоровья ребенка, присмотра за тем, чтобы он ел шпинат и развивал свое «я». Все осложняется еще и тем, что много энергии тратится на то, чтобы заставить детей рано начать ходить, как можно раньше проситься на горшок, начать говорить, потому что в среде постоянно конкурирующих между собой средних американцев родители буквально со дня рождения постоянно сравнивают развитие своего ребенка с соседскими детьми».

«Возможно, — рассуждает Грин, — средняя американка… в своих отношениях с ребенком придает такое большое значение «любви», своей к нему и его к ней, отчасти в связи с современным комплексом любви, который пустил особенно глубокие корни в среднем классе общества, а отчасти в качестве компенсации за те жертвы, которые она приносит ради своего ребенка. Ребенок испытывает потребность в такой любви

исключительно потому, что он поставлен в условия, при которых она ему необходима… в условия рабской психической зависимости. Не потребность в родительской любви, а постоянный страх потерять ее после того, как ребенок уже оказался в условиях, при которых она ему необходима, лежит в основе большинства наиболее распространенных современных неврозов. Мама не будет тебя любить, если ты не съешь свой шпинат, перестанешь сосать молоко или не слезешь с кушетки. И все это доходит до такой степени, что личность ребенка полностью растворяется в личности матери; он в постоянной панике от подобного обращения… У такого ребенка осуждающий взгляд может вызвать больший ужас, чем у Станислава Войцека двадцатиминутная порка».

Грин занимался этим вопросом только с точки зрения того, какое воздействие оказывают матери на своих сыновей.

Однако он обратил внимание на то, что одно только «растворение личности» не может объяснить происхождение невроза. В противном случае, утверждает он, все женщины среднего класса предшествующего поколения страдали бы неврозами, но никто не отмечал у них ничего подобного, безусловно, личность девочки из семьи средней буржуазии конца девятнадцатого века «растворялась» в личности ее родителей, поскольку там всегда была необходима «любовь» и беспрекословное подчинение. Однако, заключает социолог, «число неврозов в тех условиях было относительно небольшим», потому что, хотя личность женщины и «растворялась», это происходило «в рамках той роли, которую она брала на себя и которая практически не менялась от детства к юности, затем в молодости, когда за девушкой начинали ухаживать мужчины, и, наконец, в замужестве», — она никогда не принадлежала себе.

С другой стороны, современный средний американец вынужден постоянно конкурировать с другими, добиваться поставленной цели, что требует от него определенной независимости, целеустремленности, агрессивности, самоутверждения. Поэтому именно у мальчика, а не у девочки внушенная матерью необходимость всеобщей любви к нему и неспособность иметь свои ценности и задачи в жизни приводят к неврозам.

Эти выводы, сделанные социологом еще в 1946 году, наталкивают на размышления. Но они никогда не выходили за рамки узкого круга социологов-теоретиков, никогда не проникали за бастионы мифа о женском предназначении, несмотря на то что все большее количество людей в стране понимало, что с американскими женщинами творится что-то неладное. Однако даже этот социолог, которому удалось приоткрыть завесу над загадкой женственности и понять, что детям нужно не только как

можно больше материнской любви, даже он интересовался только проблемой сыновей. Л не выявили ли его исследования еще одну, скрытую проблему, смысл которой в том, что роль домохозяйки в семье среднего американца заставляет многих матерей подавлять и растворять в себе личность как своих сыновей, так и дочерей? Многие видели трагедию американских мальчиков, бесполезно тративших свою жизнь, потому что их не научили добиваться поставленной цели, действовать самостоятельно, иметь свои ценности. Но они не видели этой же трагедии у девочек, а также у матерей, женщин более старшего поколения. Если общество не ожидает зрелости от своих женщин, то оно и не может понять, что ее отсутствие приводит к бессмысленной трате жизни и может явиться одной из причин неврозов и конфликтов.

Обидно, но неизбежным следствием того, что наше общество отводило женщине именно эту роль, является тот факт, что нация в целом обратила внимание на трагедию женщин только сейчас, когда она отразилась на их сыновьях.

Странно ли, что мы не поняли истинной причины происходящего? Но как мы могли понять ее, если неизменно пользуемся терминами «функционализм» и «социальная адаптация»? Педагоги и социологи одобряли тот факт, что личность девочки из семьи среднего класса «последовательно», начиная с детского возраста до взрослого, растворялась в ее «роли женщины». Да здравствует эта роль, коль скоро она служит процветанию социальной адаптации. Потеря личности женщины не считалась достойным объектом исследования. Изучалась только фрустрация, вызванная «общественными противоречиями в определении роли женщины», — именно так описала состояние американских женщин великий ученый-социолог Рут Бенедикт. Даже сами женщины, хотя и испытывали страдание и беспомощность в результате потери собственного «я», не могли понять своих чувств. Эта проблема не имела названия. И, желая убежать от этой проблемы, под гнетом стыда и собственной вины женщины вновь обратили все свое внимание на детей. Таким образом, круг замкнулся, проблема матерей передавалась их сыновьям и дочерям. И так поколение за поколением.

Непрекращающаяся атака на женщин, которая в последнее время стала неотъемлемой частью жизни американского общества, может также вести свое начало от эскапистских мотивов, которые явились причиной того, что и мужчины и женщины вновь сосредоточили все внимание только на благополучии своего дома. Материнская любовь считается в Америке священной, но, несмотря на ту почтительность, которая к ней

выказывается, это только пустые слова. «Мамочка» всегда остается очень удобной и безопасной мишенью, независимо от того, верно или неверно трактуются ее недостатки. Никто еще не был включен в черный список или уволен только за то, что критиковал «американскую женщину». Помимо психологического давления со стороны матери или жены в последнее десятилетие на американского мужчину оказывалось колоссальное воздействие несексуального характера: непрекращающаяся конкуренция, требующая постоянного компромисса, неизвестно для кого и для чего исполняемая работа в крупных организациях — все это не способствовало тому, чтобы американец чувствовал себя настоящим мужчиной. Проще и безопаснее свалить все на жену или на мать, чем признать собственную несостоятельность или усомниться в святости американского образа жизни. Мужчины не всегда шутили, когда говорили, что их женам очень повезло, поскольку они могут целый день проводить дома. Они также успокаивали себя мыслью о том, что участвуют в этой «крысиной гонке» только «ради жены и детей». Именно поэтому мужчины воссоздавали свое детство, живя в пригородах и превращая своих жен еще и в своих матерей. Все мужчины единодушно приняли миф о женском предназначении. Он обеспечивал их материнской заботой до конца жизни, оправдывая и цель их существования, и их несостоятельность. Что же удивительного в том, что мальчики, окруженные слишком большой материнской заботой, превращаются в мужчин, которых ничто никогда не удовлетворяет?

Но почему сами женщины молчат под бременем этих обвинений? Когда общество создает одну преграду за другой, не позволяя женщине проявить себя как личность, когда общество создает правовые, политические, социальные, экономические и образовательные препятствия, не позволяя женщине самой убедиться в своей состоятельности, тогда женщине легче искать убежище в собственном доме, даже если большинство этих препятствий уже уничтожено. Ей легче воспринимать мир, живя жизнью мужа и детей, чем прокладывать самой себе дорогу. Ведь она дочь той самой «мамочки», из-за которой и девочке, и мальчику так трудно становиться взрослыми.

А свобода пугает. Страшно стать наконец взрослым человеком и освободиться даже от пассивной зависимости. В таком случае зачем женщине стремиться быть кем-то еще, если все общественные силы внушают ей, что она должна быть только женой и матерью, что ей будет только хуже от того, если она вдруг повзрослеет.

И американка сделала свой ошибочный выбор. Она вновь вернулась домой, чтобы жить одним сексом, и променяла свою индивидуальность на

обеспеченную жизнь. Затем в дом удалось заманить и мужа, и двери захлопнулись, отгородив их от окружающей действительности. Они стали жить в мире чудесного мифа о женском предназначении, но верили ли они в него на самом деле? В конце концов, она была американкой, естественным продуктом общества, которое никак не хотело позволить ей стать личностью. Он же был американцем, для которого уважение личности и свобода выбора являются национальной гордостью. Они вместе ходили в школу, и он прекрасно знает, что она собой представляет. Неужели его покорная готовность натирать полы в доме и мыть посуду, когда он, усталый, приезжает домой семичасовой электричкой, может скрыть от них обоих ту преступную реальность, которая стоит за этой красивой ложью? Что же заставляет их верить в нее, несмотря на предупреждающие сигналы, идущие отовсюду? Что же держит женщину дома? Какая сила в нашем обществе может заставить женщину писать «род занятий: домохозяйка» такими большими буквами, что за ними практически скрываются все остальные ее возможности?

Наша могущественная нация вполне удовлетворена теми красивыми картинками домашней жизни, которые у нас постоянно перед глазами и которые не позволяют женщине реализовать свои возможности в обществе. В таком случае загадка женственности может иметь вовсе не сексуальный смысл. Если задуматься, американское общество в значительной степени зависит от пассивности женщин, от их «женственности». Именно женственность, если ее можно так называть, является причиной того, что американские женщины становятся целью и жертвами сексуального обмана.

9. Сексуальный обман

Пер. Э. Салыгиной

Несколько месяцев назад, когда я взялась за разрешение загадки ухода женщин в семейную жизнь, у меня было такое что, что я упускаю что-то. Я могла проследить пути, по которым искаженная мысль замыкалась на себе же с целью увековечить отживший образ женственности; я видела, как образ соединялся с предрассудками и превратно истолкованными разочарованиями с тем, чтобы скрыть от самих женщин пустоту фразы «род занятий: домохозяйка».

Но что приводит все это в действие? Если, несмотря на невыразимое отчаяние стольких американских домохозяек, не смотря на возможности, открытые сегодня для всех женщин, лишь единицы имеют иную цель в жизни, чем быть женой и матерью, то здесь должна быть задействована чья-то сильная рука или что-то очень могущественное. Слишком велика была энергия, заложенная в феминистском движении, чтобы она могла просто сойти на нет; должно быть, ее отключило, направило в другую сторону нечто более могущественное, чем недооцениваемая сила женщин.

В жизни существуют некоторые вещи, настолько очевидные и приземленные, что о них никогда не говорят вслух. Только ребенок без смущения спрашивает: «Почему герои книг никогда не ходят в туалет?» Почему никогда не говорится о том, что на самом деле основной функцией женщин, основной ролью женщин как домохозяек является приобретение ими нее новых вещей для дома? За всеми разговорами о женской ценности и роли женщин забывают о том, что действительным бизнесом Америки является бизнес. Однако идея увековечивания домоводства как рода занятий, сохранения загадочной женственности имеет смысл (и приносит доход), когда до сознания доходит, что женщины являются основными клиентами американского бизнеса. Каким-то образом где-то кто-то, должно быть, вычислил, что женщины будут покупать больше, если заставить их вести жизнь домохозяек, жизнь, не дающую возможности до конца проявить себя, полную невыразимой тоски и впустую потраченной энергии.

Понятия не имею, как это произошло. Процесс принятия решений в сфере производства не так прост и рационален, как представляют его

приверженцы теорий заговоров. Уверена, что руководители компаний «Дженерал фудз», «Дженерал электрик», «Дженерал моторз», «Мейсиз» и «Гим-белз», а также директора всех компаний, производящих моющие средства и миксеры, красные плиты с закругленными краями и синтетические меха, полироли и краски для волос, выкройки для шитья и домашних работ по дереву, кремы для рук, предохраняющие их при работе с моющими средствами, и отбеливатели, которые делают полотенца действительно белыми, никогда не садились за стол красного дерева для переговоров в конференц-зале где-нибудь на Мэдисон-авеню или Уолл-стрит и не голосовали за такое предложение: «Господа, я предлагаю в наших общих интересах провести согласованную кампанию за предотвращение одного опасного явления — отхода американских женщин от домашнего хозяйства — и выделить на эти цели пятьдесят миллиардов долларов. Мы должны заставить их остаться домохозяйками, не будем забывать об этом».

Некий вице-президент, человек думающий, мог бы сказать: «Слишком многие женщины получают образование. Не желают сидеть дома. Это нездоровое явление. Если они все станут учеными и тому подобными, у них не будет времени ходить в магазины. Но как мы можем заставить их сидеть дома? Они теперь хотят работать по специальности».

«Мы освободим их, чтобы они могли иметь работу по специальности дома, — мог тогда предложить новый сотрудник в роговых очках и со степенью доктора психологии. — Мы сделаем ведение домашнего хозяйства делом творческим».

Конечно, все происходило не так. Это не было экономическим заговором против женщин. Это явилось побочным продуктом нашей всеобщей недавней путаницы: мы перепутали средства с целями; это нечто, произошедшее в отношении женщин, когда мы перепутали осуществление предпринимательства путем производства и продажи и дальнейшего инвестирования для получения прибыли — которое является лишь способом организации нашей экономики, обеспечивающим эффективное удовлетворение потребностей человека, — с целью нашей нации, со смыслом самой жизни. И тогда уже не кажется удивительным подчинение жизней американских женщин потребностям бизнеса, а затем подчинение наук о человеческом поведении делу обмана женщин относительно их истинных нужд. Потребовался бы экономист недюжего ума, чтобы найти новый стимул развития процветающей экономики, если бы рынок домохозяек начал сужаться, так же как экономистам пришлось бы подумать

над перспективами развития, если бы исчезла угроза войны.

Нетрудно понять, почему это произошло. Как это произошло, я узнала после визита к человеку, которому платят около миллиона долларов в год за его профессиональные услуги по управлению чувствами американских женщин в интересах бизнеса. Конкретно этот человек сделал первые шаги в бизнесе скрытого убеждения в 1945 году и с тех пор продолжает работать. Штаб его института управления мотивационной сферой представляет собой роскошный особняк в верхнем Уэст-Честере. Стены танцевального зала с потолками высотой в два этажа заняты металлическими полками, на которых собрано более двух тысяч исследований, проведенных по заказам фирм и компаний, триста тысяч интервью, в основном с американскими домохозяйками.

Он позволил мне посмотреть то, что я хотела, сказал, что я могу использовать все, что не является конфиденциальной информацией, касающейся определенной компании. Там не было ничего, что кто-то хотел бы скрыть, ничего, что вызывало бы угрызения совести, — просто страница за страницей эти глубинные интервью проницательно и с удовлетворением свидетельствовали о жизни, которую вели большинство американских домохозяек, жизни пустой, бесцельной, лишенной творческого начала, безрадостной даже в сексуальном отношении. Этот мастер скрытого убеждения с готовностью раскрыл передо мною без всякого смущения смысл удержания американских женщин в лоне семейной жизни: отсутствие индивидуальности, цели создает тот потенциал, который путем манипуляции можно превращать в доллары в момент приобретения товара.

Посредством соответствующей манипуляции («если вы не боитесь этого слова», — сказал он) у американских домохозяек можно создать чувство собственной индивидуальности, дать им какую-то цель, внести в их жизнь творческое начало, предоставить возможность для самовыражения и даже вернуть им утраченную радость сексуальной жизни, и все это путем приобретения вещей. Я вдруг поняла смысл утверждения, что 75 процентов покупательной способности населения Америки приходится на женщин. Я вдруг увидела американок жертвами этого страшного дара, этой силы в момент приобретения товара. Те всесторонние наблюдения, которыми он так щедро поделился со мною, раскрыли мне очень многое…

Дилемма бизнеса была обстоятельно раскрыта в исследовании,

проведенном в 1945 году по заказу издателя ведущего женского журнала, на тему отношения женщин к бытовым электроприборам. Результаты исследования должны были представлять интерес для всех компаний, где в условиях приближения конца войны на смену военным контрактам шла торговля потребительскими товарами. Это было исследование «психологии домоводства», оно предупреждало, что «отношение женщины к бытовым приборам не может быть отделено от ее отношения к ведению домашнего хозяйства в целом».

На основе опроса четырех с половиной тысяч замужних женщин (принадлежащих к среднему классу, закончивших среднюю школу или колледж), которые стали неким образцом нации, американки были поделены на три категории: «истинная домохозяйка», «работающая женщина» и «сбалансированная домохозяйка». Хотя на тот момент 51 процент женщин попадали в группу истинных домохозяек («С психологической точки зрения для этой женщины ведение домашнего хозяйства является ее основным интересом. Она чрезвычайно гордится тем, что обеспечивает комфортный и налаженный быт для своей семьи, и получает от этого большое удовлетворение. Сознательно или подсознательно она ощущает, что она незаменима и что никто другой не может взятъ на себя ее работу. Ее желание заниматься чем-либо за пределами дома невелико, если вообще существует, и, если такое занятие есть, это вызвано обстоятельствами или необходимостью»), не вызывало сомнения то, что эта категория сокращается, и тенденция эта, вероятнее всего, сохранится г. условиях появления новых сфер деятельности для женщин, расширения их интересов, а также доступности образовании.

Тем не менее именно эта группа истинных домохозяек представляла собой наибольший рынок сбыта бытовых приборов- хотя ей было присуще некоторое «нежелание» применять новые приспособления, что необходимо было учитывать и преодолевать. («Она может даже бояться, что с использованием приборов и приспособлений станут ненужными старые-приемы работы, которые всегда ее устраивали».) В конце концов, ведение домашнего хозяйства было оправданием не его ее существования. («Я не думаю, что есть какой-либо способ облегчить мне домашнюю работу, — сказала одна истинная домохозяйка, — потому что я не верю, что техника может взять на себя тяжелый труд».)

Вторая категория — работающая женщина или будущая Работающая женщина — была наиболее малочисленной, но чрезвычайно «нездоровой»,

с точки зрения продавца; рекламные агенты были предупреждены, что в их интересах не допускать рост данной группы. Ибо эти женщины, хотя и не обязательно работающие, «не считают, что место женщины в основном дома». (Значительная часть женщин в этой группе никогда фактически не имела работы, однако придерживается следующего мнения: «Я думаю, что ведение домашнего хозяйства — это ужасная трата времени. Если бы мои дети ныли достаточно большими и я могла бы свободно уходить из дома, я бы использовала мое время с большей пользой. Если бы была решена проблема приготовления еды и стирки белья для семьи, я бы с удовольствием устроилась на работу».) В исследовании указывалось, что в отношении работающих женщин необходимо помнить, что, хотя они и покупают современные бытовые приборы, они не являются идеальными покупателями. Они чересчур критичны.

Третья категория — сбалансированная домохозяйка — представляет собой «идеальный тип с точки зрения рынка». У нее есть интересы за пределами дома, либо она имела работу до того, как полностью отдалась ведению домашнего хозяйства; она «с готовностью принимает помощь», которую могут дать бытовые приборы, однако при этом «не ожидает, что они сделают невозможное», потому что у нее есть потребность использовать свои способности по «ведению отлаженного домашнего хозяйства».

Вывод, вытекавший из исследования, был вполне очевидный: «Поскольку группа сбалансированных домохозяек состоит из потребителей с наибольшим потенциалом, в будущем производителям бытовых приборов следует в своих интересах формировать у все большего и большего количества женщин желание принадлежать к этой группе. Донесите до них посредством рекламы, что женщина может иметь интересы за пределами семейного очага и может подвергаться воздействию интеллектуальной мысли, не становясь работающей женщиной. Искусство ведения домашнего хозяйства на высоком уровне должно стать целью каждой нормальной женщины».

Проблема, осознанная в то время одним «мастером скрытого убеждения», работавшим по заказу производителей бытовых приборов, безусловно, не осталась не замеченной производителями других товаров для дома и состояла в том, что «все новое поколение женщин воспитывалось на той идее, что следует иметь работу за пределами дома. Более того, очевидным было нарастающее желание эмансипации». Очень

простой выход состоял в том, чтобы поощрять их быть «современными» домохозяйками. Работающая или будущая работающая женщина, не скрывающая своего нежелания чистить, убирать, гладить, стирать белье, проявляет меньший интерес к новому securityполиролю или новому порошку. В отличие от истинной домохозяйки и сбалансированной домохозяйки, предпочитающих иметь достаточное количество приборов и приспособлений и выполнять домашнюю работу самостоятельно, работающая женщина «предпочла бы иметь прислугу, так как работа по дому отнимает слишком много времени и сил». Эта категория женщин приобретает, однако, бытовые приборы независимо от того, имеет она прислугу или нет, но при этом «велика вероятность недовольства с ее стороны по поводу возможностей этих приборов», и, скорее всего, ей «труднее продать» их.

Было уже слишком поздно — даже невозможно — вернуть этих современных женщин, которые могли стать или станут работающими, в лоно истинных домохозяек, однако исследование указало еще в 1945 году на потенциальную возможность для группы сбалансированных домохозяек выбрать в качестве работы ведение домашнего хозяйства. Надо дать им возможность совмещать несовместимое — экономить время, делать жизнь более комфортной, покончить с грязью и беспорядком, использовать механических помощников, но при этом не позволять им расставаться с ощущением личного достижения и гордости за четко отлаженное домашнее хозяйство, которое возникает, когда вы «делаете это сами». Как заметила одна молодая домохозяйка: «Быть современной доставляет удовольствие, это похоже на руководство заводом, на котором у вас есть все самое современное оборудование».

Но дело это не было легким ни для производителей, ни для рекламодателей. Новые устройства, способные выполнять практически любую домашнюю работу, наводнили рынок; требовалась все большая изобретательность, чтобы формировать у американок «ощущение достижения» и одновременно сделать так, чтобы ведение домашнего хозяйства оставалось главным смыслом их жизни. Образование, независимость, растущая потребность развития собственной индивидуальности, стремление к осуществлению иных целей — всему этому нужно было постоянно противостоять и постоянно направлять женщин обратно в лоно семейного очага.

Ценность услуг манипуляторов сознания неуклонно возрастала. В

последующих опросах уже отсутствовали женщины, имеющие специальность; их просто не было дома в дневное время. Для исследований намеренно выбирались истинные или сбалансированные домохозяйки, новый тип домохозяйки, живущей в пригороде. В конце концов, товары для дома и потребительские товары в целом ориентированы на женщин; 75 процентов всех бюджетов рекламных агентств, занимающихся рекламой потребительских товаров, тратятся на то, чтобы понравиться женщинам, то есть домохозяйкам, женщинам, которых можно застать днем дома, чтобы взять у них интервью, женщинам, у которых есть время ходить по магазинам. Естественно, интервью «мастера скрытого убеждения», его тесты-прогнозы, «живые лаборатории» имели своей целью произвести определенное впечатление на клиентов, однако гораздо чаще они содержали глубокие наблюдения опытного специалиста в области социальных исследований, наблюдения, которые можно было с выгодой использовать.

Он говорил своим клиентам, что они должны были решить каким-то образом проблему растущей потребности американских женщин в творческой работе — «главной неудовлетворенной потребности современной домохозяйки». Он писал в одном из своих отчетов: «Необходимо приложить все усилия для продажи смеси-полуфабриката «Х» так, чтобы она была воспринята как нечто, что позволит женщине проявить свое творческое начало. Следует выделить тот факт, что смесь «Х» помогает женщине проявить свое творчество, так как исключает нудную работу. Одновременно необходимо особо выделить действия, которые связаны с приготовлением, и показать, что это весело и интересно, что использование смеси «Х» — это и есть настоящая кулинария».

Но вновь возникала дилемма: как заставить женщину потратить деньги на смесь, которая делает приготовление пищи делом не столь тяжелым и нудным, заверив ее, что «она сможет использовать свою энергию на что-то действительно стоящее», и в то же время не допустить того, чтобы женщина была «слишком занята, чтобы заниматься выпечкой»? («Я не пользуюсь смесью, потому что я вообще не пеку. Это слишком хлопотно. Моя квартира в плохом состоянии, и на то, чтобы держать ее в чистоте, а также присматривать за ребенком, уходит много времени, а еще я работаю неполный рабочий день, так что времени на то, чтобы печь, просто нет».) А что делать с их «чувством разочарования», когда они вытаскивают печенья из духовки, а те оказываются просто хлебными изделиями и нет

никакого ощущения творческого успеха? («Зачем мне печь печенье самой, если в продаже есть так много неплохих полуфабрикатов, которые нужно лишь разогреть? Не имеет просто никакого смысла брать на себя все эти хлопоты: замешивать, смазывать форму, выпекать».) Что делать, если сегодняшняя женщина не испытывает те же ощущения, какие испытывала ее мать, когда пирог должен был готовиться от и до? («Стоит вспомнить, как пекла печенье моя мама: нужно было самой просеять муку, вбить яйца, добавить масло, и ты знала, что действительно сделала что-то такое, чем можно гордиться».)

Как убеждал автор отчета, с этой проблемой можно справиться: «Пользуясь смесью «X», женщина может проявить) себя как жена и мать не только потому, что печет, но и потому, что проводит больше времени со своей семьей… Конечно, следует также внушать мысль о том, что домашняя выпечка во всех отношениях лучше готовых кондитерских изделий…»

И кроме всего прочего, нужно придать смеси «X» «терапевтическую ценность», не заостряя внимания на простоте |рецептов, а, наоборот, подчеркивая, что «усилие, которое затрачивается на выпечку кондитерских изделий дома, имеет стимулирующий эффект». С точки зрения рекламы это означает, что нужно сделать акцент на следующем: «Имея смесь «X» дома, вы будете ощущать себя другой… более счастливой женщиной».

Далее заказчику разъяснялось, что фраза из его рекламы: «Вы печете самым простым, не требующим усилий способом, какой только можно придумать» вызывала «отрицательную реакцию» у американских домохозяек, так как она задевала чувство их «главной вины». («Поскольку им все время кажется, что они не прилагают действительно достаточного усилий, было бы глубоко не верно говорить им, что смесь «X» — это смесь для ленивых».) Предположим, говорил автор, что преданная жена и мать, стоящая за плитой и с энтузиазмом пекущая торт или пирог для мужа или детей, «лишь удовлетворяет собственную потребность в сладостях». Осознание того, что приготовление пищи является настоящей работой для домохозяйки, помогает ей развеять сомнения, которые могут одолевать ее по поводу истинных побуждений.

Но существуют также способы манипулировать чувством кипы домохозяек: «Может быть, посредством рекламы следует донести мысль, что не воспользоваться всеми двенадцатью способами применения смеси «X» означает приложить далеко не все усилия, чтобы доставить удовольствие своей семье. Так можно добиться переноса вины. Вместо того

чтобы чувствовать себя виноватой за использование смеси «X» для приготовления десерта, женщину будут заставлять испытывать вину за то, что она не пользуется возможностью побаловать свою семью двенадцатью разными и очень вкусными угощениями. "Не расходуйте понапрасну свои умения; не ограничивайте себя"».

К середине пятидесятых годов исследователи с удовлетворением констатировали, что работающая женщина («женщина, которая настойчиво требовала равноправия, даже почти что равенства во всех сферах жизни, женщина, которая со страстным негодованием реагировала на домашнее рабство») исчезла, уступив место «менее практичной, менее искушенной» женщине, чья деятельность в Ассоциации родителей и учителей предоставляет ей «широкие контакты с миром за пределами дома»; женщине, которая «находит в домашних хлопотах средство выражения своей женственности и индивидуальности». Она не похожа на старомодную домохозяйку, жертвующую собой; она считает себя ровней мужчине. Но она по-прежнему ощущает себя «ленивой, беззаботной, одолеваемой чувством вины» из-за того, что у нее недостаточно работы. Рекламный агент должен использовать ее потребность в «ощущении творчества», чтобы заставить женщину купить его товар. «После некоторого первоначального сопротивления она теперь склонна принимать как часть своей жизни растворимый кофе, замороженные продукты, готовые блюда, бытовую технику и приспособления, освобождающие от тяжелого труда. Но при этом ей нужно оправдание, и она находит его в том, что, пользуясь замороженными продуктами, освобождает себя для выполнения других важных дел, которые имеет современная мать и жена».

«Творчество — таков диалектический ответ современной женщины на проблему ее изменившегося положения дома. Тезис: «Я домохозяйка». Антитезис: «Я ненавижу нудную работу». Синтез: «Я проявляю творческое начало!» По существу, это означает, что, хотя домохозяйка и покупает консервированные продукты и таким образом экономит время, она не успокаивается на этом. Она испытывает большую потребность «фальсифицировать» банку с консервами и таким образом доказать свое личное участие и желание порадовать семью.

Ощущение творчества служит и другой цели: это некий выход для освобожденных талантов, большего вкуса, полета фантазии, возросшей инициативы современной женщины. Он позволяет ей использовать дома все те возможности, кототорые она проявила бы в работе за пределами

дома. Жажда возможностей для творчества и является центральным аспектом монтировки покупки»

.

Единственная проблема заключается в том, предупреждали исследования, что она «пытается рассуждать самостоятельно. Она быстро уходит от суждения в соответствии с общими или преобладающими стандартами. Она формирует свои собственные независимые стандарты». («Что мне соседи. Я не хочу «соответствовать» им или сравнивать себя с ними на каждом шагу».) Теперь на нее не всегда действует призыв «быть не хуже других»; рекламодатель должен взывать, к ее потребности жить собственной жизнью: «Взывайте к этой жажде… Говорите ей, что вы вносите новый интерес и новую радость в ее жизнь, что ей теперь доступны новые впечатления и что она имеет полное право на эти впечатления. И даже более категорично: доведите до ее сознания, что им даете ей уроки жизни».

«Уборка дома не должна быть скучной», — советовали производителю одного устройства для уборки дома. Хотя его изделие было, возможно, менее эффективным, чем пылесос, оно давало домохозяйке возможность вложить больше своей энергии в работу. Более того, оно создавало у домохозяйки иллюзию, что она стала «профессионалом, знатоком того, какое устройство использовать для выполнения определенной работы».

«Эта профессионализация служит психологической защитой домохозяйки от того, чтобы быть просто уборщицей и прислугой для своей семьи в век общей эмансипации в сфере труда. Роль специалиста-профессионала несет двойную эмоциональную нагрузку: 1) она помогает домохозяйке добиться определенного статуса и 2) она выводит женщину в ее поисках новых и более совершенных способов труда за пределы дома, в мир современной науки. В итоге никогда ранее не имелось более благоприятного психологического климата для распространения бытовой техники и товаров. Современная домохозяйка… даже проявляет настойчивость в поисках тех бытовых товаров, которые, на ее взгляд профессионала, действительно отвечают ее потребностям. Именно эта тенденция объясняет популярность различных паст и полиролей для разных материалов, более широкое использование устройств для натирки полов, разнообразие швабр и приспособлений для мытья полов и стен».

Трудность состоит в том, чтобы дать ей «ощущение достижения», «роста своего я», которое ее убеждали искать в «профессии» домохозяйки,

в то время как в действительности ведение хозяйства — занятие, поглощающее огромное количество времени, — не только бесконечно, но это работа, для выполнения которой общество нанимает людей, стоящих на самой нижней ступени социальной лестницы, наименее образованных и наиболее притесняемых… Любой с достаточно сильными мускулами (и достаточно малым умом) способен выполнять черную работу. Но даже эту трудность можно использовать, чтобы продать больше товаров:

«Одним из способов для домохозяйки поднять свой престиж уборщицы в доме является использование специализированных товаров для определенных видов работы… Используя одно средство для стирки белья, второе — для мытья посуды, третье — для мытья стен, четвертое — для мытья полов, пятое — для чистки подъемных жалюзи и т. д., а не универсальное моющее средство, она ощущает себя скорее инженером, специалистом, чем неквалифицированным рабочим. Другой способ поднять свое достоинство — это «делать все по-своему», взять на себя роль эксперта, создавая свои «профессиональные хитрости». Например, она могла бы добавлять при стирке немного отбеливателя в цветное белье, чтобы оно было действительно чистым!» Помогайте ей «оправдывать свою черную работу, сознанием роль защитницы семьи, уничтожающей миллионы миллионов бактерий», советовалось в отчете. «Подчеркивайте ее важную роль в семье… помогайте ей быть специалистом, а не чернорабочим… представляйте домашнюю работу делом, требующим знания и умения, а не сильных мускулов и однообразных, бесконечных усилий». Эффективный способ. добиться этого — предложить новый товар. Ибо похоже, что возрастает число домохозяек, «с нетерпением ожидающих новые товары, которые не только облегчают их ежедневным труд, но на самом деле направляют их эмоциональную и интеллектуальную энергию в мир научных достижений за пределами дома и семьи».

Подобная изобретательность вызывает восхищение, от нее перехватывает дыхание: любая домохозяйка может приобщиться к науке, просто покупая что-нибудь новое или же что-нибудь старое, которому была дана новая жизнь. Помимо того что новое чистящее устройство или средство повышает профессиональный статус женщины, оно укрепляет ее чувство экономической безопасности и достатка точно так же, как новая машина воздействует на мужчину. Об этом сказали 28 процентов опрошенных, согласившись нот с этим мнением: «Мне нравится пробовать новые товары. Я только что начала пользоваться новым жидким моющим средством, и почему-то я ощущаю себя королевой». Однако позиция,

позволяющая женщине так думать и даже приобщаться к науке через домашнюю работу, имеет свои недостатки. Науке не следует слишком освобождать домохозяек от тяжелого нудного труда; вместо этого она должна сосредоточить свои усилия на том, чтобы создать иллюзию ощущения достижения, которого домохозяйкам, похоже, так не хватает».

Для подтверждения этой мысли двумстам пятидесяти домохозяйкам был предложен замысловатый тест: их просили выбрать один из четырех вымышленных способов уборки. Первый представлял собой полностью автоматизированную систему удаления пыли и грязи, действующую непрерывно аналогично системе обогрева. Для применения второй системы домохозяйке нужно было нажать кнопку. Третья система была переносной; домохозяйка должна была носить ее, направляя в то место, которое необходимо было убрать. А четвертая представляла собой совершенно новый современный предмет, при помощи которого женщина могла сметать грязь сама. Домохозяйки высказались за это последнее приспособление. Если оно «кажется новым, современным», она предпочла бы то устройство, которое позволило бы ей работать самой, говорилось в отчете. «Причиной этому служит ее непреодолимое желание принимать участие, а не нажимать кнопку». Как заметила одна домохозяйка: «Что касается какой-то волшебной системы для уборки, приводимой в действие кнопкой, то как же моя зарядка, мое ощущение достижения и что же я буду делать по утрам?»

Это потрясающее исследование случайно выявило, что некое электрическое устройство для уборки — которое, как считалось в течение долгого времени, чуть ли не эффективнее всех других облегчает труд — на самом деле делало «ведение домашнего хозяйства более трудоемким, чем оно могло быть». Ответы 80 процентов домохозяек свидетельствовали о том, что женщина, включив это устройство, «чувствовала, что она вынуждена убирать так, как на самом деле нужно не было». Электрическое устройство фактически диктовало объем и способ уборки.

Следует ли в таком случае поощрять домохозяйку вернуться к простой дешевой швабре, которая позволит ей убрать ровно столько, сколько она сочтет нужным? Нет, говорилось в отчете, конечно же, нет. Просто нужно дать старомодной швабре «статус», аналогичный тому, который имеет электроустройство, — «незаменимой для современной домохозяйки вещи, которая экономит труд», а затем «отметить, что у современной хранительницы очага, естественно, будет и то и другое».

Никто, даже самые дотошные исследователи, не отрицал, что домашняя работа бесконечна и что ее однообразное повторение вовсе не приносит такого уж большого удовлетворения, не требует такого большого количества хваленых знаний. Однако бесконечность всего этого оказывалась преимуществом, с точки зрения продавца. Проблема состояла в том, чтобы не дать выйти на первый план основной мысли, которая опасно маячила в «тысячах глубинных интервью, проведенных нами по поводу десятков разных чистящих средств», мысли, которую сформулировала одна домохозяйка: «Это отвратительно! Я вынуждена делать это, и потому я это делаю. Это неизбежное зло, вот и все». Как же быть? Во-первых, производить все больше и больше товаров, усложнять инструкции к ним, сделать так, чтобы домохозяйке действительно пришлось стать «специалистом». (Стирка белья, советовалось в отчете, должна стать не просто бросанием белья в стиральную машину и насыпанием стирального порошка. Одежда должна тщательно сортироваться, одна загрузка обрабатываться способом А, вторая — способом Б, а что-то должно стираться вручную. Тогда домохозяйка может «гордиться своим знанием того, какие именно средства из всех имеющихся использовать в каждом конкретном случае».)

Сыграйте, говорилось в отчете, на «вине, которую испытывают домохозяйки по поводу скрытой грязи», и она разнесет свой дом на кусочки в ходе «генеральной уборки», которая даст ей на несколько недель «ощущение завершенности». («Периоды тщательной уборки — это время, когда она с готовностью пробует новые товары для дома, а реклама генеральной уборки должна обещать ощущение завершенности».)

Продавцу также следует подчеркивать радость выполнения каждого отдельного дела, помня о том, что «как это ни парадоксально, но практически все домашние хозяйки, даже те, которые просто ненавидят свою работу, находят в ней убежище от своей унылой судьбы, окунаясь в домашнюю работу с головой»: «Вся отдаваясь своей работе, окруженная всякими орудиями труда, пастами, порошками, моющими средствами, она забывает на время, как скоро ей придется делать это вновь. Другими словами, домохозяйка позволяет себе забыть ненадолго, как быстро раковина снова наполнится грязной посудой, как быстро пол снова станет грязным, и она хватается за миг завершения работы, как за мгновение такого полного счастья, как будто она только что закончила шедевр, который будет жить вечно как памятник в ее честь».

Продавец товаров может дать домохозяйке некий опыт творчества. Вот как говорит одна домохозяйка: «Я совсем не люблю домашнюю работу. Я

— плохая хозяйка. Но иногда во мне что-то просыпается, и я еду в город… Когда у меня появляется какое-нибудь новое чистящее средство, как, например, когда впервые появилось средство для стекол или эти полироли для мебели, я была просто в восторге: я ходила по дому, натирая все подряд. Мне нравится, когда все сияет. У меня так радостно на душе, когда ванна просто блестит».

И вот исследователи советуют: «Отождествите ваш товар с материальными и духовными наградами, которые женщина получает от почти фанатического чувства общей безопасности, которое дает ей дом. Говорите о ее «светлых, счастливых, мирных чувствах»; о ее «глубоком ощущении достижения»… Но помните, что она не ждет похвалу ради похвалы… помните также, что у нее не просто «радостное» настроение. Она уставшая и серьезная. Веселенькие прилагательные или цвета не будут отражать ее чувства. Она гораздо более благосклонно отнесется к простым, теплым и искренним словам».

На пятидесятые годы пришлось революционное открытие рынка для подростков. Подростки и молодые супружеские пары стали занимать значительное место в отчетах. Было обнаружено, что молодые жены, учившиеся только в школе и никогда не работавшие, были более «неуверенными», менее независимыми, им было проще продать. Этим молодым людям можно было внушить, что, правильно делая покупки, они смогут добиться статуса среднего класса, не работая и не учась. Продажа, движимая мотивом быть не хуже других, опять заработала; индивидуальность и независимость, которые давали американкам образование и работа за пределами дома, не обременяли юных невест. В действительности, говорилось в отчете, если суметь сформировать у этих женщин представление о «счастье через вещи», пока они еще молоды, им можно будет без опасения посоветовать найти работу на неполный рабочий день, чтобы помогать мужьям оплачивать все их покупки. Основной задачей теперь было убедить молодых, что «счастье через вещи» больше не является прерогативой богатых или талантливых; им могут наслаждаться все, если они научатся «тому, как надо», тому, как это делают другие, если они познают неловкость от того, что они не похожи на других.

В одном из отчетов говорилось: «49 процентов новых невест были в очень юном возрасте; в возрасте восемнадцати лет замуж выходит больше девушек, чем в любом другом возрасте».

Создание семьи в раннем возрасте приводит к тому, что имеется значительное количество молодых людей, стоящих па пороге

самостоятельных покупок, на пороге собственных обязательств и решений в этой связи…

Но важнее всего факт психологического характера: сегодня создание семьи не есть лишь кульминация романтической привязанности; это также решение — более осознанное и более трезвое, чем в прошлом, — объединиться для создания комфортного жилища с большим количеством желаемых вещей.

Общаясь с десятками молодых семейных пар и будущих невест, мы обнаружили, что, как правило, их разговоры и мечты в очень большой степени сосредоточивались на их будущих жилищах и обстановке, на посещении магазинов, чтобы «почерпнуть идеи», на обсуждении преимуществ и недостатков различных товаров…

Сегодняшняя невеста глубоко верит в то, что любовь в замужестве— это единственная ценность, что истинное счастье можно найти в семейной жизни, что в семье и через нее можно реализовать свою собственную судьбу.

Но период помолвки сегодня лишь частично остался временем романтики, мечтаний и безрассудства. Можно, наверное, с уверенностью сказать о том, что период помолвки все больше становится репетицией выполнения супружеских обязанностей. В ожидании бракосочетания будущие супруги упорно работают, откладывают деньги на конкретные покупки или даже начинают покупать в рассрочку.

В чем состоит истинный смысл этого нового единения, с одной стороны, почти что религиозной веры в важность и красоту семейной жизни и, с другой стороны, подхода, ориентированного на вещи?..

Сегодняшняя невеста в качестве осознанной цели воспринимает то, что во многих случаях ее бабушка считала слепой судьбой, а мать — рабством: принадлежать мужчине, иметь свой дом и детей, из всех возможных профессий выбрать профессию жены-матери-домохозяйки.

Как советовали рекламодателям, то, что юная невеста ищет сейчас в замужестве полное «удовлетворение», что она надеется доказать, на что она способна, и найти весь «глубинный смысл» жизни в семье, а также приобщиться через семейную жизнь к «интересным идеям современности и будущего», — все это открывает широчайшие возможности для «практического применения». Поскольку все то, чего она ждет от своей семейной жизни, даже ее страх «отстать», может быть направлено на покупку вещей. Так, например, производитель изделий из серебра, товара, который очень тяжело продать, получил рекомендацию: «Убедите ее, что только изделия из серебра могут придать ей полную уверенность в ее новой

роли… они символизируют ее успех в качестве современной женщины. Кроме того, красочно опишите, сколько удовольствия и удовлетворения можно получить от чистки серебра. Поощряйте ее чувство гордости за сделанное».

Далее в отчете советовалось сосредоточить усилия на совсем юных девушках-подростках. Молодым будет хотеться того, что хотят «другие», даже если их матери не хотят. (Вот слова одной из девушек: «Все в нашей компании начали покупать свои собственные сервизы из серебра. Мы по-настоящему увлеклись этим: сравниваем образцы, вместе изучаем рекламные проспекты. В нашей семье никогда не было серебра, и мои считают, что, тратя на него деньги, я просто хочу выделиться; они думают, что посеребренные изделия ничуть не хуже. Но наши ребята считают, что они совершенно не правы».) Заполучите этих девушек в школах, в церкви, в женских организациях и клубах; заполучите их через учителей, обучающих экономике ведения домашнего хозяйства, групповых лидеров, через телевизионные программы для юношеской аудитории и рекламу, ориентированную на молодежь. «В будущем это большой рынок, и реклама, передаваемая из уст в уста, наряду с групповым влиянием, не только самое мощное средство воздействия, но и в условиях отсутствия традиции чрезвычайно необходимое».

Что же касается более независимой жены старшего возраста с ее крайне неудачным стремлением использовать материалы, не требующие особого ухода (нержавеющую сталь, пластмассовую посуду, бумажные салфетки), то этому можно противостоять, пробуждая в ней чувство вины. (Одна молодая жена жалуется: «Меня весь день нет дома, и я не могу приготовить и подать еду так, как мне бы хотелось. Мне это не нравится — мой муж и дети заслуживают большего. Тогда я думаю, что было бы лучше, если бы мы попытались жить на одну зарплату и иметь настоящую семейную жизнь, но нам все время нужно так много вещей».) Это чувство вины, отмечалось в отчете, можно использовать для того, чтобы и ставить ее взглянуть на товар, например серебро, как на средство, объединяющее семью; оно играет «дополнительную психологическую роль». Более того, эта покупка может также удовлетворить потребность женщины в отождествлении себя и вещи: «Намекните, что вещь становится частичкой вас, и ней отражаетесь вы. Не бойтесь сделать мистическое предположение, что серебро привыкает к любому дому и любому человеку».

Компании, занимающиеся мехами, говорилось в другом отчете, испытывают большие трудности из-за того, что молодые девушки после

школы или колледжа ставят знак равенства между шубами и «бесполезностью», а также «женщиной, находящейся на чьем-то иждивении». И снова советовали, сделать ставку на очень молодых женщин, у которых еще не успели сформироваться такие неподходящие представления. («Ознакомление совсем молодых людей с положительным опытом, связанным с мехами, повысит вероятность того, что они будут более охотно покупать вещи из меха и юношеском возрасте».) Подчеркните, что «меховые изделия на самом деле развивают в девушке женственность и сексуальность». («Это то, к чему девушка стремится. Это что-то значит для нее. Это женственно. Я правильно воспитываю мою дочь. Ей все время хочется надеть «мамину шубку», она хочет иметь меховые вещи. Она настоящая девушка».)

Но имейте в виду, что «норка придала всему рынку мехов отрицательный символ женственности». К сожалению, две женщины из каждых трех считали, что те, кто носит изделия из норки, натуры «хищные… эксплуатирующие других… зависимые… бесполезные в социальном плане…».

Женственность сегодня не может быть откровенно хищнической, эксплуататорской, говорилось в отчете; не может она и характеризоваться, как высокая мода раньше, «броскостью, направленностью на самое себя». И поэтому ориентированность меха на свое «я»» также должна быть затушевана и заменена новой женственностью домохозяйки, для которой ориентированность на свое «я» уступает место духовному единению, направленности на семью: «Начните вырабатывать впечатление, что мех является необходимостью — прекрасной необходимостью… таким образом давая женщине моральное право купить то, что, как ей кажется сегодня, символизирует ориентированность на свое «я»… Представление о женственности меха следует расширить за счет создания следующих символов статуса и престижа… счастливая в эмоциональном отношении женщина… жена и мать, пользующаяся любовью и уважением мужа и детей за то, что она именно такая, какая она есть, за ту роль, которую она играет… Включите мех в семейный интерьер; покажите, какой восторг вызывают изделия из меха у членов семьи, мужа и детей; как гордятся они тем, что их мать прекрасно выглядит в меховой шубке, что она имеет такую одежду. Придайте меховым изделиям статус «семейного» подарка: пусть вся семья радуется этому подарку на Рождество и т. д., снимая таким образом ориентированность меха на его владелицу и вину, которую она испытывает за якобы потакание своим желаниям».

Итак, единственный способ для молодой домохозяйки выразить себя и

не испытывать при этом чувства вины состоял в приобретении товаров для дома и семьи. Все творческие устремления, которые она может иметь, также должны быть ориентированы на дом и семью, как говорилось еще в одном отчете для промышленности, производившей товары для домашнего шитья: «Такие виды деятельности, как шитье, получают новый смысл и новый статус. Шитье уже не ассоциируется с острой необходимостью… Но с ростом морального престижа занятий, имеющих семейную направленность, шитье, вместе с приготовлением пищи, садоводством, и оформлением интерьера, признается средством выражения творческого потенциала и индивидуальности, а также средством достижения того «качества», которого требует более утонченный вкус».

Женщины, которые шьют, как обнаружило данное исследование, представляют собой активных, энергичных, умных современных домохозяек, новых современных американок, чьи интересы направлены в русло семейной жизни, имеющих неудовлетворенную потребность творчества, достижения, проявления своей собственной индивидуальности, потребность, которую должно удовлетворить какое-нибудь домашнее занятие. Основной проблемой для промышленности, производившей изделия для домашнего шитья, было то, что «имидж» шитья был слишком «скучен»; шитье не давало ощущения созидания чего-то значительного. Продавая свои тиары, эти производители должны подчеркивать, что «творчество, связанное с шитьем, продолжительно во времени».

Но даже шитье не может предоставить слишком много возможностей для творчества, для проявления индивидуальности, согласно рекомендациям, предложенным одному изготовителю выкроек. Чтобы шить по его выкройкам, нужны были некоторые умственные усилия, они оставляли простор для выражения своей индивидуальности, и именно по этой причине у изготовителя были проблемы; использование его выкроек предполагало, что женщина «знает, что ей нравится, и у нее, вероятно, есть свои конкретные идеи». Ему было предложено ориентироваться не на эту «личность со слишком своеобразными представлениями о моде», а на такую, которая бы принимала «одинаковость в моде»: взывайте к «женщине, ставящей моду под сомнение», «настроенной ортодоксально в отношении моды», к той, которая полагает, что «одеваться слишком отлично от других немодно». Ведь, конечно же, изготовитель озабочен не тем, чтобы удовлетворить потребность женщины в проявлении своей индивидуальности, творчества, в самовыражении, а тем, чтобы продать больше выкроек, чего легче добиться, ратуя за однообразие.

Еще и еще раз глубинные интервью раскрывали потребности и даже

тайные разочарования американской домохозяйки, и каждый раз, изыскивая возможность соответствующим образом играть на этом, ее вынуждали покупать все больше «вещей». В 1957 году одно исследование указало универмагам, что их роль в этом новом мире состояла не только в том, чтобы «продавать» домохозяйкам, но и в том, чтобы удовлетворить их потребность в «образовании»: удовлетворить страстное желание, которое она испытывает — наедине сама с собой в своем доме, — желание почувствовать себя частью меняющегося мира. Магазин сможет продать ей больше, говорилось в отчете, если его хозяин поймет, что истинная потребность, которую она стремится удовлетворить, покупая товары, далека от всего того, что она может там приобрести.

«Большинство женщин испытывают не только материальную, но и психологическую потребность ходить в универмаги. Они живут в относительном одиночестве. Круг их интересов и впечатлений ограничен. Они знают, что за пределами их горизонта есть более широкое жизненное пространство, они боятся, что жизнь пройдет мимо них. Универмаги дают выход из этой изоляции. Женщина, входящая в универмаг, вдруг ощущает, что она знает, что происходит в мире. Универмаги, в большей степени, чем журналы, телевидение или любое другое средство массовой коммуникации, выступают для большинства женщин основным источником информации…»

Существует много потребностей, которые универмаг может удовлетворить, указывается далее в отчете. Во-первых, «потребность домохозяйки учиться и продвигаться по жизни вперед»: «Мы символически обозначаем наше социальное положение при помощи предметов, которыми мы себя окружаем. Женщина, чей муж получал 6 тысяч долларов несколько лет назад, а теперь зарабатывает 10 тысяч, должна освоить целый набор новых символов. И универмаги ее лучшие учителя по этому предмету».

Во-вторых, существует потребность в достижении, которая для новой современной домохозяйки удовлетворяется в основном за счет «выгодной покупки»: «Мы обнаружили, что в нашей экономике озабоченность ценами — это потребность для большинства женщин скорее психологическая, чем финансовая… Все чаще и чаще «выгодная покупка» означает не то, что «теперь я могу купить то, чего я не могла купить по более высокой цене»; в большинстве случаев это означает, что "я хорошо выполняю обязанности домохозяйки; я вношу вклад в укрепление благосостояния моей семьи точно так же, как мой муж делает это, работая и принося домой зарплату"».

Цена сама по себе особого значения не имеет, говорится в отчете. «Поскольку покупка лишь венчает сложную цепочку зависимостей,

основанную в значительной мере на страстном желании женщины познать, как быть более привлекательной женщиной, лучшей домохозяйкой, идеальной матерью и т. д., используйте эти устремления во всей вашей рекламной деятельности. Не упускайте ни одной возможности разъяснять, как ваш магазин поможет ей играть ее самые заветные роли в жизни…»

В том же 1957 году одно из исследований совершенно справедливо отмечало, что, несмотря на «многие положительные стороны новой эры, ориентированной на семейный очаг», к сожалению, так много потребностей теперь сосредоточено на доме, что он не способен их все удовлетворить. Есть причина для тревоги? На самом деле нет; даже эти потребности служат предметом манипуляции.

«В психологическом отношении семья — это не всегда сундук золота в конце радуги надежды современной жизни, как ее иногда представляли. В действительности сегодня к семье предъявляются такие психологические требования, которые она не может удовлетворить… К счастью для производителей и рекламодателей Америки (а также для семьи и психологического благополучия наших граждан), эта брешь в значительной степени может быть заполнена и фактически заполняется за счет приобретения потребительских товаров. Сотни товаров выполняют целый ряд психологических функций, о которых производители и рекламодатели должны знать и которые они должны использовать, развивая более эффективные подходы к организации торговли. Как раньше производство было выходом из социального напряжения, так теперь потребление служит той же цели».

Приобретение товаров дает выход тем потребностям, которые на самом деле не могут быть удовлетворены домом и семьей: желание домохозяйки найти «нечто вне себя, с чем она могла бы отождествить себя», «ощущение продвижения вместе с другими к целям, придающим смысл и значение жизни», «бесспорная социальная цель, достижению которой каждый человек может посвятить свои усилия»: «В глубине человеческой натуры заложена потребность занимать значимое место в коллективе, который стремится к реализации значимых социальных задач. Когда этого нет, человек не может найти себе покоя. Это объясняет то, почему, разговаривая с людьми в разных концах страны, снова и снова мы слышим такие вопросы: «Зачем все это?», «Куда я иду?», "Почему то, что мы зарабатываем в поте лица, не приносит удовлетворения?"».

Вопрос состоит в следующем: может ли ваш товар заполнить эту брешь? «Неудовлетворенная потребность замкнуться в семейном кругу» в эту эру «духовного единения» оказалась еще одним секретом, который был

раскрыт в результате исследования. Однако эту потребность можно использовать, чтобы продать вторую машину… Помимо машины, которой пользуется вся семья, нужна машина отдельно для мужа и отдельно для жены: «Наедине с собой в машине человек может получить ту передышку, которая ему так нужна, и прийти к осознанию того, что машина — его крепость, где он может побыть один». Это же касается «индивидуальной», «персональной» зубной пасты, мыла, шампуня.

Как отмечалось в другом исследовании, наблюдается загадочная «десексуализация семейной жизни», несмотря на то что супружество и секс — неотъемлемые части семейной жизни. Проблема: чем можно компенсировать то, что называлось в отчете «утраченная сексуальная искорка»? Решение: отчет рекомендовал продавцам «вернуть либидо в рекламу». Несмотря на представление о том, что наши производители пытаются продать все, используя секс, секс в том виде, в каком он присутствует в телевизионных рекламных роликах и в рекламных объявлениях журналов, слишком пресен, отмечалось в отчете, слишком ограничен. «Потребительство» разрушает сексуальные потребности американца, так как «не отражает важные жизненные силы в каждом индивиде, распространяющиеся далеко за пределы отношений между полами». Казалось, что продавцы освободили секс от секса. «Большая часть современной рекламы отражает и сильно преувеличивает нашу общую тенденцию принижать, упрощать и ослаблять страстные, бурные и возбуждающие жизненные потребности человечества… Никто не считает, что реклама может или должна быть неприличной или непристойной. Проблема заключается в том, что из-за своей робости и отсутствия воображения она рискует лишиться либидо и, следовательно, лишиться реальности, человечности, стать просто скучной».

Как вернуть либидо, восстановить потерянную непосредственность, энергию, любовь к жизни, индивидуальность, которых, похоже, не хватает сексу в Америке? В какую-то минуту растерянности отчет заключает, что «любовь к жизни так же, как любовь к противоположному полу, должна остаться не запачканной сторонними мотивами и дать возможность жене быть больше чем домохозяйкой — женщиной».

Однажды, уже после того, как я погрузилась в глубины откровений, которые эти исследования предлагали американским рекламодателям за последние пятнадцать лет, меня пригласили пообедать с человеком, который возглавляет изыскания в сфере мотиваций. Он так помог мне, раскрывая передо мной коммерческие рычаги, лежащие в основе загадки женственности, что, может быть, я тоже могла помочь ему. Я наивно

поинтересовалась следующим: если возможность дать женщинам истинное ощущение творчества и достижения в домашней работе представлялась ему таким непростым делом и он старался смягчить их чувство вины, разочарования и разбитых надежд, поощряя их покупать пещи», то почему он не посоветовал им сразу же накупить как можно больше вещей, с тем чтобы у них было время выйти за пределы семейного очага и заняться действительно творческим делом во внешнем мире?

«Но мы помогаем женщине вновь открыть для себя семейную жизнь как выражение ее творческого начала, — ответил он. — Мы помогаем ей воспринимать современный дом как мастерскую художника или лабораторию ученого. Кроме того, — он пожал плечами, — большинство производителей, с которыми мы имеем дело, поставляют на рынок товары для дома и семьи. В условиях экономики свободного предпринимательства, — продолжал он, — мы должны формировать потребность в новых товарах. А для этого нам необходимо освободить женщин, чтобы они хотели иметь эти новые товары. Мы помогаем им открыть для себя, что ведение домашнего хозяйства — дело более творческое, чем соревнование с мужчинами. На этом можно играть. Мы продаем им то, что они должны хотеть, подстегиваем бессознательное, двигаем его вперед. Серьезная проблема состоит в том, чтобы освободить женщину от страха за то, что с ней дальше произойдет, если ей не придется так много времени тратить на приготовление пищи, на уборку».

«Вот именно это я и имею в виду, — сказала я. — Почему реклама полуфабриката торта не говорит женщине, что она могла бы использовать сэкономленное время для того, чтобы работать астрономом?»

«Это было бы не так трудно, — ответил он. — Всего несколько символичных примеров (женщина-астроном находит своего мужчину, астроном в качестве главного действующего лица) сделают профессию астронома очень привлекательной для женщины… но нет. — Он снова пожал плечами. — Клиент будет очень напуган. Он хочет продать полуфабрикат торта. Для этого женщина должна оставаться на кухне. Производитель желает, чтобы женщина вернулась на кухню заинтригованная, а мы показываем ему верный способ добиться этого. Если он скажет ей, что единственное, кем она может быть, — это женой и матерью, она плюнет ему в лицо. Мы же объясняем ему, как сказать женщине, что находиться на кухне означает проявлять свое творческое начало. Если мы предложим ей стать астрономом, она может уйти от кухни слишком далеко. Кроме того, — добавил он, — если вы хотите организовать кампанию за освобождение женщин для занятий

астрономией, вам придется поискать что-то вроде национальной ассоциации образования, которая бы финансировала ее».

Следует отдать должное исследователям мотивационной сферы за их глубокое проникновение в реальность жизни домохозяйки и в ее потребности, в реальность, которая часто ускользала от их коллег, работающих в областях академической социологии и терапевтической психологии, которые видели женщин сквозь фрейдистско-функциональную пелену. К твоей собственной выгоде, а также выгоде своих заказчиков исследователи обнаружили, что у миллионов якобы счастливых американских домохозяек сложные потребности, которые не могут удовлетворить дом, семья, любовь и дети. Но если руководствоваться моралью, выходящей за пределы доллара, эти исследователи виновны в том, что они использовали свои изыскания только для того, чтобы продавать женщинам вещи, которые, с какой бы изобретательностью они ни были сделаны, никогда не удовлетворят эти с острейшие потребности. Они виновны в том, что, уговаривая домохозяек оставаться дома загипнотизированно сидящими у своих телевизоров, оставляли безымянными их общечеловеческие потребности; оставляли домохозяек неудовлетворенными, опустошенными сексуальным обманом и вынужденными лишь покупать вещи.

Манипуляторов сознания и их клиентов в американском бизнесе вряд ли можно обвинить в создании загадки жен-ii ценности. Но они одни из самых влиятельных людей, которые увековечивают ее; это их миллионы покрывают все вокруг убедительными картинками, которые льстят американской домохозяйке, направляя ее чувство вины в другое русло и скрывая растущее ощущение пустоты. Они делают это настолько успешно, используя методы и идеи современной социальной науки и переводя их в обманчиво простенькие, хитрые, бесчеловечные рекламные объявления и ролики, что любой наблюдающий американскую жизнь сегодня принимает как должное тот факт, что у подавляющего большинства американок нет другой цели, кроме как стать домохозяйками. Если не они одни ответственны за то, что женщина оказалась дома, без сомнения, именно они несут ответственность за то, что она там остается. От их беспрестанных разглагольствований трудно укрыться в наш век массовой коммуникации; они глубоко внедрили представление о загадке женственности в умы самих женщин, их мужей, их детей и соседей. Они сделали эту загадку частью ее жизни, постоянно упрекая ее в том, что она не идеальная домохозяйка, что она недостаточно сильно любит свое семейство, что она стареет.

«Разве может себя нормально чувствовать женщина, готовящая на грязной плите? До сегодняшнего дня не было такой плиты, которую можно было бы содержать действительно чистой. А теперь в новых кухонных плитах «Верлпул» фирмы Ар-си-эй есть съемные дверцы духовки, выдвижные ящики для приготовления пищи на открытом огне, которые можно вычистить в раковине, легко выдвигающиеся противни… Первая плита, которую любая женщина может легко держать в абсолютно чистом состоянии… и тем самым улучшить вкусовые качества всего, что она готовит».

«Любовь можно выразить множеством способов. Это давать и принимать. Это защищать и выбирать… зная, что наиболее приемлемо для тех, кого вы любите. Ваши салфетки для ванной — это всегда салфетки «Скотт»… Сейчас выпускаются белые и еще четырех цветов».

Как умело они переводят ее потребность чего-то добиваться в сексуально окрашенные фантазии, обещающие ей вечную молодость, притупляя чувство проходящего времени. Они даже уверяют ее, что она может остановить время: «Она так же полна жизненных сил, как и ее дети, и выглядит такой же свежей! Та естественность, с какой блестят ее волосы и отражают свет, как будто свидетельствует, что она нашла секрет и остановила время. И в некотором смысле это так…»

С возрастающим мастерством и умением рекламные объявления превозносят ее «роль» американской домохозяйки, зная, что именно отсутствие личностного начала в этой роли заставит ее польститься на все, что они продают:

«Кто она? Ее так же волнует начало учебного года, как и ее шестилетнего ребенка. Она считает свои дни по числу собранных и упакованных завтраков, перевязанных пальцев и еще по тысяче и одной детали. Она вполне может быть вами, и вам нужна особая одежда для вашей насыщенной, приносящей удовлетворение жизни.

Вы как раз такая женщина? Вы делаете все, чтобы детям (мило весело и они имели все те преимущества, которые вы хотите для них? Вы повсюду возите их и помогаете им во всем? Принимаете то участие в жизни церкви и пригорода, которого от вас ожидают… развиваете свои таланты с тем, чтобы быть более интересным человеком? Вы можете стать такой женщиной, которой вы жаждете быть, если у вас будет свой собственный «плимут»… Поезжайте куда хотите и когда хотите на прекрасном «плимуте», который принадлежит вам, и только вам…»

Однако новая плита или более мягкая туалетная бумага не делают женщину лучше в качестве жены или матери, даже если она полагает, что

ей нужно быть таковой. Окраска полос не может остановить время; покупка «плимута» не сформирует в ней новую личность; если она курит сигареты «Мальборо», это не означает, что ее позовут в постель, даже если она думает, что ей хочется именно этого. Но эти невыполненные обещания поддерживают ее бесконечную жажду пещей, навсегда скрывают от нее то, что ей действительно нужно или чего хочется.

10 июня 1962 года газета «Нью-Йорк тайме» поместила рекламное объявление на всю страницу: «Посвящается женщине, которая всю жизнь соответствует своим возможностям!» Под фотографией красивой женщины, в шикарном нечерном туалете с драгоценными украшениями и двумя симпатичными детьми, была подпись: «Единственная комплексная программа питательного макияжа и ухода за кожей: доводит красоту женщины до абсолютного максимума. Женщина, которая пользуется коллекцией «Алтима», испытывает глубокое чувство удовлетворения. Новое ощущение гордости. Ибо эта роскошная коллекция косметики является окончательной… дальше нет ничего».

Становится просто смешно, как только понимаешь, чего именно они хотят. Возможно, домохозяйка должна винить только себя в том, что она позволяет манипуляторам льстить или угрожать ей, тем самым вынуждая ее приобретать вещи, которые не соответствуют ни семейным, ни ее собственным потребностям. Но если рекламные объявления и телевизионные ролики представляют собой явную ситуацию, в которой все рассчитано на покупателя, то тот же самый сексуальный обман, завуалированный в содержании журналов или телевизионных программ, уже не так смешон и значительно более коварен. Здесь домохозяйка часто становится ничего не подозревающей жертвой. Я писала для нескольких журналов, в которых сексуальный обман очень сложным образом был связан с содержанием материалов, предлагаемых редколлегией. Сознательно или подсознательно редакторы знают, чего хочет рекламодатель: «Основным назначением журнала является обслуживание — комплексное обслуживание целой категории женщин-домохозяек Америки; обслуживание во всех сферах, представляющих интерес для рекламодателей, которые выступают также и в роли бизнесменов. Журнал формирует для рекламодателя круг серьезных, сознательных, преданных домохозяек. Женщин, которые заинтересованы в доме и товарах для дома. Женщин, которые способны платить и делают это с большой готовностью…»

Такую записку не стоило писать, и не стоило об этом говорить на

конференции редакторов; мужчины и женщины, принимающие решения по поводу содержания, часто поступаются своими собственными высокими стандартами в интересах рекламного доллара. Нередко, по свидетельству бывшего редактора журнала «Макколз», влияние рекламодателя весьма заметно. То представление о доме, которое предлагается на страницах «обслуживания», вполне откровенно продиктовано ребятами из рекламы.

И в то же время компания должна получать прибыль от реализации своих товаров; журнал или телесеть испытывает потребность в рекламе, чтобы выжить. Но даже если прибыль является основным мотивом и единственным мерилом успеха, я не уверена, что средства массовой информации не делают ошибку, предлагая клиенту то, что, в их представлении, он хочет. Не исключено, что стимул развития и возможности для развития американской экономики и самого бизнеса связаны в конечном итоге с поощрением всестороннего развития женщин вместо укутывания их юношеским туманом, который не дает им мыслить, а лишь поддерживает в них жажду приобретения.

Подлинное преступление, несмотря на всю его выгодность для американской экономики, состоит в том, что все широко используется бессердечный совет «манипуляторов сознания» «заполучить их молодыми»: телевизионная реклама, которую дети распевают или декламируют еще до того, как они начинают читать; большие красивые рекламные объявления, почти такие же простые, как первые фразы, на которых дети учатся чтению; журналы, намерении рассчитанные на то, чтобы превращать молоденьких девушек в покупательниц-домохозяек прежде, чем они формируются.

«Она читает журнал «X» от корки до корки… Она решает, как покупать, готовить, шить, учится всему тому, что должна знать молодая женщина. Она составляет свой гардероб на основе одежды, предлагаемой журналом «X», она следует советам журнала «X» о том, как быть красивой и выпирать поклонников… сверяется по журналу «X» о последних молодежных веяниях… А как она покупает по рекламным объявлениям журнала «X»! При помощи журнала «X» начинают вырабатываться привычки, связанные с покупками. Проще сформировать привычку, чем отучиться от привычки! (Поинтересуйтесь, как уникальное издание журнала «X», журнал «X» в школе, несет вашу рекламу на занятия по экономике ведения домашнего хозяйства.)

Подобно примитивным культурам, приносившим маленьких девочек в жертву своим богам, мы приносим наших девочек в жертву загадке женственности, все более эффективно подготавливая их через сексуальный

обман к роли потребителей вещей, выгодной продаже которых посвящена вся жизнь нашего общества. Недавно в одном из национальных информационных журналов появилось два объявления, рассчитанных не на молоденьких девушек, а на бизнесменов, производящих и продающих товары. На одном из них пыла фотография мальчика. «Я так хочу слетать на Луну… ты не можешь полететь, потому что ты девочка! Сегодня дети растут быстрее, их интересы могут быть чрезвычайно широкими — от роликовых коньков до ракет. Компания «X» тоже выросла и сегодня предлагает широкий круг электронных устройств для применения в сфере государственного управления, промышленности и космоса во всем мире». На другом объявлении было лицо девочки: «Должны ли одаренные дети становиться домохозяйками? Специалисты в области образования полагают, что высокими интеллектуальными способностями наделен один ребенок из пятидесяти в нашей стране. Когда одаренным ребенком оказывается девочка, неизбежен вопрос: «Будет ли этот редкий дар потрачен впустую, если она станет домохозяйкой?» Пусть эти одаренные девочки сами ответят на этот вопрос. Более 90 процентов из них выходят замуж, и большинство считает, что работа домохозяйки достаточно трудна и приносит достаточно удовлетворения, чтобы полностью использовать весь их интеллектуальный потенциал, время и энергию… Ежедневно выполняя функции медсестры, воспитателя, экономиста и просто домохозяйки, она постоянно ищет способы совершенствования своей семейной жизни… Миллионы женщин, делая покупки для своих семей, делают это, используя купоны «У»». Если эта одаренная девочка вырастает и превращается в домохозяйку, сможет ли даже самый искусный «манипулятор сознания» сделать так, чтобы купоны универсама поглотили весь ее интеллект, всю ее энергию в век, когда тот мальчик летает на Луну?

Никогда не следует недооценивать возможности женщины. Но эти возможности и раньше, и сейчас недооцениваются в Америке. Или, точнее, они оцениваются только в плане того, как можно играть на них в момент покупки. Человеческий интеллект и энергия женщины не учитываются. Но они существуют и предназначены для того, чтобы быть использованными для более высокой цели, чем домашняя работа и приобретение вещей. Возможно, только больное общество, не желающее решать свои проблемы и не способное выдвигать цели и задачи, соответствующие возможностям и знаниям его членов, предпочитает игнорировать силу женщин. Возможно, только больное или незрелое общество предпочитает делать из женщин «домохозяек», а не людей. Возможно, только больные или незрелые мужчины и женщины, не желающие браться за разрешение сложнейших

проблем общества, могут удалиться надолго, не испытывая невыносимых страданий, в свой заполоненный вещами дом и поставить крест на самой жизни.

10. Работа по дому как способ себя занять

Перевод О. Вдовиной

Вдохновившись образом счастливой современной домохозяйки, созданным современными журналами и телевидением, социологами и специалистами по сексуальным вопросам, я отправилась на поиски этих мистических созданий. Поодобно Диогену с его лампой, я переезжала из одного пригорода в другой в качестве репортера, искала образованную женщину, наделенную способностями и при этом представляющую собой «стопроцентную домохозяйку». Сначала мне пришлось посетить пригородные центры психиатрической помощи и клиники, местных авторитетных аналитиков и экспертов. Твердо следуя поставленной перед собой цели, я попросила их подсказать мне, как можно найти не нервных и опустошенных домохозяек, а способных, интеллектуальных и образованных женщин, которые целиком и полностью посвятили себя заботам о доме и детях.

«Я знаю многих домохозяек, которые нашли свое призвание в этом», — сказал мне один психоаналитик. Я попросила назвать мне четырех женщин и пошла навестить их.

Одна из них после пятилетнего лечения более не являлась его пациенткой. Однако она не осталась только домашней хозяйкой, получив специальность программиста. Вторая оказалась здоровой, цветущей женщиной, имеющей преуспевающего мужа и трех способных и здоровых детей. На протяжении всего замужества она работала профессиональным психоаналитиком. Третья женщина в перерывах между беременностями серьезным образом продолжала карьеру танцовщицы. Четвертая, пройдя курс психотерапии, посвятила себя политической деятельности.

Я снова обратилась к своему гиду, объяснив ему, что хотя обо всех четырех можно сказать как о «стопроцентных женщинах», однако ни одну из них нельзя назвать только домохозяйкой, к тому же среди них есть представительница его собственной профессии. «С этими четырьмя — простая случайность», — ответил доктор. Мне захотелось узнать, было ли это случайностью.

В одном пригороде меня направили к женщине, которая, по моим

сведениям, действительно была только домохозяйкой («она даже хлеб печет сама»). Я узнала, что, когда старший из ее четырех детей еще не достиг шестилетнего возраста, а на официальных бланках в графе «род занятий» она писала «домохозяйка», она изучила новый язык (получив удостоверение на право преподавания), а также использовала свое предыдущее музыкальное образование сначала на общественных началах в качестве органиста в церкви, а затем как оплачиваемый профессионал. Недолго побеседовав с ней, я убедилась в том, что у нее есть свой взгляд на преподавание.

Однако во многих случаях женщины, у которых я брала интервью, действительно соответствовали новому образу «стопроцентной женщины» — у них четыре, пять или шесть детей, они выпекают свой хлеб, помогают строить дом собственными руками, шьют всю детскую одежду. У таких женщин, как правило, отсутствуют какие-либо мечты о карьере, они не имеют представления о мире дальше стен их собственного дома, вся их жизненная энергия сконцентрирована на выполнении обязанностей домохозяйки и матери; их собственные амбиции, их собственные мечты уже воплощены в жизнь. Но являются ли они «стопроцентными женщинами»?

В одном престижном районе моими собеседницами были двадцать восемь жен. Из них выпускницами колледжей были женщины тридцати и сорока с небольшим лет; молодые жены, как правило, оставляли колледж, чтобы выйти замуж. Их мужья, в большинстве своем, целиком поглощены своей профессией. Только одна из этих жен работала по специальности; большинство же сделали карьеру как матери, ограничившись несущественной общественной активностью. Девятнадцать из двадцати восьми рожали детей естественным путем (по вечерам их мужья вместе с женами проделывали специальные гимнастические упражнения). Двадцать женщин из двадцати восьми кормили своих детей грудью. Многие из них были беременны в возрасте сорока лет или около того. Загадке женственности в этом обществе следовали до такой степени, что если маленькая девочка говорила: «Когда я выращу большой, я собираюсь стать врачом», то мама обязательно поправляла ее: «Нет, дорогая, ты — девочка и станешь женой и матерью, как твоя мама».

Но что действительно нравилось ее маме? Шестнадцать из двадцати восьми консультировались у психоаналитика пли проходили курс

психотерапии. Восемнадцать принимали успокаивающие средства; кое-кто пытался покончить жизнь самоубийством, а некоторые были госпитализированы на различные сроки по поводу депрессии или слабо выраженных психических расстройств. («Вы удивились бы, услышав, что некоторые из этих счастливых жен, живущих в пригородах, однажды ночью попросту выбегали из дому и в неистовстве бегали, пронзительно крича, по улицам без одежды», — сказал местный врач, не психиатр по профессии, которого вызывали помочь в таких экстренных случаях.) Одна из женщин, кормившая ребенка грудью, безрассудно продолжала это делать до тех пор, пока ребенок не стал настолько истощенным, что ее врачу пришлось прервать подобное вскармливание насильственно. Двенадцать имели внебрачные связи в реальной жизни или же в своих фантазиях.

То были прекрасные умные американские женщины, ненавидящие свои дома, своих мужей, детей, свою собственную одаренность и те душевные качества, которыми их наделила природа. Почему многие из них оказались в таком жалком состоянии? Позже, когда я наблюдала подобные случаи в других таких же пригородах, я поняла, что это вряд ли было простым совпадением. Эти женщины были схожи главным образом в одном: они обладали неординарным умом и способностями, которые получали пищу хотя бы на начальном этапе обучения в высших учебных заведениях, л образ жизни домохозяйки пригородов не давал им возможности полностью использовать свои таланты.

Первое, что в этих женщинах бросается в глаза, — это манера обсуждать какую-либо проблему в привычной форме сплетен, манера, которая не имеет названия; их голоса — скучные и вялые или нервные и раздражительные; они невнимательны к собеседнику, всегда уставшие или откровенно «занятые» работой по дому или в своей общине. Они обсуждают «воплощение» загадки женственности с точки зрения жены и матери, но им ужасно хочется поговорить о той, другой «проблеме», которая кажется им более знакомой. Одна из женщин первой начала поиск хороших преподавателей для системы школьного образования их общины; она отработала определенный срок в правлении школы. Когда все ее дети начали посещать школу, в свои тридцать девять лет она всерьез задумалась о собственном будущем: а не вернуться ли ей обратно в колледж, чтобы получить диплом магистра искусств и самой стать профессиональным учителем? Но затем, неожиданно, решила не продолжать образование — вместо этого родила позднего ребенка, пятого по счету. Я заметила

грустный тон в ее голосе, когда она говорила мне, что поменяла лидерство в общине на «лидерство в своем собственном доме».

Я слышала те же печальные нотки в голосе другой женщины, более старшего возраста, которая говорила мне: «Я ищу что-нибудь, что могло бы приносить мне удовлетворение. Я считаю, что нет ничего лучше работы, которая приносит пользу. Но я ничего не умею делать. Мой муж не доверяет работающим женщинам. Я бы многое отдала за то, чтобы мои дети снова стали маленькими и снова были бы дома. Мой муж советует мне найти занятие, которое доставляло бы удовольствие, но не было бы связано с работой. Поэтому сейчас я почти каждый день играю в гольф сама с собой. Когда ходишь пешком три, четыре часа в день, по крайней мере хорошо спишь ночью».

Я брала интервью у другой женщины, когда та находилась в большой кухне своего дома, который она сама помогала строить своими собственными руками. Она замешивала тесто для своего знаменитого домашнего хлеба: платье, которое она шила для дочери, было наполовину закончено и лежало на швейной машине; в углу стоял ручной ткацкий станок. Детские предметы ручного труда и их игрушки были разбросаны по всему дому, от входной двери до камина: в этих дорогих современных домах открытой планировки совсем не было дверей между кухней и жилой комнатой. Не было и у матери ни мечты, ни мысли, ни желания отгородиться от своих детей. Она была беременна седьмым ребенком; ее счастье было полным, говорила она, проводя все дни с детьми. Возможно, это была счастливая домохозяйка.

Но незадолго до того, как мне уйти, я сказала, как бы продолжение своим мыслям, что догадалась, что она шутила, когда говорила о ненависти к своей соседке профессиональном дизайнере и вместе с тем матери троих детей. «Нет, я не шутила», — ответила она; и эта безмятежная домашняя хозяйка, готовившая тесто для хлеба, который всегда пекла сама, расплакалась. И добавила: «Я ужасно ее ненавижу. Она знает, чего хочет. Я не знаю. И никогда не знала. Когда я беременна и дети маленькие, я — кто-то, в конце концов, мать. Но они растут. А я не могу все время рожать детей».

Хотя мне так и не удалось найти женщину, которая действительно соответствовала бы образу «счастливой домохозяйки», я все же обнаружила

кое-что еще в этих незаурядных женщинах, живущих под спасительным покровом загадки женственности. Они все были очень заняты — заняты хождением по магазинам, поездками на машине, заняты своими посудомоечными машинами, сушками и электрическими миксерами, работой по саду, натиркой полов и полировкой мебели, помощью, детям в выполнении школьных домашних заданий, сохранением их психического здоровья и выполнением бесконечной мелкой домашней работы. Беседуя с этими женщинами, я увидела, что есть что-то особенное во времени, которое отнимает ведение домашнего хозяйства сегодня.

Вдоль одной из пригородных дорог стояло два дома колониальной архитектуры, каждый имел большую комфортабельную гостиную, небольшую библиотеку, столовую, большую светлую кухню, четыре спальни, сад и лужайку площадью в один акр, и в каждой семье — муж, регулярно выезжающий на работу в город, и трое детей школьного возраста. Оба дома содержались в прекрасном состоянии с помощью приходящей два раза в неделю служанки-уборщицы; однако приготовление пищи и другая домашняя работа выполнялась женами самостоятельно, каждая была в возрасте около сорока лет, умна, здорова, привлекательна и хорошо образованна.

В первом доме домашняя хозяйка миссис В. весь день была занята приготовлением пищи, уборкой, покупками в магазинах, поездками на машине, присмотром за детьми. Ее соседка, миссис Д., микробиолог, выполняла большую часть домашней работы до ухода в лабораторию в девять часов утра или после возвращения домой в пять часов тридцать минут вечера. Ни в одной из этих семей не было пренебрежительного отношения к детям, все же дети миссис Д. были немного более самостоятельными. Обе женщины имели и свои личные развлечения. Миссис В., домохозяйка, выполняла различную общественную работу рутинного характера, но у нее не оставалось времени на участие в серьезной политической работе, которую ей часто поручали как умной и способной женщине. Самое большее, что она могла себе позволить, — это возглавить комитет по подготовке к танцевальному вечеру или принять участие в работе Ассоциации родителей и учителей. Миссис Д., ученая, не выполняла никакой рутинной общественной работы, но помимо своей основной работы и работы по дому она играла в струнном квинтете (музыка— ее главный интерес в жизни после науки) и занимала должность в международной организации, деятельностью которой она

интересовалась, еще будучи в колледже.

Как могло случиться, что одинаковый по размеру дом и одинаковая семья при почти одинаковых доходах, образе жизни, внешней помощи отнимают больше времени у миссис В., чем у миссис Д.? А ведь миссис В. нельзя назвать праздной женщиной. У нее никогда нет времени по вечерам даже «просто почитать», как это часто делает миссис Д.

В большом современном многоквартирном доме огромного города на Востоке есть две шестикомнатные квартиры, обе всегда немного неопрятные, за исключением случаев, когда только что убралась приходящая помощница или же перед приемом гостей. В обеих семьях Г. и Р. по три ребенка до десяти лет и один малыш. Мужьям тридцать с небольшим, у обоих — работа по специальности, требующая от них много внимания. Однако от мистера Г., у которого жена целиком погружена в домашнее хозяйство, ждут помощи по дому, и он выполняет много домашней работы, когда возвращаются вечером домой или по субботам, а от мистера Р., жена которого — свободно работающий иллюстратор и, очевидно, должна проделать тот же объем работы в перерывах между занятиями за чертежным столом, помощи не ждут. Миссис Г. каким-то образом не может справиться с хлопотами по дому до прихода мужа с работы, она бывает такой уставшей вечером, что супругу приходится ей помогать. Как удается миссис Р., которая не считает ведение домашнего хозяйства своей основной работой, проделывать ее в столь короткое время?

Снова и снова мне приходилось сталкиваться с этим явлением при беседе с женщинами, которые считали себя домашними хозяйками, и сравнивать их с тем небольшим количеством женщин, которые продолжали работать по своей специальности неполный или весь рабочий день. То же самое можно было наблюдать, когда и домохозяйка, и профессионально работающая женщина имели помощниц по дому и течение всего дня, хотя чаще всего домохозяйки предпочитали выполнять сами всю работу даже тогда, когда они могли бы нанять двух служанок. Но мне также удалось заметить, что многие безумно занятые неработающие домохозяйки вдруг с удивлением обнаруживали, что они проделывают за час ту же самую работу по дому, которую раньше привыкли выполнять за шесть часов, либо эта работа вообще не делалась, так как они начинали учиться или шли работать или у них появлялись какие-то другие серьезные интересы вне дома.

Прокручивая в голове вопрос, как может работа, выполняемая за один час, вдруг занять полных шесть часов (тот же дом, та же работа, та же жена), я снова вернулась к главному парадоксу загадки женственности: прославление роли женщины как домохозяйки происходит в тот самый момент, когда убраны барьеры для ее участия в общественной жизни, к тот момент, когда наука и образование и собственная женская изобретательность дают возможность быть и матерью, и женой одновременно и в то же самое время принимать активное участие в окружающей жизни за стенами дома. Воспевание «женского предназначения», таким образом, окалывается пропорционально нежеланию общества относиться к женщине как к полноценному человеку: чем меньше реальные функции, которыми наделена эта роль, тем больше ее декорируют бессмысленными деталями, чтобы заполнить пустоту. Данный феномен был описан в общих чертах в научных трудах по социологии и истории — например, рыцарство в средние века, искусственный пьедестал викторианской женщины, — но эмансипированная американская женщина может испытать шок, обнаружив, что все это относится в определенной степени к положению домохозяйки в Америке сегодня.

Появилась ли новая мистификация «равноправной» женственности в связи с тем, что в Америке возросло число женщин, которых нельзя убаюкать старой как мир мистификацией о женском достоинстве? Можно ли помешать женщинам в полной мере осознать свои способности, приравнивая их роль в доме к роли мужчины в обществе? Фразу «место женщины — дом» уже не произнесешь презрительным тоном. Домашнюю работу, мытье посуды, смену пеленок нужно было задрапировать новым мистическим равенством, и значимость работы домохозяйки поставить в один ряд с работой ученых, решающих проблему расщепления атома или выхода в космическое пространство, с работой художника, создающего творения, озаряющие человечество, или с работой общественных деятелей. Но не замечать этой фальши было бы началом конца самой жизни.

Когда вы смотрите на этот факт подобным образом, очевидным становится двойная ложь о женской тайне:

1. Чем меньше функций выполняет женщина в обществе на уровне ее собственных способностей, тем больше времени занимают у нее работа по дому, обязанности матери — и тем больше она будет стремиться сохранить за собой домашнюю работу и обязанности матери, чтобы не остаться

совсем без каких-либо функций. (Очевидно, человеческой натуре свойственно испытывать отвращение к пустоте, даже женщинам.)

2. Время, затрачиваемое каждой отдельной женщиной на домашнюю работу, обратно пропорционально времени, затрачиваемому на другие дела. Не имея каких-либо интересов вне дома, женщина действительно вынуждена отдавать каждую свою минуту всяким мелким домашним делам.

Простой принцип «Работа растягивается так, чтобы заполнить время, отпущенное на нее» был впервые сформулирован англичанином С. Норткотом Паркинсоном на основе его опыта по изучению административной бюрократии во время второй мировой войны. Суть закона Паркинсона может быть легко перефразирована для американской домохозяйки: работа по дому растягивается так, чтобы заполнить время, отпущенное на нее; обязанности матери растягиваются так, чтобы заполнить время, отпущенное на них; или даже секс растягивается так, чтобы заполнить время, отпущенное на него. Без сомнения, этот закон является единственным объяснением того факта, что, даже имея под рукой все новейшие виды бытовой техники, современная американская домохозяйка тратит больше времени на работу по дому, чем гс бабушка. Это также хорошее объяснение нашей национальной озабоченности в вопросах секса и любви, а также продолжающемуся росту рождаемости.

Внимание к сексуальной жизни дает нам возможность рассматривать некоторую динамику самого закона как объяснение распределения энергии современной женщины Америки. Вернемся назад на несколько поколений: я думаю, что реальной причиной как феминизма, так и крушения женских надежд явилась несостоятельность роли женщины как домохозяйки. Основная работа и принятие решений в обществе проходили за пределами дома, и женщины чувствовали потребность принимать участие в этой жизни или даже боролись за право в ней участвовать. Если бы женщины привыкли заканчивать свое образование, право на которое они только что завоевали, и нашли бы себе применение в жизни общества вне их собственного дома, механизация домашнего груда заняла бы в их жизни такое же второстепенное место, как и наличие машины или сада в жизни мужчины. Материнство, роль жены, секс, ответственность перед семьей приобрели бы в жизни женщины новую эмоциональную окраску и такое значение, какое они имеют для мужчин. (Многие подметили, что у американских мужчин появилось новое извлечение, которое они находят в

общении со своими детьми, не проявляя раздражения, свойственного женщинам, поскольку мужчины воспринимают общение с детьми как продолжение их собственной рабочей недели, которая сокращена.)

Но когда загадка женственности заставила женщин снова вернуться в свой дом, ведение домашнего хозяйства превратилось как бы в карьеру, занимающую все время. Секс и материнство становились основой всей жизни, к ним привыкали, они забирали всю энергию женской натуры. Ответственность перед семьей должна была заменить ответственность перед обществом. Как только это произошло, бытовая техника, призванная сокращать работу по дому, потребовала определенного труда для ее внедрения в эксплуатацию. Каждое научное достижение в этой области, призванное освободить женщин от тяжелой и утомительной обязанности приготовления пищи, уборки и стирки и таким образом дать им больше времени для другой деятельности, породило новые утомительные женские обязанности, и работа по дому не просто заполнила имеющееся у них время, а его стало едва хватать, чтобы всю ее выполнить.

Автоматическая сушка для белья не экономит женщине четыре или пять часов в неделю, которые обычно уходят на обработку белья, если, например, она включает стиральную машину и сушку каждый день. В конце концов, ей самой приходится загружать и разгружать машину, сортировать белье и раскладывать его. Одна молодая мать сетует: «Сейчас возможно менять простыни два раза в неделю. На прошлой неделе, когда у меня сломалась сушка, простыни пришлось менять только через восемь дней. Все стали жаловаться, что они грязные, и я чувствовала себя виноватой. Не глупо ли это?»

Современная американская женщина тратит больше времени на стирку, сушку и утюжку белья, чем ее мать. Если у нее есть морозильник или миксер, то она тратит больше времени на приготовление пищи, чем женщина, у которой нет этой бытовой техники, призванной сокращать работу женщины по дому. Домашний морозильник одним своим существованием отбирает время у женщины: фасоль, выращенная в саду, должна быть приготовлена для замораживания. Если у тебя есть миксер, ты должна им пользоваться: эти рецепты пюре из каштанов, кресс-салата и миндаля требуют больше времени на их приготовление, чем баранья отбивная.

Согласно результатам исследования Брин-Мор-колледжа, полученным сразу после войны, в типичной американской семье фермеров домашняя работа занимала 60,55 часа в неделю, в городе с населением менее ста тысяч человек — 78,35 часа и в городе с населением более ста тысяч — 80,57 часа. Со всей их бытовой техникой городские домохозяйки и домохозяйки из пригорода тратили больше времени на домашнюю работу, чем более занятые жены фермеров. Ведь жена фермера имеет много другой работы.

В пятидесятые годы социологи и экономисты опубликовали обескураживающие и озадачивающие результаты, катающиеся временных затрат американских женщин на ведение домашнего хозяйства. Ряд исследований показал, что американские домохозяйки тратят столько или даже больше часов в день на ведение домашнего хозяйства, чем тридцать лет назад, несмотря на тот факт, что у них в семь раз больше бытовой техники. Однако есть и исключения. Женщины, несколько часов в неделю занятые вне дома, либо работая, либо участвуя в общественной деятельности, выполняют работу но дому, затрачивая вполовину меньше времени, чем домохозяйки полного дня, у которых уходит на это 60 часов в неделю. Эти женщины проделывают всю полагающуюся домашнюю работу — приготовление пищи, покупки в магазинах, уборка, присмотр за детьми; но даже если их рабочая неделя составляет 35 часов, на ту и другую работу у них уходит лишь на полтора часа больше времени, чем у домохозяйки только на домашнюю. Тот факт, что это странное явление вызвало так мало комментариев, объясняется малочисленностью этих женщин. Но еще более странным кажется то, что, несмотря на рост американского населения и миграцию части населения из сельской местности в крупные города, протекающие параллельно с ростом американской промышленности и увеличением числа профессиональных служащих, и середине двадцатого столетия количество работающих американских женщин увеличилось незначительным образом, а численность женщин, занятых профессиональным трудом, даже снизилась. Если в 1930 году они составляли почти половину этой категории граждан, то в 1960 году женщины составили лишь 35 процентов из их числа, несмотря на тот факт, что количество женщин, закончивших колледжи, утроилось. Феномен заключался в том, что сильно увеличилось число образованных женщин, желающих стать просто домохозяйками.

И еще, у городских и проживающих в пригородах домохозяек теперь

отобрали привычную работу, всегда выполняемую ранее дома: консервирование, выпечка хлеба, ткачество и шитье одежды, образование молодых, уход за больными, присмотр за старыми. Женщине можно снова вернуться в прошлое либо успокоить себя тем, что она сама вернула его, выпекая дома хлеб, однако закон запрещает ей обучать своих детей дома, и лишь немногие женщины, несмотря на приобретенный опыт и навыки общего характера, смогли бы конкурировать с врачом-профессионалом в деле по уходу за ребенком, заболевшим тонзиллитом или пневмонией.

Значит, существует реальная основа для жалоб многих домохозяек, которые утверждают: «Я чувствую себя такой опустошенной, бесполезной, как будто не существую. Временами мне кажется, что жизнь проходит мимо моих дверей, а я просто сижу и наблюдаю». Такое чувство пустоты, такое нелегкое отрицание внешнего мира часто заставляет домохозяйку с еще большим рвением приниматься за работу по дому, чтобы не задумываться о будущем. И она снова попадает в ловушку тривиальных домашних забот, чтобы заполнить эту пустоту, хотя ей кажется, что она делает вполне сознательный выбор.

Например, женщина, имеющая двоих детей, скучающая и мятущаяся в своей городской квартире, движимая чувством пустоты и тщетности своего существования, «ради своих детей» принимает решение переехать в отдельный дом в пригороде. Такой дом требует больше времени для уборки, покупок и ухода за садом, поездок на машине, прочей работы, которую приходится выполнять самой, так что какое-то время женщине кажется, что чувство опустошенности прошло. Но вот дом обставлен, дети в школе, место семьи в общине определилось, и снова «нечего ждать в будущем» — так заключила одна женщина в беседе со мной. Чувство пустоты вновь возвращается, поэтому она должна переделывать гостиную или натирать пол в кухне гораздо чаще, чем нужно, или родить еще одного ребенка. Уход за ребенком наряду с другой домашней работой заставит ее так носиться по дому, что ей и в самом деле потребуется помощь мужа на кухне по вечерам. И все же вызывают сомнение реальная потребность и необходимость многих из этих забот.

Одной из величайших перемен в Америке, произошедшей после второй мировой войны, было массовое перемещение населения в пригороды, в эти неприглядные и бесконечные, повсюду разбросанные местечки, ставшие национальной проблемой. Социологи подметили

характерную черту и их пригородов: женщины, живущие там, лучше образовании, чем городские, при этом большая их часть — только домохозяйки.

На первый взгляд может показаться, что переселение и пригороды вынудило образованных современных американских женщин полностью посвятить себя домашнему хозяйству. Но, может быть, послевоенное устремление в пригороды, хотя бы отчасти, стало результатом сознательного выбора миллионов американских женщин «обрести цель в жизни в создании своего дома»? Среди женщин, с которыми я беседовала, решение о переезде за город «ради детей», как правило, созревало после решения оставить работу или специальность и стать только домохозяйкой, и обычно после рождения первого или второго ребенка, в зависимости от возраста женщины, когда миф о женском предназначении точно попадает в цель. Конечно, молодых женщин загадка женственности настигала гораздо раньше, и у них не возникало проблемы выбора между замужеством и получением образования; переезд в пригород происходил сразу же после замужества или после того, как пропадала необходимость работать, чтобы поддерживать своего мужа во время учебы в колледже или в юридической школе.

Семьи, в которых жена имела определенные профессиональные цели, реже переезжали в пригород. Для образованной женщины в городе, конечно, больше возможностей найти работу; больше университетов, иногда свободных, имеющих вечерние отделения для мужчин, работающих днем, и часто более удобных, чем традиционные, дневные программы для молодых матерей, желающих закончить колледж или получить степень. Хорошим подспорьем являются няни, приглашаемые на полный или неполный день, детские сады и группы продленного дня. Но все эти рассуждения важны лишь для женщины, имеющей какие-то обязанности вне дома.

В городе у женщины существует меньше возможностей заполнить имеющееся свободное время домашней работой. Чувство беспокойного «топтания на месте» рано приходит к образованной и способной городской домохозяйке, когда дети еще совсем маленькие. Их время больше заполнено бездельем: катанием взад-вперед коляски по парку, просиживанием на детских площадках, так как детей нельзя оставить играть одних. В городской квартире нет места для бытового морозильника, нет и сада, где можно выращивать фасоль. Все организации в городе такие

большие; библиотеки уже построены; профессионалы работают в школах медсестер и участвуют в развлекательных программах.

Неудивительно, что многие молодые жены голосуют за переезд в пригород, и как можно скорее. Точно так же, как пустые равнины Канзаса привлекали неутомимых иммигрантов, пригороды своей новизной и отсутствием системы обслуживания по крайней мере на первых порах требовали бесконечного внимания и энергии образованных американских женщин. Достаточно сильные и независимые женщины цеплялись за эту возможность и становились лидерами и новаторами в новых пригородах. Но в большинстве случаев это были женщины, получившие образование до наступления эры загадки женственности. Характерной особенностью жизни в пригороде стала возможность использовать потенциал способной образованной американской женщины в зависимости от ее собственной самостоятельности или самореализации— а именно от ее способности противостоять давлению, не подчиняться, сопротивляться всепоглощающей домашней работе и бесконечной общественной деятельности, от ее умения найти или создать такое же серьезное занятие вне дома, какое она могла бы иметь в городе. Такая загруженность работой в пригородах, по крайней мере сначала, похоже, возникает добровольно, но она там необходима.

Поскольку мистификация удалась, новое поколение женщин устремилось в пригороды. Они искали для себя убежище; у них было искреннее желание принять жизнь в пригороде такой, какая она есть (единственной проблемой было «как к ней приспособиться»); у них было простое намерение, заполнить свои дни обычной работой по дому. Женщины такого плана из числа беседовавших со мной были поколением, закончившим колледж после пятидесятых годов, они отказывались принимать участие в организациях с политической направленностью; они согласны были собирать пожертвования в фонд Красного Креста, участвовать в Марше женщин или скаутов, стать «общественными мамами» для неблагополучных детей, браться за небольшую работу в Ассоциации родителей и учителей. Их стойкость по отношению к серьезной общественной работе обычно объяснялась так: «Я не могу отнимать время у моей семьи». Но большая часть их времени тратится на бессмысленную работу. Они выбирают общественную работу, не требующую умственных затрат или даже просто каких-либо затрат, при этом не получая большого личного удовлетворения от такой работы; но

такая работа заполняет их время. Более того, в новых «спальных» пригородах действительно интересной общественной работой — руководством центрами ухода за детьми, публичными библиотеками, в правлении школы, на выборных должностях, а в некоторых пригородах даже в должности президента Ассоциации родителей и учителей — заняты мужчины. Домохозяйка, у которой «нет времени» заниматься серьезной общественной работой, так же как и женщина, у которой «нет времени» продолжать профессиональную карьеру, избегает ответственной общественной работы, благодаря которой она смогла бы полностью себя реализовать; избегает, продолжая все больше и больше загружать себя рутинными обязанностями по дому до тех пор, пока окончательно не попадается в ловушку.

Размеры ловушки неизменны, так как домашние дела, которые заполняют день домохозяйки, всегда выглядят безусловно необходимыми. Но иллюзия ли эта домашняя ловушка, несмотря на всю ее реальность, или же эта иллюзия мистифицирована женской загадкой? Возьмем, к примеру, современное «ранчо» открытой планировки или другие дома стоимостью от 14 990 до 54 990 долларов, которые в большом количестве были построены от Рослин-Хейтс до скал Тихоокеанского побережья. Они создают иллюзию большей площади за меньшие деньги. Но женщины, которым они продаются, должны жить в согласии с мифом о женском предназначении. В доме нет настоящих дверей или стен; женщина, находясь в великолепной, наполненной электроприборами кухне, никогда не отгорожена от своих детей. У нее нет возможности остаться одной ни на минуту, нет возможности побыть с самой собой. Она может позабыть о своем собственном существовании в этих шумных домах открытой планировки. Такая планировка также помогает погружаться в домашнюю работу, заполняя все имеющееся у женщины время. И что главное, в одной легко перепланируемой комнате вместо многих разделенных стенами и лестницами помещений— нескончаемый беспорядок, который требует бесконечных уборок. Мужчина, конечно, покидает дом почти на целый день. Но загадка женственности запрещает это сделать женщине.

У моей подруги, одаренной писательницы, ставшей домохозяйкой, был загородный дом, о котором она мечтала и который был спланирован по ее собственным требованиям в тот период, когда она решила оставить профессиональную деятельность и стать домашней хозяйкой. Дом стоимостью в 50 000 долларов, выражаясь литературно, представлял собой одну большую кухню. В нем имелась студия для ее мужа-фотографа,

кубические холлы-спальни, но в нем не было ни одного такого места, куда она могла бы пойти после работы на кухне отдохнуть от своих детей в течение дня. Великолепное красное дерево и нержавеющая сталь ее кухни-кабинета и электрическая бытовая техника были просто мечтой, но, увидев этот дом, я подумала, что тут просто некуда поставить пишущую машинку, если ей снова захочется писать.

Странно, как мало места в этих домах и в этих быстро разрастающихся пригородах, где можно побыть одному. Исследования социологов показали, что жены, живущие в респектабельных пригородах, с тех пор как молодыми вышли замуж, и «очнувшиеся» после пятнадцати лет, посвященных детям, ассоциациям родителей и учителей, работе «сделай сам», саду и приготовлению пищи, — эти жены хотели бы выполнять какую-то реальную работу сами, для чего снова переехали бы в город. Но среди тех женщин, с которыми я беседовала, этот момент откровения вылился всего лишь в пристройку еще одной комнаты с дверью или в приделывание двери в одной из имеющихся комнат, «чтобы у меня было какое-то место для меня, хотя бы дверь, которую я могла бы закрыть перед детьми, когда мне хочется подумать», или поработать, поучиться, побыть одной.

Однако большинство американских домохозяек не запирают эту дверь. Возможно, они боятся в конце концов остаться в этой комнате в одиночестве. Как сказал другой социолог, дилемма американской домохозяйки заключается и том, что у нее нет стремления к уединению потому, что нет реальных собственных интересов, но, даже если бы у нее было больше времени и места для себя лично, она не нашла бы, чем ей заняться. Если она посвятила себя семейной жизни и материнству, как подсказала ей загадка женственности, если она стала «управляющим» своего дома и у нее нет достаточно детей, которые ее заняли, если она вкладывает те человеческие силы, которые мистификаторы женственности запрещают ей применять где-либо еще, в заботы по созданию совершенного дома и присмотру за детьми, в карьере собственного мужа в таком всепоглощающем объеме, что у нее остается всего лишь несколько минут для общественной жизни и совсем не остается времени на серьезные большие интересы, — кто может сказать, что это менее важно, чем изучение секретов атомов или звезд, сочинение симфоний, создание новой концепции в управлении или в построении общества?

Для очень одаренной женщины, имеющей способности ширить как духовно, так и биологически, единственный выход убедить самое себя — в чем ее так усердно стараются убедить другие, — что все ежеминутные

мелочи ухода за ребенком действительно созидательны; что ее дети будут чувствовать себя трагически отвергнутыми, если она не находится рядом с ними каждую минуту; что обед, которым она угощает жену начальника своего мужа, также может иметь решающее значение для его карьеры, как дело, которое он защищает в суде, или как проблема, которую он пытается решить в лаборатории. А так как муж и дети отсутствуют почти целый день, она должна снова и снова рожать ребенка и каким-то образом превратить мелочи быта в довольно важную, необходимую, трудную, творческую работу, чтобы оправдать свое существование.

Если все существование женщины должно быть оправдано таким образом, если домашняя работа действительно так важна, так необходима, то почему каждый из нас удивленно поднимает брови, узнав, что последняя жена Эйнштейна ждала, когда муж отложит занятия этой безжизненной теорией относительности и поможет ей выполнить работу, которая должна бы быть смыслом жизни: перепеленать ребенка и не забыть прополоскать испачканную пеленку в ванной прежде, чем положить ее в бак для пеленок, а затем протереть пол на кухне?

Фраза «профессия — домохозяйка» — далеко не адекватная замена действительно профессиональной деятельности. Однако в глазах общества эта профессия выглядит достаточно значимой, за что ему приходится платить свою цену. Эта фраза возникает из комедии под названием «Мы вместе». Женщинам, участвующим в такой маленькой нравоучительной пьесе, внушают, что у них ведущие роли, они «звезды», что их роль в обществе так же важна, а возможно, даже более существенна, чем роль их мужей, участвующих в жизни общества за пределами дома. Тогда напрашивается вопрос: естественно ли то, что, занимаясь такой жизненно важной работой, женщины все же настаивают, чтобы мужья разделяли их заботы по дому? Безусловно, именно молчаливое чувство вины, невысказанное понимание того, что это уловка, направленная против собственных жен, и заставляют многих мужчин с разной степенью деликатности подчиняться их требованиям. Все же женщины чувствуют себя отрезанными от большого мира, даже если их мужья помогают им по дому. Чем больше обязанностей по дому отбирают у женщин, тем сильнее становится испытываемое ими чувство опустошенности. В них растет потребность разделить жизнь своих мужей и детей. Формула «мы вместе» очень слабо заменяет истинное равенство, а воспевание роли женщины не может заменить ее свободного участия в жизни общества как личности.

Многократно описывалась опустошенность американских домохозяек, погруженных в повседневную работу по дому. Недавно преподаватель

колледжа Морис К. Энхаузен из Миннеаполиса поместил в местной газете статью, посвященную неоправданно длинной рабочей неделе современных домохозяек. В статье говорилось, что «женщина, у которой на домашние дела уходит так много часов в неделю, просто ужасно нерасторопна, расточительно тратит время и \и даже ленива». Этот тридцатишестилетний бакалавр предлагал продемонстрировать, как нужно выполнять ту или иную работу по дому за более короткий промежуток времени.

Энхаузен заметил, что сам ведет хозяйство в течение семи лет и при этом преподает в колледже. О домашнем хозяйстве он сказал: «Мне бы хотелось, чтобы обучение ста пятнадцати студентов было таким же легким занятием, как уход за четырьмя детьми и домом… Я все же остаюсь при мнении, что работа по дому не такое уж бесконечное и утомительное занятие, как об этом говорят женщины».

Подобного рода заявления, периодически высказываемые мужчинами в личной беседе и публично, основываются на последних исследованиях специалистов. Анализ мотивов поведения группы домохозяек показал, что большая часть энергии, расходуемой на ведение домашнего хозяйства, неоправданна. Ряд исследований, проводимых при содействии Мичиганской кардиологической ассоциации при Вэйнском университете, обнаружил, что женщины работают, как правило, в два раза больше, чем необходимо, впустую растрачивая энергию на ненужные действия, стремясь неотступно следовать бытовым традициям и привычкам.

Неразрешимость проблемы хронической усталости домашних хозяек теряет свою значимость. Врачи в своих последних докладах сообщают о провале попыток излечить таких женщин или хотя бы установить причину их усталости. На собрании Американской коллегии акушеров и гинекологов доктор из Кливленда заявил, что матери, не способные преодолеть «чувство усталости», выражают недовольство лечащим врачам, которые не в состоянии оказать соответствующую помощь. Однако на самом деле эти женщины не столько больны, сколько просто неорганизованны, хотя и «выжаты как лимон». «Тут не нужно проводить никакого психоанализа или глубокого исследования, — сказал доктор Леонард Ловшин из Кливлендской клиники. — Домохозяйка работает шестнадцать часов в день и семь дней в неделю и, будучи к тому же еще и добросовестной, выполняет общественную работу, опекая подростков, посещая Ассоциацию родителей и учителей, помогая церковной общине, стараясь приобщить детей к музыке и танцам». Но довольно странно, заметил он, что количество работы, которую она выполняет и ее усталость,

похоже, никак не связаны с количеством детей в семье. У многих пациенток только один или два ребенка. «Женщина, у которой только один ребенок, испытывает за него столько же волнений, сколько женщина, у которой их четверо», — пришел к выводу доктор Ловшин.

Одни врачи, не обнаружив никаких болезней у этих хронически усталых матерей, говорили им, что все дело в самовнушении. Другие прописывали таблетки, витамины или уколы от анемии, низкого кровяного давления, слабого обмена веществ; сажали их на диету (у домашней хозяйки в среднем 12 или 15 фунтов лишнего веса), запрещали употреблять алкоголь (известно около миллиона домохозяек-алкоголичек в Америке) или просто давали им транквилизаторы. Но, по мнению доктора Ловшина, все подобные меры оказались бесполезными, потому что женщины в самом деле были по-настоящему уставшими.

Доктора, которые обнаружили, что такие матери спят больше, чем им необходимо, утверждают, что причиной тому является не усталость, а скука. Эта проблема стала настолько острой, что журналы для женщин принялись всесторонне обсуждать загадку женственности. Во внезапно хлынувшем потоке статей, появившихся в конце пятидесятых годов, предлагались обычные средства — «побольше похвалы и признания от мужей». И хотя врачи в этих статьях довольно ясно указывали на причину проблемы, скрытую в роли «матери-домохозяйки», журналы обычно делали традиционные умозаключения: дом и семья есть и всегда будут уделом женщины, и она, женщина, должна с этим смириться. Поэтому ей остается только следовать своему предназначению. Так, в «Редбуке» (статья «Почему молодые матери всегда переутомлены?», сентябрь 1959 г.) сообщалось о результатах исследования, посвященного хронически усталым пациенткам: «…Усталость в некотором смысле — сигнал о том, что пациентом не все в порядке. Физическая усталость защищает организм от неблагоприятных внешних воздействий, повышая его активность. А усталость нервной системы обычно предупреждает человека об опасности. Особенно ярко но проявляется у женщин-пациенток, которые горько сетуют на то, что они «только домашние хозяйки».

Как объясняет доктор Харлей Сандз, один из соавторов исследования, женщины бесполезно тратят свои таланты и образование на такую нудную работу, как ведение домашнего хозяйства, также теряют привлекательность, способность мыслить и не чувствуют себя личностью. В промышленности самые монотонные виды работы — это те, которые только частично занимают внимание рабочего, но в то же самое время не дают ему

сконцентрироваться на чем-то еще. Многие молодые жены говорят, что «преждевременная старость ума» и есть та самая вещь, которая беспокоит их больше всего, спустя какое-то время твой мозг становится опустошенным, — говорят они. — Ты не можешь ни на чем сконцентрироваться и превращаешься в лунатика"».

Журнал также цитировал психоаналитика из Университета Джонса Хопкинса, подтверждающего, что наиболее вероятной причиной хронического переутомления пациенток является монотонность их деятельности, без ощутимых побед пли поражений, и ничего, кроме этой монотонности. Приводились результаты исследования Мичиганского университета: из 524 женщин на вопрос: «Что помогает вам чувствовать себя полезной и важной?» — почти никто не ответил: «Ведение домашнего хозяйства». Как замужние женщины, так и одинокие считали, что «работа в офисах удовлетворяет их больше, чем ведение домашнего хозяйства». Их позицию журнал прокомментировал так: «Это, конечно, не означает, что молодую мать карьера избавит от переутомления. У работающей матери еще больше забот, чем у просто матери семейства». В заключение статьи радостно сообщалось: «Так как требования, предъявляемые к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей, не так разнообразны, как хотелось бы, полностью разрешить проблему хронического переутомления невозможно. Тем не менее многие женщины в состоянии снизить утомляемость, если перестанут слишком много о ней говорить и постараются реально оценить, на что у них хватит сил, а на что — нет. В конце концов это позволит им стать лучшей матерью и женой, хотя и немного усталой».

В другой подобной статье («Так ли плохо скучать?» — «Макколлз», 1957) сообщалось, что на вопрос: «Правда ли, что для домашней хозяйки причиной постоянного переутомления является скука?» — был получен ответ: «Да. Постоянная усталость многих домашних хозяек вызвана однообразием выполняемой ими работы, одной и той же окружающей обстановкой, уединением и отсутствием возбуждающих факторов. Тяжесть домашней работы — недостаточная причина возникновения такой усталости… Переутомление усугубляет тот фактор, что интеллект многих домохозяек превышает требования выполняемой ими работы. Это важно до такой степени, что опытные работодатели никогда не нанимают на рутинную работу человека, умственные способности которого превышают средние… Причиной всему — скука, добавим к ней ежедневно испытываемое чувство разочарования, которое делает работу по дому эмоционально более напряженной, чем работа мужа». А далее сообщалось,

как избавиться от этого: «Попытайтесь извлекать удовольствие из таких видов работ, как приготовление пищи; стимулом может служить предстоящая вечеринка на взморье и, конечно, мужская похвала, лучшее противоядие против скуки».

По мнению женщин, проблема заключалась не в том, что я опросила слишком много домохозяек, а в том, что слишком мало. Вот что рассказала одна из них: «Какое-то оцепенение охватило меня, когда я вернулась из путешествия домой. Как будто мне нечего было делать, хотя в доме работы полно. В холодильнике у меня хранится бутылка «Мартини», и я пью его до тех пор, пока не приду в рабочее состояние или пока Дон не придет домой».

Другие женщины все время что-нибудь жуют, занимаясь хозяйством, тем самым как бы заполняют время. Ожирению и алкоголизму, как некоторым разновидностям неврозов, подвержены даже те, кто не был к ним предрасположен. Однако почему все-таки многие американские домохозяйки к сорока годам такие вялые и неактивные? Не кроется ли причина недостатка энергии в скучном однообразии их жизни, а отсюда — тайное поглощение пищи, употребление алкогольных напитков, транквилизаторов или антибиотиков? Есть что-то такое в природе их труда и жизни, что заставляет их бежать от действительности.

Не лишено правды и то, что характер работы американских домашних хозяек порой не отличается от характера работы большинства американских мужчин, проводящих время на заседаниях или в офисах корпораций; такая работа не полностью поглощает их энергию. Отсюда возникает пустота, которую необходимо заполнить: телевидение, транквилизаторы, алкоголь, секс. Но мужья тех женщин, у которых я брала интервью, были заняты работой, требующей от них ответственности, умственного напряжения и способности и принимать решения. Я заметила, что, когда такие мужчины занимались домашней работой, они завершали ее раньше, чем их жены. Для них это, конечно, никогда не было и лом, которое оправдывало бы их существование. Возможно, они прикладывали больше усилий только для того, чтобы поскорее покончить с этим. Работа по дому занимала у них не так много энергии. Они делали ее быстрее еще и потому, что, похоже, им доставляло это удовольствие.

Социологи единодушно выражали недовольство тем, что карьера мужчин страдает из-за домашней работы. Но некоторые мужья не позволяют домашней работе мешать их карьере. Если их жены делают собственную карьеру и не в состоянии справиться с домашней работой без помощи мужа, такие мужья занимаются домашним хозяйством по

воскресениям или вечерами. Им приходится это делать и в том случае, если их жены неэнергичны, несамостоятельны и беспомощны. А иногда и потому, что жены перекладывают хозяйство на мужей из необъяснимого чувства мести.

Мною подмечено, что домашняя работа помогает некоторым мужьям с пользой проводить время. Похоже, они используют работу по дому как оправдание своим несостоявшимся карьерам. «Я не настаиваю на том, чтобы муж убирал весь дом вечером каждый вторник. В этом нет необходимости. Будет лучше, если он поработает в это время над книгой», — сказала мне жена профессора колледжа. Она сама — способный социолог, всю свою жизнь справлялась с решением такой проблемы, как забота о доме и детях без найма прислуги. Вдвоем с дочерью они полностью убирали дом по воскресеньям, и поэтому ей не нужна была уборка по вторникам.

Заниматься работой, которая соответствует твоим способностям, — вот признак зрелости личности. Вовсе не обилие домашней работы и не забота о детях заставляют современных американских женщин отказываться от деятельности, соответствующей уровню их способностей. Раньше, когда прислуги было более чем достаточно, многие женщины среднего класса, нанимавшие ее, не использовали свою свободу, чтобы занять более активное место в обществе, ограничиваясь сугубо «женской ролью». В таких странах, как Израиль и Россия, где женщинам отводилась роль не только домохозяек, прислуга была редкостью. Но в жизни этих женщин были и дом, и дети, и любовь, которыми не пренебрегали.

Особый женский мир и незрелость общества — вот что мешало женщинам участвовать в такой деятельности, на которую они были способны. Нет ничего странного в том, что женщины, которые прожили под влиянием мифа о женском предназначении десять или двадцать лет, которые приспособились к нему слишком рано и никогда не чувствовали потребность быть самими собой, в конце концов испытывают страх перед лицом серьезной работы и цепляются за домашнее хозяйство как за альтернативу, даже если тем самым обрекают себя на пустоту, ненужность и ощущение того, что «они как будто вообще не существуют». Поэтому ведение домашнего хозяйства может заполнить время женщины, если нет других, более ярких целей в жизни. Когда работа по дому сделана за час и дети в школе, вот тогда умная и энергичная хозяйка поймет, что пустота ее дней — это просто невыносима.

Так, женщина из Скарсдейла уволила свою горничную, и даже

убираясь в доме и выполняя общественную работу, не может растратить всю свою энергию. «Мы решили эту проблему, — заявила одна из домохозяек, рассказывавшая о себе и своей подруге, которая пыталась покончить жизнь самоубийством. — Мы три раза в неделю бегаем по утрам, иначе можно сойти с ума. Зато теперь мы хорошо спим по ночам». «Всегда есть несколько способов выпутаться из этого», — сказала одна женщина другой за ленчем, обсуждая довольно равнодушно, что делать с "послеобеденным отдыхом», который прописали им их врачи. В этой связи разработка всевозможных диет и спортивные залы стали прибыльным бизнесом, помогающим домохозяйкам вести бесполезную битву с лишним весом, так неработающей американской женщине не на что израсходовать накопившуюся энергию. Несколько шокирует, когда думаешь, что умные, образованные американские женщины стараются освободиться от творческой энергии, употребляя известковый порошок и упорно воюя с бытовыми машинами. Никого не удивляет, что женщины так бесцельно Расходуют свою созидательную энергию, вместо того чтобы потребить ее для каких-либо серьезных общественных целей, но в этом и заключается смысл существования домохозяйки.

Возможность жить в согласии с загадкой женственности зависит от исторической переоценки человеческих ценностей и их девальвации. Чтобы вернуть женщин обратно в дом, нужны не методы нацистов, а «пропаганда, возвращающая женщине престиж, уважение к себе как к женщине и матери… уважение к женщине, которая живет просто как женщина, сопротивляясь таким образом "технологической безработице"». Плетение из растений и выпечка собственного хлеба не исчезли, а, наоборот, помогли понять необходимость защищаться от вопроса: «Правы ли мы, внушая, что женщины, если захотят, могут вернуть себе некоторые домашние заботы, такие, как приготовление пищи, декорирование дома? Не стараемся ли мы тем самым повернуть прогресс назад?»

Но это не прогресс, утверждают они. Теоретически избавление женщин от домоводства, от трудной работы предполагает достижение ими более возвышенных целей, но «хотя и понятны цели, к которым многих призывали, но немногие добивались реализации этих целей как среди мужчин, так и среди женщин». Пусть женщины занимаются домашней работой, с которой они могут легко справиться, и пусть общество сделает так, чтобы престиж этой работы был достаточно высок.

Более пятнадцати лет велась пропагандистская кампания в рамках национальной демократической политики, которая была направлена на то, чтобы вернуть «престиж» женщинам как домашним хозяйкам. Но может ли

чувство собственного достоинства в женщинах, которое ранее трактовалось с точки зрения «достижений» в домашнем хозяйстве, вновь быть реализовано все той же работой по дому, которая более не представляет реальной необходимости или не может требовать от женщины больших человеческих способностей в такой стране и в такое время, когда женщины свободны и могут обрести что-то большее? Как бы то ни было, женщине не пристало проводить время за инертной работой, в то время как весь мир в движении, в работе, требующей ее творческой энергии. Женщинам уже удалось найти пути, избавляющие их от бессмысленного существования, и они не успокоятся, пока не реализуют все свои способности.

Конечно, многие американские женщины счастливы как раз в тот момент, когда они — просто домашние хозяйки, и это те женщины, чьи способности соответствуют требованиям роли. Но это ощущение совсем не похоже на то счастье, которое испытываешь, когда вкладываешь в работу всю свою энергию, весь дарованный тебе природой интеллект и талант. Домашняя работа, не важно, каким образом она заполняет свободное время, едва ли может использовать хотя бы наполовину средние способности женщины, которые в детстве превышали средний уровень.

Несколько десятилетий назад некоторые институты, занимавшиеся проблемами умственно отсталых детей, обнаружили, что к рутинной домашней работе очень хорошо приучались слабоумные девочки. Во многих городах воспитанницы таких институтов имели большой успех как домашние хозяйки, а работа по дому в то время была намного труднее, чем сегодня.

Участие в решении таких задач, как воспитание детей, и декорирование жилища, составление и планирование меню, образование и отдых, безусловно, требует определимого ума. Но как заметил один из немногих экспертов и области семьи и брака, понимавший всю нелепость загадки женственности, многие виды работ по дому, отнимающие наибольшее количество времени, «могли быть спокойно выполнены восьмилетним ребенком».

«Обязанности женщины как домашней хозяйки можно сравнить с обязанностями президента корпорации, который не только определяет политику и решает общие вопросы, но и тратит огромное количество времени и энергии на такие виды деятельности, как уборка завода и смазка машин. На производстве, конечно, гораздо бережней относятся к способностям своих работников и никогда не позволяют тратить их па пустяковые занятия.

Уют в доме, отношения с мужем и детьми, атмосфера гостеприимства, культуры, спокойствия, теплоты и уверенности создаются личностными качествами женщины, а не ее плитой, печью или посудомоечной машиной. Монотонность и однообразие ее повседневной жизни не могут принести ей истинного удовлетворения точно так же, как и работающему на конвейере механику-сборщику не приходится радоваться от того, что он собрал автомобиль, затянув на нем только один болт. Трудно себе представить, как можно, день за днем, неделю за неделей, год за годом, мыть посуду и убирать, три раза в день, составлять список вещей, которые нужно купить в магазине (три лимона, две упаковки стиральною порошка, банку консервированного супа), собирать пыль в радиаторе с тяжелым пылесосом в руках, выносить мусор и мыть полы в ванной и выполнять еще кучу всяких бесконечных мелких дел».

Нелегкий груз ежедневных домашних забот, с которыми справился бы и восьмилетний ребенок, неизбежно приводит к большинству проблем сексуального характера у миллионов женщин. Как бы ни пытались совершенствовать смысл понятия «домашне-семейная карьера», чтобы оправдать безжалостное и бесполезное использование неисчерпаемых женских сил и способностей; как бы искусно ни манипулировали новыми научными и звучными словами, чтобы создать иллюзию, согласно которой опускание одежды в стиральную машину по важности не уступает расшифровке генетического кода; каким бы количеством домашних дел ни заполнялось свободное время женщины, — в действительности ее проблемы никого серьезно не волнуют. Их решение подменяется бесконечным потоком книг о приготовлении пищи, научными трактатами по уходу за ребенком и советами по технике «любви семейной пары» и сексуального общения. Последствия того, что это никого серьезно не волнует, можно было бы предсказать. К великому ужасу мужчин, их жены стали «экспертами» из категории «я все знаю лучше других», заняв лидирующее положение в доме. Их непререкаемый авторитет и превосходство делают совместную жизнь невыносимо тяжелой. По свидетельству Рассела Лайнза, жены стали относиться к своим мужьям как к приходящей прислуге или просто как к новейшей модели бытовой техники. Оснащенная популяризированным курсом по домашней экономике или браку и семье, книгами доктора Спока и доктора Ван де Велде, наделенная энергией и умом, которые все время нацелены только на мужа, детей и дом, — вот вам молодая американская жена, которая легко, неотвратимо и пагубно начинает доминировать в современной семье еще больше, чем ее «мамочка».

11. «Одержимые сексом»

Я не проводила исследования Кинси, но когда я была на пути проблемы без названия, домохозяйки из пригородов, у которых я брала интервью, часто давали мне явно сексуальный ответ на вопрос, который был вообще не связан с сексом. Я спрашивала об их интересах, стремлениях, о том, что они делали или хотели бы делать не обязательно как жёны или матери, но когда они не заняты своими мужьями, детьми или работой по дому. Вопрос даже мог быть связан с их образованием. Но некоторые из этих женщин просто предполагали, что я спрашиваю о сексе. Была ли проблема без названия сексуальной проблемой, в конце концов? Я бы так и думала, если бы не было фальшивой ноты, странного нереального качества в словах этих женщин, когда они говорили о сексе. Они делали загадочные и прозрачные намёки; они хотели, чтобы их спрашивали о сексе; даже если я об этом не спрашивала, они с гордостью рассказывали о сексуальных приключениях в мельчайших подробностях. Они их не придумывали — эти приключения были вполне правдоподобны. Но почему они звучали так асексуально, нереально?

Тридцативосьмилетняя мать четырёх детей сказала мне, что секс — это единственная вещь, которая позволяет ей «почувствовать себя живой». Но что-то пошло не так: её муж больше не давал ей этого ощущения. Они пробовали многое, но он не был по-настоящему заинтересован. Она начинала презирать его в постели. «Мне нужен секс, чтобы чувствовать себя живой, но я никогда его не чувствую», сказала она.

Скучным тоном, добавляющим нереальности, тридцатилетняя мать пятерых детей, не прекращая спокойно вязать свитер, сказала, что думала о том, чтобы уехать, возможно, в Мексику, чтобы жить с мужчиной, с которым у неё был роман. Она не любила его, но думала, что если «до конца» отдастся ему, сможет найти то чувство, которое, как она поняла сейчас, «единственная значимая вещь в жизни». А что с детьми? Она неуверенно предположила, что возьмёт их с собой — ему будет всё равно. Что это было за чувство, которое она искала? Она сказала, что, возможно, сначала нашла его со своим мужем. По крайней мере, она помнила, что когда она вышла за него — ей было восемнадцать — она «чувствовала себя такой счастливой, что хотела умереть». Но он не «отдался ей полностью»; он был слишком занят своей работой. Так что она снова нашла это чувство на некоторое время — со своими детьми. Через недолгое время после того,

как она отняла своего пятого ребёнка от груди в три года, у неё был первый роман. Она поняла, что «он снова дал ей это замечательное чувство — ощущение полной отдачи себя кому-то». Но этот роман не мог продолжаться долго; у него было слишком много детей, как и у неё. Когда они расстались, он сказал: «Ты дала мне почувствовать себя личностью». А она задалась вопросом: «А что насчёт моей личности?» Она уехала на месяц одна этим летом, оставив детей со своим мужем. «Я искала что-то, не знаю, что именно, но единственный способ найти это чувство — влюбиться в кого-нибудь». У неё был другой роман, но на этот раз то чувство не появилось. Так что теперь она хотела окончательно уехать. «Теперь, когда я знаю, как получить это чувство, я просто буду стараться до тех пор, пока снова не найду его», — сказала она, спокойно продолжая вязать.

Она уехала в Мексику с этим тёмным, безликим мужчиной, взяв с собой пятерых детей. Но шестью месяцами позже она вернулась вместе с детьми. Очевидно, она не нашла своего призрачного «чувства». И что бы ни происходило, оно не было достаточно настоящим, чтобы повлиять на её брак, который продолжался, как и раньше. Только чем было чувство, которое она надеялась получить от секса? И почему оно, каким-то образом, всё время оказывалось недостижимым? Становился ли секс нереальным, фантазией, когда он нужен человеку чтобы «почувствовать себя живым», почувствовать «свою личность»?

В другом пригороде я говорила с привлекательной женщиной чуть моложе сорока лет, у которой были «культурные» интересы, несмотря на то, что они были довольно неопределёнными и неконкретными. Они начинала картины, которые не заканчивала, собирала деньги на концерты, которые не слушала, и сказала, что ещё «не нашла свою область». Я выяснила, что она была занята своего рода поиском сексуального статуса, у которого были такие же неясные, неопределённые претензии, как и у её культурных поисков, и который, в действительности, был их частью. Она хвасталась интеллектуальным мастерством, профессиональным уважением мужчины, который, как она намекала, хотел спать с ней. «Это заставляет гордиться, как достижение. Ты не хочешь скрывать это. Ты хочешь, чтобы все об этом знали, когда это мужчина с достижениями». Как сильно на самом деле она хотела спать с ним, независимо от его профессиональной высоты — другой вопрос. Я позже узнала от её соседей, что она была местным приколом. Все очень хорошо это «знали», но её сексуальные предложения были такими обезличенными и предсказуемыми, что только вновь прибывший муж мог принять их достаточно серьёзно, чтобы на них

ответить.

Но очевидно ненасытное сексуальное желание немного более молодой матери четырёх детей в том же пригороде вряд ли было шуткой. Её сексуальное желание, неудовлетворённое роман за романом, смешалось со множеством неразборчивых «внебрачных ласк», как Кинси их бы назвал, имело много реальных и катастрофических последствий для как минимум двух других браков. Эти женщины, и другие такие же, пригородные искательницы секса, жили буквально в узких границах загадки женственности. Они были умны, но странным образом «недостаточны». Они оставили попытки расширить работу по дому или общественную работу для заполнения свободного времени. Вместо этого они обратились к сексу. Но всё равно они были не удовлетворены. Их мужья не удовлетворяли их, по их же словам; внебрачные связи были не лучше. В условиях загадки женственности, если женщина чувствует личную «пустоту», если она не удовлетворена, причина должна быть в сексе. Но тогда почему секс её никогда не удовлетворяет?

Точно также, как студентки использовали фантазии о семейной семейной жизни для защиты от конфликтов, растущих страданий и работы, собственной приверженности науке или искусству, или обществу, эти замужние женщины вкладывают в свой жадный поиск секса агрессию, которую загадка женственности запрещает использовать для более крупных человеческих целей? Используют ли они секс или фантазии о сексе, чтобы удовлетворить несексуальные потребности? Причина ли это того, что их секс, даже если он реален, звучит как фантазия? Причина ли это того, что даже тогда, когда они испытывают оргазм, они чувствуют себя «неудовлетворёнными»? Не потому ли они пустились в никогда не удовлетворяющий поиск секса, что в браке они не нашли того сексуального удовлетворения, которое обещает загадка женственности? Является ли чувство личности, законченности тем, что они ищут в сексе и что один только секс не может им дать?

Секс — единственная граница, открытая для женщин, которые всегда жили в пределах загадки женственности. За последние пятнадцать лет сексуальные границы были расширены, может быть, за пределы возможного, чтобы заполнить свободное время, заполнить пустоту, образовавшуюся из-за отрицания более важных целей для американских женщин. Увеличивающийся сексуальный голод американских женщин дотошно документировался — Кинси, социологами и романистами пригородов, СМИ, в рекламе, на телевидении, в фильмах и женских журналах, которые потворствовали женским сексуальным аппетитам. Не

будет преувеличением сказать, что американские женщины были понижены до уровня сексуальных существ, искателей секса. Но что-то явно пошло не так.

Вместо того, чтобы выполнить обещание о бесконечном счастье оргазма, секс в Америке времён Загадки Женственности стал странной, не приносящей удовольствия национальной обязанностью, если не презрительной насмешкой. Романы с сексуальным содержанием становятся всё более откровенными и всё более тупыми и скучными; подача секса в женских журналах тошнотворно уныла; бесконечный поток инструкций, описывающих новые сексуальные техники, намекает на бесконечную неполноту переживаний. Эту сексуальную тоску выдаёт постоянно увеличивающийся размер груди голливудских звездочек, внезапное появление фаллоса в качестве рекламной уловки. Секс стал обезличенным, видимым в условиях этих преувеличенных символов. Но из всех странных сексуальных феноменов, появившихся в эпоху загадки женственности, самым ироничным является следующее — неудовлетворённый сексуальный голод американских женщин увеличился, а конфликт их женственности усилился, когда они вернулись от независимой деятельности к поиску полного удовлетворения через свою сексуальную роль дома. И поскольку американские женщины обратились к особой, откровенной, агрессивной погоне за сексуальным удовлетворением, или реализации сексуальных фантазий, то сексуальное равнодушие американских мужчин, их враждебность по отношению к женщинам тоже увеличились.

Я везде находила доказательства этого феномена. Была, как я уже говорила, атмосфера нереального преувеличения в сексе, независимо от того, отражён ли он на откровенно похотливых страницах популярного романа или в странных, почти асексуальных телах женщин, которые позируют для модных фотографий. Согласно Кинси, в сексуальном «выпуске» не было расширения в последние десятилетия. Но в последнее десятилетие можно было наблюдать огромное увеличение американской озабоченности сексом и сексуальными фантазиями.

В январе 1950 г., и затем снова в январе 1960-го, психолог изучил каждую отсылку к сексу в американских газетах, журналах, на телевидении и радиопрограммах, постановках, популярных песнях, популярных романах и документальной литературе. Он отметил огромное увеличение количества откровенных отсылок к сексуальным желаниям и выражения (включая слова «нагота, половые органы, порно, «непристойности», непотребство и половой акт). Они составляли более 50 % наблюдаемых

отсылок к человеческой сексуальности, вместе с «внебрачным сексом» (включая «внебрачные связи, прелюбодеяние, половая распущенность, проституция и венерические заболевания), который был на втором месте. В американских СМИ было более чем в 2,5 раза больше отсылок к сексу в 1960, чем в 1950; количество «либеральных» сексуальных отсылок в исследуемых 20 °СМИ увеличилось с 509 до 1341. Так называемые «мужские журналы» не только достигли новых высот в своей озабоченности женскими половыми органами, но и частично перешли на откровенную гомосексуальность. Самым поразительным новым сексуальным феноменом, однако, было увеличившееся и явное «ненасытное» непотребство романов-бестселлеров и периодических художественных изданий, аудиторией которых были в первую очередь женщины.

Несмотря на его профессиональное одобрение «разрешающего» отношения к сексу, по сравнению с прежним ханжеским отрицанием, психолог перешёл к следующим размышлениям:

«Описания половых органов … настолько часты в современных романах, что начинаешь интересоваться, не являются ли они обязательными для того, чтобы книга попала в списки бестселлеров. Так как старые, мягкие описания полового акта, похоже, больше не способны возбуждать, и даже сексуальные отклонения вполне привычны в современной художественной литературе, логичным шагом кажется подробное описание собственно половых органов. Трудно себе представить, что будет следующим шагом в непристойности».

С 1950 до 1960 интерес мужчин к деталям полового акта бледнел по сравнению с жадностью женщин — и как представленных в СМИ, и как их аудитории. Уже к 1950 г. непристойных деталей полового акта, которые можно было найти в мужских журналах, было меньше, чем в художественных бестселлерах, которые покупали в основном женщины.

В течение этого же периода женские журналы показали выросшую озабоченность сексом в довольно нездоровой форме. Такие «здоровые» рубрики, как «Заставлять Брак Работать», «Этот Брак Может Быть Сохранён», «Скажите, Доктор» описывали самые интимные сексуальные детали в морализаторском виде как «проблемы», и женщины читали о них во многом также, как если бы они читали реальные истории в текстах по психологии. Фильмы и театр выдают растущую озабоченность больным или извращённым сексом, каждый новый фильм и каждая новая пьеса чуть более сенсационны, чем предыдущие, в своих попытках шокировать или заинтриговать.

В то же время мы можем видеть, что почти одновременно с этим человеческая сексуальность снизилась почти до самых узких психологических границ, в бесконечных социологических исследованиях секса в пригородах, а также в исследованиях Кинси. Два отчёта Кинси, 1948 и 1953 годов, рассматривали человеческую сексуальность как игру, в которой ищут статус, и главная цель которой — наибольшее количество «выходов», оргазмов, достигнутых равным образом при помощи мастурбации, ночных выделений во время сна, секса с животными, и в различных позах с противоположным полом, до-, вне- и послебрачных. То, что исследователи Кинси докладывали, и то, как они это докладывали, не менее, чем романы сексуального содержания, журналы и пьесы, было симптомами нарастающей обезличенности, незрелости, безрадостности и лживой бесчувственности нашей сверхозабоченности сексом.

То, что эта спираль сексуальных «жажды, сенсационности и непотребства» не была знаком здорового утверждения половых связей, стало очевидным, когда образ мужчин, вожделеющих женщин, уступил дорогу новому образу женщин, вожделеющих мужчин. Преувеличенные, извращённые крайности сексуальных ситуаций казались необходимыми для того, чтобы возбудить как героев, так и аудиторию. Возможно, лучшим примером этого извращённого изменения был итальянский фильм La Dolce Vita, который, со всеми его художественными и символическими претензиями, был хитом в Америке по причине своего разрекламированного сексуального содержания. Несмотря на то, что он отражал итальянский секс и итальянское общество, этот фильм был чрезвычайно уместным на американском экране в основном из-за сексуальной озабоченности.

Как всё более частый случай в американских романах, постановках, фильмах, искателями секса были в основном женщины, которые были показаны как безмозглые, слишком нарядно или слишком скромно одетые сексуальные создания (голливудская звезда) и истеричные паразитки (подружка журналиста). Вдобавок была ещё и неразборчивая богатая девушка, которой нужна была извращённая стимуляция на занятой у проститутки кровати, агрессивная жаждущая секса женщина в замке, освещённом свечами в оргии-игре в прятки, и, наконец, разведённая женщина, которая показывала стриптиз, корчась перед одинокой, скучающей и безразличной аудиторией.

Все мужчины, на самом деле, слишком скучали или были слишком заняты для того, чтобы их беспокоили. Безразличный, пассивный герой переходил от одной искательницы секса к другой — Дон Жуан,

предполагаемый гомосексуалист, нарисованный в воображении асексуальной маленькой девочки, просто недоступный из-за воды. Преувеличенные крайности сексуальных ситуаций заканчиваются обезличенностью, которая нагоняет тоску — как в герое, так и аудитории. (Ужасная скука обезличенного секса может также объяснить уменьшение аудитории Бродвейских театров, Голливудских фильмов и американских романов). Задолго до финальных сцен La Dolce Vita — когда они все выходят посмотреть на эту огромную мёртвую рыбу — послание фильма было сделано предельно ясно: «сладкая жизнь» скучна.

Образ агрессивной искательницы секса наблюдается также в романах вроде «Пэйтон Плейс» и «Доклад Чепмена», которые сознательно угождают женской жажде сексуальный фантазий. Означает ли это выдуманное изображение сверхозабоченных женщин, что американские женщины превратились в жадных искательниц секса в реальной жизни или нет, всё равно у них есть ненасытный аппетит до книг, в которых описывается половой акт — аппетит, который, неважно, в книгах или в реальности, не всегда разделяется мужчинами. Эта разница в озабоченности сексом между американскими мужчинами и женщинами — в искусстве или в реальности — может иметь простое объяснение. Пригородные домохозяйки, в особенности, гораздо чаще искатели секса, чем получатели секса, и не только из-за проблем, создаваемых детьми, приходящими домой из школы, машин, припаркованных на дополнительное время на подъездных путях, сплетничающей прислуги, но и просто потому, что мужчины не так уж и доступны. Мужчины проводят большую часть времени в занятиях и пристрастиях, которые не относятся к сексу, и меньше нуждаются в том, чтобы увеличить количество секса для занятия свободного времени. Так что, начиная с подросткового до пожилого возраста, американские женщины обречены проводить большую часть жизни в сексуальных фантазиях. Даже тогда, когда сексуальные отношения — или «внебрачные игры», которые Кинси нашёл на подъёме — реальны, они никогда не реальны настолько, насколько загадка заставила женщин верить.

Как это оценивает мужчина-автор The Exurbanites:

«Когда её партнёр возможно, и скорее всего, занят чем-то обычным для него, сопровождая это, разумеется, словесными уговорами, предназначенными для убеждения её в обратном, она часто совершенно искренне попадается на то, что она воспринимает как любовь всей своей жизни. Встревоженная недостатками брака, запутавшаяся и несчастливая, разозлённая и часто униженная поведением мужа, она психологически

готова к мужчине, который умело и разумно использует обаяние, остроумие и соблазняющее поведение … Так что, на пляжных вечеринках, вечеринках в субботнюю ночь, длинных поездок на машине с места на место — во всех тех случаях, когда пары обычно разделяются — могут быть сказаны первые слова, подготавливается почва, первые фантазии появляются в воображении, обмениваются первыми многозначительными взглядами, выхватывается первый безрассудный поцелуй. И часто позже, когда женщина понимает, что то, что было важно для неё, было обычно для него, она может плакать, а затем вытрет слёзы и снова осмотрится вокруг.»

Но что происходит тогда, когда женщина основывает всю свою личность на своей сексуальной роли; когда секс нужен ей, чтобы она «почувствовала себя живой»? Говоря достаточно просто, она предъявляет невыполнимые требования к своему телу, своей «женственности», также как и к своему мужу и его «мужественности». Брачный консультант сказал мне, что многие из молодых пригородных жён, с которыми ему приходилось иметь дело, имеют «настолько высокие запросы к любви и браку, но нет возбуждения, тайны, иногда буквально ничего не происходит».

«Это то, на что она была натренирована, чему обучалась, вся эта сексуальная информация и озабоченность, этот полностью копируемый шаблон, что она должна посвятить себя замужеству и материнству. Нет ничего удивительного в двух незнакомцах, мужчине и женщине, отдельных людях, находящих друг друга. Это преждевременно прописано, это сценарий, которому следуют без борьбы, красоты, загадочного благоговения перед жизнью. Так что она говорит ему, сделай что-нибудь, заставь меня что-нибудь почувствовать, но в ней нет силы, вызывающей чувства».

Психиатр отмечает, что он часто видел секс «умирающим медленной, мучительной смертью», когда женщины или мужчины использовали семью, чтобы компенсировать близостью и любовью неудачу для достижения целей в более широком обществе. Он сказал мне, что иногда «настолько мало реальной жизни, что в конечном итоге даже секс ухудшается, и постепенно умирает, и месяцы проходят без всякого желания, несмотря на то, что они молоды». Половой акт «становится механистичным и обезличенным, телесным высвобождением, после которого партнёры чувствуют себя ещё более одинокими, чем до него. Выражение нежных чувств свёртывается. Секс становится ареной для борьбы за доминирование и контроль. Или он становится однообразной, беспросветной рутиной, совершаемой по расписанию».

Даже несмотря на то, что эти женщины не находят удовлетворения в сексе, они продолжают свои бесконечные поиски. Для женщины, которая живёт в соответствии с загадкой женственности, закрыт путь к достижениям или статусу, или идентичности, за исключением сексуальной: достижения сексуальных завоеваний, статус желанного сексуального объекта, идентичность сексуально успешной жены и матери. И тем не менее, так как секс на самом деле не удовлетворяет этих потребностей, она пытается сбалансировать своё ничтожество вещами, вплоть до даже самого секса, а муж и дети, на которых основывается её идентичность, становятся собственностью, вещами. Женщина, которая сама лишь сексуальная вещь, в конце концов, живёт в мире вещей, неспособная коснуться индивидуальности в других, которой ей самой недостаёт.

Необходимость ли это в некотором чувстве личности или достижении, которая заставляет пригородных домохозяек так горячо предлагать себя незнакомцам и соседям — и которая делает их мужей «мебелью» в собственном доме? В свежем романе о пригородных изменах автор-мужчина говорит через мясника, который получает выгоду от местных одиноких домохозяек:

«Вы знаете, что такое Америка? Большая, мыльная посудомойка, полная скуки … и ни один муж не может понять эту мыльную посудомойку. И женщина не может объяснить это другой женщине, потому что руки их всех в этой мыльной тоске. Так что всё, что требуется от мужчины — быть понимающим. Да, детка, я знаю, знаю, что у тебя несчастливая жизнь, вот тебе цветы, вот тебе духи, вот тебе «я люблю тебя», снимай штаны… Ты, я — мы мебель в собственных домах. Но если мы заглянем в соседний дом, о! Там мы герои. Они все ищут романтики, потому что узнали о ней из книг и фильмов. А что может быть более романтичным, чем мужчина, который рискует быть застреленным твоим мужем, только чтобы быть с тобой … И единственная волнующая вещь в нём — то, что он незнакомец. Она не владеет им. Она убеждает себя, что влюблена, и готова рисковать своим домом, счастьем, гордостью, всем, только чтобы быть с тем незнакомцем, который насыщает её раз в неделю … Везде, где есть домохозяйка, есть и потенциальная любовница для незнакомца».

Из своих интервью с 5940 женщинами Кинси узнал, что американские жёны, особенно из среднего класса, после десяти или пятнадцати лет брака изъявляли большее сексуальное желание, чем их мужья могли удовлетворить. Одна из четырёх к сорокалетнему возрасту была вовлечена в какие-либо внебрачные отношения — обычно случайные. Некоторые

казались ненасытно способными к «множественным оргазмам». Растёт количество вовлечённых во «внебрачные игры», более характерные для подросткового возраста. Кинси также выяснил, что сексуальное желание американских мужей, особенно в образованных группах среднего класса, казалось, шло на убыль по мере того, как увеличивалось у их жён.

Но ещё более беспокоящими, чем признаки увеличившегося неудовлетворённого сексуального голода, среди домохозяек в эту эру загадки женственности являются признаки увеличившегося конфликта вокруг их собственной женственности. Есть свидетельство того, что признаки женского сексуального конфликта, к которым часто отсылает эвфемизм «женские проблемы», проявляются раньше, чем когда-либо, и в более тяжёлой форме в это время, когда женщины ищут самореализацию так рано и исключительно в сексуальной роли.

Начальник гинекологической службы известной больницы сказал мне, что всё чаще видит у молодых матерей одни и те же нарушение цикла яичников — вагинальные выделения, менструальные задержки, нерегулярность менструального цикла и его продолжительности, бессонницу, синдром постоянной усталости, физическую слабость — которые раньше он наблюдал только во время менопаузы. Он сказал:

«Вопрос в том, будут ли эти молодые матери патологически разрушены, когда потеряют свою репродуктивную функцию. Я вижу много женщин с такими климактерическими трудностями, которые, я уверен, вызваны пустотой их жизни. И тем, что они просто проводят последние 28 лет, цепляясь за последнего ребёнка, до тех пор, пока цепляться будет уже не за что. Напротив, женщины, у которых были дети, сексуальные отношения, но которые представляют собой намного более цельную личность, которым не нужно беспрестанно реализовывать себя как женщин, родив ещё одного ребёнка и цепляясь за него, намного реже страдают от приливов жара, бессонницы, нервозности.

Те, у кого есть женские проблемы — это те, кто отверг свою женственность, или те, кто патологически женствен. Но сейчас мы видим эти симптомы у всё более молодых жён, которым нет и тридцати, молодых женщин, которые фатально вкладываются в своих детей, которые не развили других ресурсов, кроме детей — они поступают с теми же нарушениями цикла, менструальными затруднениями, характерными для менопаузы. 22-хлетняя женщина, у которой трое детей, с симптомами, которые чаще наблюдаются во время менопаузы … Я сказал ей: «ваша единственная проблема в том, что вы родили слишком много детей за слишком короткое время» и оставил при себе мнение «ваша личность ещё

недостаточно развита».

В той же больнице были проведены исследования среди женщин, восстанавливающихся после гистерэктомии, женщин с жалобами относительно менструаций, женщин с трудными беременностями. Теми, кто страдал от самых сильных болей, тошноты, рвоты, физического и эмоционального недомогания, депрессии, апатии, беспокойства, были женщины, «чьи жизни вращались вокруг исключительно репродуктивной функции и её выполнения в материнстве. Модель подобного отношения была выражена одной женщиной, которая сказала: «Чтобы быть женщиной, мне нужна способность иметь детей». Те, кто страдал меньше всех, имели «хорошо интегрированные эго», интеллектуальные ресурсы и были направлены во внешний мир в своих интересах, даже в больнице, вместо того, чтобы быть озабоченными собой и своими страданиями.

Акушеры тоже заметили это. Один сказал мне:

«Это забавная вещь. Женщины, у которых боли в спине, кровотечение, тяжёлая беременность и роды — это те, кто думает, что их жизненная цель — деторождение. Женщины, у которых есть другие интересы помимо того, чтобы быть живым инкубатором, легче рожают детей. Не просите меня объяснять это. Я не психиатр. Но мы все это заметили…»

Другой гинеколог разговаривал со многими пациентами в эту эру «женственно-реализовавшихся», которым ни рождение детей, ни сексуальные отношения не давали «реализации». Они были, с его слов:

«Женщинами, которые чувствовали себя очень неуверенно относительно своего пола и нуждались в детях снова и снова, чтобы доказать, свою женственность; женщинами, которые рожают четвёртого или пятого ребёнка, потому что не знают, чем ещё заняться; женщинами, склонными к доминированию, и это новая область для доминирования. А ещё у меня есть сотни пациенток-студенток, которые не знают, что им делать с собой, их матери приводят их за диафрагмами. Они незрелы, поэтому постель для них ничего не значит — это как принимать лекарства, ни оргазма, ничего. Для них брак — это бегство».

Высокий процент случаев менструальных болей, тошноты и рвоты во время беременности, послеродовой депрессии и тяжёлого физического и психологического недомогания во время менопаузы теперь считается «нормальной» частью женской физиологии. Являются ли эти стигматы, отмечающие уровни женского полового цикла — менструации, беременность, менопауза — частью постоянной и вечной природы женщин, какими их всенародно принято считать, или они каким-либо образом связаны с этим ненужным выбором между «женственностью» и

человеческим ростом, сексом и собственной личностью? Когда женщина — «сексуальное существо», видит ли она бессознательно сдачу, нечто вроде смерти смысла своего существования в каждом шаге своего женского сексуального цикла? Эти женщины, которые заполняют клиники — олицетворения загадки женственности. Отсутствие оргазма, увеличивающееся количество «женских проблем», неразборчивая и ненасытная жажда секса, послеродовая депрессия, странное рвение женщин к избавлению от женских половых органов через гистерэктомию без медицинских показаний — всё это выдаёт огромную ложь загадки женственности. Как самоисполняющееся пророчество о смерти в Самарре, загадка женственности, с её протестом против потери женственности, делает всё более сложным для женщин подтверждение их женственности, а для мужчин — их мужественности, и для тех и других — способность наслаждаться сексуальными отношениями.

Атмосфера нереальности, которая зависала над моими интервью с пригородными домохозяйками-искательницами секса, нереальности, которая пронизывает озабоченные сексом романы, пьесы и фильмы так же, как пронизывает ритуалистические разговоры о сексе на пригородных вечеринках — я внезапно поняла, почему она была, на острове, будто бы удалённом от пригорода, где поиски секса вездесущи, в чистой фантазии. На протяжении недели этот остров — преувеличенный пригород, поскольку он абсолютно отделён от внешних раздражителей, от мира работы и политики; мужчины даже ночью не приходят домой. Женщины, которые проводили здесь лето, были чрезвычайно привлекательными молодыми домохозяйками. Они рано вышли замуж; они жили через своего мужа и детей; они не интересовались миром за пределами дома. Здесь, на острове, в отличие от пригорода, у женщин не было возможности организовывать комитеты или растягивать работу по дому, чтобы заполнить свободное время. Но они нашли новый обходной путь, который убил двух птиц одним камнем, способ, который дал им ложное ощущение сексуального статуса, но освободил их от пугающей необходимости его доказывать. На этом острове была колония «мальчиков» прямо из мира Теннесси Уильямса. На протяжении недели, пока их мужья работают в городе, молодые домохозяйки устраивают «дикие» оргии, вечеринки на всю ночь с этими бесполыми мальчиками. В своего рода комичном замешательстве муж, который неожиданно сел в лодку в середине недели, чтобы утешить свою скучающую и одинокую жену, предположил: «Почему они делают это? Возможно, это связано с тем, что здесь царит матриархат».

Возможно, это также связано со скукой — здесь просто больше нечего

было делать. Но это выглядело как секс; это и есть то, что делало это столь захватывающим, несмотря на то, что здесь, конечно, не было сексуального контакта. Возможно, эти домохозяйки и их любовники узнавали себя друг в друге. Прямо как девушка по вызову в «Завтраке у Тиффани» Трумена Капоте, которая проводит ночь без секса с пассивным гомосексуалистом, они одинаково по-детски уходили от жизни. Друг в друге они тоже искали то же несексуальное утешение.

Но в пригородах, где большую часть дня фактически отсутствуют мужчины — чтобы дать хотя бы видимость секса — женщинам, у которых нет иной идентичности кроме сексуальной, в итоге приходится искать утешение во владении «вещами». Внезапно становится понятно, почему манипуляторы потворствуют сексуальному голоду в своих попытках продать продукты, которые даже близко не сексуальны. Пока женская необходимость в достижениях и идентичности может быть направлена на поиск сексуального статуса, женщина является лёгкой добычей для любого продукта, который потенциально обещает ей этот статус — статус, который не может быть достигнут её собственными усилиями или достижениями. И пока этот бесконечный поиск статуса желанного сексуального объекта редко удовлетворён в реальности для большинства американских домохозяек (которые в лучшем случае могут только пытаться выглядеть как Элизабет Тейлор), он может быть легко переведён в поиск статуса через владение вещами.

Таким образом, женщины — агрессоры в пригородных поисках статуса, и их поиск также фальшив и нереален, как и их поиски секса. Статус, в конце концов, это то, что мужчины ищут и получают через свою работу в обществе. Женская работа — работа по дому — не может дать ей статус; эта работа имеет самый низкий статус из всех работ в обществе. Женщина должна получить свой статус опосредовано, через работу мужа. Сам муж, и даже дети, становятся символами статуса, ибо когда женщина определяет себя как домохозяйку, дом и вещи в нём и есть, в некотором смысле, её идентичность; ей нужны эти внешние атрибуты, чтобы поддержать её пустую личность, чтобы помочь ей почувствовать себя кем-то. Она становится паразитом, и не только потому, что нужные ей для статуса вещи, в конечном счёте, приобретаются через работу мужа, но потому, что она должна доминировать, владеть им из-за недостатка собственной личности. Если муж не способен предоставить ей вещи, необходимые для статуса, он становится объектом презрения, точно так же, как она презирает его, если он не способен удовлетворить её сексуальные нужды. Её истинное недовольство собой она чувствует как недовольство

своим мужем и сексуальными отношениями с ним. Как это определил психиатр, «Она требует слишком много удовлетворения от брачных отношений. Её муж недоволен этим и вообще теряет способность сексуально функционировать с ней».

Может ли это быть причиной поднимающейся волны чувства обиды среди молодых мужей на девушек, единственная цель которых была выйти за них замуж? Старая враждебность по отношению к властным «мамочкам» и агрессивным карьеристкам может, в долгосрочной перспективе, побледнеть перед новой враждебностью мужчин к девушкам, чья активная погоня за «домашней карьерой» вылилась в новый вид доминирования и агрессии. Быть орудием, инструментом, «мужчиной в доме» — явно не исполнение мечты для мужчины.

В марте 1962 года корреспондент отметил в Redbook новый феномен на пригородной сцене: «молодые отцы чувствуют себя как в ловушке»:

«Многие мужья чувствуют, что их жёны, уверенно цитируя авторитетов в управлении домом, выращивании детей и любви в браке, установили жёсткий и плотный график семейной жизни, который оставляет мало места авторитету и точке зрения мужа. (Один муж сказал: «С тех пор, как я женился, я чувствую, что потерял всё своё существо. Я больше не чувствую себя мужчиной. Я ещё молод, но мало что получаю от жизни. Мне не нужны советы, но я иногда чувствую, как будто что-то оборвалось внутри»). Мужчины называли своих жён в качестве главного источника фрустрации, вместо детей, работников, финансов, родственников, общества и друзей … Молодой отец больше не свободен совершать собственные ошибки или использовать своё влияние во время семейного кризиса. Его жена, уже прочитавшая 7 главу, точно знает, что надо делать».

Далее в статье цитируется социальный работник:

«Настойчивость современных жён в достижении сексуального удовлетворения для себя может вызвать главную проблему их мужей. Мужа могут раздразнить, обольстить и задобрить, чтобы он вёл себя как опытный любовник. Но если его жена презирает и упрекает его, как будто он доказал свою неспособность отнести чемодан вверх по лестнице, у неё начинаются проблемы. … Тревожно замечать, что через пять лет после свадьбы значительное количество американских мужей изменяли жёнам, а ещё большее количество серьёзно соблазнены на это. Часто неверность в меньшей степени поиск удовольствия, чем средство самоутверждения».

Четыре года назад я брала интервью у некоторого количества жён на некой псевдо-сельской дороге в фешенебельном пригороде. У них было всё, что они хотели: хорошие дома, дети, внимательные мужья. Сейчас на

той же дороге увеличивается наплыв домов мечты, в которых, по разнообразным и многочисленным причинам, жёны теперь живут одни с детьми, в то время как мужья — доктора, юристы, руководители счетов — переехали в город. Разводы в Америке, согласно социологическим исследованиям, почти во всех случаях инициируется мужем, даже если для видимости его получает жена. Разумеется, существует множество причин для развода, но главная среди них, похоже, увеличивающееся отвращение и враждебность мужчин по отношению к женским жерновам, висящим на их шеях, враждебность, которая не всегда направлена на жён, но и на матерей, и на женщин, с которыми они работают — по сути, на всех женщин вообще.

Согласно Кинси, сексуальное высвобождение для большинства американских мужей среднего класса не в отношениях с жёнами после пятнадцатого года брака. В 55 один из двух американских мужчин вступает во внебрачные связи. Эти поиски секса у мужчин — офисная романтика, обычные или напряжённые отношения, даже обезличенный секс ради секса, высмеянный в недавнем фильме The Apartment — в половине случаев мотивирован просто необходимостью убежать от пожирающей жены. Иногда мужчина ищет человеческих отношений, которые потерялись, когда он стал просто приложением к агрессивной «домашней карьере» его жены. Иногда отвращение к жене заставляет его искать в сексе объект, абсолютно отделённый от любых человеческих отношений. Иногда, чаще в фантазиях, чем в реальности, он ищет девочку-ребёнка, Лолиту, в качестве сексуального объекта, чтобы сбежать от этой взрослой женщины, которая посвящает всю свою агрессивную энергию, впрочем, как и сексуальную, жизни через него. Нет сомнений, что этот мужской произвол против женщин — и неизбежно против секса — невероятно увеличился во времена загадки женственности. Как один мужчина пишет в письме в Village Voice, газеты Нью-Йоркской деревни Гринвич в феврале 1962 года: «Больше нет проблемы в том, слишком ли хороша White, чтобы выйти за Black (или наоборот). Проблема в том, достаточно ли хороши женщины, чтобы выходить за мужчин, так как женщины выходят из моды». (Предполагается, что White и Black здесь — фамилии, однако, возможно, это и не так — прим. перев.)

Общественный символ этой мужской враждебности — уход американских драматургов и романистов от проблем мира к одержимости образами хищных женщин, пассивных замученных мужских персонажей (в гомо- или гетеросексуальной одежде), неразборчивыми незрелыми героинями и физическими деталями зафиксированного сексуального

развития. Это особый мир, но не настолько особый, чтобы миллионы женщин и мужчин, мальчиков и девочек не могли отождествиться с ним. «Внезапно, прошлым летом» Теннесси Уильямса — вопиющий пример этого мира.

Стареющий гомосексуалист из старинной южной семьи, преследуемый чудовищными птицами, пожирающими детёнышей морских черепах, потратил свою жизнь на погоню за потерянной золотой молодостью. Он сам был «съеден» своей обольстительно женственной матерью, точно так же, как в конце буквально съеден бандой мальчишек. Значимо то, что герой этой пьесы никогда не появляется; у него нет лица, нет тела. Единственный несомненно «реальный» персонаж — мать-людоедка. Она появляется снова и снова в пьесах Уильямса и в пьесах и романах его современников, вместе с гомосексуальными сыновьями, дочерьми-нимфоманками и мстительными Дон Жуанами. Все эти пьесы — неистовый вопль одержимой любви-ненависти по отношению к женщинам. Значимо то, что абсолютное большинство этих пьес написаны писателями с Юга, где «женственность», которую закрепляет загадка, остаётся нетронутой.

Это мужское возмущение, несомненно, результат непримиримой ненависти к паразитирующим женщинам, которые не позволяют своим мужьям и сыновьям вырасти, которые оставляют их погружёнными в этот болезненный уровень сексуальных фантазий. Фактически мужчины тоже удалены сейчас от огромного мира реальности и вовлечены в чахлый мир сексуальных фантазий, в котором их дочери, жены и матери вынуждены были искать «реализацию». И для мужчин тоже секс принимает нереальный характер фантазии — обезличенной, неудовлетворяющей и, в конце концов, нечеловеческим.

Есть ли здесь, в конце концов, связь между тем, что происходит с женщинами в Америке и всё более явной мужской гомосексуальностью? Согласно загадке женственности, «маскулинизация» американских женщин, вызванная эмансипацией, образованием, равными правами, карьерой, порождает поколение всё более «женственных» мужчин. Но настоящее ли это объяснение? Собственно говоря, данные Кинси не показали подъёма в гомосексуальности в поколениях, которые были свидетелями эмансипации женщин. Отчёт Кинси показал, что в 1948 году 37 % американских мужчин имели хоть какой-нибудь гомосексуальный опыт, что 13 % были преимущественно гомосексуалистами (на протяжении как минимум трёх лет между 16 и 55), и что 4 % были исключительно гомосексуальными — приблизительно 2 000 000 мужчин. Но не было

«никаких доказательств, что в гомосексуальной группе оказалось больше или меньше мужчин сегодня, чем в старших поколениях».

Был или нет подъём гомосексуальности в Америке, в последние годы однозначно наблюдался подъём в её открытых проявлениях. И я не думаю, что это никак не связано с национальным принятием загадки женственности. Так как загадка женственности прославляла и увековечивала во имя женственности пассивную, детскую незрелость, переходящую от матерей к сыновьям так же, как и к дочерям. Мужчины-гомосексуалисты — и мужчины-Дон Жуаны, чья необходимость в проверки их потенции часто является следствием бессознательной гомосексуальности — не менее чем женщины, одержимые сексом, Питеры Пены, навсегда дети, боящиеся возраста, хватающиеся за молодость в своём бесконечном поиске утверждения в некой магии секса.

Роль матери в формировании гомосексуальности была отмечена Фрейдом и психоаналитиками. Но мать, сын которой становится гомосексуалистом, обычно не «эмансипированная» женщина, которая соревнуется с мужчинами в мире, но само воплощение загадки женственности — женщина, которая живёт через сына, чья женственность используется для виртуального соблазнения её сына, которая привязывает сына к себе такой зависимостью, что он никогда не станет достаточно зрелым, чтобы полюбить женщину, и часто не может справиться с собственной жизнью как взрослый. Любовь к мужчинам маскирует его запретную чрезмерную любовь к матери; его ненависть и отвращение ко всем женщинам — реакция на одну женщину, которая не позволила ему стать мужчиной.

Условия этой чрезмерной любви матери-сына сложны. Фрейд писал: «Во всех исследованных случаях было установлено, что дальнейшие превращения проходят в их детстве через фазу очень интенсивной, но краткосрочной фиксации на женщине (обычно матери), и после прохождения её, они идентифицируют себя с женщиной и воспринимают себя как сексуальный объект; это значит, исходя из нарциссических оснований, они ищут молодых мужчин, напоминающих их в людях, которых они хотят любить так же, как их мать любила их.

Экстраполируя из взглядов Фрейда, мы можем сказать, что подобный избыток любви-ненависти почти что невиден в отношениях матери и сына — когда её исключительная роль жены и матери, её посвящение себя дому заставляют её жить через своего сына. Мужская гомосексуальность была и остаётся намного более распространённой, чем женская гомосексуальность. Отец не так часто искушён или принуждён обществом

соблазнять или жить через свою дочь. Немногие мужчины становятся открытыми гомосексуалистами, но очень многие достаточно подавлены этой любовью-ненавистью, чтобы не только чувствовать глубокое отвращение к гомосексуальности, но и общее и возвышенное отвращение к женщинам.

Сегодня, когда не только карьера, но и любое серьёзное дело за пределами дома находятся за границами для по-настоящему «женственных» матерей-домохозяек, некоторая преданность матери-сына, которая может привести к латентной или открытой гомосексуальности, имеет много возможностей для расширения и заполнения свободного времени.

Мальчик, задушенный такой паразитической любовью матери, охраняется от взросления, не только сексуального, но любого. Гомосексуалистам часто недостаёт зрелости, чтобы закончить школу и сделать устойчивую профессиональную карьеру (Кинси обнаружил, что гомосексуальность наиболее распространена среди мужчин, которые не идут дальше средней школы, и наименее распространена среди закончивших колледж). Поверхностная нереальность, незрелость, неразборчивость, недостаток длительного человеческого удовлетворения, которые характеризуют сексуальную жизнь гомосексуалистов, обычно характеризуют всю их жизнь и интересы. Недостаток личных достижений в работе, образовании, в жизни вне секса навязчиво «женственны». Так же, как и дочери загадки женственности, сыновья проводят большую часть жизни в сексуальных фантазиях; унылые «голубые» гомосексуалисты прекрасно могут чувствовать родство с молодыми одержимыми сексом домохозяйками.

Но гомосексуальность, которая распространяется как тёмный дым над Америкой, не менее зловеща, чем беспокойные, незрелые поиски секса молодых женщин, которые являются агрессорами в ранних браках, которые стали скорее правилом, чем исключением. И это также пугает не меньше, чем пассивность молодых мужчин, которые скорее согласятся на ранний брак, чем столкнутся с миром в одиночку. Эти жертвы загадки женственности начинают искать утешение в сексе во всё более раннем возрасте. В последние годы я брала интервью у многих сексуально неразборчивых девушек из уютных пригородных семей, включая некоторое количество — и это количество растёт — девочек, которые выходят замуж в ранние подростковые годы, потому что беременеют. Разговаривая с этими девушками и профессиональными работниками, которые пытаются помочь им, можно быстро увидеть, что для них секс — вовсе не секс. Они даже не

начали переживать сексуальную чувствительность, намного меньше «удовлетворения». Они используют псевдо-секс, секс чтобы стереть их недостаток личности; редко когда для них значит, кто этот парень; девушка почти в прямом смысле не «видит» его, пока у неё ещё нет осознания себя. И у неё никогда не будет чувства себя, если она использует простые рационализации загадки женственности чтобы через поиски секса уклониться от попыток становления личности.

Ранний секс, ранние браки всегда были характеристикой неразвитых цивилизаций и, в Америке, сельских и городских трущоб. Одним из наиболее поразительных открытий Кинси, однако, является то, что задержка в сексуальной активности была менее характеристикой социально-экономического происхождения, чем окончательного места назначения — измеренного, например, образованием. Мальчик из трущоб, прошедший через колледж и ставший учёным или судьёй, показывает такую же отсрочку сексуальной активности в юности, как и остальные, кто стал учёными или судьями, не как остальные из трущоб. Мальчики с правильной стороны пути же, которые не закончили колледж и не стали учёными и судьями, показывали больше ранней сексуальной активности, которая была характеристикой трущоб. Что бы это не показывало относительно соотношения между сексом и интеллектом, некоторая задержка в сексуальной активности, казалось, следовала за ростом умственной активности, требующейся и являющейся результатом высшего образования и профессиональных достижений, представляющих собой высочайшую ценность для общества.

Среди девушек в исследовании Кинси, казалось, даже наблюдалась связь между конечным уровнем психического и интеллектуального роста, измеренного образованием, и сексуальным удовлетворением. Девушки, вышедшие замуж в подростковые годы — которые, в случаях, исследованных Кинси, обычно прекращали образование старшей школой — начинали заниматься сексом на пять или шесть лет раньше, чем девушки, которые продолжали образование в колледже или профессиональном обучении. Эта ранняя сексуальная активность тем не менее обычно не приводила к оргазму; эти девушки продолжали переживать меньше сексуального удовлетворения (в случае оргазма) пять, десять, пятнадцать лет после брака, чем те, кто продолжал своё образование. Что касается неразборчивых девушек из пригородов, ранняя озабоченность сексом, казалось, отмечает слабый личностный стержень, который даже брак не укрепил.

Настоящая ли это причина непреодолимой жажды секса,

наблюдающейся сегодня в неразборчивости, ранней и поздней, гетеросексуальной и гомосексуальной? Совпадение ли это, что многие феномены секса без личности, секса из-за недостатка личности становятся столь распространёнными во времена, когда американским женщинам сказано жить одним только сексом? Совпадение ли то, что их сыновья и дочери имеют настолько слабые личности, что прибегают во всё более раннем возрасте к обезличенному, безличному поиску секса? Психиатры объясняют, что ключевая проблема в неразборчивости обычно «низкая самооценка», которая часто растёт из-за чрезмерной детско-материнской привязанности; тип сексуальной одержимости почти не имеет значения. Как говорит Клара Томпсон о гомосексуальности:

«Открытая гомосексуальность может выражать страх противоположного пола, страх ответственности взрослого человека… она может представлять уход от реальности в погружении в телесные ощущения, очень сходный с аутоэротическими действиями шизофреников, или это может быть симптомом разрушительности в себе или других… Люди, у которых низкая самооценка … имеют тенденцию держаться своего пола, потому что это менее пугающе… Тем не менее, отмеченные выше соображения не вызовут непременно гомосексуальность, из-за страха осуждения окружения и необходимости приспособиться эти люди часто приходят к браку. Сам факт, что кто-то в браке, никаким образом не доказывает, что кто-то — зрелый человек … Привязанность матери-ребёнка иногда — очень важная часть картины … Неразборчивость, возможно, более распространена среди гомосексуалистов, чем среди гетеросексуалов, но её значение в структуре личности очень похоже в обоих случаях. В обоих случаях основной интерес — в гениталиях и телесной стимуляции. Человек, который выбран, чтобы разделить этот опыт, не имеет значения. Сексуальная активность непреодолима и является единственным интересом».

Непреодолимая сексуальная активность, гомосексуальная или гетеросексуальная, обычно прикрывает ограниченность возможностей в других сферах жизни. Наперекор загадке женственности, сексуальное удовлетворение не обязательно признак удовлетворённости в женщине или мужчине. Согласно Эриху Фромму:

«Часто психоаналитики видят пациентов, чья способность любить и, следовательно, быть в близких отношениях с кем-либо повреждена, и кто при этом достаточно хорошо функционирует сексуально и действительно делает сексуальное удовлетворение заменой любви, поскольку их сексуальные возможности — их единственная сила, в которой они уверены.

Их неспособность быть продуктивными во всех сферах жизни и, в результате, недовольство сбалансированы и прикрыты их сексуальной активностью».

Такой же подтекст поисков секса наблюдается в колледже, даже несмотря на потенциально высокую возможность быть «продуктивными во всех остальных сферах жизни». Консультант-психиатр студентов Гарварда-Рэдклиффа недавно выявил, что студентки часто ищут «безопасность» в интенсивных сексуальных отношениях из-за их чувства неполноценности, когда они, возможно, первый раз в жизни вынуждены тяжело работать, столкнуться с настоящим соревнованием, думать активно вместо пассивности — что есть «не только странный опыт, но и нечто почти что сродни физической боли».

Значимые факты — заниженная самооценка и снижение интереса, энергичности и возможности функционировать креативно. Депрессия может быть как бы декларацией зависимости, беспомощности и приглушённым криком о помощи. И это происходит в какое-то время с различной интенсивностью с каждой девушкой во время учёбы в колледже.

Всё это может просто представлять «первый отклик чувствительного, наивного подростка на новое, пугающе сложное и запутанное окружение», как сказал психиатр. Но если подросток — девушка, от неё однозначно не должны, как от парня, ждать столкновения с вызовом, того, что она справится с тяжёлой работой, будет участвовать в конкурсе. Психиатр считает «нормальным», что девушка ищет свою «безопасность» в «любви», даже если сам парень может быть «поразительно незрелым, невзрослым и зависимым» — «тонкий тростник, по крайней мере, с точки зрения нужд девушки». Загадка женственности скрывает факт, что эти ранние поиски секса, причиняющие значительный ущерб парню или девушке, которые ищут не более того, что она предлагает, не могут дать этим молодым женщинам «более ясный образ себя» — самооценку, в которой они нуждаются, и «энергию, чтобы вести удовлетворяющую и продуктивную жизнь». Но загадка не всегда прячет от парня тот факт, что зависимость девушки от него на самом деле не сексуальная, и что она может подавлять его рост. Отсюда враждебность парня — даже если он беспомощно уступает сексуальному приглашению.

Студент Рэдклиффа недавно написал чувствительное сообщение о растущей горечи парня по поводу девушки, которая не может учиться без него — горечь, которая даже не успокоена сексом, которым они заменяют учёбу каждую ночь.

«Она наклонилась над углом страницы, а он хотел сказать ей

остановиться; небольшое механическое действие раздразнило его сверх всякой меры, и он задавался вопросом, был ли он так напряжён из-за того, что они не занимались любовью уже четыре дня… Он думал: «Бьюсь об заклад, ей нужно это сейчас, поэтому она дрожит, поэтому у неё глаза на мокром месте, и, возможно, поэтому я завалил экзамен». Но он знал, что это не было оправданием; он чувствовал нарастающее негодование, думая о том, почему он особо ничего не повторял … Часы никогда не позволят ему забыть потерянного времени… Он захлопнул книги и начал складывать их. Элеонора подняла взгляд и он увидел ужас в её глазах…

«Слушай, мне придётся оставить тебя сейчас», сказал он… «Мне нужно кое-что сделать сегодня» … Он вспомнил, что долго шёл назад, но когда он в спешке наклонился, чтобы поцеловать её, она обвила его руками, и ему пришлось сильно потянуться назад, чтобы уйти… Она, наконец, позволила ему уйти, и, больше не улыбаясь, пошептала: «Хэл, не уходи». Он заколебался. «Пожалуйста, не уходи, пожалуйста…» Она выпрямилась, чтобы поцеловать его, и когда она открыла рот, он почувствовал себя обманутым, что если он просунет язык между её губ, он больше не сможет уйти. Он поцеловал её, начиная полубессознательно забывать, что он должен делать … Он потянул её напротив себя, слыша её стон с болью и возбуждением. Затем он отодвинулся и сказал, уже вымученным голосом: «Нет ли здесь места, куда мы можем пойти?» … Она смотрела вокруг нетерпеливо и с надеждой, и он снова задался вопросом, как много её желания было страстью, и как много — хватанием: девушки использовали секс, чтобы держаться за тебя, знал он — для них было так легко притвориться возбуждёнными».

Это, конечно же, первые дети, выросшие под загадкой женственности, молодёжь, которая использует секс, как подозрительно простое успокоение, когда они сталкиваются с первыми трудными препятствиями в гонке. Почему этой молодёжи так трудно терпеть дискомфорт, сделать попытку, отложить удовольствие в данный момент ради будущих долговременных целей?

Секс и ранний брак — самый простой выход; игра в дом в девятнадцать позволяет уклониться от ответственности взросления в одиночку. И даже если отец пытался сделать сына «мужественным», независимым, активным, сильным, то и мать, и отец поощряли в дочери пассивность, слабость, цепляющуюся зависимость, известную как «женственность», ожидая от неё, конечно же, нахождения «защиты» в лице парня, и никогда не ожидая, что она будет жить своей жизнью.

И так круг сжимается. Секс без личности, закреплённый загадкой

женственности, отбрасывает всё темнеющую тень на представление мужчин о женщинах и представление женщин о самих себе. И для сына, и для дочери становится тяжелее вырваться, найти себя в мире, любить других в человеческих отношениях. Миллионы поженившихся ранее девятнадцати лет, всё более ранняя пародия на поиски секса — выдают увеличившуюся незрелость, эмоциональную зависимость и пассивность со стороны новейших жертв загадки женственности. Тень секса без личности может моментально рассеяться в солнечном пригородном доме мечты. Но что эти подобные детям матери и незрелые отцы делают со своими детьми в этом иллюзорном раю, где погоня за удовольствием и вещами прячет ослабляющиеся связи со сложной современной реальностью? Какие сыновья и дочери выращиваются девушками, которые становятся материями до того, как столкнутся с реальностью, или разорвут свои связи с ней, став матерями?

Есть пугающие последствия для будущего нашей нации в паразитическом размягчении, передающемуся следующему поколении детей, как результате нашего упрямого принятия загадки женственности. Трагедия детей, воплощающих сексуальные фантазии своих матерей-домохозяек — это только один признак прогрессирующей дегуманизации, которая происходит сейчас. И в этом «отыгрывании» через детей загадка женственности может наконец быть увидена во всей своей больной и опасной устарелости.

12. Прогрессирующая дегуманизация. Уютный концлагерь

Перевод Н. Цыркун

Голоса тех, кто выражает сожаление по поводу того, что американки забились под крышу своих домов, уверяют нас, что маятник уже качнулся в другую сторону. Но так ли это есть свидетельства, согласно которым дочерям энергичных, деятельных матерей, вернувшимся под домашний кров, чтобы примерить имидж домохозяйки, гораздо труднее иною, выйти в большой мир, чем их матерям. За последние и пятнадцать лет в характере американских детей произошло на первый взгляд незаметное, но опасное изменение. Врачи, и психоаналитики и социологи с растущей тревогой отмечают, что с ними происходит нечто похожее на то, что случилось с их матерями. По наблюдениям специалистов, в американских детях усиливаются пугающие признаки пассивности, и изнеженности, скуки. Налицо своеобразный инфантилизм, в силу которого дети домохозяек не способны к усилию, терпеливому перенесению боли и душевного дискомфорта, к соблюдению дисциплины, необходимой, чтобы одержать победу на бейсбольном поле или поступить в колледж. Многие из них ведут себя как сомнамбулы, выполняющие то, что от них ждут, то, что делают другие, причем в состоянии полной питии и безволия.

В 1960 году в одном из пригородов на Восточном побережье я слышала, как второкурсник прервал психиатра, который вел занятие, и задал не относящийся к делу вопрос: «Как называется лекарство, которое дают, чтобы человек шил в гипнотическое состояние и, проснувшись, знал все необходимое для экзамена?» Той же зимой две девушки-попутчицы рассказали мне в поезде, что вместо предэкзаменационной зубрежки они ходят на вечеринки, «чтобы проветрить мозги». «Психологи доказали, — пояснила одна из них, — что, если получишь правильную ориентировку, выучишь все без труда». И добавила: «Если профессор не в состоянии изложить материал так увлекательно, чтобы все само собой укладывалось в голове, — это его вина, а не наша». Способный юноша, бросивший университет, сказал мне, что время, потраченное на учебу, оказалось потраченным впустую, ведь главное — интуитивное знание, а ему на факультете не обучали. Несколько недель он проработал на

автозаправочной станции, месяц — в книжном магазине. Потом бросил работу и проводил время в полном безделье: вставал утром с постели, завтракал, ложился опять; даже ничего не читал.

Такой же сомнамбулизм я наблюдала у тринадцатилетней девочки в богатом пригороде Уэст-Честера, когда изучала проблему беспорядочных половых связей среди подростков. Будучи очень одаренной, она тем не менее едва успевала в школе, ей трудно было приспособиться к требованиям педагогов. Казалось, что ей всегда скучно, неинтересно, что она вот-вот заснет. Она будто бы вечно пребывала в состоянии дремоты и, садясь после школы в машину к мальчикам, ищущим развлечений, походила на марионетку, которую кто-то дергает за веревочку.

Это свойство подростков, не желающих взрослеть, заметили многие наблюдатели. Преподаватель из Техаса, обеспокоенный тем, что студенты не интересуются науками, которые хотели постигать, не прилагая усилий, обратил внимание также и на то, что им вообще ничего не интересно, включая занятия вне стен колледжа. Они всего лишь «убивали время». Судя по анкетам, в мире не было ничего, на что они могли бы потратить жизнь, равно как и ничего, что придавало бы смысл их существованию. Идеи, жизненные представления, то, что составляет прерогативу рода человеческого, — все это напрочь отсутствовало в их умах и никак не освещало их жизненный путь.

Один из проницательнейших наших социологов, с помощью психоаналитиков пытаясь выявить суть происходящего в юном поколении изменения, назвал его базовым изменением американского характера. Эти исследователи усмотрели, что к худу или к добру, как знак здоровья или недуга, но тип индивида с сильным самосознанием сменялся аморфной индивидуальностью, ориентированной на других. В пятидесятых годах Дэвид Рисмен не нашел ни одного юноши, ни одной девушки с сильным чувством собственного «я», характерным для зрелого человека, хотя, как он пишет, поиски такой автономной личности велись в нескольких частных и государственных школах.

В колледже Сары Лоуренс, где студенты всегда принимали активное участие в организации учебного процесса где было сильно студенческое самоуправление, выявилось, что новое поколение беспомощно, апатично, не способно воспринимать традиции свободы. Если организацию каких-то

мероприятий оставляли на их усмотрение, ничего не получалось; возможность составлять расписание в соответствии и с их собственными интересами не реализовывалась, потому что не проявлялось вообще никаких интересов. Гарольд Тейлор, тогдашний президент колледжа, описывал происшедшую перемену следующим образом: «В то время как несколько лет назад можно было рассчитывать на инициативу студенчества в ведении своих дел, формировании новых организаций, выдвижении новых проектов социальной помощи нуждающимся или в интеллектуальной сфере, ныне становится ясно, что для многих студентов ответственность и самоуправление часто оказываются бременем, а не правом, которого следует добиваться… Студенты, которым была предоставлена полная свобода в организации быта и принятии решений, не желали пользоваться этой возможностью… Студенты все труднее справлялись с задачей развлекать себя, все охотнее предавались заранее кем-то организованным развлечениям, где им выпадала исключительно пассивная роль… Студенты проявляли неспособность строить планы на будущее и не обнаруживали никакой в нем заинтересованности».

Поначалу педагоги видели корень зла в консерватизме и осторожности как наследии эпохи маккартизма, в ощущении беспомощности, рожденной атомной угрозой; позднее перед лицом успехов русских в космосе политики и общества в целом принялись обвинять в этом грехе излишнюю мягкость системы образования. Но лучшие из педагогов отымали себе отчет в том, что дело не в мягкотелости, а в пассивности, которую учащиеся сами привносят в школу, в этой пугающей «базовой пассивности, которая… требует героических усилий от тех, кто должен ежедневно преодолевать ее в школе и за пределами школьных стен». Физическая пассивность подрастающего поколения привела к физическому ослаблению, встревожившему наконец и Белый дом. Эмоциональная пассивность материализовалась в фигурах бородатых неряшливых битников, воплотивших в себе бесстрастный и бесцельный юношеский протест. Подростковая преступность в респектабельных районах начала уравниваться в масштабах с преступностью в районах трущоб, причем замешанным в ней оказывались дети из преуспевающих, благополучных, образованных семей, имеющих все «возможности» и «привилегии». Фильм под названием «Я был подростком Франкенштейном» не казался невинной забавой родителям из Уэст-Честера и Коннектикута, которых в шестидесятые годы терроризировали банды малолетних преступников и дети которых баловались на своих вечеринках в роскошных интерьерах

наркотиками. Не забавлял этот фильм и старшее поколение округа Берген, дети которых были арестованы за вандализм на кладбище, и родителей дочек, которые в свои тринадцать лет организовали свою службу «девушек по вызову». Кроме бессмысленного вандализма можно вспомнить массовые хулиганства во Флориде, беспорядочные половые связи, распространение среди несовершеннолетних венерических заболеваний и рост случаев внебрачной беременности, массовый уход из школ и высших учебных заведений. Такова была изнанка этой пассивности. Для скучающих, ленивых, попрошайничающих детей единственным способом прервать монотонность ничем не занятого времени был «кикс». («Кикс» — термин из обихода джазовых музыкантов, приобретший к концу сороковых годов устойчивое обозначение удовольствия, получаемого от безнравственного поступка. — Прим. Перев).

Эта пассивность была уже не проблемой скуки — она сигнализировала о разрушении личности. Грозящая опасность была понята теми, кто изучал поведение американских солдат, попавших в плен в Корее в пятидесятые годы. Армейский врач, майор Кларенс Андерсон, которому разрешалось свободно передвигаться по лагерям военнопленных, обслуживая содержащийся там контингент, сделал такое наблюдение: «Во всех лагерях, временных и постоянных, сильные всегда отнимали пищу у слабых. Пресечь это зло было невозможно, поскольку никакой дисциплины не соблюдалось вообще. Многие были ослаблены, и здоровые, вместо чтобы помочь им, напротив, всячески их притесняли. Повсеместно свирепствовала дизентерия, и из-за нее больные не могли передвигаться. Зимними ночами беспомощные больные дизентерией, изгонялись товарищами из казарм, их оставляли умирать на морозе».

Почти 38 процентов военнопленных умерли — такого уровня смертности не знала еще ни одна война, в которой принимали участие американцы, со времен Великой американской революции. Многие военнопленные, инертные, бездеятельные, пытались спастись, прячась от реальности. Они ничего не предпринимали, чтобы раздобыть еду, дрова, держать себя в чистоте, чтобы общаться с другими. Майора поразил тот факт, что эти американские солдаты были совсем лишены «присущей янки приспособляемости», умения справляться с новой ситуацией, хотя бы и простейшей. Он сделал следующее заключение: «Частично — но только частично — это было следствием психического шока, в которым их поверг плен. Но кроме того, это был результат просчетов в воспитании в детстве и

юности, результат изнеживающих условий роста». Делая поправку на военную пропаганду психолог, занимающийся проблемами воспитания, прокомментировал эти слова: «Безусловно, в развитии этих молодых ребят произошел чудовищный сдвиг: их жестокость, непорядочность, уязвимость ужасны. Я не нахожу иного слова, как разрушение личности. Правильное развитие может и обязательно должно готовить зрелость, суть которой в стабильном чувстве самости…»

В свете сказанного военнопленные в корейских лагерях представляют собой новый тип американца, воспитанного вопреки педагогической логике людьми, не обладающими характером и уровнем сознания, которые помешали бы культивировать тип личности с низким самосознанием». Ошеломляющее признание того, что пассивное разрушенные личности является «небывалым историческим событием», пришло только тогда, когда оно уже заметно проявило себя в молодом поколении. Между тем апатичное, инфантильное, бездумное существо, какой-то недочеловек, в которого превращается новый американец, разительно напоминает «женственную» личность в том виде, в каком ее описывают сторонники загадочной женственности. Ну разве же основные черты женственности, которую Фрейд неразрывно связывал с биологией пола, — пассивность, низкий уровень самосознания, неразвитое суперэго, отказ от постановки труднодоступных целей, от амбициозных замыслов, готовность пренебречь собственными интересами, неспособность к абстрактному мышлению, отказ от деятельности во внешнем мире и замыкание в узком личном мирке, часто просто в каком-то воздушном замке, — разве это не те же самые свойства, которые характеризуют нынешнюю повальную пассивность?

Как скажется появление в Америке юношей и девушек, чье развитие затормаживается на уровне инфантильной фантазии и бездействия? Юношество, в котором я заметила эти качества, — дети матерей, которые жили в пределах, очерченных для них загадочной женственностью. Они исполняли свою материнскую роль так, как предписывалось обществом. Некоторые из них имели способности выше средних, иногда высшее образование, но все они вели себя одинаково по отношению к детям, в которых видели единственный смысл жизни.

Одна мать, ужасно расстроенная тем, что ее сын с трудом учится читать, сказала мне, что, ожидая его возвращения домой с первыми

отметками, «волновалась, как девчонка перед первым свиданием». Эта женщина была твердо убеждена, что учителя занижают способности ее ребенка. Другая мать жаловалась на то, как тяжело она переносила любое чувство дискомфорта, которое приходилось испытывать ее детям. Вот ее слова: «Я всегда позволяла им переворачивать в доме все вверх дном, строить домики в гостиной, не разбирая их целыми днями, так что мне самой негде было присесть и почитать. Я терпеть не могла заставлять их заниматься тем, что им было не по душе, даже принимать лекарства во время болезни. Мне было невыносимо видеть их страдающими, я не могла смотреть, когда они дрались или сердились на меня. Я всегда все понимала и проявляла терпение. Покидая их всего на несколько часов, я чувствовала себя виноватой. Меня волновала каждая страница в их тетрадках. Я всегда старалась быть хорошей матерью. Гордилась тем, что Стив не вступал в драки с соседскими ребятишками. И не подозревала неладного вплоть до той поры, пока у него не возникли проблемы в школе, когда он не хотел появляться в классе, боясь других ребят, а по ночам его мучили кошмары».

А еще одна мать рассказала вот что: «Я думала, что должна быть дома всегда, когда они возвращаются из школы. Читала все рекомендуемые книги, чтобы быть в состоянии помогать им в уроках. Никогда я не чувствовала себя такой счастливой, как в те дни, когда помогала Мэри подготовить гардероб к колледжу. И была ужасно огорчена, когда она отказалась заниматься искусством. Это была моя мечта — до замужества, конечно. Может быть, следовало бы самой реализовывать свои мечты».

Не думаю, чтобы это было простым совпадением: усиливающаяся пассивность и приверженность фантазиям так широко распространились среди юного поколения именно тогда, когда большая часть американок, в том числе самых способных и образованных, попала в плен мистификации женственности, диктующей им забыть свои мечты и жить только для детей. «Поглощение» личности ребенка его матерью, представительницей среднего класса, — процесс, который стал очевиден внимательным социологам еще в сороковые роды, — в дальнейшем приобретало все больший размах. Не имея значительных интересов за пределами дома, предоставив выполнение домашней работы механизмам, женщины могли почти без остатка отдаться культу ребенка. Даже когда дети достигали школьного возраста, матери с той же пылкостью отдавали им себя, подчас в буквальном смысле слова. Для многих из них отношения с детьми превратились в любовный роман или своеобразное слияние, «симбиоз».

«Симбиоз» — термин биологический, он обозначает процесс, в результате которого, попросту говоря, два организма начинают жить как один. Когда эмбрион находится в материнской утробе, кровь матери поддерживает его жизнь; пища, которую она ест, питает его, кислород, которым она дышит, поступает в его организм, а продукты обмена выводятся через организм матери. Биологическое единство матери и ребенка, удивительное и очень сложное, существует изначально. Но в тот момент, когда обрезается пуповина, связывающая мать и дитя, ему приходит конец.

Начиная с этого момента в «симбиозе» матери и ребенка, как утверждают психологи, материнская любовь играет роль внутриутробной жидкости, питающей плод. Она питает душу ребенка, пока он не будет готов к самостоятельной психологической жизни. Речь, таким образом, идет о том состоянии, когда мать и дитя сохраняют мистическое единство, они еще не разделены окончательно. Термин «симбиоз» в устах психологов-популяризаторов означает, что постоянная материнская забота абсолютно необходима для воспитания ребенка.

Но вот этот термин начинает фигурировать в детских историях болезни. Похоже, что все больше и больше детских патологий вырастает из того симбиотического отношения к матери, которое не позволяет ребенку стать самостоятельным существом. Эти больные дети «воплощают» бессознательные желания матерей, те их мечты, которые они не переросли и не отбросили и теперь пытаются осуществить в своем ребенке.

Термин «воплощение» используется в психотерапии для описания поведения пациента, находящегося в разладе с реальностью, и выражает бессознательные инфантильные желания или фантазии, В данном случае происходит воплощение фантазий не самого ребенка, а его матери. Врачи могут проследить те способы, с помощью которых мать неосознанно вырабатывает в своем ребенке поведение, оказывающее разрушительное воздействие на его становление. Известен случай, произошедший в Уэст-Честере, когда мать способствовала сексуальной распущенности своей тринадцатилетней дочери: она не только воспитала в ней обостренное внимание к своим женским чарам, совершенно игнорируя индивидуальность девочки, но, когда та вступила в пору полового созревания, внедрила в ее сознание собственные фантазии о проституции.

Воплощение в жизнь мечтаний и фантазий родителей через детей не считается патологией только в том случае, если это не идет вразрез с природой самого ребенка и его наклонностями. Сколько романов (и историй болезней!) написано о том, как мальчик оказался плохим бизнесменом, потому что об этой карьере мечтал для него отец, в то время как сам он хотел стать, например, скрипачом, или о мальчике, попавшем в психбольницу как раз из-за того, что мать в своем изображении видела его великим музыкантом. Этот процесс и последние годы приобретает все более отчетливо патологический характер, потому что мечты матерей, которые приходится воплощать детям, все более инфантильны. Так и не ставшие зрелыми, матери все в большей степени оказываются вынужденными искать компенсации с помощью детей и нее меньше способны оторвать себя от ребенка. Таким образом, благодаря состоянию «симбиоза» именно ребенок удерживает в матери жизнь и именно ребенок в результате этого процесса разрушается как личность.

Этот разрушительный «симбиоз» буквально встроен в механизм загадочной женственности. И процесс этот набирает обороты. Начавшись в одном поколении, он продолжается и другом. Мне представляются особенно важными следующие факторы:

1. Препятствуя столкновению девочек с реальностью, лишая их практических занятий в школе и вне ее, обещая им волшебное исполнение желаний в замужестве, пропаганда загадочной женственности останавливает их развитие на уровне ребенка, замораживает личность и обрекает будущих женщин на неизбежную недоразвитость личностного стержня.

2. Чем явственнее инфантилизм и низкое самосознание, тем раньше девушка начинает стремиться к «обретению себя» через роль матери и жены, тем неизбежнее ей придется жить исключительно ради мужа и детей. При этом ее связи с реальным миром и чувство самости будут ослабевать.

3. Поскольку человеческий организм предполагает развитие, женщина, останавливающаяся в развитии, избирая для себя инфантильную роль домохозяйки, которая в дальнейшем заблокирует ее развитие, будет страдать от острой патологии, физической и эмоциональной. Материнство тоже будет носить все более и более патологический характер как но отношению к ней самой, так и к ее детям. Чем глубже инфантилизм матери, тем меньше ребенок окажется готовым стать сильной личностью в мире реальности. Матери с инфантильным «я» будут иметь еще более

инфантильных детей, которые гораздо раньше уйдут в мир грез, отказавшись от контактов с действительностью.

4. Знаки этого патологического отказа более очевидным образом сказываются на мальчиках, поскольку даже в детстве от них требуется выход в реальность, который для девочек закрыт загадкой женственности, предоставляющей им мир сексуальной фантазии. И уже сами эти ожидания вырабатывают у мальчиков более или менее сильное «я», а девочек делают жертвами или превращают в «психованных» мамаш эпохи прогрессирующей дегуманизации.

Психиатры и практикующие врачи из респектабельных пригородов рассказали мне, как проходит этот процесс. Один из них, Андрас Ангиал, описал его (причем не только применительно к женскому полу) как «невротическое уклонение от развития». Различают два способа уклонения. Один — «невключение». Человек живет своей жизнью: школа, работа, брак, — «производя определенные операции, но не отдаваясь этому процессу целиком». На первый взгляд кажется, что он живет нормальной жизнью, а на самом деле— «производит операции», и только.

Второй способ Ангиал назвал «методом замещающего существования». Суть его — в систематическом отказе и подавлении собственной личности, в попытке заменить ее другой, «идеализированной абстрактной сущностью, абсолютная обтекаемость которой, лишенная каких бы то ни было оригинальных черт и импульсов, помогает безболезненно адаптироваться в среде».

Иными словами, речь идет о сознательном выборе для себя «расхожего клише», оттиражированного временем. «Наиболее частым проявлением замещающего существования, — считает Ангиал, — является полная зависимость от другой личности, которую часто принимают за любовь. Такая исключительно сильная привязанность, однако, лишена самых существенных признаков настоящей любви — преданности, интуитивного взаимопонимания и удовольствия от самоотдачи. Напротив, эта привязанность отличается крайней пассивностью и стремится лишить партнера «собственной жизни». Партнер тут нужен не в качестве личности, с которой можно соотнести себя; он потребен лишь для восполнения собственной пустоты, собственной ничтожности. Эта ничтожность, которая поначалу была воображаемой, в результате упорного подавления собственной личности становится вполне реальной. Попытки

осуществиться и качестве другой личности не излечивают от чувства собственной пустоты. Подавление природных, спонтанных импульсов оставляет человека с ощущением болезненного эмоционального вакуума, близкого чувству небытия…»

«Невключенность» и «замещающее существование», делает вывод Ангиал, «можно расценить как попытку разрешить конфликт между импульсом роста и страхом оказаться перед лицом незнакомой ситуации», но, ослабляя на время давление обстоятельств, эти способы не помогут решить проблему радикально, «их результат — независимо от намерения— всегда уклонение от развития».

«Невключенность» и «замещающее существование» составляют самую суть достигнутого ныне определения женской ценности. Именно с помощью этой тактики учат девушек реализовывать себя в своем женском качестве, именно по этим правилам живет сейчас большинство американок. Но если человеческий организм обладает внутренним импульсом к росту и максимальному самоосуществлению, неудивительно, что души и тела здоровых женщин начинают сопротивляться приспособлению к той роли, которая ограничивает развитие. Симптомы, озадачивающие врачей и психоаналитиков, являются сигналом, предупреждающим о том, что женщины не могут поступиться своей сущностью, реализацией своего самобытного «я» без борьбы.

Я видела, как происходит эта борьба у женщин, которых я опрашивала, и у женщин из пригорода, где я сама живу. К сожалению, чаще всего эта борьба обречена на поражение. Одна молодая девушка, первая ученица в школе и последняя по успеваемости в колледже, отказалась от всех своих серьезных интересов, чтобы стать «своей» среди сверстников. Рано выйдя замуж, она играла роль обыкновенной домохозяйки, точно так же как в колледже играла роль «своей в доску». Не знаю, в какой именно момент она перестала понимать, что в ее жизни реально, а что — придумано, но, став матерью, она нередко бросалась на пол и колотила ногами, когда не могла справиться со своей трехлетней дочкой. В 38 лет она, пытаясь покончить с собой, вскрыла вены.

Другая очень интеллигентная дама, которая оставила довольно успешно начавшуюся карьеру исследователя-онколога, чтобы превратиться в заурядную домохозяйку, накануне рождения ребенка перенесла тяжелейшую депрессию. Выздоровев, она так привязалась к своему дитяти,

что в течение четырех месяцев неотлучно находилась при нем в яслях, потому что при каждой попытке его оставить он исступленно кричал. В первом классе по утрам у него случались приступы рвоты, потому что ему не хотелось расставаться с матерью. Его агрессивность на детской площадке сеяла опасность для всех вокруг. Когда соседский мальчик отнял у него бейсбольную биту, которой он собирался ударить кого-то из ребятишек по голове, мать жестко отреагировала на попытку «обидеть» ее ребенка. Но сама она едва ли могла с ним справиться.

Через десяток лет, пройдя все этапы материнства в том виде, в каком они характерны для этой среды, с той поправкой, что совершенно неспособна была к строгому обращению с детьми, она стала чувствовать в себе все меньше и меньше жизненных сил, становилась все менее и менее уверенной в себе. Накануне того дня, когда ее нашли в подвале собственного безукоризненного дома с веревкой на шее, она водила детей на прием к педиатру и сделала необходимые распоряжения к предстоящей вечеринке по случаю дня рождения дочери.

К самоубийству обитательницы благополучных районов прибегают не так уж часто, однако существуют и другие свидетельства того, что им приходится очень дорого оплачивать уклонение от развития. Сегодня никто не оспаривает тот факт, что женщина как биологический вид не слабее мужчины. В каждой возрастной группе умирает больше мужчин, чем женщин. Но с того времени, как американки ограничились в массе ролью домохозяек, они перестали жить радостно, целеустремленно, наслаждаясь самой жизнью, что является показателем здоровья.

В пятидесятые годы психиатры, психоаналитики и врачи всех специальностей заметили, что «синдром домохозяйки» начинает приобретать все более выраженный патологический характер. Незначительные случайные недомогания — кровотечения, нервозность, утомляемость — стали сменяться у молодых домохозяек сердечными припадками, желудочными кровотечениями, гипертонией, бронхопневмониями, эмоциональный стресс углубился до невроза. В последнее десятилетие в некоторых солнечных регионах страны резко увеличилось число случаев так называемого «материнского психоза». Это депрессивное состояние, чреватое попытками самоубийства, которое связано с деторождением. Согласно, данным, собранным доктором Ричардом Гордоном и его женой Кэтрин (он психиатр, она социальный психолог), и округе Берген в пятидесятых годах примерно одна из трех молодых матерей страдала депрессией или неврозом в связи г рождением

ребенка. Сравните это с данными предшествующих исследований, по которым одно психическое расстройство приходилось на 400 беременностей, а в менее тяжелых случаях — одно на 80. «В 1953–1957 годах, — пишут супруги Гордон, — в округе Берген каждая десятая из 746 взрослых пациенток, обращавшихся к психиатру, была молодой женщиной, недавно вышедшей замуж и заболевшей и период беременности и родов. Фактически молодые домохозяйки в возрасте от 18 до 44 лет страдали не только от родовой депрессии, но и от самых разных психических и психосоматических недугов, причем тяжесть заболевания возрастала, а сам этот контингент оказался основной группой среди такого рода пациентов. Число болеющих молодых жен-шин наполовину превышало число молодых мужей и в три раза количество больных в какой-либо иной группе. (Сходные данные получены и по другим регионам.) За период от начала и до конца десятилетия молодые домохозяйки обогнали мужчин по числу таких заболеваний, как сердечно-коронарная недостаточность, язва желудка, гипертония и бронхопневмония. В больнице, обслуживающей данный регион, женщины составляли 40 процентов больных язвой желудка».

Когда я беседовала с супругами Гордон, они отнесли распространение патологии среди женщин-домохозяек на счет «мобильности» местного населения, поскольку в давно освоенных областях и старых городах эти процессы выражены не столь явно. Тем не менее более «мобильные» мужчины не так подвержены заболеваниям, как их жены и дети. Предыдущие исследования депрессии беременных указывали на то, что женщины, успешно продвигающиеся по службе, иногда страдали в результате «ролевого конфликта», становясь домохозяйками. Но представительницы нового поколения, ставшие жертвами болезней, никогда не собирались делать карьеру, и никто не ждал от них ничего, кроме исполнения роли жены и матери. Гордоны подчеркивают, что их наблюдения не следует толковать в том смысле, что молодые женщины испытывают больше стрессов, чем их мужья; просто в силу некоторых причин женщины больше подвержены воздействию стресса. Может быть, причины эти в том, что они не справляются с той ролью, которую взяли на себя? Или, напротив, она слишком незначительна для них?

Болезненные симптомы обнаруживаются не у всех женщин, рожающих детей; у некоторых из них этот процесс протекает вполне благополучно. Поражает, однако, одна общая для всех деталь: женщины, чьи расстройства зарегистрированы в истории болезни, прервали

образование, не исчерпав своих возможностей. Они либо бросили колледж, либо ушли, не доучившись, из школы. Чаще всего Они бросали учебу на втором курсе. Многие происходили из «наиболее репрессивных этнических групп» (итальянки и еврейки) или из небольших городков на Юге, где «женщины находятся под защитой мужчин и традиционно зависимы от них». Большинство этих женщин никогда не работали по специальности и не пробивались в жизни своими усилиями. Некоторые выполняли до замужества относительно простые обязанности или имели интересы, от которых отказались после брака. Но подавляющее большинство вообще не имело никаких амбиций, кроме желания выйти замуж за подходящего человека, причем на этом пути они стремились к осуществлению не только своей мечты, но и мечты своих матерей. Вот как описал мне их доктор Гордон: «Это были ни к чему не приспособленные женщины. Они никогда ничем не занимались. Не могли даже организовать какой-нибудь общественной комитет. Им некуда было себя деть, они не умели ни работать, ни учиться. Многие даже не доучились в школе. Легче заиметь ребенка, чем получить высший балл. Они не были готовы пережить стресс, справиться с болью, с тяжелой работой. И как только сталкивались с трудностями, тут же ломались».

Может быть, именно в силу большей, чем у других женщин пассивности и зависимости эти пленницы пригородов подчас оказывались инфантильнее собственных детей. А дети обнаруживали пассивность и инфантилизм, причем особенно рано это проявлялось у мальчиков. Сегодня в детских психиатрических больницах подавляющее большинство составляют мальчики, а в клиниках для взрослых — женщины, точнее, домохозяйки. Не вдаваясь в теоретические подробности, приведу мнение одного психоаналитика: «Действительно, женщин среди моих пациентов больше, чем мужчин. Их жалобы разнообразны, но, если заглянуть поглубже, в каждом случае обнаруживается одно и то же — внутренняя опустошенность. Это не комплекс неполноценности. Речь идет об ощущении собственной ничтожности. Беда в том, что у этих женщин нет никаких жизненных целей».

Другой доктор, работающий в психиатрической больнице, рассказал мне о молодой матери шестнадцатилетней девочки, которая после переезда за город семь лет назад занималась только своими детьми (если не считать незначительной благотворительной деятельности). Несмотря на постоянную тревогу за дочь («Я думаю о ней весь день — о том, что нее совсем нет друзей, или о том, попадет ли она в колледж»), она забыла день,

когда дочь должна была сдавать вступительный экзамен. «Ее обеспокоенность делами дочери была, в сущности, тревогой за себя самое и за состояние своих дел. Когда эти женщины страдают от того, что совершенно забывают о себе, дети отдаляются от них. Я вспоминаю о двухлетнем ребенке, у которого появились очень грозные симптомы в связи с тем, что он был лишен контакта с матерью. Целыми днями она безотлучно сидела дома. И при этом мне пришлось учить ее, как нужно общаться с малышом. Но все обучение такого рода идет насмарку, если мать не поймет, что ей необходимо прежде всего реализовать себя как личность. Быть все время на глазах у детей — не значит быть полезной им; иногда достаточно доли секунды, чтобы сделать для них нечто очень важное. И наоборот, мать может маячить перед ребенком день напролет и при этом быть незримой, потому что на самом деле она занята только собой. И ребенок начинает колотить ногами, биться в истерике, отказываясь расстаться с ней, когда его отправляют в ясли. Бывает, что девятилетней мальчик требует, чтобы мать сидела рядом с ним в ванной, ложилась вместе с ним, когда он засыпает. Иначе ему грозит нервный срыв. Мать отважно берется выполнять все его причуды. Но если бы она справилась с собственной ущербностью, она исполнила бы. и свой материнский долг. Ей прежде всего необходимо наполнить смыслом свое существование, стать самой собой, помогать детям расти, учить их справляться с реальностью и понимать чувства ребенка».

В другой клинике врач рассказал мне о матери, которая пришла в панику от того, что ее ребенок не мог учиться в школе, хотя его интеллект оценивался довольно высоко. Сама она бросила колледж, став домохозяйкой, и жила в ожидании, когда сын пойдет в школу, чтобы восполнить свою ущербность его успехами. Пока не удалось «оторвать» ее от сына с помощью терапии, он не воспринимал себя как отдельное существо. Поэтому он ничему не мог учиться самостоятельно, в том числе чтению.

Как ни странно это звучит, сказал этот врач, но мать упомянутого ребенка, как и многие другие женщины, якобы «исполняющие женскую роль», «на самом деле исполняла самую что ни на есть мужскую роль»: «Она всем распоряжалась, руководила жизнью детей, железной рукой вела дом, занималась плотницким ремеслом, вынуждала мужа браться за какие-то нелепые дела, следила за финансами и школьными успехами, а супругу оставалось только оплачивать счета».

В Уэст-Честере, чья школьная система всемирно известна, недавно обнаружилось, что выпускники, блестяще оканчивающие школу, в

колледжах учились плохо и из них ничего путного не выходило. Исследование вскрыло психологическую причину, лежавшую в основе этого явления. Матери делали уроки за своих чад. Из-за этого обмана развитие детей затормозилось.

Другой психоаналитик объясняет, каким образом преступность несовершеннолетних становится результатом воплощения детьми материнских фантазий с присущим последним инфантилизмом: «Как правило, наиболее активный родитель — обычно мать, хотя отец всегда тем или иным образом вовлекается в этот процесс — бессознательно поощряет аморальное или антиобщественное поведение ребенка. Невротические претензии родителя… исполняются через поведение ребенка. Такие невротические запросы появляются либо из-за неспособности родителей удовлетворить их в мире взрослых, либо потому, что взросление самих родителей было остановлено в юности, а чаще всего — из-за сочетания обоих этих факторов».

Специалисты, работавшие с малолетними преступниками, увидели в этом явлении следы процесса дегуманизации, которому одна только любовь противостоять не в силах. «Симбиотическая» любовь или терпимость — то есть те формы, которые принимало материнское чувство в эпоху мистификации женственности, — не могут воспитать в ребенке социально ответственное существо с сильным характером. Для этого нужна зрелая мать с высоким уровнем самосознания и ощущением баланса между собственными сексуальными и прочими инстинктивными нуждами и ощущением себя членом общества. «Необходима родительская твердость, которая свидетельствовала бы о том, что этот человек научился добиваться своих целей посредством практической деятельности».

Мне рассказали историю девятилетней девочки-воровки. Мать, покрывая ее, утверждала, что, мол, с возрастом это пройдет, и в словах ее сквозило собственное стремление к замещающему удовлетворению. И однажды девочка спросила врача: «А когда моя мама сама что-нибудь украдет?»

Варианты прогрессирующей дегуманизации в своих крайних формах встречаются у детей, страдающих шизофренией (аутизмом), или, как их иногда называют, у «нетипичных» детей. Я посетила знаменитую клинику, где такие дети наблюдались почти двадцать лет. По отзывам персонала, за этот период случаи заболевания детей, когда их развитие не останавливается на уровне раннего детского возраста, участились. По поводу причин этого явления авторитетные врачи высказывают разные мнения, как, впрочем, и по поводу увеличения его масштабов, —

кажущееся оно поскольку случаи такого рода просто чаще стали выявляться) или действительное. Вплоть до самого недавнего времени большинство таких детей считались умственно отсталыми. Однако при более тщательном изучении в условиях стационара выяснилось, что это явления совсем иного порядка, нежели необратимые случаи умственного отставания. Эти заболевания поддаются лечению.

Дети с таким заболеванием часто отождествляют себя с вещами, с неодушевленными объектами — автомобилями, радиоприемниками и прочим, а также с животными — свиньями, собаками, кошками. Суть дела в том, что они не сложились как личность, чтобы справляться даже с самой непосредственно близкой реальностью. Они не выделяют себя как отдельное существо из окружающего мира; они существуют на уровне вещей, повинуясь инстинктивному биологическому импульсу, который не преобразовался в импульс человеческий. Что касается причин заболевания, то врачи поняли необходимость «обследовать личность матери, которая является посредником социализации ребенка».

В больнице Детского центра Джеймса Джексона Путнема в Бостоне персонал проявил очень большую осторожность в выводах по поводу причин отклонений в здоровье маленьких пациентов. Все же один из врачей, с явным неудовольствием отметив увеличение потока больных «с утраченной личностью, разрушенной личностью, плохо развитой личностью», добавил: «Нам давно известно, что, если у родителей проблемы с самосознанием, ребенок наверняка их унаследует».

Большинство матерей, у детей которых так и не развилось личностное самосознание, сами были «крайне незрелыми индивидами», хотя на первый взгляд «производили впечатление вполне нормальных». Они были очень зависимы от своих матерей, привнесли эту зависимость в свой ранний брак и «героически боролись за то, чтобы создать и удержать имидж прекрасной женщины, жены и матери». «Необходимость быть матерью, надежда и ожидание, что благодаря этому она может реализоваться как личность, способная переживать глубокие чувства, столь отчаянны, что мог породить беспокойство, неустойчивость, страх потерпеть поражение, — считает Беата Рэнк. — Стараясь не проявлять материнских чувств открыто, она внимательно изучает новейшие методы воспитания и читает трактаты о физической и духовной гигиене».

Ее постоянная забота о ребенке — не стихийная потребность, она основывается на «образе хорошей матери» и надежде, что «через идентификацию с ребенком, который есть ее плоть и кровь, она сумеет пережить радость настоящей любви, подлинного чувства».

В результате ребенок становится для матери неким существом, «кричащим по ночам», неодушевленным объектом. По мнению Беаты Рэнк, «пассивный, бездеятельным ребенок представляет собой меньшую угрозу, ибо он не слишком много требует от матери, которая вечно опасается, что обнаружится ее эмоциональная пустота, выявится, что она ледышка». Когда же ей становится ясно, что восполнить собственную ущербность посредством ребенка не удастся, она отчаянно пытается сохранить над ним контроль. В битве по приучению к горшку или в процессе отнимания от груди она стремится взять реванш. Ребенок превращается в сущую жертву — жертву материнской беспомощности, которая рождает в ней агрессивность, вырастающую в страсть к разрушению. Чтобы выжить, ребенку остается одно — уступить, сдаться на милость не только опасной матери, но и всего окружающего мира».

Итак, ребенок становится «вещью», или животным, или вечным странником, в бесцельных поисках слоняющимся по комнате, кружащим вдоль стен, словно в клетке, из которой ему хотелось бы вырваться».

В этой больнице выявилось, что одна и та же модель заболевания встречается в нескольких поколениях одного семейства. Дегуманизация действительно прогрессирует.

Исходя из этих наблюдений можно предположить, что выявленный исследователями конфликт двух поколений, по всей вероятности, существовал и между предыдущими поколениями и повторится в следующих, если только не будет блокирован терапевтическим вмешательством или ребенку не придет на помощь сильная фигура отца, на что, однако, опыт не позволяет нам надеяться.

Однако ни терапия, ни любовь недостаточны, чтобы помочь этим детям, если мать будет продолжать жить жизнью своего ребенка. Это подтвердилось в ходе моих бесед со многими женщинами, которые командовали дочерьми и воспитывали их либо в пассивной уступчивости, либо подталкивая к сексуальной распущенности. Одной из самых трагических из встреченных мною фигур была мать сомнамбулической тринадцатилетней девочки. Жена состоятельного чиновника, чья жизнь была наполнена всеми доступными этому кругу радостями, она слыла душой своего общества, но не имела никакого выхода во внешний мир. Жизнь мужа сосредоточивалась на работе, тонкостями которой он с женой не делился. И, пытаясь внести какой-то смысл в собственное существование, она толкнула дочь на сексуальную связь. Теперь она стала жить псевдосексуальными приключениями своей тринадцатилетней дочери, в буквальном смысле слова превратив ее в неодушевленный объект,

в вещь, потому что чувства девочки еще не проснулись и она не была готова к такого рода переживаниям.

Целая команда врачей и консультантов пыталась помочь ее родителям, исходя из того, что, если удовлетворить сексуальные и эмоциональные потребности матери с помощью мужа, ей не придется искать их удовлетворения косвенным путем — посредством дочери, которая в таком случае сможет превратиться из «вещи» в одушевленное существо, в женщину. Поскольку у мужа было достаточно своих проблем и перспективы дождаться от него нежного внимания к жене выглядели весьма туманными, усилия консультантов были направлены на то, чтобы помочь матери найти какие-то другие жизненные интересы.

Но другим известным мне женщинам, которые прекратили развитие, выбрав для себя путь «замещающего существования» в отсутствии каких-либо значимых целей, даже самые любящие мужья не могли помочь остановить катастрофическое разрушение жизни — их собственной и жизни детей. Я видела, что происходит, когда женщины бессознательно толкают дочерей к ранней половой связи лишь потому, что сексуальное приключение в их глазах является единственным настоящим событием в жизни или знаком достижения определенного статуса, обретения идентификации. Сегодня эти дочери, исполнявшие мечты матерей, служившие их ущемленным амбициям тем способом, какой предполагает для этих целей общественное мнение, во многих случаях стали столь же неудовлетворенными, как и их матери. Они не побегут опрометью в полицейский участок предупредить о своей готовности убить мужа и ребенка, которые, мол, сделали из дома настоящий застенок для нее. Не все сыновья становятся жупелом для соседей и одноклассников, не все дочери, воплощая сексуальные фантазии матерей, беременеют к четырнадцати годам. Не все домохозяйки начинают прикладываться к бутылке с одиннадцати утра, чтобы не слышать гула посудомоечной машины или сушилки — единственных звуков, раздающихся в пустом доме, когда дети один за другим убегают в школу. Но в таких местах, как округ Берген, число «разъездов» за десятилетие увеличилось па 100 процентов. В результате способные, заряженные тщеславием мужчины продолжали свой профессиональный рост и юродах, а их жены, избегающие этого роста благодаря «замещающему существованию» или «невключенности», исполняли свою женскую роль дома. Пока еще дети не покинули родительское гнездо, пока там был муж, жены, все чаше страдая от всяческих недугов, как правило, выздоравливали. Но за десятилетие в пятидесятых годах в округе Берген резко скакнуло вверх количество

самоубийств женщин, перешагнувших возрастной рубеж в сорок пять лет, чьи дети выросли и уехали из дома, а также число женщин, попавших и психиатрические лечебницы. Домохозяйки, которых пришлось госпитализировать и которые не могли быстро восстановить здоровье, принадлежали к категории тех, кто никогда не применял своих способностей вне дома.

Общее падение уровня нравственного здоровья в результате того, что все большее число женщин, воспитанных идеями загадочной женственности, перешагивают порог сорокалетия, — это вопрос теории. Но прогрессирующая инфантилизация их сыновей и дочерей, сказывающаяся в резком увеличении числа ранних браков, стала уже тревожной реальностью. В марте 1962 года на национальной конференции Ассоциации исследований детства новая волна ранних браков, которые прежде рассматривались как показатель «эмоциональной зрелости» молодого поколения, была наконец признана симптомом, свидетельствующим о его инфантилизации. Специалисты по проблемам семьи единодушно сошлись на том, что миллионы юных американцев, которые вступили в брак в шестидесятые годы, не достигнув двадцатилетия, не вошли в зрелость и не преодолели свою эмоциональную зависимость, в силу чего и устремились к браку в поисках золотого ключика, открывающего ворота во взрослый мир, помогающего волшебным образом решить проблемы, с которыми сами они справиться не могут. Этих инфантильных женихов и невест назвали жертвами «болезненной, томительной любви к детям». «Немало девушек согласятся с тем, что желают выйти замуж, чтобы избежать тяжелого труда, — пишет Оскар Штернбах. — Они лелеют мечты о тихой пристани, где о них позаботятся и где они проведут свои дни без хлопот, не считая, конечно, приятных волнений, связанных с меблировкой, необременительной работой по дому, поездками в город за покупками, общением с детьми и любезными соседями.

Муж в этих мечтах занимает не главное место, но наделяется чертами сильного, надежного, властного отца и мягкой, уступчивой, готовой к самопожертвованию матери. Молодые люди в качестве причин, толкающих их на брак, чаще всего называют желание иметь в доме женщину, которая заменила бы им мать, а также постоянную партнершу для половых сношений. Получается, что заключение брака, которое должно предполагать зрелость и самостоятельность, на самом деле реализует надежду на сохранение своей зависимости, на продление детства и удержание за собой связанных с ним привилегий при освобождении от

соответствующих ограничений».

В качестве одного из зловещих признаков инфантилизма можно назвать растущее немотивированное насилие в среде молодых родителей по отношению к детям. В докладе одного психиатра я прочла, что юные жены реагировали на холодное бессердечие мужей тем, что становились еще пассивнее и несамостоятельнее, вплоть до того, что буквально переставали двигаться, не могли сделать и шага без посторонней помощи. Это не вызывало усиления любви со стороны супруга, напротив, делало мужчин еще грубее. Что же получалось, когда жены не отваживались отвечать на гнев мужей? Вот какой случай описывает журнал «Тайм» от 20 июня 1962 года в статье под названием «Диагноз: ребенок избит»: «Увы, для врачей это происшествие не редкость. Малышей, которым не исполнилось и трех лет, приносят в больницу со множеством переломов, иногда даже с переломом черепа. Родители демонстрируют обеспокоенность, утверждают, что ребенок выпал из кроватки или свалился с лестницы либо его побил дружок. Но рентгеновский снимок и хирургический осмотр свидетельствуют о том, что ребенок избит родителями». Группа исследователей из Колорадского университета получила сведения из семидесяти одной больницы за один только год согласно им, 33 ребенка умерли, 85 перенесли тяжелые черепно-мозговые травмы. Родители, которые «били и щипали детей, выворачивали им руки, били молотком или ременной пряжкой, жгли сигаретой или электричеством», проживали не только в бедных районах, но и в роскошных особняках.

Родитель, которому обычно подворачивается случай избить ребенка, — это, конечно, мать. Молодая мамаша четверых детей, признаваясь доктору в желании покончить с собой, сказала: «Не вижу причин жить дальше. Мне нечего ждать от жизни. Мы с Джимом даже не разговариваем ни о чем, кроме счетов и ремонта дома. Я знаю, его бесит, что он выглядит стариком, хотя годами молод, и во всем он винит меня, потому что мы поженились по моему настоянию. И хуже всего то, что я завидую собственным детям. Прямо ненавижу их, потому что у них вся жизнь впереди, а моя кончилась».

Наверное, в таком совпадении есть свой символический смысл: на той же неделе на страницах «Нью-Йорк таймс ревю» было отмечено впервые распространившееся в немалых масштабах пристрастие взрослых читателей к книжкам о любви людей и животных. За целых полвека в американских списках бестселлеров не фигурировало столько книг о животных, сколько их появилось в период с 1959 но 1962 год. Рассказы о

животных всегда были главным образом детским чтением, а взрослых более интересовали люди. (Есть такой психологический тест, согласно которому предпочтение, отдаваемое животным по сравнению с человеком, есть признак инфантильности.) Итак, прогрессирующая дегуманизация за последние пятнадцать лет прошла путь от «болезненной любви к детям», от чрезмерного интереса к физической стороне секса, разлученного с настоящим чувством, до любви между человеком и животным. Каков же. будет итог этого процесса?

На мой взгляд, итога не будет вообще. Загадка женственности скрывает вопиющую пустоту существования домохозяйки, поощряя девушек избегать саморазвития, встав на путь «замещающего существования» или «невключения». Мы слишком далеко зашли с обвинениями или сожалениями по адресу матерей, «пожирающих» детей своих, сеющих семена прогрессирующей дегуманизации, не достигнув уровня зрелости. Но так ли уж виновата мать, не пришло ли время разбить предрассудок, разбудить всех спящих красавиц, не желающих взрослеть и жить своей жизнью? Принцев на всех не хватит, да и компетентных врачей тоже. Эту задачу должно взять на себя общество и каждая конкретная женщина. Потому что беда не в силе женщины, а в ее слабости, пассивности, детской несамостоятельности и незрелости, что обычно сходит за «женственность». Наше общество по мере сил побуждает мальчиков расти, выносить тяжесть взросления, приучает к труду, заставляет двигаться. Почему к тому же самому не подталкивают девочек, почему не побуждают их воспитывать в себе личность, способную покончить с искусственно навязываемой дилеммой женственности и человечности.

Пора прекратить прекраснодушные увещевания любить своих детей и трезво осмыслить противоречие между требованием мистификаторов женственности заточить жену и мать в стенах ее дома и тем неоспоримым фактом, что покончить с детской психопатологией можно лишь в том случае, если мать обратит внимание на развитие собственной личности и перестанет паразитировать на ребенке. Пора остановить обращенные к женщинам призывы не терять женственность, коль скоро именно здесь заложен корень пассивности и несамостоятельности, которые в свою очередь лишают сексуальную жизнь человечности, вызывают непомерные требования к мужьям и заставляют сыновей наследовать все ту же апатию.

Не будет преувеличением сказать, что стагнация, в которой пребывают миллионы американок, — это недуг, заболевание в форме прогрессирующего расслабления личностного стержня, передающееся

детям именно в тот период, когда общество требует от своих членов сильного «я», сильного настолько, чтобы помочь им сохранить индивидуальность и условиях непредсказуемо меняющейся среды существования. Сила женщины — не причина, а лекарство от этой болезни. Только когда женщинам позволят в полной мере использовать свою силу, развивать свои способности, только тогда будет развеяна мистификация женственности и остановлена прогрессирующая дегуманизация. А пока что (большинство женщин, будучи домохозяйками, не могут реализовать себя как личности.

Крайне важно понять, что сами условия существования домохозяйки рождают ощущение опустошенности, небытия, ничтожности. Есть такие аспекты роли домохозяйки, которые даже для женщины, обладающей здравым умом, делают невозможным восстановление идентификации, самосознания, без чего человек — мужчина или женщина — не чувствует себя реально живущим. Я убеждена, что в современной Америке для одаренных женщин в статусе домохозяйки таится еще одна опасность. Женщинам, с детства приспосабливающимся к роли домохозяйки, вырастающим с этой мечтой, грозит не меньшая беда, чем узникам концентрационных лагерей и тем, кто отказывался верить в их существование.

Беспристрастное исследование причин того, почему женщина-домохозяйка слишком легко расстается с чувством собственного «я», навело на сравнение с результатами наблюдений за поведением узников нацистских концлагерей. 15 их специально созданных для расчеловечивания человека декорациях узники превращались в ходячие трупы, в живых мертвецов. Приспосабливаясь к лагерным условиям, люди теряли свою идентификацию и почти равнодушно шли навстречу смерти. Как ни странно, этот результат достигался отнюдь не пытками и зверствами охранников, а условиями, похожими на те, что разрушают идентификацию американок, обитающих в своих уютных домах.

Узников концлагерей принуждали принять поведение ребенка, расстаться со своей индивидуальностью и смешаться с аморфной людской массой. Способность к самоопределению, способность предвидеть будущее и готовиться к нему планомерно и систематически разрушались. Этот процесс постепенной дегуманизации происходил незаметно и завершался в конце концов разрушением чувства собственного достоинства. Этот процесс был подробно описан психологом и психоаналитиком Бруно Беттельхаймом по его собственным наблюдениям в бытность узником Дахау и Бухенвальда в 1939 году.

По прибытии в концлагерь заключенные были грубо отрезаны от своих прежних интересов. Уже одно это нанесло сокрушительный удар по их самосознанию и физическому самочувствию. Очень немногие сохранили способность сосредоточиваться на том, что интересовало их в прошлом. Но в одиночку это было еще труднее; простая попытка побеседовать с кем-нибудь на интересующую тему, обнаружить заинтересованность в чем-либо вызывала враждебную реакцию. На первых порах новички еще старались цепляться за прошлую жизнь, но «старожилов волновало только одно — выживание».

Для заключенных мир лагеря становился единственной реальностью. Их бытие свели до уровня примитивных потребностей, у них отняли частную жизнь, они не получали никаких сигналов из внешнего мира. Но вдобавок их еще вынуждали проводить почти все время в изнурительном труде — и не ради того, чтобы довести до полного физического изнеможения, а потому, что этот труд, бесконечный, монотонный, не требующий умственного усилия, не приносящий радости, бессмысленный, подчиненный ритму движения механизмов или темпу работы других несчастных, никак не затрагивал личность узника, исключал всякую инициативу, закрывал все лазейки для самовыражения.

И чем в большей степени узники поступались своей идентичностью, тем сильнее овладевал ими страх, что они теряют свою половую потенцию, тем глубже они погружались в болото примитивных потребностей. Лишиться индивидуальности, потеряться в безликой массе, «почувствовать, что все в одной лодке», значило для них обрести ощущение благополучия. Как ни странно, в этих условиях не возникало настоящих дружеских отношений. Даже беседа — любимое времяпровождение, помогавшее скрасить безысходность, — быстро утрачивала смысл. Зато в людях накапливалась ярость. Однако эта ярость миллионов, которая могла бы прорвать колючую проволоку и заставить умолкнуть автоматы, оказалась направленной не вовне, а на самых слабейших. И это делало всю массу заключенных все более зависимой, а охрана и колючка казались еще более непреодолимыми.

Как было сказано, не эсэсовцы, а сами заключенные сделались злейшими своими врагами. Не в силах взглянуть на ситуацию в ее реальном свете — ибо отрицалась сама реальность их положения, — они в конце концов «приспосабливались» к лагерю как к обычной жизни, попадали в ловушку, устроенную собственной мыслью. Автоматы эсэсовцев не могли бы удержать их всех в повиновении. Они сами стерегли себя, сочтя концлагерь единственной и абсолютной реальностью, отрезав

себя от прошлого, от ответственности и настоящем и от перспектив в будущем. Те, кто выжил, кто не умер и не был уничтожен, как раз и сохранили в достаточной степени ценности взрослого мира и интересы, составившие сущность их личностного самосознания.

Все это представляется бесконечно далеким от беспечного и существования американской домохозяйки. Но не является ли ее дом своеобразным концлагерем? Не тем ли же способом женщины, живущие по образу, предначертанному мифом о женственности, заточили себя в стенах своего дома и научились «приспосабливаться» к своей биологической роли. Стали зависимыми, пассивными, инфантильными; они отказались от взрослого отношения к жизни и ограничились существованием на уровне еды и вещей. Работа, которую они выполняют, не требует способностей взрослого человека; она бесконечна, монотонна, неблагодарна. Американки, конечно, не подлежат массовому истреблению, но их ум и чувства медленно умирают. Так же как узники концлагерей, те американские домохозяйки, которые сумели противостоять умиранию, смогли сберечь свой личностный стержень, не утратили связь с внешним миром, сохранили способность творчеству. Это женщины с сильным духом и ясным умом, отказавшиеся смириться с биологической ролью, которую им пытались отвести.

Как часто образование обвиняли в том, что оно-де препятствует американкам «приспособиться» к роли домохозяйки. Но если образование, которое стимулирует развитие личности, которое отбирает в свою сокровищницу все лучшее, созданное человечеством, и дает человеку возможность своими руками строить свое будущее, если оно помогает все большему числу американок понять, что они попали в ловушку и из нее следует выбраться, значит, сами женщины переросли эту роль.

Нельзя сохранить личность, долгое время приспосабливаясь к обстоятельствам. Человеку не под силу выдержать саморасщепление, внешне прилаживаясь к одной реальности, а в душе тая ценности, которые ею отрицаются. Уютный концлагерь, в ворота которого вошли американки, — именно такая реальность, такая цепь связей, которая блокирует путь взросления. Приспосабливаясь к ней, женщина обрекает свой разум на состояние детской наивности, уходит от индивидуальной идентификации, чтобы безликим биороботом присоединиться к массе себе подобных. Она становится недочеловеком, послушно реагирующим на внешнее воздействие и оказывающим такое же жесткое воздействие на мужа и детей. И чем дольше она приспосабливается, тем меньше чувствует себя по-настоящему живой. Она ищет убежища в приобретении вещей,

прячет страх потерять свое человеческое качество. Испытывая его сексуальностью, она живет либо чужой жизнью, либо фантазией, либо конкретной жизнью своих домашних. Она не желает слышать о внешнем мире она убеждена, что ничего не может изменить ни в нем, ни даже в собственном существовании. И сколько бы она ни пыталась доказать себе, что отречение от собственной личности — необходимая жертва, принесенная ради детей и мужа это ей не удается. Таким образом, страх в ее душе вытесняется агрессивной энергией, которую она не решается направить против мужа, стыдится использовать в отношении своих детей и в конце концов обращает на самое себя, ощущая при этом, что уже почти перестает существовать. Тем не менее в условиях ее уютного концлагеря, как и в настоящем застенке, остается нечто такое, что сопротивляется смерти.

Описывая незабываемый опыт существования в концлагере, Беттельхайм вспоминает одну историю. Группу раздетых донага узников — больше похожих не на людей, а на послушных роботов — выстроили перед входом в газовую камеру. Офицер-эсэсовец, узнав, что одна из узниц — бывшая танцовщица, приказал станцевать для него. Она повиновалась, но во время танца, приблизившись к нему, выхватила у него пистолет и застрелила его. Ее убили прямо на месте. Вспоминая об этом, Беттельхайм задавался вопросом: «Может быть, начав танец в жутких декорациях лагеря, она снова почувствовала себя человеком? Ее выделили из толпы, признали в ней индивидуальность, велели продемонстрировать то, что когда-то составляло ее призвание. Она перестала быть «номером таким-то», безымянным расчеловеченным существом; она вновь, как в былые дни, стала танцовщицей. Мгновенное преображение вызвало в ней личностную реакцию, заставившую ее убить врага, желавшего ее гибели, хотя она понимала, что за это ей придется умереть. На фоне сотен тысяч живых мертвецов, безропотно шествовавших к могиле, этот единичный пример свидетельствует о том, что личность, если она еще не окончательно разрушена, может в один момент возродиться, пожелай человек перестать числить себя винтиком системы. На свой страх и риск распорядившись утраченной свободой, память о которой лагерь не смог уничтожить окончательно, эта танцовщица стряхнула с себя тюремные оковы. Чтобы вновь испытать чувство независимости, она поставила на карту свою жизнь».

Домик в пригороде внешне не похож на немецкий концлагерь, и американским домохозяйкам не грозит газовая камера. Но они тоже оказались в плену и, чтобы освободиться, должны, подобно той

танцовщице, наконец распорядиться свободой и возродить в себе чувство собственной значимости. Им необходимо отказаться от существования в качестве безымянных манипулируемых созданий и вновь зажить своей жизнью, одухотворенной свободно выбранной целью. Им необходимо начать развиваться.

13. Утраченное «я»

Перевод В. Задорновой

Исследователи психики и поведения человека все больше внимания уделяют присущей человеку потребности развиваться, реализовывать все свои возможности. Ученые, работавшие в разных областях, — от Бергсона до Курта Гольдстайна, Хайнца Хартмана, Олпорта, Роджерса, Юнга, Адлера, Рэнка, Хорни, Энджиала, Фромма, Мэя, Маслова, Беттельхайма, Ризмана, Тиллиха и экзистенциалистов — единодушно отмечали наличие в человеческом организме некоего инстинкта (или движущей силы), который изнутри побуждает организм к саморазвитию. Такое желание самоутвердиться, проявить свою волю, достичь самостоятельности, как бы вы это ни называли, нельзя уравнивать с обычным карьеризмом или честолюбием; это стремление индивидуума заявить о себе, стать личностью, которое требует определенного мужества.

Более того, многие из этих ученых выдвигали новую концепцию психологически здорового человека и вообще нормы и патологии в человеческом поведении. Нормальным может считаться только тот, кто стремится к полному раскрытию своих способностей. Имеется в виду, что человек может быть, счастливым, уверенным в себе, здоровым, не страдать комплексом вины, только если он развивается и реализует свой потенциал.

В этом новом подходе к психологии, при котором во главу угла ставится вопрос о том, что делает человека человеком, а причиной неврозов считается его неспособность самореализоваться, большое место занимает понятие будущего. Для индивидуума недостаточно быть любимым и уважаемым другими людьми и чувствовать связь со своей средой. Если он серьезно относится к жизни, он должен найти свое место в ней, понять свое предназначение в настоящем и будущем. Он предает себя тем, что отказывается от развития.

Годами психиатры пытались излечить неврозы своих пациентов путем приспосабливания их к среде. Но приспосабливание к своему окружению без развития личности не дает положительных результатов, как считают современные прогрессивные психологи: «В этом случае пациент избавляется от внутреннего беспокойства, так как он смиряется с жизнью в

своем замкнутом мирке, который для него и является средой. А поскольку беспокойство и неудовлетворенность появляются при раскрепощении человека, пациент не испытывает этих чувств: последние не могут появиться, если уничтожены порождающие их причины… Возникает вопрос, как долго человек может прожить в таком «спокойном» состоянии без того, чтобы у него не появилось чувство внутреннего протеста, подавленного отчаяния, которое со временем может привести к саморазрушению, так как рано или поздно потребность человека быть свободным даст о себе знать».

Эти психологи и не подозревали, как точно они описали положение, в котором оказались американские домохозяйки. Описанная ими тенденция к саморазрушению у мужчин не менее характерна для женщин, которые воспитаны на мифе об особом женском предназначении, которые считают, что достаточно жить только для мужа и детей, которые хотят лишь любви, уважения и стабильности, которые не стремятся внести свой вклад в развитие общества, которые никогда не реализуют свой человеческий потенциал. Те, кто приспособился к среде и поэтому якобы излечился и живет без тревог и конфликтов в замкнутом мирке своего дома, навсегда утра-гили свое «я»; для остальных — несчастных и разочарованных— еще не все потеряно. Проблема без названия, мучающая сегодня многих американских женщин, возникла из-за той роли, которую они отвели себе и которая не позволяет им стать тем, чем они могли бы стать. Отсюда все возрастающее отчаяние женщин, которые не нашли своего «я», хотя при этом они, возможно, и избежали чувства беспокойства и неудовлетворенности, всегда сопутствующего свободной творческой личности: «Беспокойство возникает тогда, когда у человека появляется возможность реализовать свой потенциал; сама эта возможность разрушает безмятежное состояние, что в свою очередь может привести к отказу от развития».

Психологам нового направления, которое нельзя связывать только с экзистенциалистами, не нужно было методом психоанализа выяснять причины комплекса вины у людей, отказывающихся реализовать свой интеллектуальный и духовный потенциал. Бывают комплексы вины, причины которых лежат на поверхности, например из-за совершенного убийства. То же самое относится и к убийству своего «я». О таком человеке можно сказать: «Пациент испытывал чувство вины оттого, что он похоронил в себе свои способности». Неспособность полностью

реализовать свои возможности никогда не считалась патологией у женщин. Это было их нормальным состоянием, как в Америке, так и в большинстве других стран. Но ведь к миллионам женщин, выполняющим функцию домохозяек, можно отнести выводы, сделанные невропатологами и психиатрами в отношении пациентов-мужчин с поражениями мозга и шизофреников, которые по каким-то другим причинам утратили способность общения с реальным миром. У таких пациентов потеряно уникальное свойство, характерное только для человека: способность выходить за пределы настоящего, строить свою жизнь исходя из возможного, загадочная способность управлять своим будущим.

В этом уникальном человеческом свойстве — прожить жизнь, устремляя ее в будущее, не плыть по течению, а быть творцом своей жизни — и состоит основное различие между поведением человека и животного или человека и машины. Изучая поведение солдат с ранениями мозга, доктор Курт Голдстайн обнаружил, что они утратили ни больше ни меньше как способность к абстрактному мышлению: они были не в состоянии представить себе «возможное», упорядочить хаотичные конкретные представления с помощью какой-то идеи, действовать в соответствии с поставленной целью. Эти люди зависели лишь от ситуации, в которой они находились; их чувство времени и пространства было значительно притуплено — естественно, что ни о какой свободе личности и речи быть не могло.

Мир депрессивного шизофреника также ограничен сегодняшним днем, для него «каждый день обособлен, как остров, не имея ни прошлого, ни будущего». Когда у такого вольного появляется навязчивая идея о предстоящей смерти, но «не причина, а результат его извращенного отношения к будущему»: «У него (пациента) отсутствовало действие или желание, которое бы объединило прошлое с будущим и связало скучные, похожие один на другой дни. В результате каждый новый день был независим от предыдущих, как одинокий остров в монотонном потоке текущего времени, не было последовательного течения жизни — каждое утро жизнь начиналась заново… Поэтому и не было желания продолжать жить; каждый день-все та же монотонность тех же слов, тех же жалоб, пока не приходило чувство, что такое существование не имеет смысла… Его внимание было кратковременным, и казалось, что он способен воспринять только самые простые вопросы».

В результате недавних психологических исследований было доказано, что овцы могут связать прошлое или будущее с настоящим моментом, если между ними прошло не более 10 минут, у собак этот промежуток удлиняется до получаса. Человек же способен опыт прошлого, отделенный от него тысячелетиями, использовать в настоящем как руководство к действию; он может в своем воображении унестись в будущее, и не только на полчаса вперед, но на недели и годы. Эта способность «преступать границы времени», действовать и реагировать на происходящее, воспринимать свою жизнь и связи с прошлым и будущим — уникальное свойство человеческого существования. Солдаты с ранениями мозга были, неким образом, приговорены к нечеловеческому существованию: жить лишь сегодняшним днем.

Домохозяйки, которых мучает проблема без названия, также живут лишь в настоящем. Одна из них поделилась со мной: «Я не боюсь серьезных проблем, но бесконечный поток одинаковых дней приводит меня в отчаяние». У тех из домохозяек, которые живут в согласии с загадкой женственности, жизнь не подчинена никакой цели и не связана с будущим. А без такой цели невозможно развитие личности. Без такой цели, которая только и может придать смысл монотонному человеческому существованию, теряется чувство собственного «я».

У американских домохозяек, конечно, нет повреждений мозга или шизофрении в медицинском смысле. Но если признать новое учение правильным и согласиться с тем, что основной потребностью человека является не удовольствие или удовлетворение биологических потребностей, а развитие и реализация творческого потенциала, то их бесцельное, пустое, привычное существование может действительно вызвать тревогу. Ради сохранения так называемой женственности они упустили возможность добиться чего-то в жизни, развиться как личность. По мнению экзистенциалистов, человеческие ценности не возникают автоматически, их нужно создавать: «Человек может лишиться своего «я» по собственной воле, чего не может дерево или камень».

То, что раньше психологи считали применимым лишь к сексуальной сфере женщины — если ее лишить возможности удовлетворять сексуальные потребности, она заболеет, перестанет быть полноценным человеком, — относится ко всему ее человеческому существу. К неврозам приводит не только сексуальная неудовлетворенность, но и

неудовлетворенность интеллектуальная и творческая. Она может быть приглушена с помощью терапии, транквилизаторов или хлопот по дому. Но беспокойство женщины, ее хандра будет свидетельствовать о внутреннем недовольстве своим существованием, хотя в соответствии с мифом о женском предназначении она выполнила свою роль: стала женой и матерью.

Только недавно ученые признали, что человеческие потребности как у мужчин, так и у женщин образуют нечто вроде иерархии, возникающей в процессе эволюционного развития: снизу находятся инстинкты, которые объединяют человека с животными, сверху — потребности, присущие лишь человеку. Эти последние — например, потребность в знаниях, в самовыражении — являются такими же инстинктами для человека, как потребность в пище, стремление к выживанию и продолжению рода для животных. Появление высших потребностей происходит только при условии удовлетворения низших, физиологических. У голодного человека нет других желаний, кроме желания утолить голод. Все остальные потребности у него отходят на задний план. «Но что происходит с желаниями человека, которому не надо думать о еде, желудок которого постоянно полон? Немедленно возникают другие, высшие потребности, которые и начинают определять поведение человека», — считает профессор Л. Х. Маслов.

В каком-то смысле можно сказать, что человеческие потребности в целом ориентированы не на низший уровень, связанный с материальной средой, а на высший уровень, от среды не зависящий. Но есть люди, у которых высшие потребности никогда не возникают. Движение к высшим ступеням человеческого развития встречает на своем пути много препятствий: оно может остановиться из-за неудовлетворения низших потребностей или из-за сведения всей жизни к низшим потребностям и отказа признать, что высшие потребности существуют.

В нашей культуре развитие женщины останавливается на физиологическом уровне, и наивысшей потребностью считается в большинстве случаев потребность в любви и сексуальном удовлетворении. Даже потребность в уважении и самоуважении — «стремление достичь успеха, овладеть знаниями, быть лучше других, обрести уверенность в себе, чувство свободы и независимости» — не считается характерной для женщины. Однако неумение развить в себе чувство собственного достоинства или самоуважения приводит к комплексу неполноценности, к

слабости и беспомощности не только у мужчин, но и у женщин. Самоуважение как у мужчин, так и у женщин может развиться только на основе реальных способностей, реально достигнутых успехов в соревновании с другими, то есть на основе заслуженного уважения окружающих, а не на ничем не подкрепленной грубой лести. И как бы ни прославляли профессию домохозяйки, этот род занятий не позволяет полностью раскрыться всем способностям женщины, а значит, не может быть и речи о самоуважении, не говоря уже о высших уровнях реализации личности.

Мы живем в эпоху, когда основа всех человеческих потребностей видится в сексуальном влечении. Однако многие прогрессивно мыслящие ученые подвергают серьезному сомнению такие «объяснения на основе единичных случаев». 11сследователи творчества и биографы Шекспира, да Винчи, Хинкольна, Эйнштейна, Фрейда, Толстого могут обнаружить в этих личностях и сильное сексуальное влечение, и извращенную чувственность, но эти обстоятельства не объясняют, почему уникальные бессмертные произведения и теории созданы именно ими, а не другими людьми с подобными же наклонностями. Проще провести параллель между сексуальными наклонностями этих людей и их творчеством, чем узнать, что было на самом деле. Поскольку потребности ' женщины в самоуважении, успехе, развитии и, наконец, в раскрытии своей неповторимой человеческой индивидуальности не признаются необходимыми ни ею самой, ни нашей культурой, она вынуждена раскрываться в тех сферах, которые единственно ей доступны: сексуальная жизнь, материнство и накопление материальных ценностей. Приговоренная жить этими интересами, она останавливается в своем росте, навсегда отказываясь от реализации высших человеческих потребностей.

Конечно, мало что известно о патологии и динамике нормального развития высших человеческих потребностей (от желания как можно больше знать и понимать до жажды знаний, поиска истины и стремления решать глобальные проблемы), так как эти факторы не учитываются в медицинской практике лечения неврозов. По сравнению с классическими неврозами, причиной которых, по мнению Фрейда, является лишь подавление сексуального влечения, этот вид психопатологии слишком слаб и незначителен, чтобы его принимать во внимание. Как правило, его считают не патологией, а нормой.

Однако то, что человека всегда отличало стремление к знаниям и

поиск истины даже перед лицом серьезной опасности, документально подтверждается если не медицински, то исторически. Более того, недавние обследования психически здоровых людей показывают, что этот поиск, эта мыслительная работа являются необходимыми условиями здоровья. Тех, кто никогда не отдавался какой-либо идее, кто никогда не уходил с головой в познание неизвестного, не пытался самостоятельно что-то создать, нельзя считать полноценными, здоровыми людьми. По мнению А. Х. Маслова, «способности человека требуют, чтобы их использовали, и успокаиваются, только когда добиваются своего. Таким образом, способности являются одновременно и потребностями. Использование способностей не только доставляет удовольствие, оно необходимо человеку. Нереализованная способность, так же как неработающий орган, может стать причиной болезни или атрофии, нанося человеку огромный ущерб».

Однако от американских женщин никто не ждет полной реализации способностей. Во имя женственности они откалываются от духовного роста.

По мнению профессора Маслова, «развитию сопутствуют не только удовлетворение и радость, но и многие связанные с этим трудности и переживания. Каждый шаг вперед— это шаг в неведомое, сопряженный с опасностью. Продвигаясь вперед, вы вынуждены отказываться от чего-то привычного, приятного и удобного. Вы расстаетесь с привычным для вас чувством тоски, одиночества и неудовлетворенности. Вам приходится отказываться от более легкой и беззаботной жизни ради более самостоятельной и трудной, всякое развитие связано с потерями и поэтому требует мужества и силы воли от самого человека и заботы, поощрения, ободрения от окружающих его людей (особенно если речь идет о ребенке)».

А если окружению не по душе это мужество и сила, если оно фактически запрещает, во всяком случае, очень редко поощряет духовное развитие ребенка, тем более девочки? Коли развитие считается несовместимым с загадочной женственностью, с предназначением женщины, ее природой? Согласно мифу о женском предназначении, женщина должна выбирать между женственностью и трудностями роста. Тысячи женщин, обреченные средой на чисто физиологическое существование, усыпленные иллюзорным чувством безопасности в уютных «концентрационных лагерях», сделали неправильный выбор. Парадокс этого неправильного выбора заключается в том, что, только будучи женой и

матерью, женщина якобы может расцвести в полной мере. Однако с тысячами домохозяек, живущих в пригородах, происходит обратное. Объясняется это просто: женщины, которые не получили возможности развиться как мыслящие существа, никогда не получат подлинного сексуального удовлетворения и в полной мере не познают радости любви. По убеждению современных психологов, духовный рост не только не мешает нормальной половой жизни, а способствует ей. Есть все (не только теоретические) основания полагать, что это относится как к мужчинам, так и к женщинам.

В конце тридцатых годов профессор Маслов начал изучать взаимозависимость сексуальности и самостоятельности, уверенности в себе, наличия собственного «я» у женщин. Было обследовано сто тридцать женщин, с высшим образованием или достаточно образованных, в возрасте от 20 до 28 лет, в большинстве своем замужних, из протестантских состоятельных семей. Вопреки психоаналитическим теориям и традиционным представлениям о женственности обследование обнаружило, что чем женщина самостоятельней, тем большее удовольствие она получает от секса, тем полнее она способна «подчиниться» в психологическом смысле, свободно отдаться любимому человеку, испытать оргазм. Это не означает, что более самостоятельные женщины оказались более сексуальными, просто они полнее и свободнее проявляли себя, могли быть самими собой — а это неразрывно связано с большей раскрепощенностью в любви. Эти женщины не были «женственными» в обычном смысле, но они получали удовлетворение от секса в гораздо большей степени, чем более «женственные» представительницы слабого пола.

Насколько я знаю, результаты этого исследования никогда не обсуждались в популярной психологической литературе о женственности или женской сексуальности. В то время даже ученые не осознали важности этого исследования. Но сделанные тогда выводы должны заставить задуматься сегодняшних американских женщин, которые живут по законам загадочной женственности. Нужно иметь в виду, что исследование проводилось в конце тридцатых годов, до того, как миф о загадочной женственности обрел силу. Для женщин того времени, образованных, сильных телом и духом, не было проблемы выбора между развитием своей личности и любовью. Вот что пишет профессор Маслов, сравнивая этих женщин с их «женственными» подругами: «Самостоятельность означает

уверенность в себе, чувство собственного достоинства, высокую самооценку, чувство превосходства, отсутствие робости, застенчивости, неуверенности в себе. Несамостоятельность означает отсутствие уверенности и чувства собственного достоинства; вместо них сильно развиты робость, застенчивость, пугливость, различные комплексы неполноценности… Женщины, которые считают, что в целом они не уверены в себе, не имеют в виду свою работу по дому, на кухне, шитье, воспитание детей… но обязательно и той или иной степени они будут занижать свои способности и умения; самостоятельные женщины обычно объективно оценивают свои способности».

Самостоятельные женщины, изучавшиеся Масловым, неженственны в традиционном смысле отчасти потому, что они свободны в своем выборе и меньше связаны условностями, но еще и потому, что обладают более сильным характером, чем большинство женщин:

«Такие женщины предпочитают, чтобы с ними обращались не как со слабым полом, а просто как с людьми. Они хотят быть независимыми, твердо стоять на ногах и не любят, когда их называют слабыми, требующими особого внимания it не умеющими позаботиться о себе. Это не значит, что они не умеют традиционно вести себя. Умеют, но только если это необходимо по каким-то причинам, однако они не принимают условностей всерьез. От большинства из них можно услышать такую фразу: «Я могу быть милой, ласковой ч уступчивой, как все, но в этом будет определенная доля иронии»…Условности или правила как таковые ничего не значат для таких женщин. Они будут соблюдать их, только если увидят в них смысл… они сильны, целеустремленны и живут по правилам, которые сами устанавливают для себя… Несамостоятельные женщины живут совершенно иначе. Они… обычно не смеют нарушать правил, даже если 1 редко) не одобряют их…Их мораль абсолютно традиционна. Они делают только то, чему их научили родители, учителя, религия. Авторитетное высказывание ими никогда открыто не подвергается сомнению, они склонны одобрять существующее status quo во всех сферах жизни: религиозной, экономической, культурной и политической».

Профессор Маслов пришел к выводу, что чем более сильной личностью является женщина, тем меньше она зациклена на себе и тем больше ее волнуют другие люди и другие проблемы, в то время как несамостоятельные женщины заняты в основном собой и своими комплексами. С психологической точки зрения у самостоятельной

женщины больше общего с самостоятельным мужчиной, чем с несамостоятельной женщиной. Профессор Маслов предложил или называть «мужественными» самостоятельных представителей обоего пола, или вообще отказаться от слов «женственный» и «мужественный», которые только вводят всех в заблуждение: «Самостоятельные женщины сродни мужчинам по своим вкусам, взглядам, предрассудкам, склонностям, мышлению, общему внутреннему складу…Многие качества, которые в нашем обществе считаются присущими мужчинам, обнаруживаются у них в большой степени, например стремление командовать и руководить, сила характера, целеустремленность, свобода от банальностей, отсутствие страха, робости и т. п. Им, как правило, недостаточно быть только домохозяйками, они хотят сочетать замужество с работой. И хотя их зарплата может не превышать зарплаты прислуги, они не променяют свою работу на шитье и приготовление пищи».

Важнее всего то, что самостоятельная женщина психологически раскрепощена, более независима. Несамостоятельная женщина подавляет свое «я», она ориентирована прежде всего на других людей. Чем больше ее самоуничижение и неверие в себя, тем выше она будет ставить чужое мнение и жалеть, что она не такая, как другие. Такие женщины «обычно уважают других больше, чем себя»; но наряду с «колоссальным» преклонением перед авторитетами, с обожествлением других и стремлением им подражать, с полным «добровольным подчинением другим людям» они втайне могут испытывать «ненависть, протест, чувство обиды, зависти, ревности, быть подозрительными и недоверчивыми».

Если самостоятельные женщины могут свободно критиковать, у несамостоятельных женщин не хватает мужества сказать то, что они думают. Их «женская» молчаливость говорит о «робости, комплексе неполноценности и ощущении того, что, чтобы они ни сказали, это будет глупо и вызовет насмешку». Такие женщины «не стремятся быть лидерами, разве что в мечтах, так как они боятся ответственности, боятся быть на виду, боятся показаться некомпетентными».

И снова профессор Маслов отмечает зависимость между силой личности и сексуальностью, независимостью и добровольным желанием «подчиниться». Он обнаруживает, что типичные женщины-интроверты, «робкие, застенчивые, скромные, милые, тактичные, тихие, незаметные», не способны получить такое же сексуальное наслаждение, какое испытывают женщины самостоятельные и независимые: «Похоже, что такие женщины не подавляют в себе никаких, даже самых фантастических,

сексуальных импульсов и желаний…В целом половой акт воспринимается ими не как серьезное ритуальное действие, в корне отличающееся от всех других действий, а как игра, развлечение, физиологический процесс, доставляющий огромное наслаждение».

Более того, Маслов пришел к выводу, что даже сны и мечты самостоятельных женщин более откровенно сексуальны, чем у несамостоятельных, чьи сексуальные сны «более романтичны, но чаще всего сумбурны, смазаны и нечетки».

Видимо, творцы мистификации женственности упустили из виду этих независимых и в то же время живущих полноценной сексуальной жизнью женщин, когда они утверждали, что наградой за пассивность и отказ от карьеры будет женское счастье. Может быть, Фрейд и его последователи, которым мы обязаны созданием образа пассивной женственности, не встречали у себя в клиниках самостоятельных женщин? Может быть, независимые и самостоятельные личности, с которыми столкнулся Маслов в своих исследованиях, были в женской среде совершенно новым явлением? Даже сторонники бихевиоризма, введенные в заблуждение загадкой женственности, никогда не задавались целью проследить зависимость между сексуальной и личностной сферой у женщин. Однако в последние годы бихевиористов все больше беспокоило то, что человеческую природу они исследуют на больных или ущербных людях — пациентах в клиниках. В отличие от них профессор Маслов решил изучать людей — живших когда-то и живущих сейчас, — которые не проявляли никаких признаков неврозов, психозов или психопатии, людей, которые, по его мнению, обнаружили «полное раскрытие талантов и способностей. Такие люди стремятся реализовать все свои возможности, весь свой творческий потенциал…Они достигают или уже достигли высшего предела своего развития».

В исследовании Маслова есть много моментов, прямо снизанных с проблемой современных американских женщин. Например, среди общественных деятелей, отобранных для изучения, профессор Маслов смог обнаружить только двух женщин, действительно реализовавших себя, — Элеонору Рузвельт и Джейн Адаме. (Их он поставил в один ряд с такими мужчинами, как Линкольн, Джефферсон, Эйнштейн, Фрейд, Дж. Карвер, Дебз, Швейцер, Крейслер, Гёте, Торо, Уильям Джеймс, Спиноза, Уитмен, Франклин Рузвельт, Бетховен.) Кроме знаменитостей и выдающихся деятелей, он тщательно обследовал некоторое количество

простых смертных в возрасте от 50 до 70 лет, соответствующих его критериям, и отобрал три тысячи студентов колледжей, из которых только двадцать стремились к раскрытию своих способностей. И в этой категории обследуемых женщин оказалось крайне мало. Результаты исследования Маслова говорят о том, что полная реализация человеческого потенциала едва ли «грозит» женщинам в нашем обществе.

Одним из выводов, к которым пришел Маслов, был вывод о том, что люди, стремящиеся к развитию своей личности, обязательно преданы какому-то делу, они живут с ощущением важности выполняемой ими миссии, и это раздвигает рамки их мира, не позволяет им погрязнуть в бытовых каждодневных делах: «У таких людей обычно есть определенная цель в жизни, перед ними стоят не личные, а общественные проблемы, требующие больших затрат энергии…Решение этих проблем необходимо всему человечеству в целом или целой нации…Имея дело с фундаментальными и вечными проблемами, эти люди существуют в огромном мире. Они живут общественными, государственными, а не бытовыми интересами и ради вечности, а не текущего момента». Профессор Маслов также заметил, что самосовершенствующиеся личности, мыслящие широко и масштабно, в то же время умеют радоваться мелочам жизни, которые могут безумно наскучить тем, для кого жизнь состоит только из одних этих мелочей. Они «обладают поразительным умением вновь и вновь заново и по-детски наслаждаться обычными радостями жизни, с удовольствием, восхищением и даже восторгом, несмотря на то что другим эти удовольствия могут показаться банальными».

Маслов утверждал, что «наивысшее сексуальное наслаждение способны получать лишь духовно развитые натуры». Он полагал, что реализация всех человеческих возможностей открывает нечто новое и в сексуальной сфере. При этом секс и любовь не являются в жизни таких людей главным: «Для высокоразвитых натур оргазм может значить и очень много, и очень мало одновременно по сравнению с обычными людьми. Он может быть необходимым, глубоким, почти мистическим ощущением, и в то же время его отсутствие не становится трагедией…Любовь на уровне высших потребностей делает низшие потребности менее важными, не столь необходимыми. Но насколько выше наслаждение, если они удовлетворяются…Ведь мы наслаждаемся пищей, хотя и не считаем еду важнейшей частью нашей жизни…Также и секс может доставлять высшее

наслаждение, не играя значительной роли в жизни. Это то, что доставляет удовольствие, нечто само собой разумеющееся, то, что лежит в основе бытия, то, без чего нет жизни, как без пищи и воды; от этого можно получить такую же радость, но не надо придавать ему слишком много значения».

У людей, которых изучал Маслов, оргазм не всегда является «мистическим ощущением», иногда он выступает как элемент «игры, развлечения, веселья, восторга, ликования»… Для достижения оргазма не нужно прилагать усилий, заранее считая это серьезным актом, его можно достичь полушутя, легко и весело, помня прежде всего о наслаждении, которое он в себе таит». Маслов также обнаружил, вопреки традиционным взглядам и высказываниям посвященных и тайну сексологов, что у людей, заботящихся о своем духовном развитии, любовь и сексуальные отношения с годами не ослабевают, а, наоборот, крепнут. («Я очень часто слышал от таких людей, что их половая жизнь с возрастом стала более полноценной и продолжает совершенствоваться».) Это неудивительно, поскольку с годами человек в большей степени обретает себя, он оказывается способным на более глубокие отношения с другими, ему становятся доступны более глубокие чувства, слияние с партнером, отождествление (ним, выход за пределы своего «я» — но все это не отказываясь от своей собственной индивидуальности.

«Мы наблюдаем сочетание способности любить и в то же время уважать себя и партнера…Даже во время самых головокружительных романов эти люди остаются самими собой, хотя могут любить друг друга до безумия».

В нашем обществе любовь, особенно у женщин, традиционно определяется как полное слияние двух существ, как отказ от своей индивидуальности вместо ее укрепления и развития. По свидетельству Маслова, у людей, стремящихся к совершенствованию, любовь способствует развитию личности каждого из партнеров, и, хотя их существа сливаются, они остаются самостоятельными и сильными. Две тенденции— подчинение любимому существу и развитие своей индивидуальности — не исключают, а дополняют друг друга.

В любви высокоразвитых натур Маслов обнаружил также тенденцию к непосредственности, большей близости, откровенности и самовыражению. Такие люди в любви чувствуют себя естественно, они могут быть психологически (и физически) обнаженными и при этом чувствовать себя в безопасности; они не боятся обнаружить свои недостатки, слабости, физические и психологические дефекты. Им не нужно устраивать

«показуху», скрывать искусственные зубы, седые волосы, другие признаки старости; им не нужно постоянно заботиться о том, как сохранить отношения; в их отношениях мало показного или загадочного, здесь ничего не утаивается и не скрывается друг от друга. В их отношениях не чувствуется никакой враждебности между полами. Оказалось также, что такие люди «игнорируют традиционное распределение ролей между мужчиной и женщиной»: «Они отнюдь не считают, что в сексе, или в любви вообще, женщина должна быть пассивной, а мужчина — активным. Эти люди настолько уверены в себе, что они не против иногда выступить в роли противоположного пола. Важно отметить, что в этом случае как мужчина, так и женщина могут быть и активными, и пассивными во время полового акта. И тот, и другая могут целовать сами и позволять себя целовать, занимать положение снизу и сверху, брать на себя инициативу и полностью подчиняться, поддразнивать партнера и выслушивать то же самое от него».

Таким образом, если традиционно мужская, активная, и женская, пассивная, любовь — это две противоположности, то у духовно развитых личностей «эти противоположности находятся в единстве — в одном человеке заключено и мужское, и женское, и активное, и пассивное начала; в нем и эгоизм, и бескорыстность, инициативность и подчиненность воле партнера».

Любовь этих людей отличается от традиционной еще в одном отношении: она возникает не из-за потребности заполнить пустоту в себе; это бескорыстное восхищение другим человеком; любовь — это подарок.

Бескорыстная любовь всегда считалась неестественной для обычных людей. Но, по мнению Маслова, «люди, достигшие высших ступеней развития, обнаруживают качества, ранее считавшиеся сверхчеловеческими».

В словах «достигшие высших ступеней развития» — ключ к решению проблемы без названия. Отказа от своего «я» в половом акте, так же как и в акте творчества, может достичь только тот, кто полностью реализовал себя. Специалистам всегда это было известно в отношении мужчин, женщины же в расчет не принимались. Домашние врачи, гинекологи, акушеры, воспитатели детских садов, педиатры, работники консультаций «Семья и брак» и священники, исповедующие женщин, сталкивались с таким положением дел, но не придавали ему значения, и уж тем более не считали это закономерностью. Однако наблюдения говорят о том, что для женщины, как и для мужчины, самовыражение (независимость, самоутверждение, развитие личности) так же необходимо, как удовлетворение сексуальных

потребностей, и отсутствие этого жизненно важного фактора может привести к серьезным последствиям. Более того, все сексуальные проблемы женщины так или иначе связаны с неудовлетворенной потребностью в развитии и реализации своего человеческого потенциала, потенциала, который игнорируется мифом о женской загадке.

Психоаналитиками давно было замечено, что интеллект женщины не может расцвести в полной мере, если в ней подавлено женское сексуальное начало; но может ли она расцвести как женщина, если должна подавлять свой интеллект, (вой творческий потенциал? Когда американских женщин обвиняют в том, что они «кастрировали» своих мужей и сыновей, что они «подавляют» своих детей, что они ненасытны в материальном смысле, сексуально фригидны и перестали быть женственными, то при этом забывают одну простую истину: женщины, так же как и мужчины, не могут жить одним сексом; расцвет достигается только при условии, если их половому развитию сопутствует борьба за независимость и свое «я» — «продуктивная ориентация личности, основанная на человеческой потребности активно участвовать в творческом процессе». Если у женщины нет ничего, кроме секса, она неизбежно «кастрирует» мужа и сыновей, которые никогда не смогут заполнить пустоту, образовавшуюся в ней от отсутствия своего «я», и переносит на дочерей свое тайное разочарование, недовольство и самоуничижение.

По мнению профессора Маслова, реализовать свой потенциал современные американки способны только через мужа и детей. «Но вопрос о том, возможно ли на деле развитие одного человека через другого, остается открытым».

Психологи нового времени, которые поголовно являются мужчинами, обычно избегают вопроса о развитии женской личности. Ослепленные загадкой женственности, они уверены, что женщины отличаются от мужчин тем, что находят свое выражение в муже и детях, в то время как мужчины развиваются самостоятельно. Даже самому прогрессивному исследователю-психологу трудно представить женщину самостоятельным человеческим существом, которое в своей потребности развиваться ничем не отличается от мужчины. Большинство традиционных теорий, включая миф о загадочной женственности, основано на этой несуществующей «разнице». Однако представление о «разнице» между полами возникло не на пустом месте: дело в том, что до недавнего времени женщине не были предоставлены возможности для развития.

Многие психологи, в том числе и Фрейд, наблюдая женщин без образования, слишком «зажатых», чтобы занять свое место в обществе,

приходили к ошибочному выводу о том, что женщина по своей природе пассивна, склонна к конформизму, зависима, боязлива, инфантильна; также и Аристотель, основываясь в своих рассуждениях о человеческой природе на своем опыте, ограниченном определенным историческим периодом, делал ошибку, полагая, что человек по своей природе раб и потому «ему подходит положение раба».

В наше время, когда образование, свобода выбора, право на любой, самый ответственный труд — то, что всегда давало мужчинам возможность реализовать себя, — доступны и женщинам, их удерживает от выбора своей дороги в жизни только сила инерции, память о так называемом женском предназначении. За отказ от своего «я» женщинам было обещано сексуальное удовлетворение. Однако, по статистическим данным, именно открывшиеся перед американскими женщинами возможности занять определенное место в обществе способствовали расцвету их сексуальной жизни, и особенно развитию способности к оргазму. В период между «эмансипацией» женщин, завоеванной феминистками, и «контрреволюцией», совершенной с помощью мистификации женственности, все большее число американских женщин стало испытывать оргазм. Наибольшего сексуального наслаждения достигали те, кто продвинулся дальше всех по пути развития личности, кто подготовил себя к активному участию в общественной жизни.

Об этом свидетельствуют два известных исследования, которые обычно не цитируются в этой связи. Первое из них, проведенное Кинси, основано на опросе 5940 женщин, родившихся и выросших в различные десятилетия двадцатого пека, главным завоеванием которого, как известно, была женская эмансипация, но до возникновения мифа о женской загадке.

Считая оргазм главным критерием сексуального наслаждения женщины (такой подход многие психологи, социологи и психоаналитики критикуют как формалистический и физиологический, игнорирующий психологическую природу женщины), Кинси показывает, что у женщин произошло резкое усиление сексуального наслаждения за этот отрезок времени. Подъем начался с поколения, родившегося между 1900 и 1909 годами и созревшего в двадцатых годах, в эпоху феминизма, когда женщины добились права избирать и быть избранными и когда большое внимание уделялось вообще правам женщин, их независимости, карьере, равенству с мужчинами, включая и право на сексуальное наслаждение. Увеличение числа жен, испытывающих оргазм, и уменьшение количества фригидных женщин происходило и каждом последующем поколении, включая вступившее в брак в сороковых годах.

При этом наиболее «эмансипированные» женщины, которые получили высшее образование, чтобы сделать карьеру, проявляли гораздо большую способность получить сексуальное наслаждение, в том числе оргазм, чем остальные. Вопреки мифу о женском предназначении исследование Кинси показало, что чем женщина более образованна, тем чаще она будет испытывать оргазм и тем меньше вероятность того, что она окажется фригидной. Все возрастающую способность к сексуальному наслаждению у женщин, которые закончили колледж, по сравнению с теми, кто не пошел дальше средней школы, и в еще большей степени — у тех, кто продолжил обучение в высшей школе и получил специальное высшее образование, можно наблюдать от первого до пятнадцатого года замужества. Хотя Кинси и обнаружил, что в целом только одна из десяти американских женщин никогда не испытала оргазма, большинство женщин, с которыми он беседовал, не испытывало его полностью или каждый раз, за исключением тех, кто получил высшее образование. По свидетельству Кинси, вероятность достижения оргазма у женщин, вышедших замуж до двадцати лет, наименьшая, хотя они и начали жить половой жизнью на пять-шесть лет раньше, чем те, кто закончил среднюю школу или колледж.

Хотя, по данным Кинси, женщины с высшим образованием, по сравнению с теми, кто имеет только среднее, чаще испытывают оргазм в браке, сексуальное наслаждение не является основным в их жизни. Наблюдается даже противоположная тенденция. Например, внебрачные половые связи менее характерны для женщин, имеющих профессию.

Возможно, обретенная деловыми женщинами «неженская» сила и способность к самовыражению способствуют тому, что они могут получать наивысшее половое удовлетворение, заканчивающееся оргазмом, в браке без того, чтобы искать наслаждений на стороне. Или им уже просто не нужно самоутверждаться с помощью секса. Критики все же отметили, что результаты Кинси не вполне корректны, так как зависимость между сексуальным удовлетворением и развитием личности он обнаружил, обследуя респондентов, почти целиком состоящих из выпускниц колледжей, и женщин, получивших профессию, отличающихся самостоятельностью и ярко выраженной индивидуальностью. В «подборке» Кинси практически не было «типичных» американских домохозяек, посвятивших себя мужу, дому и детям; в ней также отсутствовали малообразованные женщины. Поскольку Кинси в основном использовал добровольцев, он не столкнулся с пассивными, покорными, подверженными конформизму женщинами, которые, по мнению Маслова, не способны к сексуальному наслаждению. Усиление сексуального

наслаждения и освобождение от фригидности, явившееся результатом женской эмансипации, относилось, скорее всего, не к американским домохозяйкам, а к тому меньшинству женщин, которые воспользовались эмансипацией, чтобы получить образование и профессию. Тем не менее вывод об освобождении от фригидности, сделанный на основе этой пусть не разнообразной, но большой подборки из почти шести тысяч женщин, был настолько очевидным, что даже оппоненты Кинси признали его значительность.

Усиление сексуального наслаждения женщины в зависимости от ее профессиональных успехов, ее участия в общественной жизни Америки не было случайным. В то же время происходили изменения в отношении к сексу у американских мужчин, которые перестали считать половой акт чем-то низменным и грязным, и это, безусловно, было связано с новым взглядом мужчин на американских женщин. Последние теперь были равными с мужчинами, полноценными людьми, а не сексуальными объектами. Очевидно, что чем дальше женщины продвигались по этому пути, тем чаще секс становился актом человеческого общения, а не грязным развлечением для мужчин и тем чаще женщины оказывались способными любить мужчин, а не просто пассивно и нехотя подчиняться их сексуальному желанию. В действительности даже загадка женственности — с ее признанием женщины как субъекта, а не просто объекта полового акта и мыслью о том, что ее активное, сознательное участие в нем существенно необходимо для наслаждения мужчины, — не смогла бы помниться без освобождения женщины и достижения ею равенства с противоположным полом. Как предвидели феминистки начала века, завоевание женщинами прав и свобод действительно привело к гораздо более полному обоюдному сексуальному удовлетворению.

Другие исследователи также отмечали, что с получением образования и обретением независимости американские женщины смогли получать большее удовлетворение от половой связи с мужчиной и таким образом утвердиться в сексуальном смысле. По сведениям, опубликованным до и после Кинси, у женщин с высшим образованием число разводов было гораздо ниже среднего уровня. В известном социологическом исследовании Эрнеста В. Берджеса и Леонарда С. Кострелла отмечалось, что счастливые браки встречаются с гораздо большей степенью вероятности среди женщин, имеющих профессию учителей, медсестер, врачей, адвокатов. Эти женщины, как правило, более счастливы в браке, чем те, кто работает в учреждениях в качестве технического персонала, а они в свою очередь более счастливы, чем те, кто до брака вообще не работал, или те, кто

никогда не стремился получить профессию, или те, чья работа не соответствует их запросам, или те, кто занимается домашним или неквалифицированным трудом. Короче говоря, чем выше доход женщины в момент выхода замуж, тем больше вероятность ее семейного счастья.

Социологи формулируют это так: «Что касается жен, то все, что способствует их успеху в делах, измеряющемуся месячным доходом, способствует и успешному браку. Доход, естественно, можно считать показателем уровня образования, так как первый зависит от последнего».

Было опрошено 526 пар. Из них менее 10 процентов семей, где же на проработала шесть или семь лет, имеет неполное высшее образование и вышла замуж после двадцати двух лет, оказались «неблагополучными». «Несчастливых» семей, где жена получила высшее образование и имеет профессию, было и того меньше: 5 процентов. Следующая таблица отражает зависимость между благополучием в браке и уровнем образования жены (в процентах).

На основе этих данных можно сделать заключение, что женщины, которые, согласно своему «предназначению», выходят замуж до двадцати лет, отказываются от высшего образования, карьеры, независимости и равенства с мужчинами ради сохранения женственности, едва ли могут надеяться на счастливый брак, полную сексуальную удовлетворенность и даже достижение оргазма. Кстати говоря, наиболее молодые из жен, обследованных Кинси, — поколение, родившееся между 1920 и 1929 годами, которое столкнулось (мистификацией женственности в сороковых годах, когда мновь начался возврат женщин к дому, — уже не испытывали усиления сексуального наслаждения с каждым годом замужества, что было характерно для всех поколений женщин і госле их эмансипации в двадцатых годах. «Количество женщин, испытывающих оргазм при каждом половом акте на пятый год замужества, возросло с 37 процентов в поколении, родившемся до 1900 года, до 42 процентов в поколениях, родившихся в два последующих десятилетия. У молодой возрастной группы, где пятый год брака пришелся на конец сороковых годов, оргазм происходил даже реже (в 36 процентах случаев), чем у женщин, родившихся в конце прошлого века».

Если бы сейчас появился новый Кинси, он бы обнаружил молодых жен, еще менее удовлетворенных сексуальной жизнью, чем их более эмансипированные, более независимые, более образованные, более зрелые при вступлении в брак предшественницы. Лишь 14 процентов обследованных Кинги женщин выходило замуж до двадцати лет,

большинство — 53 процента — вступало в брак к двадцати пяти го-дам, не боясь остаться старыми девами. Как это непохоже на Америку шестидесятых, где 50 процентов женщин выходят замуж подростками.

Недавно известный психоаналитик Элен Дойч, которая пошла еще дальше Фрейда в отождествлении женственности с мазохистской пассивностью и в стремлении убедить женщин в том, что «общественная активность» и «огрубляющая» интеллектуальность может помешать достижению оргазма, этого чисто женского достояния, вызвала оживление в зале на конференции психоаналитиков, когда заявила, что, возможно, женскому оргазму придается слишком много значения. В шестидесятых годах она вдруг усомнилась в том, нужен ли вообще оргазм женщине! Может быть, достаточно «более расплывчатого» сексуального удовлетворения? В конце концов, у нее были пациентки с серьезными психическими расстройствами, которые говорили, что испытывают оргазм; в то же время у большинства нормальных женщин, которых она сейчас наблюдает, он вообще не происходит.

Что это значит? Может быть, женщина может обойтись без оргазма? Или само время, когда сексуальное удовлетворение женщины стало считаться чуть ли не самым важным в ее жизни, породило нечто, мешающее ей испытать оргазм? Мнения специалистов расходятся. Известно, например, что пассивные люди (не обязательно женщины) — те, кто «чувствует психологическую пустоту», не обрел своего «я», «не ощущает себя личностью», — не решаются испытать оргазм, боясь растворения себя в другом человеке. В то же время многие женщины, подталкиваемые популяризаторами фрейдовской теории женственности, поставили на карту все ради достижения оргазма, этакого журавля в небе. Они фактически направили всю свою эмоциональную энергию и запросы на половую жизнь. Кто-то сказал об одной очень красивой женщине в Америке: ее изображение так приукрашено телевидением, кино, рекламой, что при виде ее в жизни невольно испытываешь разочарование. Так и здесь. Не нужно погружаться в темные глубины подсознания, чтобы убедиться в том, что роль заветного оргазма сильно переоценили как в смысле разрекламированной обязательности его достижения, так и в смысле того, что он может заменить радость от повышения зарплаты, хвалебной рецензии на премьеру, получения должности главного редактора или профессора, не говоря уже о связи оргазма с самовыражением и развитием личности.

Один из психотерапевтов заметил: «Парадоксально, но одной из

основных причин, почему так много женщин в наше время не обладают ярко выраженной сексуальностью, является то, что они из кожи вон лезут, чтобы обрести ее. Им так стыдно, что они не могут достичь вершин чувственности, что они игнорируют свои подлинные желания. То есть вместо того, чтобы сосредоточиться на своих реальных, конкретных проблемах, они придумывают себе другую: «Какая же я идиотка и неопытная, что не могу без усилий, с легкостью получить наслаждение от секса!» Современных женщин в сексе волнует не что они делают, а как. В этом их роковая ошибка».

По свидетельству другого психоаналитика, в том, что секс в Америке становится причиной «депрессивных» состояний, виноваты те женщины, которые безрезультатно пытаются самоутвердиться с помощью секса. Массы американских женщин поразил недуг: секс ради секса. Никто не объяснил им, что секс не может заменить развитие личности; что одного секса мало, чтобы стать личностью (это касается как женщин, так и мужчин); более того, женщина, которая лишь в сексе видит способ утвердить свое «я», никогда не познает подлинного сексуального наслаждения.

Вопрос о том, каким образом человек может наиболее полно реализовать свои возможности и развиться как личность, серьезно волнует философов, социологов и психологов нашего времени — и не без причины. Мыслители прошлого придерживались мнения, что человека создал труд. Личность человека в большой степени определялась тем трудом, который был необходим ему, чтобы не умереть с голоду, выжить, противостоять окружающей среде. Поскольку труд рассматривался как способ выжить, личность человека окалывалась понятием чисто биологическим.

Сегодня представление о личности изменилось. Благодаря труду, определявшему на ранних этапах место человека в обществе и его представление о себе, изменились взаимоотношения человека со средой. Вследствие научно-технического прогресса ослабла зависимость человека от окружающей среды; теперь уже его личность не может определяться трудом, необходимым ему для биологического выживания. Это видно на примере нашего развитого общества: людям не нужно работать с утра до вечера, чтобы прокормиться. Они как никогда свободны в выборе работы; у них невиданно огромное количество свободного времени и нет необходимости тратить его на то, чтобы заработать на жизнь. Видя все это, начинаешь осознавать всю глубину кризиса человеческой личности: как женщин, так и все в большей степени — мужчин. При этом начинаешь понимать важность труда для человека — не как способа выжить, а как

средства преодолеть себя и обрести свое «я» как источника человеческого совершенствования.

Дело в том, что «самоутверждение», или «самовыражение», или «развитие личности», не происходит просто от восхищенного созерцания своего образа в зеркале. Достичь высших ступеней развития можно лишь благодаря служению благородной цели. Ученые разных специальностей по-разному трактовали этот непостижимый процесс обретения своего «я». Религиозные мистики, философы, Маркс, Фрейд давали ему разные определения: человек находит себя, когда себя теряет; человека определяет его отношение к средствам производства; человеческое «я» развивается благодаря постижению и освоению реальности — благодаря труду и любви.

Думается, что кризис личности у американцев, отмечавшийся в последнее время Эриком Эриксоном и другими учеными, связан с отсутствием цели в жизни, которая пробудила бы творческие силы человека. Найти такую цель — значит преодолеть кризис. Но некоторые так и не находят ее, поскольку вся их жизнь проходит в нетворческой работе от звонка до звонка. Цель не появится, если работать, чтобы заработать на жизнь, жить по заранее известному распорядку, занимать надежные чиновничьи должности. Основное положение Рисмена и других о том, что человек в наше время уже не может развиться, работая нетворчески, наводит на мысль о том, что только самостоятельная творческая работа на благо общества приводит к развитию личности. Человеческое «я» обретает очертания, осознает свою подлинность и развивается благодаря общественно полезному труду.

Труд, казавшийся затасканным экономистами штампом, стал новым открытием психологии. «Трудотерапия» давно применялась в психиатрических клиниках, но только недавно психиатры обнаружили, что реальную помощь пациентам может оказать не «трудотерапия», а подлинный труд, приносящий пользу обществу. Труд оказывается и ключом к решению проблемы без названия. Ведь кризис личности у американских женщин начался тогда, когда (столетие назад) их лишили общественно важного труда, который мог бы помочь им реализовать свои возможности и выразить себя.

В восемнадцатом и даже в начале девятнадцатого века нужны были сильные, способные женщины для освоения новых земель; вместе с мужьями они становились хозяевами ферм и плантаций Дикого Запада. Женщины, создающие свой дом на новой земле, были уважаемыми и уважающими себя членами общества. Типично американскими чертами

характера у первых поколений американцев (это касается как мужчин, так и женщин) были сила и независимость, ответственность и уверенность в себе, самодисциплина и мужество, свободолюбие, ощущение себя равным другому. Приплывшие третьим классом из Ирландии, Италии, России, Польши женщины работали наравне с мужьями в мастерских и прачечных, изучали новый для них язык и откладывали деньги, чтобы отдать своих детей в колледж. В Америке женщины никогда не были на особом положении, и никто к ним не относился снисходительно, как это было и Европе. Путешественникам из Европы еще в давние времена американские женщины казались менее пассивными, инфантильными и женственными, чем их жены во Франции, Германии или Англии. Благодаря исторической случайности американские женщины принимали участие в жизни общества и развивались вместе с мужчинами. Для девочек, так же как и для мальчиков, среднее образование было почти правилом; а на Западе, где женщины участвовали в работе по освоению страны дольше всего, даже в университеты женщин принимали с самого начала.

Кризис личности для американских женщин начался прежде всего в городах восточной части Америки и Среднего Запада, в зажиточных буржуазных семьях. Когда освоение земель закончилось, энергия, сила и способности жен-шин-первооткрывательниц больше не требовались, и они остались не у дел. Мужчины начали строить новое общество, развивая промышленность и овладевая профессиями, оставив женщинам домашний труд. Однако дочери женщин-первооткрывательниц с рождения слишком сильно впитали в себя любовь к труду и свободе, чтобы смириться (праздностью и пассивной женственностью.

Первой женщиной, которая отметила, что роль женщины в развитии общества снижается по мере того, как развивается цивилизация, была, однако, не американка, а представительница Южной Африки Олив Шрайнер.

Она еще на рубеже веков предупреждала, что, если женщины не вернут себе право на достойный и полезный труд, их разум и мускулы ослабеют от паразитирования на теле общества; их потомки, и дочери, и сыновья, будут постепенно деградировать, и цивилизация придет в упадок.

Феминистки хорошо понимали, что образование и право участвовать во всех сферах жизни общества нужны женщинам как воздух. Они боролись за право женщины быть личностью и завоевали это право. Но как мало их дочерей и внучек использовали свое образование и способности в творческих целях, работая на благо общества. Как много из них было обмануто или обманулось этим устаревшим, инфантильным понятием

женственности, признающим только один род занятий: домохозяйка!

Их ошибочный выбор — отнюдь не пустяк. Теперь мы знаем, что женщины обладают таким же творческим потенциалом, как и мужчины. Так же как мужчины, женщины могут реализовать этот потенциал только с помощью труда, соответствующего их способностям. Женщина не может выразить себя через мужа и детей или монотонный, отупляющий домашний труд. Как замечали философы всех времен, человек только тогда начинает принимать свою жизнь всерьез, когда он понимает, чти;«изнь может пройти зря. Понимание того, что жизнь прошла зря, может прийти на смертном одре. Но иногда его пробуждает угроза не физической, а духовной смерти — от пассивного конформизма, от бессмысленной, никому не нужной работы. Миф о загадочной женственности предписывает женщине именно такую смерть. Перед лицом медленного духовного умирания американские женщины должны начать принимать жизнь всерьез.

«Человек оценивается с помощью разных критериев, — говорил великий американский психолог Уильям Джеймс почти столетие назад. — Наша сила и разум, наше богатство и удача греют нашу душу и являются стимулом к жизни. Но важнее всего те усилия, которые мы способны затратить. Этот критерий стоит всех остальных».

Если женщины не приложат усилий, чтобы стать личностями, они никогда ими не станут. Женщину, у которой сегодня нет цели, желаний, замыслов, устремляющих ее жизнь в будущее, позволяющих ей полноценно жить и тогда, когда ее тело перестанет выполнять функцию деторождения, можно сравнить с самоубийцей. Любая американская женщина должна понять, что ее жизнь не заканчивается с угасанием функций половых желез. Она должна понимать также и то, что у домохозяйки жизнь проходит мимо нее, пока она сидит и пассивно наблюдает происходящее. И если она поймет, что ей нет места в этом большом мире, ее должен охватить ужас.

С помощью мифа о загадочной женственности удалось похоронить заживо миллионы американских женщин. Для них нет другого пути освободиться из своих уютных «концлагерей», как только приложить усилия — усилия, которые выходят за рамки физиологии и домашнего труда и помогают обрести будущее. Только устремленность в будущее поможет американским женщинам наконец выбраться из домашней ловушки и по-новому проявить себя в качестве жен и матерей, реализуя свои уникальные человеческие способности.

14. Новая жизненная программа для женщин

Пер. В. Задорновой

«Вам легко говорить, — заметит женщина, попавшая в домашнюю ловушку, — но как мне выбраться отсюда, если я одна, дети орут, белье не стирано и нет бабушки, чтобы помочь с детьми?» Действительно, легче жить для кого-то, чем пытаться самой стать кем-то. Возможность свободно определять и планировать свою жизнь пугает, если с такой возможностью сталкиваешься впервые. Но по-настоящему страшно становится тогда, когда женщина осознает, что на вопрос «Кто я?» она не может дать ответа. Она может провести годы в кабинете психоаналитика, который будет пытаться примирить ее с ее женским предназначением, с ролью жены и матери. Но ее внутренний голос будет твердить: «Это не то». И самый лучший психоаналитик не сможет помочь ей, а только, может быть, убедит прислушаться к своему внутреннему голосу. В обществе, которое так мало требует от женщины, она должна сама заглянуть внутрь себя, чтобы обрести свое «я» в нашем меняющемся мире. Она должна, исходя из своих потребностей и возможностей, создать новую жизненную программу, в которой любовь к мужу и забота о детях и доме, составлявшие удел женщины в прошлом, сочетались бы с более масштабными задачами и целями, достойными женщины будущего.

Признать существование проблемы — не значит решить ее. Но если женщина нашла в себе силы признать существование проблемы, как это сейчас происходит со многими американскими женщинами, если она начала задавать себе вопрос «Чего я хочу?», она со временем сумеет найти на него свой собственный ответ. Как только она начнет освобождаться от заблуждений, порожденных мифом о женском предназначении, и поймет, что ни муж, ни дети, ни домашнее хозяйство, ни секс, ни стремление жить, как все, не способствуют обретению своего «я», она найдет решение проблемы быстрее, чем можно предположить.

Я разговаривала со многими женщинами из городов и предместий: одни только начинали задумываться над проблемой, другие находились в процессе ее решения, для третьих проблемы уже больше не существовало.

Одна из женщин, которая могла спокойно поговорить со мной, так как

дети были в школе, сказала:

«Я вложила всю свою энергию в детей, всюду таская их с собой, беспокоясь о них, обучая их всему. И вдруг — это страшное чувство пустоты. Вся эта общественная деятельность — скауты, Ассоциация родителей и учителей, Лига женщин-избирательниц— внезапно показалась бессмысленной. В детстве я хотела стать актрисой. Понятно было, что к этому я уже не вернусь. Я все дни проводила дома, перемыла и перечистила вещи, к которым не притрагивалась годами. Часто ревела. Разговаривая с мужем, мы пришли к выводу, что беда многих американских женщин в том, что они ради детей отказываются от карьеры, а потом не находят в себе сил начать все сначала. Я завидовала тем немногим, у кого были способности, которые они, несмотря ни на что, развивали. Моя мечта стать актрисой была из области фантастики: я ничего не сделала для того, чтобы претворить ее в жизнь. Неужели я должна всю себя целиком посвятить детям? Я всю жизнь была растворена в других и не задумывалась над тем, что же из себя представляю. Я думаю, что даже рождение еще одного ребенка не заполнит пустоту, если да — то ненадолго. А прошлого не вернуть, нужно жить дальше. Но я должна найти свой собственный путь».

Эта женщина только начинает поиск своего «я». Другая женщина уже прошла через это и ясно представляет себе проблему. У нее со вкусом отделанный дом, но, по существу, ста уже не «просто домохозяйка». Она профессиональный художник и получает деньги за свой труд. Она сказала мне, что когда перестала мириться с традиционно женской ролью, то стала получать больше удовольствия именно от того, что она женщина.

«Я искренне старалась как можно лучше играть роль жены и матери. Всех своих детей я родила естественным путем. Всех выкормила грудью. Я жутко разозлилась на одну женщину старше меня, которая на мое замечание о том, что забота о продолжении рода самое важное как для человека, так и для животного, ответила: «А вам не хочется подняться выше животного?» Подспудно я хотела чего-то большего, но не понимала чего. Поэтому я придумывала себе все новые занятия по дому. Гладить обычные детские платья очень просто, поэтому я покупала дочкам платья с оборками и кружевами, чем усложняла себе жизнь, сама пекла хлеб, отказывалась от посудомоечной машины. Мне казалось, что, если я буду делать все новые усилия, домашнее хозяйство принесет удовлетворение. Но этого не случилось.

Я чуть-чуть не изменила мужу. Я все время была им недовольна. Я приходила в ярость, если он не помогал по хозяйству, настаивала на том,

чтобы он мыл посуду, полы, делал все остальное. Мы не ссорились по-настоящему, но ночью в постели чувствовалось отчуждение.

Меня преследовало чувство того, что я хочу от жизни большего. Это стало навязчивой идеей. Поэтому я пошла к психиатру. Он пытался пробудить во мне женское начало, но и это не помогло. Потом я попала к другому врачу, который помог мне осознать, что меня волнует, и забыть о женском предназначении. Я поняла, что злюсь на себя и своего мужа, потому что мне пришлось бросить школу.

Иногда я брала детей и уезжала на машине куда глаза глядят, потому что не могла оставаться дома. Мне хотелось какой-то деятельности, но не хватало мужества начать. И вот однажды на обочине одной из проселочных дорог я увидела рисующего художника, и помимо моей воли мой голос спросил: «Вы даете уроки?»

Теперь весь день я занимаюсь хозяйством и детьми, а поздно вечером, помыв посуду, иду рисовать. Спальню, в которую мы собирались поместить нашего следующего ребенка — я когда-то считала, что счастливая семья должна иметь не меньше пяти детей, — я переоборудовала под студию. Я помню, как однажды ночью я рисовала и к двум часам почувствовала жуткую усталость. Посмотрев на картину, я поняла, что наконец нашла себя, и это было важнее всего.

Я не представляю, как я жила жизнью первых женщин-переселенцев. Для того чтобы доказать, что ты женщина, совсем не обязательно уметь шить самой себе платья. Я продолжаю быть женщиной, люблю одеваться, но покупаю себе одежду. Я уже больше не такая терпеливая, любящая, идеальная мать. Я не переодеваю детей с ног до головы в новое каждый день и не покупаю платья с оборками. Но почему-то теперь я уделяю им больше времени и получаю больше удовольствия от общения с ними. Я трачу меньше времени на хозяйство, но успеваю все сделать до прихода мужа с работы. Мы наконец купили посудомоечную машину.

Чем больше времени уходит на мытье посуды, тем меньше остается на что-то еще. Ведь работа по дому, повторяющаяся изо дня в день, не творческая. Почему же женщина должна чувствовать себя виноватой, если она находит способ освободиться от этой монотонной работы? Не велика заслуга, если женщина умеет мыть посуду и полы. Замечательно, что появились посудомоечные машины, ткани, которые не нужно гладить; в этом направлении и должно развиваться паше физическое существование. У нас только одна жизнь на земле. Ее нельзя разбазаривать. Мне дана моя жизнь, и я хочу распорядиться ею вот так.

Теперь, когда мы зажили полноценной жизнью, мне не нужно

изображать благополучие в семейной жизни, поскольку оно в самом деле есть. Интересно, что, когда я обрела себя, я осознала, что мой муж — отдельное от меня, самостоятельное существо. Раньше он был как бы частью меня самой. Мне кажется, что, только когда я перестала бездумно выполнять предназначенную женщине роль, я начала получать удовольствие от того, что я женщина».

Были и другие женщины, признававшие существование проблемы, но не знающие, как исправить положение. Одна из них, возглавляющая местный загородный комитет по сбору средств, поделилась со мной: «Я завидую Джин, которая может дома заниматься любимым делом. Я же уже два месяца не брала в руки кисти. Меня засасывает работа в комитетах, которая мне совсем не нравится. Конечно, она дает общение с людьми. Но не приносит душевного успокоения, которое я испытываю, когда рисую. Один художник в городе сказал мне: «Вы себя недооцениваете. Вам по силам быть художником, домохозяйкой и матерью одновременно». Единственное, что меня останавливает, — это то, что это тяжелый труд».

Молодая женщина из Огайо рассказала мне о себе: «Недавно я стала ощущать потребность что-то изменить. Мне казалось, что мы должны купить дом побольше, сделать пристройку или переехать в более престижный район. Временами я пускалась в загул, и получалось, что я жила не ради своей жизни, а ради коротких перерывов в ней. По мнению мужа, быть хорошей матерью — самое главное в жизни женщины. Я согласна, что это, может быть, важнее карьеры. Но я думаю, что большинство женщин не согласятся всю свою жизнь целиком посвятить материнству. Я люблю своих детей, но не могу все время проводить с ними. Хотя бы потому, что мы разного возраста. Я бы могла больше времени уделять домашнему хозяйству. Но ковры достаточно пылесосить два раза в неделю. Правда, моя мама чистила их каждый день. Я всегда хотела научиться играть на скрипке. Но в колледже так и не сделала этого, так как девочки, серьезно занимавшиеся музыкой, казались мне странными. И вдруг какой-то внутренний голос сказал мне: сейчас или никогда, другого случая не будет. Мне стыдно, но я учусь играть в сорок лет. Я устаю, у меня от скрипки болит плечо, но меня охватывает необъяснимое возвышающее чувство. Я начинаю ощущать себя частью вселенной. Я чувствую, что действительно существую».

Я понимаю, что не могу предложить всем этим женщинам простые и

исчерпывающие ответы на их вопросы. Простых ответов нет, каждая американская женщина сегодня трудно, болезненно и долго ищет свой ответ. Прежде всего, ей нужно навсегда и бесповоротно отказаться от «образа» домохозяйки. Это совсем не значит, что она должна развестись с мужем, бросить детей и оставить свой дом. Ей не нужно выбирать между браком и карьерой; это великое заблуждение, основанное на мифе о женской загадке. В действительности сочетать замужество, материнство и свое дело в жизни, которое раньше называлось карьерой, совсем не так трудно, как это представляют мистификаторы женственности. Просто женщина должна совершенно по-новому спланировать свою жизнь.

Основой ее жизненной программы должен быть взгляд на домашний труд не как на дело жизни, а как на то, без чего нельзя обойтись, но что должно быть сделано как можно быстрей и с наименьшей затратой сил. Как только женщина перестанет делать культ из приготовления пищи, уборки, стирки, утюжки, она сможет отказаться от плиты с закругленными углами и довольствоваться одним сортом мыла вместо четырех. Она скажет «нет» фантастическим новинкам, разрекламированным женскими журналами и телевидением, которые навязывают ей определенный образ жизни. Она будет использовать пылесос, посудомоечную машину, другие технические приспособления и такие вещи, как сухое картофельное пюре, не ради них самих, а по назначению — чтобы сэкономить время для более интересной и творческой работы.

Затем (и это, пожалуй, самое трудное для тех женщин, кто является продуктом ориентированного на замужество образования) нужно суметь трезво взглянуть на брак, без розовых очков, обычно надеваемых еще в школе. Женщины, которые видели в браке и материнстве конечную цель жизни, обычно в конце концов оказывались недовольны мужьями и постоянно раздражались на детей. Но те из них, кто сумел развить свои способности и нашел свою цель в жизни, не только испытали новое чувство «полноценности» существования, но и почувствовали необъяснимую новизну в отношении к мужу и детям. Одна из женщин выразила это так: «Самое удивительное, что я начала получать больше радости от общения с детьми, когда стала от них более независимой. Раньше, отдавая им всю себя, я смотрела как бы сквозь них ц ожидании чего-то еще. Общение с ними не приносило мне такого удовлетворения, как сейчас, они существовали отдельно от меня, как, например, заход солнца. Раньше я была связана ими по рукам и ногам и поэтому хотя бы в мыслях

пыталась освободиться. Может, женщина должна быть независимой, чтобы стать по-настоящему близкой своим детям».

Жена адвоката из Новой Англии поведала мне свою историю: «Мне казалось, что я достигла всего, о чем может мечтать женщина. Я выросла, вышла замуж, родила ребенка и была счастлива в браке. Но затем стала чувствовать какую-то тоску: неужели это предел и дальше не будет ничего? Перепробовала разные занятия: одну неделю уроки драпировки, другую — рисование по воскресеньям. Дом я содержала в безупречном порядке. Ребенку уделяла очень много внимания. Слишком много: общество взрослых ребенку нужно не в таких больших дозах. Представьте себе взрослую женщину, целый день играющую с ребенком, хватающуюся за сотни разных занятий, чтобы убить время, готовящую экзотические блюда, которые никому не нужны, и приходящую в ярость, когда их отказываются есть, — тут можно забыть о том, что ты взрослый, самостоятельный человек, что ты личность. Теперь я изучаю историю, по курсу в год. Это нелегко, но я не пропустила ни одного вечернего занятия за два с половиной года. Скоро буду сама преподавать. Мне нравится быть женой и матерью, но я знаю, что, если замужество становится единственным смыслом в жизни, оно превращается в жалкое существование напоказ. Кто сказал, что женщины должны жить счастливо и беззаботно, веселиться, развлекаться? Они должны трудиться. Это не значит обязательно ходить на службу. Но для того, чтобы чувствовать себя полноценным человеком, нужно иметь свое дело в жизни, которое бы захватило тебя, и быть в своей области профессионалом».

Час в день, уик-энд, даже неделя, которую домохозяйка проведет вне дома, не решают ее проблем. «Час, свободный от детей», рекомендуемый матерям врачами-специалистами в качестве лекарства от усталости или безысходности, автоматически предполагает, что женщина в первую очередь домохозяйка, а также отныне и навсегда мать, и только мать, своих детей. Человек, который всецело поглощен своей работой, обычно получает удовольствие от выходного дня. Но матери, с которыми мне довелось беседовать, не видели в «свободном часе» спасения; напротив, они отказывались от него под всяческими предлогами, то ли из чувства вины, то ли от скуки. Женщина, у которой нет собственной цели в жизни, которая не задумывается о будущем и ничего не делает, чтобы занять достойное место в нем, будет всегда не удовлетворена настоящим, сколько бы у нее ни было «свободных часов». Я убеждена, что в наше время

девушка с юных лет должна думать о себе прежде всего как о человеке, а не как о будущей матери, не знающей, куда девать время, и планировать свою жизнь в соответствии со своими способностями и интересами, которые вполне могут сочетаться с ее обязанностями жены и матери.

А вот как обрисовала свое положение женщина-психотерапевт, которая многие годы была «просто домохозяйкой», живущей в пригороде. «Я помню, как не могла отделаться от чувства, что живу неполной жизнью. Мои возможности не были реализованы. Просто заботиться о доме мне было недостаточно. Как известно, джинна обратно в бутылку не загонишь. Так же и с интеллектом: он требует участия в жизни общества. — Бросив взгляд за окно, где сквозь деревья ее сада проглядывала пустынная тихая улица окраины, она сказала: — Постучитесь в любую дверь, и вы увидите, как мало женщин реализовало свои возможности. Чтобы убить время, они пьют, просиживают часами, болтая с другими женщинами и наблюдая, как играют их дети, так как не могут вынести одиночества, смотрят телевизор, читают. Общество еще не нашло женщинам подобающего места, еще не поняло, как использовать их энергию и способности, за исключением способности рожать детей. Мне кажется, что последние пятнадцать лет женщины все время пытаются уйти от самих себя. Почему молодые девушки следуют примеру своих матерей-домохозяек? Потому что они думают, что, если посвятят свою жизнь заботам о доме, у них не будет проблем. Ничего подобного. В жизни каждой женщины настает момент, когда для того, чтобы сохранить душевное равновесие, она должна обрести себя как личность».

Единственным способом для женщины найти себя, как, впрочем, и для мужчины, является самостоятельная творческая работа. Другого выхода нет. Но не любая работа — по существу, работа как таковая тоже может оказаться ловушкой. У женщин, которые не стремятся найти работу, достойную их способностей, которые не хотят развивать интересы и серьезно заниматься своим образованием, которые идут работать в двадцать или в сорок лет, только чтобы пополнить семейный бюджет или просто потому, что некуда девать свободное время, так же как и у тех, кто остается в домашней ловушке, нет будущего.

Выбраться из ловушки женщине может помочь только такая работа, которая будет частью ее жизненной программы, работа, которая обеспечит ее духовный и общественный рост. В пригородных районах, особенно в новых, там, где еще только налаживается жизнь, у способных, умных

женщин сколько угодно возможностей найти себе применение в социальной, культурной, политической сфере, в области образования и досуга, хотя это и не «работа» в строгом смысле слова. В Уэст-Честере, на Лонг-Айленде, в пригородах Филадельфии женщины сейчас открывают центры психотерапевтической помощи, эстетического воспитания, детские сады. В больших и малых городах от Новой Англии до Калифорнии по инициативе женщин возникли новые движения в политике и образовании. Пусть такого рода общественная деятельность и не укладывается в традиционные рамки «работы» или «служебной должности», она оказалась настолько важной для некоторых районов, что ею теперь за деньги занимаются профессионалы.

Во многих районах уже почти не осталось сколько-нибудь стоящей работы для непрофессионалов — за исключением одного-двух руководящих постов, для которых у большинства нынешних женщин не хватает сил, самостоятельности и уверенности в себе. Всей серьезной работой занимаются женщины с образованием. В результате создаются комитеты, обслуживающие сами себя, и другие бюрократические структуры, точь-в-точь в соответствии с законом Паркинсона, единственная цель которых — чем-то занять домохозяек. Такая работа не может удовлетворить зрелого человека и не способствует росту незрелого. При этом я отнюдь не хочу сказать, что деятельность «дежурной мамы», или работа в Ассоциации родителей и учителей, или организация благотворительных ужинов не приносят пользы. Но для способной и умной женщины этого недостаточно.

Одна из опрошенных мною женщин была с головой погружена в бесконечную общественную работу, которая, хоть и была полезной, не приносила ей удовлетворения и не способствовала развитию ее исключительных способностей. Наоборот, ее интеллект начал ослабевать, ее стала мучить проблема без названия. Все это происходило до тех пор, пока она не сделала первый шаг на пути к серьезному делу. Теперь она «квалифицированный преподаватель» и в то же время жена и мать, обретшая душевный покой. «Вначале я возглавила комитет по сбору средств для больниц. Потом стала ответственной за сопровождение детей на прогулки. Я стала брать уроки игры на фортепиано за тридцать фунтов в неделю и была вынуждена платить няням, чтобы поиграть в свое удовольствие. Я также систематизировала организованную нами библиотеку, была все той же «дежурной мамой», работала в Ассоциации

родителей и учителей. Все эти занятия, которые мне были нужны, чтобы только чем-то наполнить жизнь, сильно ударяли по бюджету мужа. Но они все равно ее не заполнили. Я все время была не в духе, раздражалась по поводу и без повода. Способна была разрыдаться без причины. Не могла сосредоточиться даже на детективе. С утра до вечера я была страшно занята, но настоящего удовлетворения это не приносило. Хорошо, допустим, вы воспитываете детей, но не только же для этого вы живете? Нужна какая-то главная цель, осуществлению которой должны быть посвящены не месяцы, а годы. Общественная деятельность состоит из краткосрочных задач; вы выполнили одну из них, затем должны искать другую. Считается, что для молодых матерей с маленькими детьми общественная работа слишком обременительна. Она подходит женщинам средних лет, чьи дети уже подросли. На самом же деле именно те, кто связан маленькими детьми, нуждаются в такой работе. Если ваши дети выросли, бросайте ее — вам нужно настоящее дело».

Миф о женском предназначении (а также, возможно, естественная человеческая боязнь не выдержать конкуренции в жестокой борьбе без всяких скидок на слабый пол) создал положение, при котором самым трудным для женщины, находящейся в домашней ловушке, является скачок от любительства к профессионализму. Но даже если женщине не надо работать, чтобы прокормить себя, ей надо работать для самоутверждения, причем работа эта должна быть действительно полезной обществу, такой, за которую наше общество обычно платит. Оплата труда — это не просто вознаграждение, она требует от работающего серьезной отдачи. Для сотен способных, образованных домохозяек из американских пригородов это является серьезным препятствием на пути к профессионализму. И они продолжают тешить себя мечтами о несостоявшейся писательской или актерской карьере, по-дилетантски забавляются живописью или музыкой, соглашаются на должности секретарей, администраторов или продавщиц, которые гораздо ниже их способностей. Что это, как не способ уклониться от развития?

Усиливающаяся неприязнь американских женщин к общественной работе и предпочтение, отдаваемое ими работе за деньги, пусть даже самой неквалифицированной, объясняются тем, что все интересные должности, требующие умственного напряжения, захватили профессионалы. Но в том, что так мало женщин за последние двадцать лет стало профессионалами, в том, что они боятся работы (платной или бесплатной), требующей

инициативы и ответственности, виновата пресловутая загадка женственности. Боязнь серьезного дела, испытываемая домохозяйками, выявилась и в результате социологического исследования в округе Уэст-Честер. В районе, где живут состоятельные семьи, более 50 процентов домохозяек в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет, чьи мужья зарабатывают более 25 000 долларов в год, изъявляли желание работать: 13 процентов — немедленно, остальные через пять — пятнадцать лет. Но среди тех, кто собирался идти работать, трое из четырех считали себя неподготовленными. (Все они учились в колледже, но только одна из четырех получила степень; при этом каждая третья вышла замуж в двадцать лет или раньше. Работать они собирались не из-за экономической необходимости, а из-за того, что автор исследования, антрополог, назвал «психологической потребностью быть экономически полезными». Естественно, что общественная деятельность не могла удовлетворить эту потребность; хотя 62 процента опрошенных женщин занимались такой работой, она сводилась чаще всего к разовым поручениям. Желая работать и чувствуя свою некомпетентность, 45 процентов женщин поступили учиться, однако очень немногие — с целью получить степень. Их маниловские планы относительно работы сравнимы с деятельностью мелких предпринимателей/! которые открывают предприятия и тут же закрывают их. Когда ассоциация выпускников организовала в этом предместье конференцию на тему о том, как вернуть женщин сред них лет к работе, на заседаниях присутствовало только двадцать пять женщин. Для начала каждую женщину попросили прийти на второе заседание с кратким резюме первого. Такое резюме требовало умственного усилия и искренней и серьезной заинтересованности. Лишь одна женщина серьезно подошла к этому заданию и смогла его выполнить.

В другом предместье женщины, учившиеся в колледже, смогли найти применение своим способностям в консультационных центрах психотерапевтической помощи, особенно когда это движение только зарождалось. Они, конечно, не принимали участия в лечении, но на ранних этапах вели всю организационную работу и возглавляли семинары для родителей. Теперь, когда «обучение семейной жизни» поставлено на профессиональную основу, руководство центром и семинарами осуществляется специалистами из города, имеющими степени магистров или докторов. Очень немногие из женщин, «нашедших себя» в работе консультационного центра, пошли дальше по этому пути и сами получили ученые степени по этой специальности. Большинство бросило работу, когда

почувствовало, что она слишком серьезно затягивает их и может заставить распрощаться с ролью домохозяйки.

Однако, хотим мы этого или нет, именно деятельность, несовместимая с загадкой женственности, может помочь женщине полностью реализовать свои способности и занять свое место в обществе, оставаясь женой и матерью: это неизменная преданность искусству, науке, политике или какой-либо другой профессии, ставшей делом жизни. Такая деятельность не связана с конкретной должностью или местом. Формы ее могут варьироваться от года к году — это может быть и полная ставка, и полставки, применение своих профессиональных навыков в серьезной общественной работе и учеба в целях дальнейшего совершенствования в период беременности и кормления ребенка, когда работа на полную ставку невозможна. Но это должна быть непрерывающаяся нить, силу и упругость которой обеспечивают работа, учеба и контакты в данной области, не зависящие от вашего места жительства.

Я встречала женщин, посвятивших себя серьезному делу. Они не страдали от проблемы без названия. Они освободились от образа домохозяйки. Но не нужно думать, что искусство, музыка или политика могут сами по себе чудесным с образом решить проблему тех женщин, которые не хотят или не могут серьезно ими заняться. На первый взгляд искусство кажется идеальным занятием для женщины. Ведь им можно заниматься дома. Оно не засушивает женщину, уживается с понятием женственности и открывает бесконечные возможности для роста и развития, как будто бы не требуя от женщины соревнования с коллегами по профессии. Но я заметила, что если женщины, занимающиеся живописью или керамикой, не стремятся стать профессионалами — а это значит получать деньги за работу, обучать других, быть признанными коллегами по профессии, — рано или поздно они бросают занятия; рисование по воскресеньям, лепка от нечего делать не помогают обрести себя, так как они никому (кроме себя) не нужны. Любитель или дилетант, чью работу никто не стремится увидеть, услышать, прочитать или купить, никогда не займет настоящее положение в обществе, никогда не станет полноценной личностью. Последнее будет наградой для тех, кто сделал усилие, приобрел знания и умения и стал профессионалом.

Конечно, на пути к получению профессии встает много мелких, бытовых препятствий. Однако эти препятствия кажутся непреодолимыми

лишь тем женщинам, которые все еще находятся в плену ложных дилемм и комплекса вины, порожденных мистификацией женственности, или тем, кто «мечтает» изменить жизнь, но не хочет делать никаких усилий. Всюду, где бы я ни была, женщины рассказывали мне, что самым трудным для них было впервые решиться пойти в бюро по найму, или подать заявление с просьбой об аттестации в должности учителя, или договориться о встрече с бывшими коллегами по работе. Просто диву даешься, насколько разнообразны причины, которые выдумывает себе женщина, чтобы не поехать на биржу труда или не писать заявление о приеме на работу.

Одна домохозяйка из предместья, работавшая раньше в газете, была уверена, что после такого большого перерыва ее не возьмут обратно. И потом, она, конечно, не могла оставить детей без присмотра (хотя ее дети целый день проводили в школе). Но когда она наконец решилась пойти работать, она нашла прекрасную работу по специальности, только два раза съездив в город. Другая женщина, в прошлом психотерапевт, оказывавшая психотерапевтическую помощь в центре социальной защиты, твердила, что она не может позволить себе платную работу, только общественную, выполнение которой сама сможет планировать, потому что дома у нее нет прислуги. Однако если бы она наняла прислугу, последовав примеру многих соседей, то смогла бы проверить свои способности на достойной ее работе. Было ясно, что она боится такой проверки.

Большинство домохозяек бросают общественную работу или любительские занятия искусством в тот момент, когда необходим следующий шаг — к профессионализму. Лидер Ассоциации родителей и учителей не захотела баллотироваться в совет школы. Руководительница Лиги женщин-избирательниц не решилась перейти на работу в свою политическую партию. «Женщин все равно не допускают к выработке политической линии, — объяснила она. — А наклеивать марки мне неинтересно». Понятно, что для того, чтобы, преодолев предрассудки мужчин в жесткой конкурентной борьбе с ними, добиться доступа к выработке политики, нужно очень большое усилие. Гораздо легче сказать, что тебя недооценивают и притесняют.

Некоторые работающие женщины остаются тем не менее в плену традиционного женского взгляда на жизнь. Я разговаривала с двумя такими женщинами: обеим было скучно сидеть дома, поэтому они пошли работать в один и тот же научно-исследовательский институт. Им нравилась их творческая работа, их быстро повысили в должности. Но им было уже за

тридцать, обе были десять лет замужем, а получали очень мало. Одна из женщин, отлично сознавая, какое будущее открывает перед ней ее работа, чтобы не бросать ее, тратила почти всю свою зарплату на приходящую три раза в неделю домработницу. Другая, считавшая, что ее работа имеет смысл только для «пополнения семейного бюджета», не собиралась тратить заработанные деньги на прислугу. Она также не хотела просить мужа и детей помочь ей по хозяйству и не считала нужным заказывать продукты по телефону или отдавать белье в прачечную, чтобы сэкономить время. В результате через год она выбилась из сил и вынуждена была бросить работу, в то время как первая женщина, взявшая домработницу, теперь, в свои тридцать восемь лет, является одним из ведущих специалистов института, получая зарплату, значительно превышающую ту сумму, которую она платит прислуге. Вторая женщина, после двух недель «отдыха», опять впала в отчаяние. Но она вбила себе в голову, что, сидя дома, она не будет чувствовать себя «виноватой» перед мужем и детьми.

Идиллическое представление о счастливой домохозяйке, занимающейся творчеством (живописью, скульптурой, музыкой) дома, — ««это одно из заблуждений, порожденных мифом о женском предназначении. Действительно, некоторые работают дома; но если это делает муж, его жена старается не мешать ему и того же требует от детей. Женщине в этом отношении гораздо труднее; если она серьезно относится к своей работе, она вынуждена или искать уединенное место вне дома, или оставаться дома, но с риском превратиться в монстра, требующего от мужа и детей ее не беспокоить. Дома внимание женщины постоянно раздваивается между работой и заботами по хозяйству, ей трудно сосредоточиться. Серьезная работа с девяти до пяти среди своих коллег, совершенно отличающаяся от домашней, не требует такой самодисциплины и в то же время спасает от одиночества. Женщина, занимающаяся любимым делом без отрыва от домашнего хозяйства, лишена профессионального общения, деловых связей и других преимуществ работы в коллективе.

Женщина должна сказать решительное «нет» мифу о женском предназначении, только тогда она сможет осознанно сделать усилие, которого требует серьезная профессиональная работа. Ведь миф существует не только в теории. Очень многие практически заинтересованы в том, чтобы женщины в графе «род занятий» писали: «Домохозяйка». Как бы долго женские журналы, социологи, специалисты в области образования, психоаналитики еще ни думали над тем, как исправить ошибки, порожденные мистификацией женственности, женщина должна

приступить к их исправлению немедленно, преодолевая предрассудки, ложные страхи и выдуманные дилеммы, исходящие от мужа, друзей и соседей, возможно, от ее священника, пастора или раввина, или детсадовского воспитателя ее ребенка, или доброжелательного психотерапевта, или от ее собственных ничего не подозревающих маленьких детей. Ведь повсюду она встречает сопротивление.

Однако теперь даже традиционное сопротивление со стороны церкви скрывается под маской психотерапии. Женщинам из католической и ортодоксальной еврейской среды нелегко расстаться с образом домохозяйки; он канонизирован их религией, семейным укладом, привычным им и их мужьям с детства, догматическими представлениями о браке и материнстве, проповедуемыми их церковью. Примером того, с какой легкостью церковь облачает свои догмы в психологические одежды, может служить следующий «Примерный план дискуссий, рекомендуемый супружеским парам», выпущенный отделом семьи и брака при архиепископе Нью-Йорка. Трем или четырем приглашенным в качестве экспертов супружеским парам после репетиции со «священником—председателем собрания» предлагается поднять вопрос: «Подрывает ли работающая жена авторитет мужа в семье?»

«Большинство молодых людей, собирающихся пожениться, уверены, что ничего страшного не произойдет, если жена будет продолжать работать. Выслушайте мнение других участников дискуссии. Воздержитесь от категорических высказываний… Сидящие в президиуме супружеские пары при обсуждении этого вопроса должны отметить, что счастливой невесте, работающей с девяти до пяти, необходимо подумать о следующем:

а) Она может незаметно подрывать авторитет мужа как кормильца и главы семьи. Мир бизнеса с его конкуренцией может привить ей взгляды и привычки, которые затруднят признание ею главенствующей роли мужа в семье…

б) В конце рабочего дня, когда муж рассчитывает на ее хорошее настроение и готовность его ободрить и утешить, она встречает его усталой морально и физически.

в) У некоторых жен постоянное напряжение, в котором они находятся, выполняя двойную нагрузку — деловой женщины и домохозяйки на полставки, — является одной из причин бесплодия».

Одна женщина из католической семьи отказалась войти в состав руководящего органа Лиги женщин-избирательниц, когда к недовольству ее мужа и духовника прибавилось еще и мнение школьного психолога о том,

что неуспеваемость ее дочери объясняется увлечением матери политикой. «Для женщины-католички очень трудно быть эмансипированной, — сказала она мне. — Поэтому я ушла из Лиги. Для всех будет лучше, если я останусь просто домохозяйкой». В этот момент зазвонил телефон, и я невольно подслушала получасовой разговор, посвященный тонкостям политической стратегии уже не Лиги, а местной организации демократической партии, "членом которой она являлась. «Ушедший в отставку» политик, продолжая готовить обед, призналась, что она теперь занимается политикой дома, украдкой, «как алкоголик или наркоман», но не может от этого отказаться.

Другая женщина-врач, из еврейской среды, оставила свою профессию, выйдя замуж за врача, и посвятила себя воспитанию четверых детей. Ее муж не очень-то обрадовался, узнав, что она снова начала готовиться к экзамену по медицине, когда ее младший пошел в школу. Тихая, скромная женщина сделала почти нечеловеческое усилие, чтобы возобновить разрешение на практику после пятнадцатилетнего перерыва. Она сказала мне, как бы извиняясь: «Мне это по-прежнему интересно. Я пыталась подавить это в себе, но не смогла». И призналась, что, получив ночной вызов, она тихонько и виновато выскальзывает из дома, как на свидание к любовнику.

Даже женщины, в жизни которых религия никогда не играла значительной роли, не могут противостоять мощному аргументу, приводимому создателями мифа о загадке женственности: женщина своей работой вне дома наносит ущерб мужу и детям. Если по какой-либо причине ее ребенок заболел или у мужа неприятности на работе, окружающие и даже внутренний голос самой женщины непременно припишут это тому, что она забросила дом и семью. Именно поэтому стремление многих женщин серьезно заняться каким-то делом погибает в зародыше или приходит с большим опозданием.

Одна из женщин призналась, что она оставила работу на телевидении и стала «просто домохозяйкой», поскольку ее муж вдруг решил, что его проблемы на работе объясняются ее нежеланием «вести себя как подобает женщине»; она, видите ли, пыталась быть «такой же, как он»; ей впору было; «надеть брюки». Она, как многие женщины в наше время, оказалась чувствительной к таким обвинениям — один психиатр назвал это «комплексом вины деловой женщины». И решила направить всю ту энергию, с которой отдавалась работе, на свою семью, что проявилось, в частности, во въедливом критическом интересе к карьере мужа.

В свободное время она как бы невзначай стала руководить маленьким любительским театром и добилась оглушительного успеха среди местных жителей. Последнее было еще более непереносимо для мужа и детей, чем ее профессиональная работа на телевидении, которая совершалась незаметно для семьи, в совершенно другом мире, никак не связанном с домом. Однажды, когда она вела репетицию в своем театре, ее сына сбил автомобиль. В этом несчастном случае она обвинила себя, бросила театр и поклялась отныне быть «только домохозяйкой».

Почти сразу же она почувствовала первые симптомы проблемы без названия; ее депрессивные состояния — следствие зависимого положения — превратили жизнь мужа в пытку. Она обратилась за советом к психоаналитику, и в отличие от своих коллег, традиционно не способных найти радикальный способ помочь пациенту, он буквально заставил ее вернуться к работе. Она начала писать серьезный роман с энтузиазмом, которого у нее никогда раньше не было. Поглощенная работой, она больше не досаждала мужу критическими замечаниями и незаметно для себя перестала волноваться, что с сыном опять что-то произойдет, как только он выйдет из дома. И все же, хотя обратного пути уже быть не могло, ей иногда казалось, что она сама ставит семейную жизнь под удар.

Вопреки всем заповедям мифа о женской загадке ее муж, то ли заразившись энтузиазмом своей жены, то ли обрадовавшись прекращению истерик и депрессий, то ли по каким-то другим, индивидуальным причинам, вдруг серьезно увлекся своей работой, и дела его пошли как нельзя лучше. Конечно, какие-то проблемы у них возникали, но не те, что раньше; выбравшись из поставленных самим себе ловушек, они почувствовали, как восстанавливаются их отношения.

Однако раскрепощение женщины не всегда проходит гладко. Среди опрошенных мною была женщина, муж которой развелся с ней вскоре после того, как она пошла работать. Их брак еще до этого был на грани распада. Ощущение своего «я», которое дала этой женщине работа, видимо, не позволило ей и дальше мириться с существующим положением и ускорило развод, но в то же время оно помогло ей легче перенести его.

В других случаях категорические возражения мужей затихали, как только жены принимали решение и шли работать. Может быть, женщины преувеличивают отрицательное отношение мужчин к тому, чтобы их жены работали, просто потому, что сами боятся сделать этот решительный шаг? Мужья, с которыми я беседовала, признавались, что неожиданно для себя они испытывали облегчение от того, что уже не были центром вселенной для своих жен, от того, что жены меньше их пилили, меньше требовали от

них. Кроме того, мужья больше не ощущали вины по поводу состояния неудовлетворенности своих жен. Один из них выразился так: «Когда Маргарет пошла работать, жизнь стала легче не только в материальном смысле (что тоже немаловажно), но и во всех других отношениях».

И в то же время есть мужья, чье сопротивление не так легко преодолеть. Мужья, которые не хотят и не могут позволить женам распрощаться с загадочной женственностью, часто сами с детства бывают приучены к всепоглощающей материнской заботе и стремятся окружить такой же заботой своих детей. Такому мужу трудно объяснить, что жена не должна быть матерью своему мужу, а дети гораздо лучше будут себя чувствовать без ее мелочной опеки. Может быть, если жена станет сама собой и перестанет претворять в жизнь иллюзии мужа, у него вдруг откроются глаза и он увидит ее в новом свете. Но не исключено, что он начнет искать другую женщину, которая опять сможет заменить ему мать. Еще одна опасность, подстерегающая женщину, выбравшуюся из домашней ловушки, — это враждебность других домохозяек. Так же как мужчина, не способный к совершенствованию в своем деле, враждебно относится к развитию своей жены, жёны, живущие исключительно интересами своих мужей и детей, настроены против женщин, имеющих помимо семейной и свою собственную жизнь. На званых обедах, утренниках в школе или днях открытых дверей для родителей самостоятельные женщины часто могут услышать колкости в своей адрес со стороны соседок.

И это понятно: у них нет времени на сплетни с другими домохозяйками за бесчисленными чашечками кофе, они — чужие, и к ним нельзя больше применить удобное выражение «мы все в одинаковом положении», которое всегда оправдывало бездействие домохозяек, но теперь, с появлением «выскочек», стабильность этого положения подорвана. Будьте уверены, что дом, муж, дети работающей женщины находятся под пристальным вниманием соседок, которые надеются разглядеть хоть малейшие признаки семейного «неблагополучия». За этой враждебностью иногда кроется тайная зависть. Наиболее враждебно настроенная из «счастливых домохозяек», как правило, первой обратится к начавшей новую жизнь соседке за советом, как ей сделать то же самое.

Женщина, которая кардинально меняет свою жизнь, многое теряет: старых друзей, до боли знакомый, накатанный уклад жизни — новое на смену старому приходит не сразу. Гораздо легче жить по-старому, соответствуя загадочной женственности, и не рисковать. Тем более, что для

того, чтобы выбраться из ловушки, мало одной способности это сделать, нужно еще качество, обычно называемое честолюбием. Благодаря загадке женственности слова «честолюбие» и «карьера» приобрели отрицательный оттенок в применении к женщине. Обратившись в 1956 году к четыремстам женщинам с вопросом, что они думают о «честолюбии» и «конкуренции», редактор приложения «Образование и карьера» к журналу «Мадемуазель» Полли Уивер обнаружила: большинство из них считает, что быть честолюбивой предосудительно. По свидетельству Полли Уивер, они пытались «превратить честолюбие в нечто возвышенное, сделать его менее эгоистичным и земным. Мы были поражены… какое количество женщин, не щадя себя, работает с утра до вечера на благо общества или церкви, не получая за это ни цента. Им не нужны ни деньги, ни социальное положение, ни власть, ни влияние, ни общественное признание… Может быть, они обманывают себя?»

Миф о женском предназначении требует от женщины подавления собственного честолюбия. Поскольку единственная цель их жизни — это замужество и материнство, их честолюбие должно быть направлено на мужа и детей. Многие женщины, действительно обманывая себя, бессознательно используют свое нереализованное честолюбие, чтобы помочь мужу и детям чего-то добиться в жизни. В то же время среди опрошенных журналом «Мадемуазель» были женщины, открыто признававшие, что они честолюбивы, и не мучившиеся от этого. «Среди ответивших на вопросы нашей анкеты были честолюбивые женщины, которые слегка сожалели, что им пришлось пожертвовать добрыми старыми друзьями, семейными пикниками и чтением книг для души. Но они считают, что приобрели больше, чем потеряли: новых друзей, огромный новый мир, колоссальный импульс к развитию, который дает общение с блестящими и талантливыми людьми, и самое главное — удовлетворение от полноценной работы, которая кипит и спорится. По существу, женщины, счастливые тем, что реализовали свои амбиции, и окружающих делают счастливыми: мужей, детей, коллег… Честолюбивая женщина не может быть счастлива, только радуясь успехам мужа… У активной, честолюбивой женщины честолюбие, как нить, пронизывает всю ее жизнь от начала до конца, связывая отдельные части воедино и превращая эту жизнь из груды разрозненных фрагментов в целостное произведение искусства…»

Для женщин, которых мучила проблема без названия и которые все-таки решили ее, реализация амбиций, давно забытых или вновь возникших, достойная их способностей работа, чувство удовлетворенности

способствуют отысканию недостающего звена в цепочке жизни. Их зарплата часто действительно необходима семье, но ни для кого из них деньги не являются главным стимулом к работе. К ним вернулось чувство полноты жизни, ощущение себя частью общества: «Я больше не остров, а часть материка».

Они понимают, что это необыкновенное чувство дает не одна только работа, а все вместе — работа плюс замужество, дом, дети, меняющиеся отношения с окружающими людьми. Они — люди, личности, а не «просто домохозяйки». Это самые счастливые женщины. Но есть и такие, которых толкнуло на реализацию амбиций несчастливое детство, некрасивая внешность, отсутствие счастья в браке, развод или смерть мужа. Миф о женской загадке имел силу именно потому, что по иронии судьбы чаще всего несчастливые и некрасивые реализовывали себя, в то время как привлекательные, благополучные девушки закономерно становились «счастливыми» домохозяйками и навсегда теряли свое «я». Однако не следует думать, что для обретения своего «я» девушке необходимо разочароваться в жизни; это слишком дорогая цена, и одно ни в коем случае не зависит от другого. Находясь и плену мистификаций, и хорошенькие, и уродливые так и не реализовали своих способностей, хотя могли бы писать стихи не хуже Эдит Ситвелл; и счастливые, и несчастные так и остались в неведении относительно своего призвания, хотя могли бы найти себя, как Рут Бенедикт нашла себя в антропологии. Что же объединяет этих разных женщин?

Есть одно обстоятельство, без которого даже наиболее разочаровавшиеся в жизни не могут выбраться из тупика. Впечатления детства или счастье в браке сами по себе не решают женских проблем. Есть нечто другое, необходимое всем, кто выбирает собственный путь.

Я имею в виду, конечно, образование. Благодаря загадке женственности высшее образование для женщин считается ненужным, предосудительным, даже опасным. Но я считаю, что именно образование, и только оно, спасло и продолжает спасать американских женщин от многих опасностей, которые таит в себе эта загадка.

В 1957 году, через пятнадцать лет после окончания колледжа Смита, меня попросили провести опрос среди моих бывших однокурсниц. Я схватилась за эту возможность опровергнуть укоренившееся мнение о том, что образование лишает женщин «женственности», приводит к сексуальной неудовлетворенности, является причиной комплексов и семейных

конфликтов. И пришла к выводу, что придерживающиеся этого мнения наполовину правы: образование действительно может стать опасным и разрушительным для женщины — но только если она не находит ему применения. Из двухсот женщин, которым была предложена анкета, 89 процентов оказались домохозяйками. Именно образование привело их к состоянию разочарования в жизни. Однако из ответов на вопросы: «С какими трудностями вы столкнулись, выполняя предназначение женщины?», «Что в сегодняшней жизни вам приносит наибольшее удовлетворение и наибольшее разочарование?», «Изменились ли вы внутренне, и если да, то как?», «Как вы относитесь к приближающейся старости?», «Что бы вы хотели в своей жизни сделать по-другому?» — стало ясно, что их проблемы связаны не с получением образования. В сущности, они сожалели только об одном — они не принимали учебу всерьез, не планировали найти ей в жизни достойное применение.

97 процентов выпускниц колледжа вышли замуж примерно через три года после его окончания; только 3 процента из них развелись. Из 20 процентов, признавшихся в увлечении другим мужчиной, большинство не захотело «заходить слишком далеко». 86 процентов планировали рождение детей и испытали счастье материнства; 70 процентов кормили детей грудью до девяти месяцев. Как правило, по количеству детей они опережали своих матерей (в среднем у каждой трое детей), но только 10 процентов «страдали» от необходимости быть привязанными к детям. Хотя 99 процентов отметили, что секс не является «главным в их жизни», они не отказались от него совсем и в то же время не сумели получить полного сексуального удовлетворения. 85 процентов женщин сообщили, что «с годами половые отношения с мужем становятся более полноценными», но при этом заметили, что считают секс «менее важным, чем раньше». По их свидетельству, они жили, насколько это возможно, общей жизнью с мужьями, но 75 процентов признались, что какая-то часть жизни принадлежала только им.

Большинство из них (60 процентов) не могли положа руку на сердце сказать, что, став домохозяйками, они «нашли себя». В среднем они тратили на работу по дому четыре часа в день, причем «без всякого удовольствия». Очевидно, именно образование способствовало тому, что они разочаровались в роли домохозяйки. Получив образование еще до распространения мифа о женской загадке, большинство из них испытали шок, когда почувствовали, что их развивающаяся личность не укладывается в предназначенные домохозяйке рамки. Однако многие

продолжали развиваться даже в этих рамках — видимо, потому, что образование дало им самостоятельность, помогло определить цель в жизни, воспитало приверженность истинным ценностям.

Около 79 процентов нашли способ хотя бы попытаться достичь цели, намеченной в годы учебы, по большей части в местных рамках общественной деятельности. Как бы ни относилась к этому Хелен Хокинсон со своими карикатурами, общественная работа для этих женщин была шагом на пути к зрелости, укрепляющим внутреннюю силу личности. Для них общественная деятельность почти всегда была связана с проявлением инициативы и индивидуальности, а не с конформизмом, желанием занять положение в обществе или эскапизмом. Они открывали кооперативные детские сады в пригородах, где их раньше не было, столовые для подростков и библиотеки в школах ("раньше Джонни не любил читать просто потому, что в школе не было хороших книг"). Они добились того, что в школах ввели новые учебные программы. Одна из них лично собрала 13 тысяч подписей против политики в системе школьного преподавания. Другая публично выступила за совместное обучение белых и негров на Юге. Третья убедила белых родителей на Севере отдавать своих детей в школу, где учились дети чернокожих. Четвертая добилась выделения ассигнований на центры психотерапевтической помощи от законодательных властей одного из западных штатов. Пятая организовала лекции по искусству для школьников в музеях каждого из трех городов, в которых она жила после замужества. Они руководили хоровыми кружками, любительскими театрами, группами по изучению внешней политики. 30 процентов занимались партийной деятельностью как на уровне первичных организаций, так и на уровне штата. Более 90 процентов каждый день прочитывали газету от корки до корки и регулярно ходили голосовать. Было ясно, что они никогда днем не смотрели телевизор, не играли в бридж и весьма редко читали женские журналы. Из тех книг, которые каждая женщина прочла за год (от 15 до 300), половина не была бестселлерами.

На пороге сорокалетия большинство из этих женщин могли честно признаться, что их волосы седеют, а «кожа увяла и постарела», и в то же время без сожаления об ушедшей молодости сказать: «Я чувствую, как развиваюсь, обретая внутренний покой и силу» и «Я все больше становлюсь сама собой».

Женщинам было предложено ответить на вопрос: «Как вы представляете свою жизнь, когда дети вырастут?» Большая часть (60 процентов) ответила, что у них уже есть конкретные планы работы или учебы. Многие планировали продолжить обучение, так как появилось

стремление получить профессию, которого не было во время учебы в колледже. Некоторые признавались, что жизнь домохозяек довела их «до крайней безысходности и отчаяния», что они «способны на большее, чем следить за домом и воспитывать четверых детей», и мечтательно добавляли: «Если бы только было возможно совмещать материнство с работой». А вот наиболее горькое признание, которое я услышала: «Я так и не нашла себя ни в чем. Я растратила годы учебы на светскую жизнь. Теперь так жалею, что серьезно не отдалась какому-то творческому делу, которое придало бы смысл моей жизни». Однако большинство пришло к осознанию того, кем бы они хотели стать и чего бы они хотели от жизни; 80 процентов серьезно сожалели, что после колледжа они не использовали свое образование на профессиональной работе. Пассивное или активное участие в общественной деятельности не сможет занять их целиком, когда дети подрастут. Многие сообщали, что собираются стать преподавателями; к счастью для них, нехватка учителей в тот период помогла им найти работу. Другие планировали продолжить учебу, чтобы получить нужную квалификацию для работы в избранных областях.

Женщин, подобных двумстам выпускницам колледжа Смита, умных, способных, ищущих выход из домашней ловушки или даже благодаря образованию так туда и не попавших, много во всех уголках страны. Но выпускницы 1942 года были последними американскими женщинами, получившими образование до распространения мифа о загадке женственности.

В ответах на вопросы другой анкеты, предложенной 10 тысячам выпускниц колледжа Маун Холиоук в 1962 году, в сто двадцать пятую годовщину создания колледжа, уже чувствуется влияние мифа на женщин, получивших образование в последующие два десятилетия. Опрос выявил такой же высокий уровень браков и низкий уровень разводов (2 процента). Однако до 1942 года большинство девушек выходили замуж в возрасте двадцати пяти лет и старше, в то время как после 1942 года этот возраст стал стремительно снижаться, а доля женщин, имеющих в браке четверых и более детей, — стремительно расти. До 1942 года более двух третей выпускниц колледжа, получив степень, продолжали учебу; это число стало неуклонно сокращаться. По сравнению с 40 процентами в 1937 году в шестидесятых годах единицы получили степени магистра или доктора в области гуманитарных и естественных наук, права, медицины, педагогики. Катастрофически снизилось число женщин, которые нашли себя на государственном поприще или на международной арене; участие в

политической жизни упало к 1952 году до 12 процентов. Начиная с 1942 года все меньше выпускниц колледжа стремилось овладеть профессией. Половина из них какое-то время работала, но затем предпочла роль домохозяйки. Некоторые вскоре вернулись на работу — из материальных соображений и поскольку она им нравилась. Но в выпусках после 1942 года почти половина женщин, ставших через какое-то время домохозяйками, уже не собиралась возвращаться к работе.

Отход женщин от работы на благо общества и поворот к дому, начавшийся в 1942 году, — прямое следствие влияния на образованных женщин мифа о загадочной женственности. Наблюдая пустоту и отчаяние, чувство безысходности многих молодых женщин, которые получали образование, только чтобы впоследствии стать домохозяйками, я понимаю, в насколько более выгодном положении были мои однокурсницы. Образование дало им возможность сочетать свое собственное дело с замужеством и семейной жизнью. Они смогли участвовать в общественной деятельности, требующей интеллекта и чувства ответственности, чтобы затем, после двух- или трехлетней подготовки, перейти к профессиональной работе в области социальной защиты или преподавания. Чтобы оплатить расходы на учебу, они подрабатывали в школе, замещая учителей или занимаясь вопросами социальной защиты на полставки. Часто самостоятельность, которую давало образование, приводила к тому, что они порывали с той областью, в которой работали после колледжа, и меняли сферу деятельности.

А что можно сказать о нынешних молодых женщинах, которые так и не почувствовали вкуса законченного высшего образования, которые, еще учась в колледже, выходили замуж или проводили время в аудиториях в ожидании «суженого»? Что будет с ними в сорок лет? Теперь домохозяйки во всех городах и предместьях охвачены стремлением учиться, как будто учеба как таковая может помочь им обрести себя. Они поступают на курсы, которые не могут подготовить их к серьезной работе на благо общества. Образование, предлагаемое сорокалетним женщинам, в еще большей степени пронизано, отравлено, заражено мифом о женском предназначении, чем образование, от которого с пренебрежением отказываются восемнадцатилетние девушки, одержимые идеей замужества.

Курсы обучения игре в гольф или бридж, вязания ковриков, кулинарного искусства или кройки и шитья предназначены, я полагаю, именно для тех женщин, которые находятся в домашней ловушке. Так называемые интеллектуальные курсы, предлагаемые в образовательных

центрах для взрослых, — искусствоведения, литературного мастерства, разговорного французского, керамики, классической литературы, астрономии космической эры — нельзя считать серьезным образованием. От домохозяек никто и не ждет ни серьезной учебы, ни усилий, ни регулярного выполнения домашних заданий.

На самом деле многим женщинам, посещающим такие курсы, серьезное образование необходимо как воздух, но поскольку они никогда серьезно не учились, то не знают, где и как это сделать, и не подозревают, что имеющиеся курсы для взрослых до серьезного уровня не дотягивают. Поскольку эти курсы предназначены специально для домохозяек, они и не готовят учащихся к какой-то реальной работе. Это относится ко всем без исключения курсам такого рода, даже если учреждение, осуществляющее их, пользуется очень хорошей репутацией. Недавно, например, Рэдклиффский университет объявил о создании некоего «института для жен руководящих работников» (за которым последует создание «институтов для жен ученых, художников, университетских профессоров» и так далее). Жены руководящих работников или ученых, которым уже исполнилось 35–40 лет, имеющие детей школьного возраста, вряд ли смогут обрести свое «я», если еще глубже окунутся в заботы и проблемы своих мужей. Своя собственная творческая деятельность — вот что им действительно нужно.

Из опросов, проведенных мною, становилось ясно, что образование может стать ключом к решению женской проблемы без названия, только если оно будет ориентировано на реальную пользу обществу, приносимую на любительском или профессиональном уровне, то есть станет частью новой жизненной программы. Получить такое образование можно только в настоящих колледжах и университетах. Что бы ни вбивали в головы девушек создатели загадки женственности, образование, которым девушки пренебрегли в 18 или 21 год, несравненно труднее получить в 31, 38 или 41 год, когда они уже обременены домом, мужем и тремя или четырьмя детьми. Поступив в университет или колледж в среднем возрасте, женщина сразу же столкнется с предрассудками, порожденными загадкой женственности. Независимо от того, насколько длителен или краток был перерыв в образовании, женщина должна будет еще и еще раз доказывать серьезность своих намерений. Ей придется выдержать конкуренцию со стороны огромных масс подростков, которых она и ей подобные наплодили в последнее время. Взрослой женщине нелегко проходить программу, ориентированную на детей, трудно смириться с тем, что и к ней относятся

как к подростку. Ей придется требовать к себе такого же серьезного отношения, как ко всем остальным в аудитории. Ей придется проявить большую изобретательность, испытать неудачи и разочарования, прежде чем она найдет специальность, которая будет соответствовать ее устремлениям и в то же время не будет мешать ей выполнять обязанности жены и матери.

Одна из опрошенных мною женщин без высшего образования решила, проконсультировавшись с психотерапевтом, посещать вечерние курсы в ближайшем университете. Сначала она делала это без определенной цели, но через два года поняла, что хотела бы специализироваться по истории, чтобы затем преподавать ее в старших классах средней школы. Учеба шла успешно, хотя иногда ее раздражало то, что она идет слишком медленно и нужно выполнять скучные домашние задания. Однако на занятиях она, безусловно, чувствовала себя лучше, чем проводя время на детской площадке за чтением детективных романов или журналов. В конце концов учеба должна была обеспечить ей что-то реальное в будущем. Но с такой скоростью обучения (два вечера в неделю, которые тогда обходились ей в 420 долларов в год) степень бакалавра могла быть получена ею не раньше, чем через десять лет. На второй год из-за нехватки денег она сократила количество посещаемых занятий вдвое. Студенческая стипендия ей не полагалась, так как она училась не на дневном отделении, а перейти на дневное она могла только после того, как ее младший ребенок пойдет в первый класс. Но все же, несмотря на все трудности, она выдержала так четыре года, при том что другие домохозяйки на тех же курсах не выдерживали и бросали их или из-за денег, или потому, что «учеба тянулась слишком долго».

Когда ее младший пошел в первый класс, она перешла на дневное отделение колледжа, где скорость обучения была еще медленней из-за «недостаточной серьезности» студентов. Она не могла позволить себе учиться еще столько лет, чтобы получить степень магистра (необходимую в этом штате для преподавания истории в старших классах), и переключилась на педагогику. Она бы уже давно бросила эту дорогую, мучительную учебу, если бы у нее к тому времени не сложилось четкого жизненного плана, для осуществления которого ей было необходимо образование. Поменяв специализацию, она получила государственную ссуду, частично покрывающую расходы на дневное обучение (которое стоит более тысячи долларов в год), и через два года у нее будет долгожданная степень!

Несмотря на эти колоссальные препятствия, без какой-либо помощи со стороны общества и при весьма запоздалой и скупой поддержке со стороны экспертов в области образования все больше и больше женщин возвращаются в высшие учебные заведения, чтобы получить необходимое им образование. Их решительность свидетельствует о таящейся в них огромной энергии и потребности ее использовать. Но двадцать лет жизни под влиянием мифа о женской загадке дают о себе знать, поэтому только самые сильные могут действовать самостоятельно. Не нужно думать, что это личная проблема каждой женщины. С некоторыми проявлениями мифа о женском предназначении нужно бороться на государственном уровне.

Проблема без названия, которая на самом деле сводится к тому, что американским женщинам не позволяют развить свои способности, наносит гораздо больше ущерба физическому и нравственному здоровью нашей нации, чем любая болезнь. Возьмите высокий процент неврозов у женщин во время «ролевого кризиса» двадцатых — тридцатых годов; алкоголизм и самоубийства в сороковых — пятидесятых; обратите внимание на то, что домохозяйки фактически отнимают у своих участковых врачей все их время. Прибавьте к этому огромное число браков среди совсем юных, увеличивающееся количество внебрачных беременностей и, что еще более серьезно, патологический симбиоз матери и ребенка. Подумайте о внушающей тревогу пассивности американских подростков. Если мы будем продолжать плодить миллионы молодых матерей, которые очень рано прекращают свое образование и развитие, которые не накапливают никаких духовных ценностей, чтобы передать их своим детям, — это должно расцениваться как преступление, начинающееся массовым уничтожением американских женщин и заканчивающееся постепенной дегуманизацией их сыновей и дочерей.

Все эти проблемы невозможно разрешить с помощью лекарств или даже психотерапии. Необходимо кардинальное изменение представлений о роли женщины в обществе, которое позволит женщинам достигать зрелости, развиваться, утверждать свое «я», сохраняя при этом женскую привлекательность и не отказываясь от замужества и материнства.

Педагоги и родители, с помощью священников, редакторов женских журналов, средств массовой информации и тех, кто занимается профориентацией, должны совместными усилиями попытаться уберечь девочек от ранних браков, внушить им, что быть «просто домохозяйкой» недостаточно, и способствовать тому, чтобы девочки, так же как и мальчики, с детства развивали заложенные в них способности, ставили перед собой цели, которые помогут им обрести себя.

Естественно, что педагогам и социологам выступать против мифа о женском предназначении так же трудно, как самим девушкам или женщинам. Даже наиболее прогрессивные из них, те, кто сознает всю серьезность проблемы домохозяек, не знающих, как распорядиться своей жизнью, не решаются остановить поток ранних браков. Они до смерти напуганы оракулами популярного психоанализа и дрожат при одной мысли о том, что должны будут вторгнуться в святая святых женщины — сферу замужества и материнства. Последний довод, приводимый оракулами, которые, кстати, часто сами преподают в педагогических колледжах, состоит в том, что, поскольку самовыражение женщины происходит только через замужество и материнство, все серьезные занятия политикой, наукой, искусством и прочим, способные помешать ей быть хорошей женой и матерью, должны быть перенесены на то время, когда она уже не сможет рожать детей. Вот какое заявление было сделано в 1962 году психоаналитиком, консультирующим в Иельском университете, где шло обсуждение возможности получения девушками такого же серьезного образования, как и юношами:

«Большинство молодых девушек неспособно всерьез посвятить себя какому-то делу, пока они не прошли через основную стадию своего развития — становление их как женщин… Для того чтобы хорошо выполнять свои обязанности по воспитанию детей и заботе о семье, женщина должна использовать все свои умения и все возможности — интеллектуальные и эмоциональные. Чем лучше ее образование, тем лучше она выполнит свой долг, если, конечно, у нее не будет эмоциональных препятствий в том смысле, что в процессе обучения будет закладываться основа ее развития как женщины, а не оказываться давление, которое это развитие будет тормозить… Установка на другие цели в жизни, например приобретение профессии и карьеру наравне с мужчинами, может отрицательно повлиять на женское развитие… Из всех социальных прав и свобод, завоеванных ее бабушками, она выше всего должна ставить право быть здоровой, полноценной женщиной, не испытывая комплекса вины или сомнений по этому поводу… Это означает, что замужняя женщина может работать, но ей не следует думать о "карьере"…»

Однако нужно признать, что девушка, которая попусту тратит институтские годы — а она именно тратит их попусту, если не увлекается ничем всерьез, — и проводит время на работе, надеясь на скорое замужество, рискует никогда не обрести своего «я», в том числе как жена и мать. Специалисты в области образования, которые внушают женщине, что она сможет заняться чем-то серьезно, когда дети вырастут, на самом деле

лишают ее возможности когда-либо проявить себя. Женщине, которая в течение десяти, пятнадцати или двадцати лет полностью посвящала себя мужу и детям, нелегко начинать новую жизнь в тридцать пять, сорок или пятьдесят лет. Откровенно говоря, на это способны лишь те немногие, которые серьезно занимались в колледже, стремясь получить профессию, те, кто уже стал личностью до вступления в брак, а не те, кто надеется стать личностью позже. Опрос пятидесяти выпускниц колледжа одного города на Восточном побережье через год после того, как последний ребенок в их семьях стал самостоятельным и уехал из родительского дома, показал, что, за небольшими исключениями, только те женщины собирались серьезно заниматься чем-то в профессиональной области, в сфере общественной деятельности или сфере искусства, которые были нацелены на это еще в колледже. Те же, у кого не было во время учебы никаких серьезных интересов, и сейчас не проявляли их: поздно вставая по утрам в «своих опустевших гнездах», они проводили жизнь, медленно приближаясь к ее концу.

В каждом женском колледже, университете, техникуме и училище эксперты в области образования должны заботиться о том, чтобы девушки нашли свое дело жизни (можно назвать это «жизненной программой», «призванием», «смыслом жизни», если вы считаете, что ругательное слово «карьера» ассоциируется лишь со старыми девами), которое было бы важным и полезным для общества. Они должны в девушке, так же как и в юноше, видеть серьезного человека, способного посвятить свою жизнь какому-то делу. Это не означает, что нужно отказаться от широкого гуманитарного образования для женщин в пользу профессиональных курсов. Широкое образование, в том виде, в каком оно дается в лучших колледжах и университетах, не только развивает мышление, но и знакомит с непреходящими человеческими ценностями. Однако оно должно быть ориентировано на серьезное, а не дилетантское применение, активное, а не пассивное восприятие. Девушки, так же как и юноши, в Гарварде, Иельском, Колумбийском и Чикагском университетах должны от общеобразовательного гуманитарного курса переходить к изучению архитектуры, медицины, права, естественных наук, рассматривая изучаемый предмет как выбранную на всю жизнь профессию. Известно, что девушки с таким отношением к учебе не стремятся рано выскочить замуж, не делают трагедии из того, что не могут найти мужа, менее легкомысленны в своем сексуальном поведении. Большинство из них, конечно, выходит замуж, но на гораздо более зрелой основе. Брак для них становится не избавлением от самой себя, а союзом двух людей,

направленным как на обретение своего «я», так и на служение своему делу, а в конечном счете — обществу. Если девушки воспитываются в таком духе, вопросы секса и замужества теряют свою исключительность. Секс, любовь, брак, дети являются основными в жизни тех женщин, у которых нет своего «я».

Принимая во внимание то, что миф о загадочной женственности прочно укоренился в женском сознании и оказывает губительное действие, специалисты в области образования должны принять экстраординарные меры, чтобы вдохновить девушек на серьезное отношение к учебе. Предпринятые попытки пока еще слишком малочисленны и робки. Недавно созданный новый институт самостоятельного обучения при Рэдклиффе, возглавляемый Мэри Бантинг, годится в основном для женщин, которые знают, чего хотят, которые в студенческие годы прошли полный курс обучения и подготовились к аспирантуре, которые уже активно занимаются какой-то гуманитарной наукой или искусством. Институт может помочь семейным женщинам, матерям вернуться к своей профессии. Важно само присутствие в аудиториях женщин, обремененных детьми и мужьями и тем не менее преданных своей работе. Это, безусловно, помогает развеять представление о деловой женщине как о старой деве и в то же время демонстрирует студенткам младших курсов Рэдклиффа, что получаемое ими образование слишком высокого качества, чтобы им можно было пренебречь, растворив в браке и материнстве. Такую цель и ставила перед собой Мэри Бантинг. Ее институт может быть примером для многих других.

Намерение каждого колледжа или университета привлекать к учебе на свои факультеты женщин, стремящихся сочетать замужество и материнство с умственной деятельностью, окупится с лихвой, даже если при этом придется делать скидку на беременность студенток. А что касается незамужних женщин, занимающихся наукой, к ним не должны относиться как к прокаженным. Вот они-то как раз серьезно относятся к своей жизни и реализуют свой человеческий потенциал. Им часто завидуют те, кто живет выставляемой напоказ семейной жизнью, но так и не обрел или потерял свое «я». Женщинам, так же как и мужчинам, необходима работа, чтобы утвердиться в жизни.

Но прежде всего важно, чтобы педагоги сами отказались от ложных представлений и осознали, что обучение девушек должно быть направлено на полную реализацию их возможностей. Для того чтобы выйти замуж и завести семью, девушкам не нужны курсы по «браку и семье»; создать семейный очаг можно и не обучаясь «созданию очага». Вместо этого они

должны изучать науки, чтобы сделать новые научные открытия, изучать философов прошлого — чтобы создать новую философию, и общество — чтобы быть в этом обществе первыми. Эксперты в области образования должны также отказаться от компромиссного лозунга «не все сразу». Выделение в жизни женщины отдельных этапов — «образование», «половая жизнь», «брак», «материнство», «последняя треть жизни» — не приводит к выходу из кризиса, в который завело женщину распределение ролей. В процессе получения образования женщинам должна прививаться мысль не о разделении ролей (между мужчиной и женщиной), а об их объединении. Чем глубже в их сознание войдет мысль о новой жизненной программе — сочетание занятий серьезным делом, приносящим пользу обществу, с замужеством и материнством, — тем больше удовлетворения они будут испытывать как жены и матери и тем реже их дочери по неведению будут делать неправильный выбор в жизни.

Я наблюдала это подражание старшим, изучая отношение студенток колледжа к ранним бракам. У тех немногих, которые не стремились во что бы то ни стало «заполучить мужа», а готовились посвятить себя какому-то серьезному занятию, не боясь из-за этого потерять свою женскую привлекательность, в сознании был образ матери или других женщин, которые служили избранной ими цели. («Моя мать учительница». «Мать моей лучшей подруги врач; она всегда очень занята, ведь она так любит свою работу».)

Образование способно заложить в умы девушек новый образ — или побудить их к созданию своего, — если только оно перестанет идти на компромиссы и приспосабливаться к старому представлению о «роли женщины». Для женщин, так же как для мужчин, образование должно служить прообразом эволюции человека. И если сегодня американские женщины наконец высвобождаются из домашней ловушки, чтобы обрести свое «я», это происходит только из-за того, что многие почувствовали вкус к высшему образованию — пусть незавершенному, пусть нецеленаправленному, но тем не менее способному сдвинуть их с мертвой точки.

Эта последняя и самая решающая битва должна произойти в умах и душах самих женщин. Многие американские девушки, которые получили образование без учета их принадлежности к женскому полу, наравне с мужчинами обрели чувство самостоятельности, способность преодолеть традиционное желание быть привлекательной во что бы то ни стало, стремление найти прибежище в мужской любви — и в конце концов нашли свое место в жизни. Выпускница Свартмор-колледжа, начиная свою работу

в клинике, рассказала мне, что в первые годы учебы, ощущая свою независимость, она волновалась, что у нее мало поклонников и она не выйдет замуж, хотела, как и все, «заиметь друга».

«Я во что бы то ни стало хотела выглядеть привлекательной. Но потом увлеклась занятиями и перестала волноваться, — сказала она. — Как будто происходит какой-то перелом. Вы начинаете чувствовать, что что-то умеете. Как ребенок, который учится ходить. Ваш мозг вмешает в себя все больше. Вы нашли свое дело. И это замечательно. Ничто не сравнится с удовольствием, получаемым от любимой работы и чувства стабильности и доверия к ней. Ради этого можно и пострадать. Говорят, что мужчина достигает зрелости через страдание, может, то же самое относится и к женщинам. Зато вы перестаете бояться быть самой собой».

Должны быть приняты решительные меры, чтобы заново обучить женщин, введенных в заблуждение и обманутых загадкой женственности. Многие из опрошенных мною женщин в последние годы начали выбираться из домашней ловушки. Но есть много других, которые соскальзывают в нее снова, потому что вовремя не определили, чем бы они хотели заниматься, или не смогли организовать эти занятия. Кроме того, учеба в свое удовольствие почти во всех случаях связана со слишком большими затратами времени и денег. Мало кто из домохозяек может позволить себе очное обучение. Коли их принимают на вечернее (заочное) отделение (но не всюду на это идут), не у многих хватает терпения учиться десять с лишним лет. Некоторые учреждения сейчас готовы делать ставку на домохозяек, но что они скажут, когда их захлестнет поток их собственных выпускниц. Правда, начато обучение по экспериментальным программам, составленным в колледже Сары Лоуренс и университете Миннесоты, но эти программы также не учитывают материальных проблем и нехватку свободного времени, которые для многих являются главным камнем преткновения.

В настоящее время для женщин, которые серьезно хотят продолжить или возобновить образование для того, чтобы получить профессию, требуется не что иное, как государственная образовательная программа в масштабах всей страны, подобная той, которая была создана для американских солдат — участников войны. Согласно такому проекту, наиболее способным женщинам должно быть обеспечено бесплатное обучение плюс дополнительные субсидии, чтобы покрыть другие расходы — на книги, транспорт и даже, если необходимо, какую-то помощь по дому. Эта программа обойдется гораздо дешевле, чем программа для солдат — участников войны. Она позволит матерям использовать преимущества

вечернего (заочного) образования, выполняя индивидуальные задания и занимаясь научной работой дома в те годы, когда регулярное посещение занятий невозможно. Сама концепция женского образования будет переориентирована с четырехлетнего обучения в колледже на новую жизненную программу, дающую возможность женщине учиться без ущерба для семьи, детей и мужа.

Тем, кто прошел войну и повзрослел на войне, нужно было образование, чтобы определить свое место в обществе. Этому помогла государственная образовательная программа. Не желая терять времени, бывшие солдаты проявили исключительное рвение в учебе, поразившее не только преподавателей, но и их самих. От женщин, повзрослевших за годы «домашнего моратория», вполне можно ожидать того же. Их насущная потребность в образовании, а также насущная потребность американской нации в использовании богатых ресурсов женского интеллекта в различных профессиональных областях оправдывают необходимые чрезвычайные меры.

Тем женщинам, которые вообще не учились в колледже или бросили учебу, которых больше не интересует когда-то избранная ими специальность, и тем, кто никогда не относился к учебе всерьез, я прежде всего рекомендую погружение в гуманитарные науки, но не в виде отрывочных сведений, получаемых за первые два года обучения, а в виде интенсивных занятий типа экспериментальных курсов, организованных телефонной компанией Белла или Фондом Форда для тех, кто начинает работать на ответственных государственных должностях, но так привык к роли подчиненного, что не способен проявить инициативу и широту мышления, необходимую для руководителя. Такая государственная программа (по типу датских народных университетов) может возродить домохозяек к духовной жизни с помощью интенсивных шестинедельных летних курсов при колледжах — своего рода интеллектуальной «шоковой терапии». На льготных условиях им будут предоставлены пустующие летом общежития. Или другой вариант: они могут посещать такие же интенсивные летние курсы в центре города пять раз в неделю в течение шести или восьми недель, оставляя своих детей на весь день в детском саду.

Эта образовательная шокотерапия даст наиболее способным женщинам такой же стимул, какой дает общеобразовательная программа четырех лет учебы в колледже студентам, подготавливая их к профессиональному обучению. Программу колледжа можно пройти даже меньше чем за четыре года, сочетая летние курсы с самостоятельным

чтением литературы, написанием сочинений и курсовых работ в зимнее время, — и все это без регулярного посещения занятий. Учебные программы по телевидению или краткосрочные курсы при университетах и колледжах могут быть дополнены практическими занятиями в колледже ежемесячно или в середине года. Результаты должны оцениваться, и в конечном счете должны присуждаться степени. Причем должна быть разработана система оценок и степеней, аналогичная той, которая существует в колледжах и университетах, чтобы зачитывалась не любая, а действительно серьезная работа, даже если она выполнена в условиях, не соответствующих традиционным академическим нормам.

Во многие университеты доступ домохозяйкам закрыт именно потому, что в них нет вечернего и заочного обучения. Может быть, они не хотят плодить дилетантов. Но вечернее (заочное) обучение в колледже, как на соискание степени бакалавра, так и магистра, проводимое по серьезной программе, — это единственный вид образования для домохозяек, который спасет их от дилетантизма, это единственный способ для женщины, обремененной семьей, получить или продолжить серьезное образование. Для университетов это тоже очень выгодно. Поскольку университетские аудитории и оборудование перегружены из-за большого наплыва студентов, университеты, а заодно и женщины только выиграют от программ, не требующих регулярного посещения занятий. Правда, есть прекрасные учебные программы, рассчитанные на регулярное посещение, как, например, программа для продолжающих образование женщин, разработанная в университете Миннесоты, который сознательно пошел на это, но такая программа не годится для женщин, начинающих образование и еще толком не знающих, чего они хотят. Этим женщинам, если они приняли новую жизненную программу, может помочь любое учебное заведение, используя имеющиеся у него ресурсы.

Колледжам и университетам тоже нужно перестроиться в смысле отношения к своим выпускникам; они должны стать для них на всю жизнь alma mater, которая сможет, если нужно, направить их, не потеряет из виду, будет в курсе их дальнейших занятий, независимо от того, где они будут происходить. Как преданность, так и финансовая поддержка со стороны бывших питомцев неизмеримо возрастут, если вместо чайных столов, организуемых для сбора средств, и сентиментальных вечеров для выпускников каждое 5 июня они (особенно женщины) в любой момент смогут продолжить образование в родном колледже под руководством компетентных преподавателей. Выпускники Барнард-колледжа, например, уже сейчас могут вернуться туда в любое время, чтобы бесплатно

прослушать какой-нибудь курс, если, конечно, они имеют для него соответствующий уровень подготовки. Все колледжи могли бы организовывать летние институты для женщин, чтобы знакомить их с достижениями в различных областях, помогая восполнить пробел, образовавшийся за годы воспитания детей. Они могли бы ввести вечернее (заочное) обучение и краткосрочные курсы для домохозяек, не имеющих возможности регулярно посещать занятия. Они могли бы руководить самостоятельными занятиями, выполняемыми женщинами дома. Они могли бы разработать систему, по которой зачетные работы, выполненные женщинами в области педагогики, психиатрии, социологии, политологии, послужат основанием для получения степеней. Пусть вместо сбора денег — самой распространенной женской общественной работы — женщина собирает зачеты, которые будут признаны основанием для начала карьеры. Если женщина прослушала курсы в разных учебных заведениях, может быть, из-за мужа, часто менявшего место работы, и получила необходимые знания в своей конторе, в госпитале, библиотеке или лаборатории, она также могла бы сдать экзамены для получения степени в том колледже, где она училась, или каком-нибудь центре, созданном на базе нескольких колледжей. Понятие «продолжение образования» во многих областях уже давно стало реальностью для мужчин. Почему оно не может стать реальностью для женщин?

Не образование ради карьеры, которая заменит материнство, не образование для временной работы, пока не родились дети, не то образование, которое помогает женщинам «лучше исполнить свой долг жены и матери», а образование, позволяющее стать полноправным членом общества.

«Но многие ли из американских женщин желают больше того, что они имеют в жизни?» — спросит цинично настроенный читатель. Приведу следующие факты. В Нью-Джерси на предложение поступить на интенсивные курсы математики для выпускниц колледжа, желающих стать преподавателями, откликнулось фантастическое число домохозяек. В январе 1962 года в «Нью-Йорк тайме» появилась заметка о том, что некая Эстер Раушенбуш в колледже Сары Лоуренс добилась стипендии для женщин, желающих завершить образование. Им предлагалось вечернее (заочное) обучение, позволяющее одновременно исполнять материнские обязанности. Ответная реакция была такой бурной, что коммутатор в колледже буквально вышел из строя. За 24 часа миссис Раушенбуш ответила на 100 телефонных звонков. «Это было похоже на обвал, — рассказывала телефонистка. — Как будто они боялись упустить

единственную возможность, поэтому хотели поступить на курсы сейчас же». Проводя собеседование с женщинами, подавшими заявления, миссис Раушенбуш, так же как Вирджиния Сандерс в Миннесоте, убедилась в серьезности их намерений. Они не «бежали в истерике» от своих мужей и детей; они не нуждались в психотерапии, они нуждались в образовании — как можно скорее и в такой форме, которая позволила бы им не забросить семьи.

Серьезное образование американским женщинам одно-два прогрессивных учебных заведения дать не могут, оно должно быть организовано в гораздо большем масштабе. И тот, кто из выгоды или деликатности будет повторять прописные истины о загадке женственности, никогда не добьется цели. Неверно считать, как это делают некоторые ведущие специалисты в области женского образования, что женщины, конечно, должны искать применения своему образованию, но ни в коем случае не в тех областях, где они будут конкурировать с мужчинами. Однако, как только женщина начинает всерьез заниматься чем-то и овладевает профессией, без соперничества с мужчинами ей не обойтись. Пусть лучше женщина будет соперничать с мужчинами на работе, чем бороться за сферы влияния с мужем в своем собственном доме или конфликтовать с соседями на пустом месте, либо безудержной опекой так подавлять своего сына, что он уже никогда не выдержит никакой конкуренции. Прочтите следующую заметку о трудотерапии по-американски для женщин, которым необходим дух соревнования:

«Вот как обычно проводит день семья в Далласе. Папа на работе. Грудной ребенок спит. В соседней комнате его трехлетний брат оседлал новую лошадку-качалку, а сестра пяти лет смотрит по телевизору мультфильмы. Где же мама? Она недалеко отсюда, стоит нагнувшись над линией поля, резко повернувшись всем корпусом, чтобы загнать бело-голубой с прожилками шар в лунку. Мама играет в боулинг. В Далласе, Кливленде, Альбукерке или Спокане — повсюду — наиболее энергичные домохозяйки оставили тряпки и пылесосы и притащили детей туда, где в прекрасно оборудованных помещениях их ждали готовые с ними сидеть няни. «Где еще может замужняя женщина дать выход накопившемуся в ней духу соревнования? А это ей необходимо так же, как мужчине… Конечно, это интереснее, чем дома мыть посуду!» — говорит заведующий центром боулинга в Альбукерке».

Может быть, неуместно напоминать, что центры боулинга и супермаркеты располагают оборудованными помещениями, где можно оставить детей, в то время как школы, колледжи и научные лаборатории

таких удобств не имеют. Однако здесь уместно подчеркнуть, что, если способные американские женщины не найдут серьезного применения своей энергии и способностям (которое обязательно связано с соревнованием, так как без него не обходится ни одно серьезное дело), они растратят их по мелочам на бессмысленные игры, нервные припадки или мучительные «романы».

Кроме того, пришло время перестать лицемерно утверждать, что американским женщинам больше не за что бороться, что все права ими уже завоеваны. Ведь девушкам, которые начинают работать, приходится не высовываться, чтобы не раздражать мужчин. Почти во всех областях — в бизнесе, искусстве или науке — к женщинам по-прежнему относятся как к людям второго сорта. Мы сослужим девушкам, стремящимся занять свое место в обществе, хорошую службу, если предупредим их об этой скрытой, но унизительной дискриминации, скажем, что надо не покоряться, а бороться с ней. Понятно, что девушке не следует ожидать специальных привилегий из-за принадлежности к слабому полу, но ей также нельзя примиряться с предрассудками и дискриминацией. Она должна вступить в соревнование не как женщина с мужчиной, а как равный с равным. Только когда большинство женщин перестанет прятаться в тень и громко заявит о себе, общество начнет думать о поддержке их новой жизненной программы. При этом каждая девушка, которой удалось пробиться с помощью юридического или медицинского образования, которая получила степень магистра или доктора и нашла ей серьезное применение, прокладывает дорогу другим. Каждая женщина, преодолевшая хоть один из оставшихся барьеров на пути к равенству, которые искусно замаскированы загадкой женственности, облегчает продвижение следующей. Само существование Президентской комиссии по изучению положения женщин, возглавляемой Элеонорой Рузвельт, создает атмосферу, позволяющую признать дискриминацию и начать с ней бороться, и не только в области оплаты труда, но и в плане неравных возможностей. Всюду, даже в политике, вклад женщин должен расцениваться не как участие «домохозяек», а как участие полноправных граждан общества. Можно только приветствовать выступления женщин против испытаний ядерного оружия под лозунгом «Женщины за мир». Но почему женщина (она профессиональный художник-иллюстратор), возглавляющая движение, говорит, что она «лишь домохозяйка», а ее единомышленницы заявляют, что, как только испытания прекратятся, они опять вернутся домой к детям и будут счастливы? Даже в аппаратах крупных политических партий в

больших городах женщины могут — и уже начинают — менять несправедливые неписаные законы, по которым на них ложится вся черновая работа, а на мужчин — принятие решений. Когда достаточное количество женщин выработает для себя жизненную программу в соответствии со своими способностями и выступит с требованием декретных отпусков или семестров для матерей, строительства яслей, организованных на профессиональной основе, и других необходимых им нововведений, им не придется жертвовать ни участием в общественно полезном труде наравне с мужчинами, ни замужеством и материнством. Нельзя все время твердить, что женщина поставлена перед выбором, следовательно, она бессознательно отвергает или работу, или материнство, а поэтому ей не нужны социальные перемены. Неправда, что таков удел женщины и она должна отдать предпочтение либо тому, либо другому. Сейчас женщина находится в зависимости от своего пола, и от этого страдает общество, так как она или неудачно копирует поведение мужчины, делающего карьеру, или вообще отказывается от развития и соперничества с мужчиной в своей профессиональной области. Но когда у нее будет новая жизненная программа, она сможет реализовать себя и в профессиональном, и в семейном плане с одинаковым успехом.

Женщины, которым это удалось, несмотря на грозные предупреждения мистификаторов женственности, своего рода «мутанты», показывающие, какой может быть американская женщина будущего. Когда они по семейным обстоятельствам не могут работать в полную силу, они посвящают любимой работе часть своего времени. Понимая, что время дорого, они стараются обходиться в домашних делах без той рутины, что отнимает много времени.

Сознательно или бессознательно, они следуют новой жизненной программе. Они рожают детей до или после интернатуры или аспирантуры. Если они не могут позволить себе хорошую няню для детей, пока те маленькие, они бросают постоянную работу, но находят работу на полставки или почасовую, может быть не так хорошо оплачиваемую, но позволяющую не останавливаться в развитии. Преподаватели переходят работать в Ассоциацию родителей и учителей; врачи находят практическую или исследовательскую работу рядом с домом; писатели и журналисты начинают работать внештатно. Даже если зарабатываемые ими деньги и не требуются для ведения хозяйства или содержания прислуги (а обычно они являются подспорьем), женщины доказывают себе и другим, что они способны быть полезными обществу. Они не удовлетворяются ролью домохозяек; они уважаемые члены общества. Они понимают, что брак и

материнство очень важны для женщины, но вся ее жизнь не может сводиться только к этому.

Эти «мутанты» пережили — и преодолели — нарушение устойчивого распределения ролей, «ролевой кризис» и кризис личности. У них, конечно, было много серьезных проблем— они скрывали беременность, искали нянь и домработниц, вынуждены были терять хорошую работу, когда их мужей переводили на новое место. Они должны были терпеливо сносить враждебное отношение со стороны других женщин и возмущение своих мужей. И еще находясь под влиянием загадки женственности, многие чувствовали ложный комплекс вины. От этих женщин требовалась, и до сих пор требуется, необычайная целеустремленность, чтобы неуклонно следовать своей жизненной программе, в то время как общество ждет от них совсем другого. Однако в отличие от запутавшихся домохозяек, чьи проблемы увеличиваются год от года, эти женщины решили свои проблемы и начали движение вперед. Они выдержали массовые упреки и увещевания, но не изменили своим, причиняющим много неприятностей убеждениям ради конформистского покоя. Они не ушли в свою скорлупу, а смело приняли вызов от окружающей их действительности. И теперь они знают, кто они и зачем живут.

Они понимали, может быть, интуитивно, что сегодня это единственный способ для мужчин и для женщин не отстать от стремительно бегущего времени и сохранить свою индивидуальность в этом огромном мире. Одно поколение мужчин или женщин не может преодолеть кризис личности раз и навсегда для следующих поколений; в нашем быстро меняющемся обществе он должен преодолеваться постоянно на протяжении всей человеческой жизни. Жизненная программа должна меняться по мере того, как открываются новые возможности в нас самих и в окружающем нас обществе. Ни одна американская женщина, начинающая поиски своего «я», не знает, к чему это ее приведет. Ни одна из них не проходит этого пути безболезненно, без борьбы, конфликтов и усилий воли. Однако все двигавшиеся по этому неизведанному пути, кого я знаю, не сожалели о страданиях, усилиях, опасностях.

На фоне длительной борьбы женщин за освобождение недавняя сексуальная контрреволюция в Америке представляется последним кризисом, своеобразной передышкой перед тем, как личинка превращается в зрелое существо, — это период застоя, во время которого многие миллионы женщин заморозили себя и перестали развиваться. Говорят, что скоро ученые сумеют с помощью замораживания продлевать жизнь человека. Американские женщины в последнее время живут дольше

мужчин, наверное, потому, что они превратились в зомби. Может быть, продолжительность жизни мужчин увеличится, если женщины подставят плечо, чтобы нести ношу жизни вместе с ними вместо того, чтобы взваливать еще и себя на их плечи. Мне кажется, попусту растрачиваемая энергия женщин будет разрушительной для них самих, их мужей и детей до тех пор, пока она не начнет расходоваться с пользой для общества. И если женщины, по примеру мужчин, перестанут жить животной жизнью и осознают себя личностями, те годы, которые им остались, станут годами наивысшего расцвета.

Тогда цельность жизни женщины будет восстановлена, и их дочерям не надо будет совершать прорыв в двадцать один или сорок один год. Когда девушки, видя счастье матери, захотят быть такими же, как она, они не станут из кожи вон лезть, чтобы быть привлекательными; они будут развиваться до тех пор, пока не обретут свое «я». Внимание мужчин перестанет быть единственной движущей силой в их жизни. Когда жизнь женщины перестанет ограничиваться интересами мужа и детей, мужчины перестанут бояться любви и силы женщин. Им не нужна будет женская слабость для доказательства своей мужской силы. Наконец, они смогут увидеть друг друга в истинном свете. И это будет еще одной ступенькой в эволюции человечества.

Кто знает, каких высот сможет достичь женщина, когда она наконец станет самой собой? Кто знает, на что способен интеллект женщины, которая любит и любима? Кто знает, насколько радостней будет любовь, когда общими у мужчины и женщины будут не только дети, дом и сад, не только выполнение физиологических функций, но и увлечение своим делом и ответственность за него, благодаря чему человек ощущает будущее и осознает смысл жизни. Поиски женщинами своего «я» только начинаются. Но приближается время, когда голоса сторонников мифа о женском предназначении уже не смогут заглушить внутренний голос женщин, зовущий их к развитию и совершенству.

Эпилог

Когда рукопись книги была уже в типографии, а мой младший ребенок — в школе продленного дня, я решила снова пойти учиться, чтобы получить докторскую степень. Вооружившись анонсом о выходе моей книги, копиями документов, удостоверяющих степени бакалавра и магистра (последняя была получена двадцать лет назад), и отчетом об образовательной программе, которую я вынашивала и претворяла в жизнь в округе Рокланд, я отправилась к заведующему кафедрой социальной психологии в Колумбийском университете. Он оказался добродушным и терпеливым, но дал понять, что в сорок два года, после стольких лет расслабления, что я была домохозяйкой, я не смогу выдержать нагрузки регулярных занятий, необходимых для получения докторской степени, и собрать требующиеся статистические данные. «Но у меня в книге содержится статистика», — возразила я. Он не прореагировал. «Милочка, — сказал он, — зачем вам вообще докторская степень?»

В то время я уже начала получать письма от женщин, у которых открылись глаза, которые хотели делать собственные домашние задания, а не просто помогать детям готовить уроки; им тоже говорили, что единственное, на что они способны, — это приготовить клубничный джем или помочь своим детям-четвероклассникам по арифметике. Им стало мало того, что они сами относятся к себе как к личности. Общество должно было перемениться к ним. Ясно, что таким женщинам нельзя было оставаться и дальше «просто домохозяйками». Но что можно было предложить взамен?

Я помню, что я застряла на этом вопросе, когда писала свою книгу. Мне нужно было написать последнюю главу, где предлагалось бы решение проблемы без названия, новые жизненные модели, способы разрешения конфликтов, что позволило бы женщинам как можно полнее реализовать свои возможности и обрести свое «я», живя общественными интересами и не отказываясь при этом от забот о доме, детях, от любви и женской привлекательности. Но я не знала, как это сделать. Понятно было, что сначала нужно осудить старую систему, прежде чем приступить к созданию новой. Формулировка проблемы была необходимым первым шагом. Но этого оказалось недостаточно.

Лично я уже не могла оставаться домохозяйкой, даже если бы захотела. Дело в том, что я стала белой вороной у себя в предместье. Когда я просто

писала статьи, которые почти никто не читал, это не было преступлением, тем более что я использовала время, когда дети в школе. К этому относились как к тайному греху, как, например, к привычке с утра выпивать в одиночестве. Но потом, когда я стала писать книги и даже давать интервью на телевидении, грех стал слишком явным и потому непростительным. Женщины, писавшие мне письма, видели во мне героиню, подобную Жанне д'Арк, и я вынуждена была буквально бежать из своего дома и заросшего бурьяном сада, чтобы и вправду избежать сожжения на костре. Хотя у нас с мужем никогда не было недостатка в общении и друзьях, нас вдруг перестали приглашать в гости. Родители учеников, по очереди возившие детей на уроки рисования и танцев, отказались брать моих. Дело в том, что с матерями сделалось дурно, когда я заказала для детей такси, вместо того чтобы везти их самой. Мы вынуждены были переехать в центр города, где все было близко и дети могли добираться, куда им нужно, сами и где я, не оставляя работы, которая требовала частых поездок, могла проводить какое-то время с ними дома. Мне надоело, что на меня все смотрели как на ненормальную.

Сначала враждебность, с которой женщины встретили мою книгу и само движение за эмансипацию, меня поразила и привела в недоумение. Со стороны мужчин подобное не наблюдалось даже в самом начале, хотя тут всего можно было ожидать. Многие мужчины покупали «Загадку женственности» для своих жен, чтобы побудить их снова пойти учиться или работать. Вскоре я поняла, что миллионы женщин, по-видимому, чувствовали так же, как я, но боялись оказаться белыми воронами в своих предместьях. А для тех, кто страшится признаться себе в том, что неудовлетворен жизнью ради детей и мужа, любой, кто, как я, разворошит муравейник, будет представлять опасность.

Я не осуждаю женщин за то, что они испугались. Я сама когда-то боялась. Начать жить по-новому, рассчитывая только на свои силы, не так-то просто. Я всегда опасалась того, что останусь одна. Но возмущение, копившееся во мне все годы, пока я играла роль слабой, беспомощной женушки, — в самом деле становясь тем слабее, чем больше я входила в роль, — стало выплескиваться наружу. Из страха остаться одной я чуть не потеряла собственное достоинство, цепляясь за брак, который держался уже не на любви, а на ненависти и зависимости друг от друга. Мне было легче организовать женское движение, чтобы изменить общество, чем что-то изменить в своей личной жизни.

Наступило время начинать вторую книгу, но у меня так и не появилось четкой программы, которую можно было бы предложить женщинам.

Правда, я нашла нескольких женщин, которые, выбиваясь из сил, старались соответствовать стандартам образцовой домохозяйки, воспитывать детей по Споку и работать на полную ставку, испытывая от этого комплекс вины. Кроме того, стали проводиться конференции, где обсуждалась возможность продолжения образования для женщин, — так как стареющие матери-домохозяйки, чьи дети поступили в колледж и разъехались, от тоски начинали пить, принимать слишком много снотворного и даже кончали жизнь самоубийством. Целые научные журналы были посвящены вопросу о «выборе» и «этапах» в жизни женщины. Нас уверяли, что из распределения ролей между мужчинами и женщинами не стоит делать проблему: женщины сначала учатся в школе, потом могут поступить в колледж, после его окончания — пойти работать, затем они выходят замуж, воспитывают детей дома в течение пятнадцати-двадцати лет, а затем, если хотят, могут завершить образование и снова выйти на работу.

Парадоксально, что авторами этих теорий были те немногие женщины, которые представляли собой исключение из правила: они сделали карьеру, так как воспитывали детей, не бросая работы. И при этом они же предупреждали остальных женщин, которые толпами ринулись продолжать учебу, что те не могут рассчитывать на получение профессии и серьезной, настоящей работы; их удел — занятия керамикой или общественная деятельность.

Это опять была болтовня, и ничего больше. В 1965 году наконец появился долгожданный отчет Президентской комиссии по изучению положения женщин, в котором отмечались дискриминация женщин при получении зарплаты (они получали в среднем в два раза меньше мужчин) и уменьшающийся процент женщин, занятых в профессиональных областях и на руководящих должностях. В отчете рекомендовалось убеждать женщин в том, что их силы и способности нужны обществу, и обеспечивать их детскими учреждениями и другими услугами, которые позволили бы им сочетать материнство и работу. Однако, предваряя отчет, Маргарет Мид сказала следующее: «Если все женщины собираются управлять обществом и делать великие научные открытия, кто останется дома, чтобы перевязать колено ребенку или выслушать расстроенного мужа?» (При этом она умолчала о том, что с помощью своего мужа, еще до того, как ее дети со своими коленями целыми днями стали находиться в школе, она сделала крупные открытия в антропологии. Возможно, женщины, являющиеся «исключением», не отождествляют себя с остальными. Для них существует три категории людей: мужчины, они сами и остальные женщины; для поддержания их исключительного положения, по-видимому, необходимо,

чтобы остальные продолжали быть послушными и не мутили воду.)

Отчет Президентской комиссии, как и следовало ожидать, был похоронен в ящиках бюрократических столов. Летом 1965 года мне удалось написать только треть книги о том, как исправить создавшееся положение. К тому времени я уже поняла, что никакой новой модели жизни не создано, созданы только новые проблемы, которые женщинам не решить, если не изменится само общество. Все разговоры, отчеты и даже сама комиссия были блефом — может быть, даже попыткой со стороны самих женщин сознательно блокировать движение за изменение своей жизни.

Я надеялась, что разговоры перерастут в нечто более серьезное. «Единственное, что претерпело изменения, — это наше сознание», — написала я напоследок в книге, которую так и не закончила. Там были и такие слова: «Нам необходимо такое же социально-политическое движение, какое организовали, например, американские негры». Нужно было действовать. В самолете по пути в Вашингтон я раздумывала, что же делать, и вдруг мой взгляд упал на заглавие книги, которую читал какой-то студент: «Путь к революции лежит через изменение сознания». Это было знаком свыше. Я летела в Вашингтон, так как принимался раздел VII Акта о гражданских правах 1964 года, запрещающий дискриминацию при приеме на работу по признакам пола и расы. Говард Смит, член Конгресса от южного штата Вирджиния, представил параграф, касающийся дискриминации по признакам пола, в шутливом тоне. На одной из первых пресс-конференций, после того как закон вступил в силу, чиновник, которому поручено было проводить его в жизнь, пошутил: «Теперь мужчины получат равную с женщинами возможность сниматься для журнала "Плейбой"».

В Вашингтоне я столкнулась с кипящими от возмущения женщинами, образовавшими группировки в парламенте, прессе и профсоюзах, но бессильными остановить саботаж закона, призванного покончить с дискриминацией, царившей во всех областях: на производстве, в образовании, на государственной службе. Многие считали, что мне надо выступить, так как ко мне прислушиваются как к известному автору. Однажды невозмутимая молодая женщина-адвокат, хлопнув дверью своего кабинета в конторе, где не желали соблюдать закон, запрещающий дискриминацию по признакам пола, сказала мне со слезами на глазах: «Я никогда особенно не сочувствовала женщинам. Больше мужчинам. Но я прихожу в негодование, видя, как женщин опять обманывают. Нам, может, никогда больше не представится такой возможности, какую дает несоблюдение закона. Бетти, ты должна организовать для женщин что-то

вроде «Национальной ассоциации содействия цветному населению». Только тебе одной нечего терять».

Я никогда не участвовала ни в каких движениях. Даже не была членом Лиги женщин-избирательниц. Но как раз в то время в Вашингтоне проходило заседание уполномоченных по делам женщин — членов Президентской комиссии — из разных штатов. И я подумала, что женщины разных штатов могут составить ядро будущей конференции, которая предупредит об опасности, грозящей женщинам всей страны.

На заседание приехали негритянка Поли Марри, видный адвокат, Дороти Хинер и Кэролайн Дэвис из профсоюза автомобилестроителей, Кэй Кларенбах, возглавляющая губернаторскую комиссию по делам женщин в Висконсине, Кэтрин Конрой из американского профсоюза работников связи, Эйлин Хернандес, член комиссии по борьбе за равные права всех работающих. Однажды вечером я собрала их всех в своем номере отеля. Большинство считали, что в таком движении, как против расовой дискриминации, нет необходимости, но всех возмущал саботаж закона. Мы пришли к соглашению, что участники конференции могут провести достойную акцию, чтобы потребовать повсеместного его соблюдения.

Я пошла спать, успокоившись от того, что движение организовывать не надо. Однако в шесть утра мне позвонили из аппарата президента Джонсона (одна из женщин, которую для видимости назначили на такой высокий пост) с предупреждением не сеять смуту. В восемь снова раздался звонок; на этот раз от одной из участниц заседания, вчера занимавшей нейтральную позицию, а сегодня по-настоящему разгневанной: «Нам сказали, что наша конференция не обладает никакими полномочиями и наша резолюция не будет иметь силы. Поэтому мы все договорились встретиться во время ленча. Мы собираемся создать организацию». За ленчем каждый из нас положил на стол по доллару. На бумажной салфетке я написала сокращенное название нашей организации— НОЖ. «Мы будем называться Национальной организацией женщин, — сказала я, — однако мужчины тоже смогут в нее войти». Ниже я записала первое предложение, формулирующее цели и задачи новой организации: «…бороться за то, чтобы женщины могли активно участвовать в жизни американского общества, имея те же права и обязанности, что и остальные его члены, делая это действительно наравне с мужчинами».

Для того чтобы такое равенство было достигнуто, потребуются воистину революционные преобразования. Они включают коренную ломку традиционных представлений о распределении ролей в обществе, влекущую за собой перестройку всех его институтов: воспитания детей,

образования, брака, семьи, семейного уклада, здравоохранения, труда, политики, экономики, религии, психологической науки, отношений между полами, нравственных ценностей и взглядов на эволюцию человека.

Сейчас я смотрю на женское движение как на необходимый первый этап революционной ломки имеющегося в обществе распределения ролей. Мне никогда не приходило в голову рассматривать его с классовой точки зрения: борьба женщин, угнетенного класса, с целью свержения мужчин, класса угнетателей. Я понимала, что сочувствующих нам мужчин не надо отстранять от движения, хотя на первом этапе возглавить его должны женщины.

Единственный путь всестороннего развития женщины — это участие в жизни общества, во всех решениях, которые оно принимает. Но чтобы обрести свободу и развиваться, женщине нужна экономическая независимость. Она уже добилась доступа к профессиональной работе, но это только первый шаг. Теперь нужно изменить правила игры, чтобы перестроить саму профессиональную работу, а также брак, семью и семейный уклад. Жесткая, несправедливая, разъединяющая структура офисов, больниц, где секретарша и начальник, медсестра и врач разделены непреодолимой стеной, является воплощением мифа о женском предназначении и способствует его распространению. Но экономическая независимость не будет полной, если общество не позаботится о том, чтобы при социальном обеспечении женщин, начислении им пенсий учитывался и их домашний труд. А работа по хозяйству и воспитание детей должны более равномерно распределяться между мужем, женой и обществом.

Женщины могут достичь равенства с мужчинами и сохранить человеческое достоинство только в том случае, если у них будет возможность самим зарабатывать на хлеб. Когда к движению примкнула радикально настроенная молодежь, она заявила, что придавать такое большое значение работе и образованию, то есть материальной стороне, — это «скучно», это «реформизм», «буржуазный пережиток». Но очень немногие могут не считаться с элементарной экономической реальностью жизни. Только экономическая независимость дает женщине возможность выйти замуж по любви, а не из-за положения мужа либо его денег, или покончить с несчастливым, невыносимым, унизительным браком, или — если женщина вообще не выходит замуж — жить нормальной жизнью: есть, одеваться, отдыхать, путешествовать. Но работа нужна женщинам отнюдь не только ради денег. Как она будет принимать участие в жизни развитого индустриального общества, если у нее не будет знаний, умений,

а также возможностей доступа к этой жизни, которые обеспечиваются именно работой?

В отличие от феминисток прошлого, нынешние женщины не призывают игнорировать свою физиологию. Но необходимо переделать общество, чтобы женщины, которым дана способность рожать, могли сознательно пользоваться этой способностью, а не выпадать благодаря ей из общественной жизни. Это значит, что они должны иметь право контролировать рождаемость и право на аборты; им должны быть предоставлены декретные отпуска и детские сады, если они не захотят полностью оставить работу на период воспитания детей, и аналог закона для американских солдат— участников войны, который обеспечит возобновление образования после длительного перерыва в работе в связи с уходом за детьми. Я думаю, что большинство женщин предпочтет иметь детей (хотя уже не так много, как раньше) именно потому, что это перестанет быть единственным способом самоутверждения и получения материальной поддержки, тем суррогатом участия в общественной жизни, которым им приходилось довольствоваться до сих пор.

«Освобождение» женщин не означает для меня игнорирование потребности любить, в сексуальном и более широком смысле, и даже иногда зависеть от любимого человека. Но я считаю, что как женщины, так и мужчины должны отказаться от принятых на себя ролей, которые обесценивают любовь, превращают ее в ненависть. В самом деле, как мы можем понимать и любить друг друга, если мы не понимаем и не ценим самих себя?

А разве не одиноки и не отчуждены от женщин мужчины, несмотря на самую искусную сексуальную акробатику в постели? Разве мужчины не умирают слишком рано, вынужденные подавлять в себе страхи, слезы и все нежные чувства? Мне кажется, что мужчины — не враги, а наши товарищи по несчастью, страдающие от изжившей себя загадки мужественности, благодаря которой представители сильного пола чувствуют себя теперь не у дел, когда им не на кого охотиться и не для кого добывать пропитание.

За годы совместных действий мы, женщины, стали сильнее и в то же время мягче, стали относиться к себе более серьезно, а жить — интереснее, отказавшись от прежних ролей. Мы поняли, что можем доверять друг другу. Я с любовью вспоминаю женщин, с которыми вместе рисковала и испытывала радость. Но никто не может себе представить, как ничтожно мало нас было вначале, как мало у нас было средств и опыта.

Откуда у нас взялись силы и мужество сделать все это ради американских женщин и женщин всего мира? Прежде всего, мы делали это

для себя. Это не была благотворительность в пользу бедных; мы, вполне обеспеченные женщины, были бедны, но не в материальном смысле. Домохозяйкам, чьи мужья хорошо зарабатывали, было не просто получить у них деньги на билет, чтобы слетать на собрание правления Национальной организации в защиту женщин. Работающим женщинам трудно было вырваться с работы или, если это был уик-энд, оставить на это время семью. Я сама никогда так много не работала, так мало не спала (да что там спала, у меня часто не было времени, чтобы поесть или сходить в туалет), как в эти первые годы женского движения.

Например, в самый канун Рождества 1966 года меня вызвали в суд для дачи показаний в связи с возмущением авиалиний от того, что их обвинили в дискриминации по признаку пола, которая заключалась в том, что стюардесс увольняли в тридцать лет или сразу после замужества. (Я ломала голову над тем, почему они так поступают. Ну не могли же они считать, что замужние стюардессы отпугнут мужчин и они перестанут летать самолетами? И вдруг меня осенило, сколько денег сэкономила администрация авиакомпаний на том, что стюардесс увольняли прежде, чем они успевали дождаться повышения зарплаты, увеличения отпуска и заработать право на пенсию. И как я счастлива теперь, когда стюардессы обнимают меня, как только я вхожу в самолет, и рассказывают, что отныне им не только разрешено выходить замуж и оставаться на работе после тридцати, но даже иметь детей!)

Я чувствовала, что мы подведем будущие поколения, если не решим вопрос с абортами. Я также чувствовала, что должна быть принята поправка к Конституции о равных правах, несмотря на предупреждение профсоюзных лидеров, что это повлечет за собой отмену всех существующих льгот. Мы должны были принять эстафету от одиноких, постаревших, ожесточившихся женщин, всю жизнь боровшихся за эту поправку, которая уже пролежала под сукном в Конгрессе пятьдесят лет, с тех пор как первые женщины появились у ограды Белого дома с твердым намерением добиться равных избирательных прав.

Стоя в наших первых пикетах у ограды Белого дома в День матери в 1967 году (с лозунгами «Права, а не розы»), мы выбрасывали символические фартуки, цветы и пишущие машинки из папье-маше. Мы свалили в кучу газеты на полу офиса Комиссии по борьбе за равные права для всех работающих, осуждая их отказ применить Закон о гражданских правах против дискриминационных рубрик в разделах объявлений «Требуются на работу: мужчины» (имеется в виду серьезная работа) и

«Требуются на работу: женщины» (имеется в виду неквалифицированная, почасовая работа). Это было так же противозаконно, как поместить объявления «Требуются на работу: белые» и «Требуются на работу: цветные». Мы заявили, что собираемся возбудить дело против федерального правительства за то, что оно не следит за соблюдением закона, который в равной степени относится как к мужчинам, так и к женщинам (правда, на всякий случай поинтересовались у своих людей в департаменте юстиции, имеем ли мы на это право), — а потом так и сделали.

Я читала лекции в женских привилегированных учебных заведениях южных штатов, произносила речи при вручении дипломов в малоизвестных экономических колледжах, а также в Гарварде, Йельском и Калифорнийском (Лос-Анджелес) университетах, чтобы заработать деньги на создание отделений Национальной организации женщин (мы не могли нанять организаторов, поэтому приходилось все делать самим). Все эти годы моя квартира была нашим штабом. Мы не имели возможности ответить на все письма, какие получали. Но были женщины, такие, как Билма Хейде из Питсбурга, Карен де Кроу из Сиракуз, Элиза Пашаль из Атланты и многие другие, которые сами звонили нам из своих городов, когда мы не отвечали на их письма, и мы назначали их организаторами местных отделений, чувствуя горячее желание этих женщин представлять нашу организацию на местах.

Я вспоминаю отдельные вехи на нашем пути. Мы, пятьдесят женщин из Национальной организации женщин, приходим перекусить в гостиную отеля «Плаза», куда пускают только мужчин, и требуем, чтобы нас обслужили… Я выступаю в Сенате против назначения судьей Верховного суда Карсвелла, который отказался провести слушание дела, возбужденного женщиной, уволенной с работы просто потому, что у нее были маленькие дети… Ощущаю первые признаки зарождения женского движения среди студентов, когда меня просят вести заседание Национального студенческого конгресса в Колледж-парке, штат Мэриленд, в 1968 году… Вспоминаю, как после того, как на конгрессе, на который собралась молодежь из движения «Студенты за демократическое общество», осмеяли нашу резолюцию об освобождении женщин, напечатанную на ротапринте, молодые девушки из радикалов сказали мне, что хотят организовать свою отдельную группу: они боялись, что если будут открыто выступать на собраниях СДО, то не выйдут замуж… Помогаю в 1968 году Шиле Тобиас составить первую учебную программу для женщин (теперь они есть во многих университетах!)… Убеждаю правление нашей организации, что

нам необходимо проводить конгресс по объединению женщин совместно с молодыми радикалами, несмотря на имеющиеся разногласия в идеологии и стиле поведения… Это все были вехи на нашем пути.

Я была так рада, когда радикально настроенная молодежь перешла от воинственных выступлений к конкретным действиям, например пикетированию конкурса красоты «Мисс Америка» в Атлантик-Сити. Но средства массовой информации подхватили как сенсацию и стали широко освещать наиболее агрессивную сторону их риторики и действий, содержащую призывы разом покончить с мужчинами, браком и рождением детей. Те, кто проповедовал ненависть к мужчинам и войну с ними, грозились захватить власть в Нью-Йоркском отделении Национальной организации женщин, а затем возглавить ее на уровне всей страны и освободиться от женщин, которые на словах хотели равенства, но при этом не переставали любить своих мужей и детей. Книга «Сексуальная политика» Кейт Миллет была признана ими провозвестником воинственной феминистской идеологии. После того как мужененавистническая фракция фактически сорвала второй Конгресс по объединению женщин своими злобными выпадами и даже попыткой применить силу, одна из девушек-радикалов сказала: «Если бы я была агентом ЦРУ, которому дано задание подорвать движение изнутри, я бы действовала именно такими методами».

К 1970 году стало ясно, что женское движение — это не временное явление, а одно из наиболее быстро растущих и жизнеспособных движений за социальные и экономические преобразования, которые возникли в последнее десятилетие. В движении против расовой дискриминации верх взяли экстремисты; студенческое движение было парализовано бредовой идеей о руководстве без лидера и постепенной самоизоляцией благодаря агрессивной риторике. Наше движение тоже пытались остановить, подорвать, расколоть, сделать его экстремистским и истеричным, превратить в аморфную, никем не управляемую массу. Об этом меня предупреждал один из лидеров негритянского движения: «Бесполезно гадать, кто эти люди, которые все портят, — агенты ЦРУ, сумасшедшие, стремящиеся к власти, или просто дураки. Но если они постоянно вредят вам, с ними нужно бороться».

Я понимала, что женское движение не должно иметь ничего общего с «сексуальной политикой». Когда я впервые увидела очень серьезные статьи об оргазмах с помощью клитора, призванных сделать женщин независимыми от мужского полового члена, и услышала нравоучительные беседы о том, что женщины должны добиваться положения сверху во время

полового акта, я думала — их авторы шутят. Но потом я поняла и прочитала об этом у Симоны де Бовуар, что эти женщины в сексе хотят взять реванш за то, что в общественной жизни всегда занимали «положение снизу», были подчинены мужчинам. Их возмущение своим зависимым положением было умело превращено в ненависть к противоположному полу, которая могла только помешать им добиться реального изменения ненавистных условий жизни. Я не знаю, что движет теми, кто злобно сеет ненависть к мужчинам среди участниц женского движения. Некоторые из этих «вредителей» примкнули к движению, будучи политически крайне левыми, другие решили использовать его для пропаганды лесбиянства, третьи по невежеству перенесли риторику классовой борьбы (борьбы полов) на законную борьбу женщин за свои права, использовав ложную аналогию, так как учение о классовой борьбе или сепаратистские устремления в движении против расовой дискриминации — это устаревшие, изжившие себя принципы. Мужененавистницы, несмотря на их малочисленность, оказались в центре внимания средств массовой информации, падких на сенсации. Многие феминистки в самом начале пути испытывали чувство враждебности к мужчинам; потом этот псевдорадикальный инфантилизм был ими преодолен. Но время от времени проявляющаяся и направленная против мужчин риторика сильно раздражает остальных участниц движения, не говоря уже о тех женщинах, которых она просто отпугивает.

В самолете по пути в Чикаго, куда я летела, чтобы вежливо отказаться от поста президента Национальной организации женщин, чувствуя себя бессильной объявить открытую войну мужененавистницам и в то же время не соглашаясь быть с ними заодно, я вдруг поняла, что нужно делать. Накануне я получила письмо от женщины, напомнившей мне, что 26 августа 1970 года исполняется пятьдесят лет с тех пор, как была принята поправка к Конституции, дающая женщинам право голоса наравне с мужчинами. Необходима была акция в масштабах страны — например, демонстрация женщин с целью привлечения внимания к тому, что полное равенство еще не достигнуто: женщины хотят иметь равные с мужчинами возможности получения работы и образования, право на аборты, на детские учреждения, на участие в управлении государством. Такая акция смогла бы объединить всех женщин, даже тех, кто не имел никакого отношения к движению за эмансипацию (наша организация, имеющая теперь отделения по всей стране, насчитывала в 1970 году всего три тысячи членов в тридцати городах). Я помню, что выступала в Чикаго в течение двух часов, стараясь убедить присутствовавших в необходимости принять участие в

демонстрации. Мои слова были встречены овацией. Все наши силы были направлены тогда на подготовку акции 26 августа. Временная штаб-квартира Национальной организации женщин в Нью-Йорке была забита до отказа женщинами, предлагавшими свою помощь; они не уходили даже ночью.

Мэр Линдсей разрешил нашей демонстрации пройти по Пятой авеню; в начале демонстрации мне запомнились копыта лошадей, с помощью которых конная полиция пыталась оттеснить нас к тротуару. Я оглядывалась, подпрыгивала, пытаясь увидеть, где кончается колонна. Я никогда не видела сразу так много женщин; колонне не было конца. Одной рукой я держала за руку мою дорогую Дороти Кень-он (судью, которая в свои восемьдесят два года настояла на том, чтобы идти вместе со всеми, вместо того чтобы ехать в предоставленной ей машине), другой — какую-то молодую девушку. Всем в передних рядах я велела взяться за руки. Мы заполнили улицу от края до края. Женщин было так много, что никто не мог нас остановить; никто даже и не пытался. Говорят, что с того времени, как женщины завоевали право голоса пятьдесят лет тому назад, это было самое крупное их выступление в масштабах страны (в котором приняли участие и сотни мужчин). Репортеры, ранее подсмеивавшиеся над нами и называвшие нас «плоскогрудыми», позднее писали, что они никогда не видели таких гордых, счастливых, красивых женщин, как на этой демонстрации. И правда, все женщины были прекрасны в тот день.

26 августа феминизм приобрел политическую окраску и стал привлекательным для гораздо большего числа женщин. Раньше нам казалось, что мы далеки от политики. Американские политики — правые, левые, центристы, республиканцы, демократы, отколовшиеся — определенно не интересовались проблемами женщин. В 1968 году я напрасно теряла время на съездах обеих партий, пытаясь убедить делегатов вставить в свои программы хоть одно слово о женщинах. Когда Юджин Маккарти, основной инициатор поправки о равных правах, объявил, что он собирается выставить свою кандидатуру на выборах президента, чтобы способствовать окончанию войны во Вьетнаме, я начала связывать борьбу женщин за равенство с мужчинами со своими политическими убеждениями. Я позвонила Бэле Абцуг и спросила, чем я могу помочь Маккарти. Но даже работавшие у него женщины не считали, что женский вопрос имеет политическое значение, а многие члены НОЖ осуждали меня за то, что я открыто участвую в предвыборной кампании Маккарти. В своем выступлении на съезде НОЖ в Чикаго в 1970 году я сказала, что долг всех женщин — бороться за окончание войны во Вьетнаме. Ни женщины,

ни мужчины не должны поддаваться на провокацию и поддерживать грязную, аморальную войну; обязанность женщин, так же как и мужчин, — прекратить ее. Два года назад, в 1968 году, стоя перед отелем «Конрад Хилтон» в Чикаго на митинге демократов, я видела, как полиция избивала дубинками молодых людей, среди которых был и мой сын. И я поняла, что эти юноши, отказавшиеся демонстрировать свое мужество, сжигая напалмом вьетнамских и камбоджийских детей, преодолели миф о мужском предназначении, так же как мы — свой миф. Мы делали одно общее дело.

Летом 1970 года я начала сколачивать политическое ядро нашего движения; вскоре оно было настолько сильным, что мы смогли добиться избрания Бэлы Абцуг в Конгресс. Они с Глорией Штайнем присоединились к нашей демонстрации 26 августа. Женщины, которые раньше еще чего-то боялись, в тот день были с нами; и весь мир вдруг осознал, что женщины — это огромная политическая сила. Эту силу по-настоящему почувствовали летом 1972 года в Майами, когда женщины впервые сказали свое слово на съездах политических партий. Хотя неопытными политическими деятелями могли легко манипулировать Никсон, Макговерн и агенты Уотергейта, все-таки с их приходом политический климат изменился. Они добились от обеих партий обещаний внести необходимые женщинам пункты в свои программы. А Шир-ли Чишолм в предвыборной кампании демократов стояла до последнего. Я уверена, что в 1976 году и у республиканцев женщина будет баллотироваться если не на пост президента, то по крайней мере вице-президента.

Таким образом, первый этап революции, которую совершают женщины (а я теперь считаю движение женщин за равенство с мужчинами революцией), можно считать почти завершенным. Поправка о равных правах была принята без обсуждения обеими палатами Конгресса благодаря женскому политическому лобби. Основному противнику поправки, Эммануэлю Селлеру, пришлось уйти из Конгресса, уступив место одной из молодых женщин, которые теперь повсеместно пробиваются к управлению страной вместо того, чтобы листать справочник почтовых индексов на почте. По решению Верховного суда ни в одном штате теперь женщине не могут отказать в праве выбора: сделать аборт или родить ребенка. Было предъявлено более тысячи судебных исков, по которым университетам и корпорациям пришлось пресекать у себя в коллективах дискриминацию по признаку пола и создавать условия, чтобы женщины могли занимать руководящие должности. Американской телефонной и телеграфной компании было предписано возместить

пятнадцать миллионов долларов женщинам, которые в течение всего срока работы не смели даже заикаться о должностях выше телефонисток, так как эти должности не предназначались для женщин. Теперь в каждой профессиональной организации, редакции газеты, на телевидении, в церкви, промышленной компании, больнице и школе есть женское лобби, которое сразу же принимает меры, если женщин притесняют.

Недавно меня попросили выступить с пропагандистскими лекциями в разных штатах перед специалистами — мужчинами, собиравшимися обучать женщин неженским профессиям: консультантов, помогающих учащимся в выборе предметов, священников, пилотов и даже банкиров. (Я также организовала первую женскую банковскую компанию, чтобы помочь женщинам осуществлять контроль за своими финансами и использовать свою экономическую власть). Государственный департамент признал, что женщин нельзя увольнять с дипломатической службы только потому, что они выходят замуж, а секретарши вправе отказаться на работе подавать кофе. Под влиянием женщин перестраивается здравоохранение, так как создаются центры здоровья, где они могут постоянно поддерживать хорошую физическую форму. На конференциях по психоанализу меня и других участниц движения просят заново определить понятия «женский» и «мужской». Женщин посвящают в сан священников, раввинов и дьяконов, хотя папа римский все еще считает, что они не могут проводить богослужения. А монахини, чей вселенский протест составляет немаловажную часть женской революции, задают вопрос: «Бог — это он или она?»

Женское движение вышло за пределы Америки. Меня просили помочь организовать группы в Италии, Бразилии, Мексике, Колумбии, Швеции, Франции, Израиле, Японии, Индии, даже в Чехословакии и других соцстранах. Я надеюсь, что в следующем году состоится первая Всемирная конференция феминисток, может быть, в Швеции.

Департамент переписи населения США сообщает о значительном сокращении рождаемости, которое я отношу на счет как противозачаточных средств, так и новых устремлений женщин. Женское движение теперь настолько сильно, что не боится открыто заявить об идеологических разногласиях: я думаю, что мои идеи о женской революции скоро будут преобладающими, а ненависть к мужчинам отойдет на задний план как нечто преходящее или даже как запланированная диверсия. Конечно, было бы наивным полагать, что силы, которым пришлось отступить под натиском женского движения, не попробуют взять реванш: во многих штатах пытаются помешать ратифицировать поправку о равных

правах. В Теннесси пятьдесят лет назад компании по производству спиртных напитков потратили миллионы долларов, чтобы помешать-ратификации закона об избирательном праве для женщин. А сейчас кто финансирует кампанию против движения женщин за равные права с мужчинами? Я бы не назвала это заговором мужчин против женщин; скорее, это заговор тех, чья выгода и власть зависят от манипулирования страхами и бессильной яростью пассивных женщин. Но я верю, что женщины — последняя и самая многочисленная социальная группа в этой стране, борющаяся за право распоряжаться своей судьбой, — изменят саму природу политической власти в Америке.

За десять лет, прошедших после публикации «Загадки женственности», женское движение внесло изменения и в мою жизнь, такие же значительные и радостные, как в жизнь других женщин, которые рассказывают мне о себе. Я не могла продолжать раздваиваться: пропагандировать равенство, помогать обрести свободу и в то же время цепляться за брак, унижающий мое достоинство. Наконец я нашла мужество развестись в мае 1969 года. Теперь я чувствую себя менее одиноко, чем вдвоем с мужем. Я думаю, что следующей задачей женского движения должна стать кардинальная реформа института брака и развода.

Моя жизнь идет вперед: Эмили этой осенью поступила в Рэдклиффский университет, Дэниел учится в аспирантуре в Принстоне, а Джонатан пока ищет свой путь. Я проработала первый семестр приглашенным профессором социологии в Темплском университете, и у меня появилась собственная колонка в журнале «Макколлз». Я переехала на верхний этаж волшебного нью-йоркского небоскреба, наполненный свежим воздухом, с небосводом прямо над головой, видом на реку и мосты, перекинутые в будущее. Я организовала коммуну для женщин с неудавшимися браками, действующую по уик-эндам, — получилась огромная семья свободных людей, которые новые браки будут заключать совсем на другой основе.

Чем больше я становлюсь собой и чем больше энергии, поддержки и любви получаю от других женщин и отдаю им, тем яснее я ощущаю, как радостно любить мужчину. Я видела, с каким облегчением вздохнули женщины, когда мне удалось сформулировать то, что мучило и меня: даже добившись положения в обществе, равенства, политической власти, женщина не перестает хотеть любить и быть любимой, у нее продолжает болеть душа о детях. Если бы женское движение заставило меня вычеркнуть из жизни нежность, я бы отвернулась от него.

Небольшой постскриптум. Я всегда очень боялась летать. После того

как я написала «Загадку женственности», этот страх вдруг пропал: теперь я бесстрашно летаю на реактивных лайнерах через океан и на маленьких воздушных такси над горами Западной Вирджинии. В этом есть что-то мистическое, но я объясняю это так: если вы внутренне свободны, занимаетесь любимым делом, если в вашей жизни есть любовь — вам не страшно умирать. Иногда, ужаснувшись тому, сколько времени я провожу в воздухе, я думаю, что вполне могу погибнуть в авиакатастрофе. Но мне бы хотелось, чтобы это произошло не так скоро, так как осколки моей разрушенной личной жизни только-только начинают складываться в новый сексуальный и человеческий рисунок. Теперь я могла бы написать ту самую вторую книгу.

Мне кажется, что энергия, скрытая в мужчинах и женщинах, живших по старинке, выполняя предписанные им роли, эквивалентна физической энергии, высвобождающейся при ядерном взрыве, таком, какой произошел в Хиросиме. Я думаю, что именно эта колоссальная энергия, не находящая себе выхода, питала то ожесточение и насилие, которое мы наблюдали в стране и во всем мире в последнее десятилетие. Если это так, то именно революция, совершаемая женщинами, поможет освобожденную энергию направить на службу жизни и любви, а не войны и смерти и действительно претворит в жизнь лозунг: «Любовь, а не война».